

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

*Moldavian Journal
of International Law
and International Relations*

*Молдавский журнал
международного права
и международных отношений*

*Nr. 2
2012*

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

Publicație periodică științifico-teoretică
și informațional-practică fondată de
Asociația de Drept Internațional din Republica Moldova

Asociați:

Institutul de Istorie, Stat și Drept
al Academiei de Științe a Moldovei,
Universitatea de Studii Europene din Moldova,
Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova,
Asociația pentru Politică Externă
și Cooperare Internațională din Republica Moldova

Înregistrată de către Camera Înregistrării de Stat
de pe lângă Ministerul Justiției al Republicii Moldova
Certificatul nr. MD 000039
din „04” august 2009

Apare din 2006 de 4 ori pe an

Nr. 2 (24), 2012

ISSN 1857-1999

REDACTOR-ŞEF:

BURIAN Alexandru,
doctor habilitat în drept, profesor universitar

SECRETAR ŞTIINȚIFIC:

CHIRTOACĂ Natalia,
doctor în drept, conferențiar universitar

CONSILIUL REDACȚIONAL:

ANGEL Jose Luis IRIARTE, doctor în drept, prof. universitar (Spania);
ARHILIUC Victoria, doctor habilitat în drept, profesor cercetător (Italia);
ABASHIDZE Aslan, doctor habilitat în drept, profesor universitar (Rusia);
BALAN Oleg, doctor habilitat în drept, profesor universitar (Moldova);
BENIUC Valentin, doctor habilitat în științe politice (Moldova);
BOSHITSKY Iuryi, doctor în drept, profesor universitar (Ucraina);
FUAREA Augustin, doctor în drept, profesor universitar (România);
HEINRICH Hans-Georg, doctor în drept, prof. universitar (Austria);
KAPUSTIN Anatolii, doctor habilitat în drept, profesor univ. (Rusia);
MAZILU Dumitru, doctor în drept, profesor universitar (România);
NAZARIA Sergiu, doctor habilitat în științe politice (Moldova);
POPESCU Dumitru, doctor în drept, profesor universitar (România);
ROȘCA Alla, doctor habilitat în științe politice; profesor univ. (SUA);
SEDLIȚCHI Iurie, doctor în drept, profesor universitar (Moldova);
TIMCENCO Leonid, doctor habilitat în drept, prof. universitar (Ucraina).

REDAȚIA:

CHINDÎBALIUC Oleana, (redactor)

ADRESA NOASTRĂ:

Republica Moldova, mun. Chișinău,
str. Gh. Iablochikin, 2/1, bir. 305, MD 2069.
Tel. (37322) 23.44.17; Fax: (37322) 43.03.05

e-mail: alexandruburian@yahoo.com; alexandruburian@mail.ru;

<http://www.rmdir.md>

Indexul poștal: PM 32028

Formulările și prezentarea materialelor nu reprezintă întotdeauna
poziția revistei și nu angajează în nici un fel redacția.

Responsabilitatea asupra conținutului articolelor
revine în exclusivitate autorilor.

© „Revista Moldovenească de Drept Internațional
și Relații Internaționale”, 2012.

Toate drepturile rezervate

SUMAR

DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC

- **GAMURARI Vitalie.** Persoanele dispărute fără veste și căile de reglementare a chestiunii în cauză (Partea II).....5

DREPT INTERNAȚIONAL PRIVAT

- **COJOCARU Violeta, PLOTNIC Olesia.** Le développement de la pratique des contrats d'adhésion (Dezvoltarea practicii contractelor de adeziune).....18

RELATII INTERNAȚIONALE

- **BIDENCO Iulia.** Frontierele occidentale post-sovietice: definiții conceptuale, traiectoriile de integrare și polurile de atracție. (Западное постсоветское пограничье: концептуальные определения, траектории интеграции и полюса притяжения).....33

TRIBUNA DOCTORANDULUI

- **BOCA SERGIU.** Importanța cunoașterii clasificării nulității actului juridic civil pentru soluționarea problemei efectelor nulității.....48
- **MĂTĂȘEL Adrian.** Originile istorice ale principiului neamestecului în treburile interne ale altor state.....64
- **MĂTĂȘEL Alina.** Evoluția sistemului internațional de securitate.....74
- **SPIRLICENCO Vladislav.** Aspecte introductive în teoria dependenței, interdependenței și interdependenței complexe.....90

COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE

- **GROSUL Vladislav.** Pacea de la București din 1812 și formarea noii frontiere de sud-vest a Rusiei. (Бухарестский мир 1812 г. и формирование новой юго – западной границы России).....102
- **MACARCIUC Vladimir, RUDÎI Nazarii.** Frontierele de Est ale României interbelice (1918-1940): aspecte de drept internațional. (Восточные границы междувоенной Румынии (1918 – 1940 гг.): аспекты международного права).....128

TRIBUNA DISCUȚIONALĂ

- **BOULET Vincent.** Diplomații francezi și Problema Basarabeană în timpul dictaturii Regelui Carol al II-lea (1938-1940). (Французские дипломаты и бессарабский вопрос во время диктатуры короля Кароля II (1938-1940).....138
- **BRİK Eugeniu.** Edificarea statalității moldovenești moderne și relațiile cu minoritățile naționale. (Формирование современной молдавской государственности и отношения с национальными меньшинствами).....143
- **GHEORGHIEV Gheorghe.** Dezvoltarea Europei de Est în contextul relațiilor dintre Germania și Rusia. (Развитие Восточной Европы в контексте отношений между Германией и Россией).....148
- **MOLOCICO Pavel.** Probleme actuale privind edificarea identității moldovenești în Ucraina: cazul Regiunii Cernăuți. (Актуальные вопросы развития молдавской идентичности в Украине (на примере Черновицкой области).....155

BIBLIOTECA SPECIALIZATĂ

- Noi publicații.....161

RUBRICA REVISTEI

- Consiliul redacțional al revistei „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.....171
- Date despre autori.....175
- Condițiile de prezentare a manuscriselor pentru publicare în „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.....178

**MOLDAVIAN JOURNAL
OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

Scientific-theoretical and information-practical
periodical publication founded by
Association of International Law from the Republic of Moldova

Co-founders:

Institute of History, State and Law
of the Academy of Sciences of Moldova,
The University of European Studies of Moldova,
The Moldavian State Institute of International Relations,
The Association of Foreign Policy
and International Cooperation from the Republic of Moldova

Registered with State Chamber of Registration
of Ministry of Justice of the Republic of Moldova
Certificate Nr. MD 000039
„4”, August 2009

Published quarterly
No. 2 (24), 2012
ISSN. 1857-1999

EDITOR –IN – CHIEF:

BURIAN Alexander,
Doctor Habilitat of Law, Full Professor

SCIENTIFIC SECRETARY:

CHIRTOACA Natalia,
Doctor of Law, Associate Professor

EDITORIAL BOARD:

ANGEL Jose Luis IRIARTE, Doctor of Law, Professor (Spain);
ARHILIUC Victoria, Doctor Habilitat of Law, Professor (Italy);
ABASHIDZE Aslan, Doctor Habilitat of Law, Professor (Russia);
BALAN Oleg, Doctor Habilitat of Law, Professor (Moldova);
BENIUC Valentin, Doctor Habilitat of Political Science (Moldova);
BOSHITSKYI Iurii, Doctor of Law, Professor (Ukraine);
FUAREA Augustin, Doctor of Law, Professor (Romania);
HEINRICH Hans-Georg, Doctor of Law, Professor (Austria);
KAPUSTN Anatoly, Doctor Habilitat of Law, Professor (Russia);
MAZILU Dumitru, Doctor of Law, Professor (Romania);
NAZARIA Sergei, Doctor Habilitat of Political Science (Moldova);
POPESCU Dumitru, Doctor of Law, Professor (Romania);
ROSCA Alla, Doctor Habilitat of Political Science, Professor (USA);
SEDLITSCHI Yuri, Doctor of Law, Professor (Moldova);
TIMCHENKO Leonid, Doctor Habilitat of Law, Professor (Ukraine).

EDITORSHIP:

KINDIBALYK Olyana, (editor)

OUR ADDRESS:

MD-2069, Republic of Moldova, Chisinau, of. 305,
2/1 Ghenadie Iablocikin str.
Tel. (37322) 23.44.17; Fax: (37322) 43.03.05
e-mail: alexandruburian@yahoo.com; alexandruburian@mail.ru;
<http://www.rmdir.md>

Edition index PIN: PM 32028

The views of Editors do not necessarily coincide
with the opinions of the authors.
The responsibility for the authenticity and accuracy of the facts
in the published articles rests with the authors.

© Moldavian Journal of International Law
and International Relations, 2012.
All rights reserved.

CONTENTS

PUBLIC INTERNATIONAL LAW

- **GAMURARI Vitalie.** Missing persons and methods of incidental problems (Part II).....5

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

- **COJOCARU Violeta, PLOTNIK Olesya.** Development practice of
adhesion contracts.....18

INTERNATIONAL RELATIONS

- **BIDENKO Julia.** Western post-soviet borderland: conceptual
definitions, trajectories of integration and poles of attraction.....33

THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

- **BOCA Sergiu.** The importance of knowing the classification of civil
juridical act nullity with the view to solve the issues pertaining to the
effects of nullity.....48
- **MATASEL Adrian.** The historical origins of the principle of non-
intervention in internal affairs of other states.....64
- **MATASEL Alina.** The development of the international security
system.....74
- **SPIRLICHENKO Vladislav.** Introductory aspects of the
dependency, interdependence and complex interdependence
theory.....90

THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS

- **GROSUL Vladislav.** Bucharest World of 1812 and formation of
Russia's new south - western border.....102
- **MAKARCHUK Vladimir, RUDY Nazarii.** The eastern borders of
Romania in the interwar period (1918-1940): Aspects of International
Law.....128

THE TRIBUNE OF DISCUSSION

- **BOULET Vincent.** French diplomats and Bessarabian Question
during the dictatorship of King Carol II (1938-1940).....138
- **BRİK Evgheny.** Formation of the modern Moldovan Statehood and
relations with national minorities.....143
- **GHEORGHIEV Georgy.** Development of Eastern Europe in the
context of relations between Germany and Russia.....148
- **MOLOCHKO Pavel.** Topical questions of development of
Moldovan Identity in Ukraine (Cernivitsi Region).....155

SPECIALIZED LIBRARY

- News publications161

OUR JOURNAL

- Editorial board of the „Moldavian Journal of International law and
International Relations”.....171
- About authors.....175
- Conditions and requirements for publication materials and their
design submitted to the „Moldavian Journal of International Law and
International Relations”.....178

**МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Научно-теоретический и информационно-практический
периодический журнал, основанный
Ассоциацией международного права Республики Молдова

Соучредители:

Институт истории, государства и права
Академии наук Молдовы,
Европейский университет Молдовы,
Молдавский государственный институт
международных отношений,
Ассоциация внешней политики
и международного сотрудничества Республики Молдовы

Зарегистрирован Государственной Регистрационной Палатой при
Министерстве юстиции Республики Молдова
Сертификат № MD 000039
от «4» августа 2009 года

Выходит с 2006 года. Издаётся 4 раза в год

№ 2 (24), 2012 год.

ISSN 1857-1999

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

БУРИАН Александр,
доктор юридических наук, профессор

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

КИРТОАКЭ Наталия,
кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АНХЕЛ Хосе Луис **ИРИАТИ** доктор права, профессор (Испания);
АРХИЛЮК Виктория доктор юрид. наук, профессор (Италия);
АБАШИДЗЕ Аслан доктор юрид. наук, профессор (Россия);
БАЛАН Олег доктор юридических наук, профессор (Молдова);
БЕНЮК Валентин доктор политических наук (Молдова);
БОШИЦКИЙ Юрий, доктор права, профессор (Украина);
КАПУСТИН Анатолий доктор юрид. наук, профессор (Россия);
МАЗИЛУ Думитру доктор права, профессор (Румыния);
НАЗАРИЯ Сергей доктор политических наук (Молдова);
ПОПЕСКУ Думитра доктор права, профессор (Румыния);
РОШКА Аля доктор политических наук, профессор (США);
СЕДЛЕЦКИЙ Юрий кандидат юрид. наук, профессор (Молдова);
ТИМЧЕНКО Леонид доктор юрид. наук, профессор (Украина);
ФУЕРЕА Августин доктор права, профессор (Румыния);
ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг, доктор права, профессор (Австрия).

РЕДАКЦИЯ:

КИНДЫБАЛЮК Оляна (редактор)

НАШ АДРЕС:

ул. Г. Яблочкин, 2/1, оф. 305, мун. Кишинёв,
Республика Молдова, MD 2069
Тел. (37322) 23.44.17; Факс: (37322) 43.03.05
e-mail: alexandrururian@yahoo.com; alexandrururian@mail.ru;
<http://www.rmdiri.md>

Почтовый индекс: RM 32028

Мнения редакции не обязательно совпадают
с мнениями авторов публикаций.

Ответственность за точность проводимой информации
и изложение фактов лежит на авторах.

© «Молдавский журнал международного права
и международных отношений», 2012.

Все права зарегистрированы.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- **ГАМУРАРЬ Виталие.** Лица, пропавшие без вести и пути решения возникающих проблем (Часть II).....5

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- **КОЖОКАРУ Виолета, ПЛОТНИК Олеся.** Развитие практики договора присоединения.....18

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- **БИДЕНКО Юлия.** Западное постсоветское пограничье: концептуальные определения, траектории интеграции и полюса притяжения.....33

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- **БОКА Сергей.** Значение классификации недействительности гражданско-правовой сделки для разрешения проблемы последствий недействительности.....48
- **МЭТЭШЕЛ Адриан.** Исторические предпосылки появления принципа невмешательства во внутренние дела других государств.....64
- **МЭТЭШЕЛ Алина.** Эволюция международной системы безопасности.....74
- **СПИРЛИЧЕНКО Владислав.** Ведение в теорию зависимости, взаимозависимости и комплексной взаимозависимости.....90

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- **ГРОСУЛ Владислав.** Бухарестский мир 1812 г. и формирование новой Юго-Западной границы России.....102
- **МАКАРЧУК Владимир, РУДЫЙ Назарий.** Восточные границы междувоенной Румынии (1918 – 1940 гг.): аспекты международного права.....128

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- **БУЛЕ Винсен.** Французские дипломаты и бессарабский вопрос во время диктатуры короля Кароля II (1938-1940).....138
- **БРИК Евгений.** Формирование современной молдавской государственности и отношения с национальными меньшинствами.....143
- **ГЕОРГИЕВ Георгий.** Развитие Восточной Европы в контексте отношений между Германией и Россией.....148
- **МОЛОЧКО Павел.** Актуальные вопросы развития молдавской идентичности в Украине (на примере Черновицкой области)....155

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА

- Новые публикации.....161

О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

- Редакционный совет „Молдавского журнала международного права и международных отношений”.....171
- Наши авторы.....175
- Условия опубликования и требования к предоставляемым материалам в «Молдавский журнал международного права и международных отношений».....178

DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC

**PERSOANELE DISPĂRUTE FĂRĂ VESTE ȘI CĂILE DE
REGLEMENTARE A CHESTIUNII ÎN CAUZĂ (PARTEA II)**

Vitalie GAMURARI*

**ABSTRACT:
MISSING PERSONS AND METHODS OF INCIDENTAL PROBLEMS
(PART II)**

Missing persons are people whose whereabouts are unknown to their families and (or) who were declared missing on the basis of trustworthy information, due to international or internal armed conflict, abuse or disorders in a certain state or another situation, which implies the participation of a neutral and independent mediator.

Issues concerning missing persons are the most actual in the international humanitarian law. Uncertainty about the fate of significant and loved ones is a part of harsh reality of modern world, falling on an increasing number of families in the conditions of armed conflicts or situations of internal disorders. Parents, brothers, sisters, spouses and children are desperately trying to find their missing relatives. Families and even societies are uninformed about the fate of the missing persons, and they cannot turn the terrible page, on which the story of a life's destruction is written. They cannot accede to the rehabilitation and reconciliation process either as individuals or as parts of a society. These wounds are capable to destroy the basis of the society and to undermine relations between different groups and peoples, sometimes even after several decades.

Over the last years, the United Nations organization is more and more concerned with the phenomenon of forcible disappearance of persons – a phenomenon which accompanies the majority of armed conflicts, notwithstanding their classification as international or internal ones.

Keywords: *Missing Persons, international armed conflict, internal armed conflict, neutral mediator, independent mediator.*

**РЕЗЮМЕ:
ЛИЦА, ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ
ВОЗНИКАЮЩИХ ПРОБЛЕМ (ЧАСТЬ II)**

Пропавшие без вести – это лица, местонахождения которых неизвестно семьям и (или) которые на основании заслуживающей доверия информации были объявлены пропавшими без вести в связи с международным или немеждународным вооруженным конфликтом, ситуацией насилия или беспорядками внутри страны либо любой другой ситуацией, в которой возникает потребность в услугах нейтрального и независимого посредника.

Вопросы, связанные с лицами, пропавшими без вести, являются наиболее актуальными в международном гуманитарном праве. Неопределенность в вопросах связанных с судьбой близких людей является жестокой реальностью современного мира, с которой сталкиваются все большее количество семей в условиях вооруженных конфликтов либо ситуаций внутренних беспорядков. Родители, братья, сестры, супруги и дети отчаянно пытаются отыскать исчезнувших лиц. Семьи, а также целые общества, находясь в неведении относительно судеб родных не в состоянии перевернуть страшную страницу результатом которой стала практическое уничтожение всей жизни. Они не

* **GAMURARI Vitalie** - Doctor în drept, conferențiar universitar, Director Departament Drept, Universitatea Liberă Internațională din Moldova. (Chișinău, Republica Moldova); **GAMURARI Vitalie** - Ph.D. in Law, Associate Professor, Faculty of Law of the Free International University of Moldova. (Kishinev, The Republic of Moldova); **ГАМУРАРЬ Виталие** - Кандидат юридических наук, доцент, директор Департамента права Международного независимого университета Молдовы. (Кишинев, Республика Молдова).

могут присоединиться к реабилитационному и примирительному процессу ни как отдельно взятые лица ни как общество в целом. Такого рода раны в состоянии разрушить основу общества и подорвать отношения между различными группами и народами, иногда и по истечении нескольких десятилетий.

В последние годы Организация Объединенных Наций все больше обеспокоена феноменом насильственного исчезновения лиц – феномен, с которым сталкивается большинство вооруженных конфликтов, независимо от квалификации – международного либо немеждународного характера.

Cuvinte cheie: persoane dispărute fără veste, conflict armat intern, conflict armat internațional, mediator neutru, mediator independent.

Ключевые слова: лица пропавшие без вести, международный вооруженный конфликт, внутранный вооруженный конфликт, нейтральный посредник, независимый посредник.

Destinul persoanelor dispărute fără veste în viziunea organizațiilor umanitare

Dispariția persoanelor este o problemă mondială. Pe parcursul a ultimilor câțiva zeci de ani omenirea a fost șocată de faptul dispariției fără veste a zeci de mii de persoane în Cambodja, America Latină, Irak, Rwanda, ex-Yugoslavia, Cecenia (Rusia) etc. Cifra reală a celor dispăruți așa și a rămas necunoscută comunității internaționale. În pofida faptului că problema disparițiilor forțate, cel mai probabil, mai efectiv ar fi soluționată la nivel național, totuși combaterea acestui fenomen trebuie să aibă loc și la nivel internațional. Aceasta, la rândul său, impune o solidaritate între oameni, organizații, precum și între diverse țări.¹

Consiliul internațional pe problemele reabilitării victimelor torturilor de comun acord cu centrele de reabilitare din întreaga lume contribuie și acordă ajutor victimelor torturilor și familiilor acestora. Centrele de reabilitare pentru victimele torturilor acordă ajutor membrilor familiilor persoanelor dispărute fără veste, deoarece torturile, omuciderile și disparițiile forțate² deseori sunt

¹ Margriet Blaaw and Virpi Lähtenmäki. „Denial and silence” or „acknowledgement and disclosure”. In: International Review of the Red Cross. December 2002, Vol. 84, No 848, p. 767. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_848_blaaw_virpi.pdf. (Vizitat la: 28.02.2012).

² Conform prevederilor art. 7 (Crime contra umanității) al Statutului de la Roma al Curții Penale Internaționale din 17 iulie 1998 termenul „disparițiile forțate a persoanelor” include „... cazurile în care persoanele sunt reținute, deținute sau îndepărtate de către un stat sau o organizație politică, sau cu autorizația, sprijinul sau consimțământul acestui stat sau a acestei organizații, care refuză apoi să admită ca aceste persoane să fie private de libertate sau să dezvăluie destinul

prezente în ansamblul său în perioada presiunilor politice grave.

Disparițiile oamenilor în urma conflictelor produc efecte emoționale deosebite. Moartea, dragostea, legăturile de rudenie care reprezintă elementele de bază ale oricărei culturi și religii, în situațiile respective sunt afectate de necunoaștere, cu care oamenilor le este tot mai greu să se obișnuiască. Sentimentele ce le au membrii familiilor, reprezentanții oficialităților, colaboratorii organizațiilor umanitare, duc la anumite comportamente ce nu pot fi explicate logic, cum ar fi de exemplu nedorința de a se ocupa de osâmintele celor decedați. Un asemenea comportament este dictat în egală măsură de tendința de a examina problemele din punct de vedere psihologic.³

Părțile beligerante folosesc problema persoanelor dispărute fără veste în propriile interese pentru a favoriza ura contra „inamicului”, pentru a ascunde cifrele reale ale pierderilor sau pentru a obține susținere internațională în acțiunile sale contra inamicului.

Menționăm, că normele ce constituie „nucleul” dreptului internațional umanitar, în condițiile aplicării adecvate, ar putea contribui efectiv la reducerea numărului de persoane dispărute fără veste. În cazul în care persoanele care nu mai participă la

care le este rezervat sau locul unde se găsește, în intenția de a scădea protecția legală o perioadă prelungită” (*traducerea noastră*).

³ Marco Sassoli and Marie-Louise Tougas. The ICRC and the missing. In: International Review of the Red Cross. December 2002, Vol. 84, No 848, p. 727. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_848_sassoli.pdf. (Vizitat la: 28.02.2012).

operațiunile militare ca rezultat al rănirii, bolii sau al prizonieratului, s-ar fi bucurat de un comportament conform prevederilor dreptului internațional umanitar, iar Comitetul Internațional al Crucii Roșii (CICR) ar fi avut acces la victime, după cum prevăd normele în cauză, numărul celor dispăruți s-ar fi micșorat considerabil. Din categoria respectivă ar fi făcut parte doar combatanții dispăruți fără veste în timpul luptei. Dar și numărul acestora s-ar fi redus în cazul în care aceștea ar fi avut acte de identitate⁴ și dacă ambele părți ar fi respectat obligația să monitorizeze informația despre cei decedați. Respectarea de către beligeranți a obligației să răspundă la demersurile privind soarta persoanelor dispărute fără veste devine problematică din câteva considerente. În primul rând, deseori părțile nu doresc să dea răspuns la demersurile în cauză. În al doilea rând, problemele umanitare deseori sunt combinate cu cele politice. În al treilea rând, nerespectarea principiului reciprocității, care devine o problemă majoră în procesul de respectare a dreptului internațional umanitar, constituie un obstacol în facerea primului pas și cu regret, în multe cazuri familiile acceptă un asemenea comportament din partea autorităților „sale”.

Activând în întreaga lume și având mandat universal, conducându-se de așa principii ca umanitate, imparțialitate și neutralitate, CICR se ciocnește cu o dilemă serioasă. Problema constă în faptul că lumea este foarte polarizată. Și societatea și donatorii deseori aplică politica dublelor standadre în raport cu conflictele armate și victimele acestora. În asemenea situații CICR trebuie să dea răspuns la următoarea întrebare – are oare el dreptul să propună servicii concrete în cazurile în care problema este supusă unui interes sporit, atunci când familiile sau/și autoritățile insistă asupra unor acțiuni și există surse, și să se abțină, inclusiv prin neatragerea atenției opiniei publice, familiilor și a donatorilor, în cazurile când presiuni din partea acestora lipsesc?

În multe regiuni în curs de dezvoltare se pare că conflictele armate nu au sfârșit, ele duc la suferințe omenești și la distrugerea

structurilor tradiționale. Este evident că familiile pot pierde speranța să-și găsească rudele în viață. În țările dezvoltate oamenii la fel au nevoie în menținerea legăturii cu rudele ce se află departe. Totuși este o diferență în atitudinea oamenilor față de rudele dispărute fără veste. În unele țări rudele nu se plâng pe necunoaștere. Ar însemna oare aceasta, că nedorința de a cunoaște destinul celor apropiați, este o necesitate impusă de CICR?⁵

În opinia experților, diferitele atitudini din partea CICR față de problema persoanelor dispărute fără veste în diverse state în trecut și în prezent nu au la bază morala dublelor standadre, ci pot fi explicate prin dificultățile accesului, amploarea problemei sau/și specificul țării respective, lipsa cărorva șanse în succes, precum și prin faptul că în condițiile respective prioritar este acordarea protecției și ajutorului celor vii.⁶ Cineva poate spune că este amoral investirea unor resurse enorme în tentativele de a stabili soarta oamenilor, care cu siguranță pot fi considerați morți, în condițiile în care aceleași resurse ar fi putut salva mii de oameni de la moarte sigură. În cazul în care acest argument ar fi adus întregii Terra, problema persoanelor dispărute fără veste ar fi devenit mai puțin actuală.

Iată de ce continuie să rămână la ordinea de zi chestiunea privind acordul ca CICR să întreprindă eforturi identice și să atragă atenția societății și donatorilor. Această dilemă este actuală în special în condițiile în care CICR decide să acorde nu doar servicii tradiționale, dar să exercite și unele forme de activitate, care ar putea cere investiții substanțiale din punct de vedere financiar, al personalului și tehnologiilor. CICR trebuie să fie mereu pregătit să explice victimelor, autorităților și societății – de ce în unele cazuri el decide să acorde anumite servicii, iar în altele nu.

Unul din criteriile ce caracterizează CICR este faptul că activitatea și mandatul său se

⁴ Art. 17 (3), Convenția de la Geneva III (1949).

⁵ Din practica acumulată de autor în calitate de expert al Comitetului Internațional al Crucii Roșii, negăm această ipoteză, dat fiind că nici unul din colaboratorii CICR, inclusiv în discuțiile private, nu au susținut ideea că în careva culturi, inclusiv cele neoccidentale, dispariția persoanelor nu ar fi considerată drept o tragedie.

⁶ Marco Sassòli and Marie-Louise Tougas. *Op. cit.*, p. 729.

bazează pe dreptul internațional ce reflectă practica comunității internaționale. Principiul de bază al normelor dreptului internațional umanitar, în special a Convențiilor de la Geneva I-IV (1949) și a Protocoloalelor Adiționale I-II (1977), ce se referă la persoanele dispărute fără veste este „dreptul familiilor să cunoască destinul rudelor sale”. Părțile la conflict au obligația să întreprindă măsuri pentru a găsi persoanele considerate dispărute fără veste de către partea adversă.⁷

Persoanele dispărute fără veste fie că au decedat, fie că sunt în viață. În cazul în care ele sunt în viață, probabilitatea este că sunt deținuți de inamic, fie că sunt separați de familiile lor prin linia de front sau frontiera de stat. În ambele cazuri aceste persoane au dreptul la protecție acordată de dreptul internațional umanitar, în dependență de categoria din care fac parte – populație civilă, prizonieri de război, răniți și bolnavi etc. Dreptul internațional umanitar contribuie la aceea ca majoritatea persoanelor să nu mai fie considerate dispărute fără veste.⁸

În cazul în care persoana este dată dispărută din cauza întreruperii legăturii poștale și a deplasărilor frecvente a populației în timpul conflictului armat, legătura cu rudele trebuie să fie restabilită, cu condiția că părțile la conflict respectă obligația să contribuie la schimbul de informație și restabilirea familiilor.⁹ În cazul în care persoana a dispărut în legătură cu faptul că partea adversă o deține sau aceasta este spitalizată, dreptul internațional umanitar recomandă să informeze imediat familia și autoritățile prin intermediul a trei canale:

- ✓ informarea privind spitalizarea, prizonieratul sau arestul;¹⁰
- ✓ transmiterea prin intermediul cartei poștale a informației privind prizonieratul sau internarea;¹¹

⁷ Art. 32, Protocolul Adițional I (1977).

⁸ Art. 33 (1), Protocolul Adițional I (1977).

⁹ Art. 25, 26, Convenția de la Geneva IV (1949).

¹⁰ Art. 16, Convenția de la Geneva I (1949); art. 19, Convenția de la Geneva II (1949); art. 122 și 123, Convenția de la Geneva III (1949); art. 136 și 140, Convenția de la Geneva IV (1949); art. 33 (2), Protocolul Adițional I (1977)

¹¹ Art. 70, Convenția de la Geneva III (1949); art. 106, Convenția de la Geneva IV (1949).

✓ prin intermediul corespondenței cu familia sa.¹²

Atenționăm că autoritățile ce dețin persoana sunt obligate să răspundă la demersurile în raport cu persoanele protejate.¹³

Aspecte teoretico-practice privind atitudinea față de persoanele căzute pe câmpul de luptă

În legătură cu numărul foarte mare de decedați în războaiele din secolul XX, oamenii au revăzut procesul de acordare a ultimului omagiu militarilor. Începând cu al doilea deceniu al secolului XX în Europa și SUA au început să apară morminte cu osămintele ale militarilor neidentificați, numiți ulterior „soldați necunoscuți”.¹⁴ Cu fiecare conflict nou această practică a devenit tot mai răspândită. Menționăm, că această problemă a devenit obiect de studiu a diverselor centre universitare¹⁵ și organizații internaționale umanitare, cum este exemplul CICR.¹⁶

În timpul Primului Război Mondial autoritățile părților beligerante au depus un efort impunător pentru a oferi posibilitatea rudelor soldaților căzuți pe câmpul de luptă să poată purta doliul respectiv. Au fost construite și întreținute imense cimitire militare, iar în unele cazuri, cum este cel al Franței și al SUA, au restituit corpurile rudelor care au solicitat aceasta. Însă multe cadavre fie că nu au fost

¹² Art. 71, Convenția de la Geneva III (1949); art. 107, Convenția de la Geneva IV (1949).

¹³ Art. 122 (7), Convenția de la Geneva III (1949); art. 137 (1), Convenția de la Geneva IV (1949).

¹⁴ Luc Capdevila et Danièle Voldman. Du numéro matricule au code génétique: la manipulation du corps des tués de la guerre en quête d'identité. Dans: *Revue internationale de la Croix-Rouge*. Décembre 2002, Vol. 84, No 848, p. 751. [On-line]: http://www.cicr.org/fre/assets/files/other/irrc_848_capdevila.pdf. (Vizitat la: 28.02.2012).

¹⁵ A se vedea: Luc Capdevila et Danièle Voldman. Nos morts. Les sociétés occidentales face aux tués de la guerre (XIXe-XXe siècles). Paris. Éditions Payot et Rivages, 2002. 282 p.

¹⁶ International Review of the Red Cross. 2002, No. 848. Missing persons. [On-line]:

<http://www.cicr.org/eng/resources/international-review/review-848-missing-persons/index.jsp>. (Vizitat la: 23.02.2012); *Revue internationale de la Croix-Rouge*. 2002, N° 848. Les personnes disparues. [On-line]: <http://www.cicr.org/fre/resources/international-review/review-848-missing-persons/index.jsp>. (Vizitat la: 23.02.2012).

regăsite, fie că nu puteau fi identificate. Cultul soldatului necunoscut răspundea doleanțelor miilor de oameni privați de posibilitatea de a-și plânge apropiații. La Londra mormântul soldatului necunoscut se află în preajma localurilor unde au fost înmormântați regii pe teritoriul Abației de la Westminster. Asemenea memoriale simbolice în 1921 au fost edificate la Roma, Washington, Lisabona, Bruxelles, în 1922 la Praga și la Belgrad, iar mai târziu la Budapesta, Varșovia și București. Ulterior, fiecare război era caracterizat prin edificarea unui memorial în care era înmormântat „propriul” soldat necunoscut.¹⁷

Primul Război Mondial este considerat drept etapă importantă în istoria ce reflectă atitudinea față de cei decedați la război. În timp ce în luptă cu inamicul sunt utilizate pe larg mijloace de distrugere ce a avut ca efect moartea masivă în rândurile combatanților, mințile lucide au fost mobilizate pentru a asigura, pe cât este posibil, un comportament individual cu cadavrele celor decedați. Trei factori au influențat schimbarea atitudinii față de osămintele celor decedați.

În primul rând, începând cu secolul XIX autoritățile militare și civile au început sistematizarea datelor despre militarii decedați la război. În al doilea rând, societatea *in integrum* avea grijă ca persoanelor pe câmpul de luptă să le fie asigurate ritualurile funerare. Și-n final, începând cu 1850 în lume au început să apară diverse mișcări umanitare, obiectivul cărora era codificarea cutumelor de război, fapt ce a impus părțile beligerante să respecte normele de drept.

Pe parcursul secolului XIX tot mai stringentă devine necesitatea identificării soldaților, corpurile cărora au fost distruse complet. Necesitatea este explicată și prin faptul că tinerii înrolați, care în masă au fost implicați în operațiunile militare nu se cunoșteau, fapt ce nu permitea identificarea cadavrelor prin procedura existentă anterior.

Spre deosebire de armatele din trecut, formațiunile militare ale statelor moderne sunt completate din proprii cetățeni, ceea ce presupune că se are de afaceri cu osămintele compatrioților. S-a abordat chestiunea

elaborării unei metode ce ar permite identificarea osămintelor tuturor celor decedați, față de care să fie un comportament asemănător celui față de persoanele civile decedate în timp de pace. Metode elaborate pentru militari au început a fi aplicate și față de populația civilă, dat fiind că transferând în teatru de război întreaga țară, armata utilizează mijloace de distrugere în masă, fapt ce nu permite delimitarea între populația civilă și combatanți, între obiectivele militare și cele civile.

În anul 1925 CICR în cadrul celei de-a XII-a conferințe a Crucii Roșii a venit cu inițiativa de a finaliza procesul de elaborare a medaliilor de identitate, necesar, deși nu suficient mijloc pentru identificarea militarilor răniți și decedați. Lucrul a fost pornit de comisia pentru „standartizarea materialelor sanitare”, în colaborare cu statele majore ale forțelor armate ale statelor semnatare ale Convențiilor de la Geneva și de la Haga. Comisia era condusă de colonelul Rouppert, șef al departamentului sanitar al armatei poloneze.¹⁸ În toamna anului 1927 textul rezoluției a fost elaborat, prevederile acesteia fiind incluse în art.4 al noii Convenții de la Geneva, semnată în iulie 1929. În pofida faptului că statele își rezervau dreptul să realizeze propriul medalion de identificare, soldații de aici înainte trebuiau să poarte la gât o placă metalică, de la care o parte secabilă putea fi transmisă ușor autorităților adverse sau aliate.

Comisia pentru standardizare nu doar că a verificat trăinicia semnului de identitate și a stabilit forma acestuia, ea în egală măsură, a propus să fie indicate datele privind confesiunea persoanei ce-l purta. Deși această propunere, ce avea drept scop simplificarea funerariilor, nu a fost acceptată de autoritățile militare ale majorității statelor, ea vine să argumenteze importanța sporită a ultimelor sentimente față de cei decedați.

În plus, Convenția de la Geneva din 1929 obliga părțile beligerante să aibă grijă de toți morții rămași pe câmpul de luptă.¹⁹ Corpurile

¹⁸ Luc Capdevila et Danièle Voldman. *Op. cit.*, p. 759.

¹⁹ Convenția pentru ameliorarea soartei răniților și bolnavilor din armatele în campanie, semnată la 27 iulie 1929, Geneva. În: Dietrich Schindler and Jiri Toman. The

¹⁷ Luc Capdevila et Danièle Voldman. *Op. cit.*, p. 752.

celor decedați trebuiau găsite, identificate, protejate de jaf și de comportament prost. Era vorba nu doar despre un schimb de informații între beligeranți, dar și despre aceea ca fiecare parte să aibă un comportament adecvat cu osămintele inamicilor. Părțile beligerante nu doar că trebuiau să transmită reciproc jumătățile plăcilor de identitate ale cadavrelor, dar ele aveau obligația să-i înmormânteze „onorabil”. Printre măsurile întreprinse trebuie să menționăm înregistrarea morminetelor, fapt ce ar fi permis în orice moment să fie stabilit locul acestora, inclusiv examinarea cadavrului de către medic în scopul constatării decedului anterior permisiunii de înmormântare. Articolul 17 prevedea că „în acest sens și la început de ostilități, beligeranții vor organiza în mod oficial un Serviciu al celor căzuți, înainte de a permite eventualele exhumări, pentru asigurarea identificării cadavrelor, indiferent de amplasarea succesivă a celor căzuți ...”. Cea de-a doua Convenție de la Geneva din 1929 a stabilit aceleași obligații față de prizonierii de război decedați în captivitate, garantându-le inclusiv dreptul de a putea redacta un testament și de a-l transmite succesorilor săi.²⁰

Nu există date referitor la civilii și militarii decedați în timpul celui de-al Doilea Război Mondial și care nu au fost identificați. În realitate trebuie să menționăm, că pe parcursul timpului succesele în identificarea celor decedați deveneau tot mai vizibile, fapt ce se datorează voinței politice ale beligeranților. Doar este bine cunoscut că identificarea ține în primul rând de criteriul organizatoric.

Totodată, bilanțurile celui de-al Doilea Război Mondial ne permit să constatăm că numărul celor decedați în rândurile populației civile este mult mai mare în raport cu militarii. Aceasta, la rândul său a activizat procesul pornit la începutul anilor 30 ai secolului XX de aplicare a legilor și cutumelor de război și în

raport cu populația civilă, în pofida faptului că anterior acestea erau aplicabile doar militarilor. Convenția IV de la Geneva (1949) recomandă ca față de populația civilă să fie luate aceleași măsuri ca și față de militarii căzuți pe câmpul de luptă: părțile beligerante semnatare își asumă obligația să caute compatrioții decedați, inclusiv civilii și militarii, să întreprindă măsurile necesare pentru identificarea cadavrelor civililor internați, inclusiv înregistrarea locului mormintelor acestora. Ce ține de Protocoalele Adiționale I și II din 1977, acestea și-au lărgit acțiunea, inclusiv asupra „victimelor conflictelor non-internaționale”.

Este adevărat că specificul conflictelor contemporane impune o atitudine specială față de persoanele civile decedate. Așa, în Argentina, în ex-Yugoslavia, în Rwanda etc. odată cu soluționarea chestiunilor privind identificarea „persoanelor dispărute” se urmărește și alt obiectiv – de a se opune ispitei de a da uitării trecutul: dezgroparea mormintelor comune, identificarea osămintelor, determinarea circumstanțelor ce au cauzat moartea oamenilor, restabilirea evenimentelor și păstrarea memoriei despre omorurile în masă – toate aceste evenimente dramatice reprezintă o etapă importantă, ce permite rudelor celor decedați să-i onoreze, victimelor represiliilor să se bucure de compensații în baza unor hotărâri judiciare, iar într-o perspectivă îndelungată – popoarelor să se concilieze cu trecutul lor.

Să tragem o paralelă cu Republica Moldova, în special în viziunea represiilor cărora a fost supusă populația băștinașă odată cu „eliberarea” din anii 1940 și 1944. Deportările în masă au fost date uitării, iar încercarea de a restabili adevărul odată cu dobândirea independenței s-a ciocnit de fiecare dată de o poziție „barbară” din partea urmașilor „eliberatorilor”, susținuți deschiși de către forțele imperialiste din fosta metropolă.

În egală măsură vine să confirme cele expuse mai sus și încercarea de a nu permite constatarea adevărului istoric despre perioada stalinistă, care cuprinde și perioada celui de-al Doilea Război Mondial, de către actualele autorități ruse. Să ne amintim de reacția acestora în legătură cu instalarea în Piața Marii

Laws of Armed Conflicts. „A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents, Martinus Nijhoff, Henry Dunant Institut, Geneva, 1988, p. 325 - 334.

²⁰ Convenția relativă la tratamentul prizonierilor de război, semnată la 27 iulie 1929, Geneva. În: Dietrich Schindler and Jiri Toman, The Laws of Armed Conflicts. „A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents, Martinus Nijhoff, Henry Dunant Institut, Geneva”, 1988, p. 341 - 364.

Adunări Naționale a pietrei de comemorare a evenimentelor ce au avut loc acum 70 de ani – ocupația sovietică din 28 iunie 1940? Una fără de compromis... Pe când termenul „drept de ocupație” este un termen juridic, reglementat de dreptul internațional umanitar, mai precis de Convențiile de la Haga din 1899 și 1907. Totuși, piatra comemorativă poartă nu doar simbolul evenimentelor ce au avut loc la 28 iunie 1940, ea are o valoare mult mai amplă – efectele acestei ocupații, caracterizată prin zeci de mii de deportați, omorâți, dispăruți fără veste etc. Ori, obligația forței de ocupație conform Convențiilor de la Haga, în special a Regulamentului anexă la cele două Convenții de la Haga din 1899 (a II-a) și 1907 (a IV-a) cu privire la legile și obiceiurile războiului terestru diferă de comportamentul autorităților sovietice din acea perioadă. Conform art. 43 al acestuia, forța de ocupație are obligația de a restabili și de a menține ordinea publică, inclusiv bunăstarea populației din teritoriul ocupat. Pentru exercitarea acestor funcții, forța de ocupație trebuie să aplice toate mijloacele adecvate neinterzise de dreptul internațional umanitar și compatibile cu drepturile omului. Forța de ocupație și instituțiile locale ce se află sub controlul ei trebuie să respecte legislația locală. Totodată, se permite punerea în aplicare a legislației noi sau unele abateri de la legile existente pe perioada ocupației, dacă aceasta este necesar în scopul:

-1- asigurării securității statului ocupant și a forțelor sale;

-2- implementării dreptului internațional umanitar și a drepturilor omului (în caz că legislația locală contravine dreptului internațional);

-3- restabilirii și menținerii ordinii publice în teritoriu;

-4- stimulării activității populației în perioada ocupației prelungite.²¹

Prin câte dificultăți au trebuit să treacă rudele celor ce au fost înrolați în armata română în timpul celui de-al Doilea Război Mondial, în pofida faptului că după 1944 aceștea au fost înrolați în Armata Roșie, ulterior mulți dintre ei neavând nici statut de

veteran de război. Restabilirea adevărului, identificarea celor decedați și oferirea ultimelor onoruri acestora este o obligație nu doar de ordin juridic, dar în primul rând, este o obligație morală din partea societății. Dacă într-adevăr tindem spre valorile europene și dorim să ne debarasăm de povara trecutului, ceea ce nu presupune darea uitării evenimentelor ce au avut loc, atunci trebuie să preluăm și practica statelor europene în acest sens. Așa de exemplu, în Spania în anul 2000 a fost constituită mișcarea socială ce are ca obiectiv dezgroparea mormintelor comune din perioada războiului civil pentru a identifica osămintele respective. Această procedură a devenit posibilă grație noilor metode, ce permit chiar și peste 70 de ani de la decesul acestora de a identifica persoanele decedate. În opinia unor urmași ai republicanilor spanioli aceasta este unica soluție de a stabili condițiile decesului și de a finaliza ritualul de doliu.

Totuși realitatea este de alt gen. Aceste proceduri, costul cărora se ridică la cifra de 3000 € per persoană, preț pe care nu și-l pot permite multe dintre statele ce se confruntă cu asemenea probleme. Conflictetele contemporane, caracterizate printr-un procent impunător de persoane dispărute fără veste, în special în rândul populației civile, abordează această problemă sub un nou unghi, dat fiind că societățile respective constituie, fie societăți în curs de dezvoltare, fie că sunt „sărăcite” în urma conflictelor armate dezastruoase. În plus, societățile post-conflictuale deseori consideră prioritare alte probleme decât identificarea persoanelor decedate, fără a conștientiza că soluționarea problemei în cauză reprezintă o etapă importantă în restabilirea adevărului istoric și prin urmare un eveniment crucial în punerea în aplicare a justiției tranziționale, iar în final – atingerea obiectivului principal – reconcilierea națională a societății.

Tribunalele internaționale și dreptul de a ști

Famiile victimelor pot interveni la diverse etape ale procedurii penale pentru a exercita dreptul pe care îl posedă – de a cunoaște destinul celor apropiați.²² De exemplu, ancheta ar putea constitui un mijloc ce ar permite

²¹ Mai detaliat despre dreptul de ocupație a se vedea: Ionel Cloșcă, Ion Suceavă. *Dreptul internațional umanitar*. București: „Șansa” SRL, 1992, p. 158 - 184.

²² Protocolul adițional I, art. 32.

famiilor persoanelor dispărute să obțină informația necesară. Autoritățile împuternicite cu investigații și anchetă au de obicei împuterniciri extinse, în special de puterea de exercitare forțată, de obținere a informației și a elementelor de probă necesare pentru faza procesului. Apropiatii victimelor ar trebui să încerce să utilizeze această posibilitate și să facă să asigure ca preocupările lor să fie tratate de o manieră apropiată investigațiilor.²³

Mai mult, dat fiind că tribunalele internaționale anchetează masacre, întreprind exhumarea cadavrelor din gropi comune și gestionează lucrările medicilor legali, ar trebui ca eforturile să fie întreprinse pentru a servi interesele sporite ale familiilor și să aducă autorii acestor crime în fața justiției. Exhumările pot elucida circumstanțele în care victimele acestor masacre au dispărut și în egală măsură să acorde familiilor acestora informații despre destinul celor apropiați. Ele pot permite la fel celor apropiați să-și onoreze morții conform ritualurilor culturii și religiei sale.²⁴ Tribunalele internaționale cu regret nu dispun de resurse necesare pentru a încerca să identifice morții. Într-un mare număr de cazuri, exhumările au dus la situații în care, bine că cauza decesului a fost determinată pe plan penal, corpurile au fost reînhumate fără a fi identificate, procesul de identificare luând mult timp și necesitând alte tehnologii. Familiile acestora nu au fost deci informate nici despre soarta celor apropiați, nici nu au recepționat osămintele acestora. Uneori, sarcina medicilor legiști împuterniciți cu identificarea osămintele este imposibilă.

La stadiul procesului, când sistemul judiciar permite, familiile victimelor trebuie să aleagă fie pornirea unei proceduri, fie să intervină ca părți separate (cunoscute în statele din sistemul romano-germanic ca părți civile), sau ambele proceduri, fie se adaugă procedurii inițiale de urmărire. Ele pot acceda mai simplu și să

controleze mai bine informațiile recepționate de mecanismele judiciare și să fie în stare să aibă careva consolare. Chiar și în sistemele judiciare care nu recunosc victimelor această capacitate activă, familiile lor trebuie să fie încurajate să participe, cel puțin în calitate de martori. Deoarece acestea au frică să mărturisească din motive de securitate personală, a familiilor sale sau din considerente de umilință publică, trebuie luate măsuri pentru ai proteja.

La nivel internațional, cele două jurisdicții ad hoc – TPIY și TPIR oferă victimelor, inclusiv familiilor persoanelor dispărute, o marjă de autonomie foarte limitată, cu excepția celei de a fi martori pentru urmărire. O schimbare a intervenit odată cu constituirea Curții Penale Internaționale. Mai precis, Curtea oferă victimelor posibilitatea de a prezenta vizualizările și preocupările direct la toate stadiile procedurii²⁵ și să ceară reparații.²⁶

Atunci când tribunalele internaționale sunt active de mai mulți ani într-o țară sau într-o regiune, persoanele afectate prin dispariția celor apropiați va trebui să încerce să facă parte din patrimoniul acestor mecanisme. Referindu-ne la ex-Yugoslavia, CICR a obținut acces la informațiile TPIY care nu au fost utilizate până la finel procesului sau care se referă la dosarele clasate. CICR analizează această informație și caută informația utilă pentru a elucida soarta persoanelor dispărute, listele persoanelor prezumate ca fiind moarte și documentele privind îngropările în masă prezumate, sub rezerva regulilor de confidențialitate, cu grupul de lucru asupra dispăruților în Kosovo²⁷ și eventual cu alte mecanisme care se ocupă de persoanele dispărute în Balkani.

Iată de exemplu poziția CICR referitor la această problemă în Kosovo. Conform datelor prezentate de CICR, 3.528 de persoane, ce

²³ A se vedea: V. Nesiha. Overcoming tensions between family and judicial procedures. In: International Review of the Red Cross. December 2002, Vol. 84, No 848, p. 824 - 826. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_848_nesiha.pdf. (Vizitat la: 27.03.2012).

²⁴ Margriet Blaaw and Virpi Lähteenmäki. *Op. cit.*, p. 778.

²⁵ Art. 68, par. 3 al Statutului CPI.

²⁶ Art. 75 al Statutului CPI.

²⁷ A se vedea: Samantha T. Godec. Between rhetoric and reality: exploring the impact of military humanitarian intervention upon sexual violence – post-conflict sex trafficking in Kosovo. In: International Review of the Red Cross. March 2010, Vol. 92, No 877, p. 235 - 258. [On-line]: <http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc-877-godec.pdf>. (Vizitat la: 18.04.2012).

aparțin tuturor comunităților etnice din Kosovo, au fost declarate dispărute fără veste în perioada ianuarie 1998 – aprilie 2001.²⁸ Trebuie să relatăm că crimele au fost comise de ambele părți. În principiu, fiecare comunitate tinde a se considera unica victimă, uitând intenționat că unii din membrii săi au fost considerați culpabili. Aproximativ două treimi din cei dispăruți sunt albanezi, iar o treime sârbi.²⁹

Căutarea osămintelor comune a fost întreprinsă de la finele conflictului de TPIY, în timp ce ultimul a considerat mai important de a avea probe de crime de război, decât de a identifica corpurile exhumate. În 2000, în cadrul cercetărilor probelor masacrelor comise în Kosovo, TPIY a purces la căutarea osămintelor comune și a exhumărilor. Sarcina dificilă și de durată de identificare a corpurilor a fost în egală măsură una din misiunile MINUK, ajutată de CICR și de unele ONG-uri, cum este ICMP (International Commission on Missing Persons) care aplică testele ADN. În timp ce corpul nu era formal identificat, familiile păstrau speranța că dispăruții erau încă în viață. Apăruse și legende, în special printre sârbi, privind existența unor centre de detenție în Kosovo.³⁰ Excrocii au exploatat durerea familiilor, pretinzând că au găsit semne de viață ale celor dispăruți și cerând bani pentru o eventuală informație. În ultimii ani sunt înregistrate anumite progrese în identificarea victimelor, aceasta datorează utilizării mai frecvente a ADN. Noi osămintele comune au fost descoperite în Kosovo, dar la fel și în Serbia, unde careva cadavre au fost transportate.

Milioane de documente colectate reprezintă mijloace inestimabile care stau la baza eforturilor întreprinse pentru a clarifica soarta persoanelor presupuse dispărute în urma conflictelor armate care au afectat această

regiune.³¹ Cu regret, cercetările sistematice în fișierele judiciare ale TPIY pentru un studiu suplimentar asupra identității victimelor i-au foarte mult timp, deoarece dosarele au fost organizate în special la finele procedurii penale și nu la finele identificării.³²

Bineînțeles că există importante limite în cadrul procedurii penale, la examinarea chestiunii persoanelor dispărute în urma unui conflict armat sau alte situații de violență. Aceste limite vizează să determine culpabilitatea sau inocența acuzatului, iar investigațiile vizează să satisfacă obiectivele urmărite de Procuratură. Persoanele, printre altele, sunt rareori dispuse pe plan național să urmărească responsabilii din teama represaliilor sau din neîncrederea generală în justiție. Chiar și într-un sistem cum este cel constituit pentru CPI, intervenția familiilor victimelor trebuie să aibă o legătură cu o situație specifică ce ține de competența Curții. În acest sens, fricțiunea între judecătorii și Procurorul CPI, primii acceptând o interpretare mult mai largă a noțiunii victimelor, este bogată pentru studiu.³³ Doar timpul va da răspuns la chestiunea dacă faptul includerii victimelor va putea funcționa într-un sistem care se bazează în special pe represiunea penală și dacă familiile persoanelor declarate dispărute vor putea obține informație relevantă în acest context.

Pare a fi evident că informația acumulată în afara procedurii penale, care are tangență cu victimele, nu este suficientă pentru a da răspuns familiilor privind soarta celor

²⁸ International Committee of the Red Cross. Progress Report. 2006. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc_002_0897.pdf (Vizitat la: 23.04.2012).

²⁹ Idem.

³⁰ A se vedea: Jean-Christian Cady. Etablir l'Etat de droit au Kosovo. Succès et echecs des Nations Unies. Dans: Focus strategique. Novembre 2011, No 34, p. 25 - 26.

³¹ Monique Crettol and Anne-Marie La Rosa. The missing and transitional justice: the right to know and the fight against impunity. In: International Review of the Red Cross. March 2006, Vol. 88, No 862, p. 359. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_862_crettol-larosa.pdf. (Vizitat la: 18.04.2012).

³² Idem.

³³ A se vedea deciziile adoptate de Camera preliminară I a CPI privind cererile de participare în calitate de victime a șase persoane la procedura VPRS1, VPRS2, VPRS3, VPRS4, VPRS5 și VPRS6, ce reflectă situația în Republica democrată Congo: „Decision on the Demande des représentants légaux de VPRS1, VPRS2, VPRS3, VPRS4, VPRS5, VPRS6 et a/0071/06 aux fins d'accéder au document confidentiel déposé par le Conseil de direction du Fonds d'affectation spéciale au profit des victimes le 7 février 2008”. [On-line]: <http://www.icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc440543.PDF>. (Vizitat la: 19.04.2012).

apropiați și că trebuie întreprinse și alte măsuri pentru a răspunde așteptărilor acestora.³⁴ Totodată, dreptul de a cunoaște pentru familiile deseori se confruntă cu măsuri adoptate pentru a garanta o combatere eficace a impunității.

Totuși, în pofida progreselor menționate, este nevoie de o perioadă îndelungată pentru identificarea tuturor victimelor, iar ca rezultat – acordarea posibilităților rudelor acestora să pornească procedura de doliu.

Persoanele dispărute și lupta contra impunității – aspecte privind conlucrarea acestor două instituții

În opinia experților, progresele realizate în procesul de punere capăt impunității pentru crimele de război, constituind tribunale internaționale și conferind un rol mai activ jurisdicțiilor interne, va trebui să conducă la un respect crescând al dreptului internațional umanitar, iar ca rezultat – la reducerea numărului persoanelor dispărute, dat fiind că o bună parte din ei sunt rezultatul încălcărilor legale.³⁵ Așa cum persoanele care dețin informație relevantă au frica să fie predate pe mâna justiției, creșterea „pericolului de la Haga” sau, mai general, existența unui risc real judiciar antrenează pe calea consecințelor o diminuare proporțională a șanselor de a obține informații asupra soartei persoanelor dispărute prin intermediul mijloacelor tradiționale.³⁶ Este important să fie instaurat un echilibru între această recunoaștere generală a importanței urmăririi crimelor de război și punerea în aplicare a mijloacelor eficace de colectare și selectare a informației necesare asupra persoanelor dispărute.

Asemenea mecanisme vor cere motivarea, ca celor ce dețin informație despre soarta persoanelor dispărute să le expună și să nu rămână neutri în raport cu problema dată. Această sarcină este de durată. Dar între timp s-au înregistrat și anumite succese. Așa, în octombrie 2005, de exemplu, președinția CICR, care conducea grupul de lucru asupra dispăruților în Kosovo, a atenționat că numărul persoanelor dispărute se ridică la 2.557 contra

celor 3.000 la început de an, menționând că progresul atins datorează eforturilor întreprinse de medicina legală.

Grupul de lucru s-a reunit la inițiativa reprezentantului special al Secretarului general al Națiunilor Unite în Kosovo și sub președinția CICR în calitatea sa de intermediar neutru. Grupul de lucru are ca mabndat stabilirea urmelor persoanelor considerate dispărute, obținerea informațiilor privind soarta lor, precum și informarea familiilor acestora. Obiectivul grupului de lucru constă în atingerea unui progres real în fața acestei tragedii, întrucât familiile au dreptul să cunoască ce s-a întâmplat cu cei apropiați. Autoritățile ambelor părți au sarcina să întreprindă măsurile necesare pentru soluționarea problemei în cauză.

Ulterior, conform unei liste provizorii stabilite de către grupul de lucru după mai multe reuniuni, numărul persoanelor a coborât de la 2.919 la 2.716 înregistar cu trei luni anterior.³⁷

Președinția CICR a estimat că grupul de lucru va trebui să dispună „de informații ce emană din surse care ar putea ajuta la elucidarea soartei persoanelor dispărute și la localizarea noilor îngropări comune”, să lucreze eficient și „să răspundă așteptărilor din ce în ce mai mari a familiilor celor dispăruți”.³⁸

Practica ne demonstrează că autoritățile naționale pot adopta diverse strategii asupra aceste chestiuni. În unele cazuri acestea nu au ezitat să lanseze campanii publice de informatizare referitor la persoanele dispărute, demonstrând voința politică de soluționare a acestei chestiuni. Experții aduc ca exemplu Peru, Chili și Marocul.³⁹ În mai multe cazuri CICR a publicat pe site, în cataloage sau în cărți numele persoanelor dispărute, cu plasarea pozelor acestora sau cu bunurile personale găsite pe corp, pe care autoritățile le-au folosit

³⁷ Kosovo: nouvelle réunion du groupe de travail sur les disparus. 03-10-2005 Communiqué de presse 05/73.

[On-line]:

<http://www.icrc.org/fre/resources/documents/news-release/serbia-montenegro-news-031005.htm>. (Vizitat la: 23.03.2012).

³⁸ Idem.

³⁹ Monique Crettol and Anne-Marie La Rosa. *Op. cit.*, p. 362.

³⁴ Monique Crettol and Anne-Marie La Rosa. *Op. cit.*, p. 360.

³⁵ Ibidem, p. 361.

³⁶ Marco Sassòli and Marie-Louise Tougas. *Op. cit.*, p. 732.

în eforturile întreprinse pentru clarificarea soartei persoanelor declarate dispărute. Și din nou ne referim la experți, care în acest sens aduc exemplul Serbiei, Bosniei, Angolei, Liberiei, Cote d'Ivoire-lui, în special în raport cu căutarea copiilor separați de părinți sau rude în urma conflictelor armate.⁴⁰ În unul din cazuri, cu consimțământul familiilor respective, CICR a acordat unei Comisii pentru adevăr și reconciliere informații importante ce reflectă peste 400 cazuri care nu figurau în nici o bază de date. Este vorba despre cazul Peru în cadrul unui parteneriat care prevedea exploatarea sistematică a datelor CICR în căutarea persoanelor și crearea unei liste unice a persoanelor dispărute.⁴¹

În alte cazuri, au fost prevăzute diverse mijloace de comunicare a informației asupra persoanelor dispărute (linii telefonice, informație transmisă prin intermediul web sau centre de colectare a informației etc.). În unele situații au fost acceptate informații anonime înainte de a stabili legătura dintre persoana și anchetă sau de a examina aceste informații în cadrul unei proceduri penale. Chiar dacă precizarea informației recuperate poate fi pusă la îndoială, estimăm de exemplu, că în contextul național croat, 10% din informația anonimă recepționată a fost considerată utilă în căutarea persoanelor dispărute.⁴² Autoritățile în egală măsură pot să-și concentreze eforturile vizând localizarea persoanelor dispărute prin intermediul procedurii penale, considerând ca factor atenuant transmiterea informației care ar putea ajuta la clarificarea soartei acestora sau care ar prevedea sancțiuni în caz de necooperare. Aceeași legătură ar putea fi instaurată cu procedurile de control puse în aplicare la nivel național și în cadrul cărora furnizarea informației privind persoanele dispărute ar fi considerată ca un factor pozitiv în procesul de evaluare. În final, unii au aplicat sau au planuri să acorde o amnistie limitată sau

o imunitate de la urmărire acompaniate de forme alternative de justiție, chiar dacă această abordare pune numeroase întrebări privind compatibilitatea lor cu exigențele dreptului internațional umanitar. Măsuri care vor fi interpretate de o manieră ce ar permite criminalilor de război să nu fie urmăriți în justiție rămân insuficiente din punct de vedere al dreptului internațional umanitar. Acestea ar contraveni obligațiilor ce recomandă statelor să ancheteze crimele comise, să urmărească și să sancționeze persoanele presupuse că ar fi comis crime de război.

Mai mult, o amnistie la nivel național nu protejează persoanele nominalizate de pericolul unei urmăriri pe plan internațional. În cazul în care o amnistie a fost acordată în încălcarea obligațiilor internaționale, ea nu va avea acoperire legală și va fi ignorată de tribunalele internaționale.⁴³ Totodată o asemenea amnistie poate fi ignorată și la nivel național de către instanțele judiciare, în special în cazurile în care justiția se bucură de un suport logistic internațional.

Drept exemplu poate servi practica Curții Speciale pentru Sierra Leone, care la 13 martie 2004 a adoptat o decizie importantă referitor la acțiunea amnistiei din punct de vedere al dreptului internațional.⁴⁴ Camera de Apel a emis încheierea conform căreia amnistiiile acordate în baza așa numitor acorduri de pace de la Lomé persoanelor din cadrul grupărilor participante la războiul civil din Sierra Leone nu constituie obstacol în tragerea acestora la răspundere penală. Aceasta este prima hotărâre a unei instanțe judiciare internaționale, care prevede în mod expres, că amnistia nu constituie obstacol pentru a trage la răspundere penală persoanele culpabile în comiterea crimelor internaționale de către instanțele judiciare, inclusiv internaționale și naționale. Adevărul este că această decizie a Curții a

⁴⁰ Idem.

⁴¹ Idem.

⁴² A se vedea: Ivo Josipovic. Responsibility for war crimes before national courts in Croatia. In: International Review of the Red Cross. March 2006, Volume 88. No 861. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_861_josipovic.pdf (Vizitat la: 05.03.2011).

⁴³ A se vedea: ICTY, Prosecutor v. Anto Furundzija. Judgement. Case № IT-95-17/1, Jugement 10 December 1998, par. 155, p. 59 - 60. [On-line]: <http://www.icty.org/x/cases/furundzija/tjug/en/fur-tj981210e.pdf>. (Vizitat la: 30.04.2012).

⁴⁴ The Prosecutor v. Morris Kallon and Brima Buzzy Kamara, Special Court for Sierra Leone, SCSL-2004-15-AR72(E) and SCSL-2004-16-AR72(E), Decision on Challenge to Jurisdiction: Lomé Accord Amnesty (Appeals Chamber, 13 March 2004).

trezit discuții referitor la influența ei asupra dezvoltării dreptului internațional umanitar.⁴⁵

În final remarcăm faptul că în toate cazurile asociațiile familiilor persoanelor dispărute, evident în cazul în care acestea există, trebuiesc consultate. Ele sunt nu doar beneficiari de măsuri întreprinse pentru a stabilirea destinului celor apropiați, ci, în egală măsură, au un rol deosebit în asigurarea faptului ca entitatea responsabilă în ansamblul său și în fiecare din componentele sale să țină cont de mandatul și de angajamentele sale.

Încheiere

Elucidarea soartei persoanelor declarate dispărute în urma unui conflict armat sau a unor situații de violență este o chestiune importantă care trebuie să fie examinată în cadrul unor eforturi multidimensionale și multipartide, tratând societăți în tranziție. Pe lângă negocierile de pace sau alte reglementări, această chestiune merită, în eforturile întreprinse de părți pentru a repara trecutul, o atenție la fel de mare ca și chestiunea refugiaților și a persoanelor deplasate, a terenurilor și a bunurilor, ale drepturilor omului sau soluționării conflictelor. Dezgroparea mormintelor, identificarea corpurilor, stabilirea circumstanțelor care au condus la deces și clarificarea faptelor reprezintă măsuri necesare pentru ca familiile să poată porni procesul de doliu, pentru ca victimele să obțină reparații, iar pe termen lung, pentru ca persoanele și comunitățile să se reconcilieze cu trecutul lor și să avanseze pe calea păcii.

Pentru a gestiona în mod efectiv chestiunea persoanelor dispărute, diversele instanțe și instituții implicate în gestionarea justiției tranziționale vor trebui să se atașeze într-o cooperare în acest sens. Tribunalele internaționale *ad hoc* sau comisiile pentru adevăr și reconciliere, ambele fiind caracterizate prin termeni temporari limitați, trebuie să se axeze de la bun început asupra mijloacelor și metodelor de colectare și de clasificare a informației și a elementelor de probă înainte a le face exploatabile pentru procedura judiciară și pentru a încerca de a

recăuta persoanele dispărute. Ele vor trebui să ofere mijloace eficiente și practice de transmitere a patrimoniului, odată ce sunt terminate lucrările, în special acordarea familiilor și reprezentanților acestora acces la arhivele lor. Le fel, lucrările medico-legale duse de tribunalele internaționale vor trebui nu doar să vizeze colectarea elementelor de probă pentru procedura penală, dar și să găsească răspunsuri pentru familiile celor dispăruți. În final, aceasta are ca scop încurajarea autorităților naționale prin intermediul unor inițiative de reînnoire a capacităților în cadrul angajamentelor autentice în interesul persoanelor dispărute și conformarea exigențelor dreptului internațional umanitar. În așa fel vom putea spera că familiile văd dreptul său de a cunoaște soarta celor apropiați recunoscuți dispăruți, inclusiv vor obține reparațiile adecvate.

Bibliografie:

1. Convenția pentru ameliorarea soartei răniților și bolnavilor din armatele în campanie, semnată la 27 iulie 1929, Geneva. În: Dietrich Schindler and Jiri Toman, *The Laws of Armed Conflicts. „A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents*, Martinus Nijhoff, Henry Dunant Institut, Geneva”, 1988, p. 325 - 334.
2. Convenția relativă la tratamentul prizonierilor de război, semnată la 27 iulie 1929, Geneva. În: Dietrich Schindler and Jiri Toman, *The Laws of Armed Conflicts. „A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents*, Martinus Nijhoff, Henry Dunant Institut, Geneva”, 1988, p. 341 - 364.
3. Crettol and Anne-Marie La Rosa. The missing and transitional justice: the right to know and the fight against impunity. In: *International Review of the Red Cross*. March 2006, Vol. 88, No 862, p. 359. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_862_crettol-larosa.pdf. (Vizitat la: 18.04.2012).
4. Deciziile adoptate de Camera preliminară I a CPI privind cererile de participare în calitate de victime a șase persoane la procedura VPRS1, VPRS2, VPRS3, VPRS4, VPRS5 și VPRS6, ce reflectă situația în Republica democrată Congo: „Decision on the „Demande des représentants légaux de VPRS1, VPRS2, VPRS3, VPRS4, VPRS5, VPRS6 et a/0071/06 aux fins d'accéder au document confidentiel déposé par le Conseil de direction du Fonds d'affectation spéciale au profit des victimes le 7 février 2008”. [On-line]: <http://www.icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc440543.PDF>. (Vizitat la: 19.04.2012).
5. Gamurari V., Barbăneagră A. *Crimele de război*. Chișinău: Reclama SA. 2008. 500 p.
6. ICTY, Prosecutor v. Anto Furunzija. Judgement. Case № IT-95-17/1, Jugement 10 December 1998, par. 155, p. 59 - 60. [On-line]:

⁴⁵ A se vedea: Gamurari V., Barbăneagră A. *Crimele de război*. Chișinău: Reclama SA., 2008, p. 459 - 477.

<http://www.icty.org/x/cases/furundzija/tjug/en/fur-tj981210e.pdf>. (Vizitat la: 30.04.2012).

7. International Committee of the Red Cross. Progress Report, 2006. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc_002_0897.pdf (Vizitat la: 23.04.2012).

8. International Review of the Red Cross. 2002, No. 848. Missing persons. [On-line]: <http://www.cicr.org/fre/resources/international-review/review-848-missing-persons/index.jsp>. (Vizitat la: 23.02.2012).

9. Ionel Cloșcă, Ion Suceavă. Dreptul internațional umanitar. București: „Șansa” SRL, 1992. 528 p.

10. Ivo Josipovic. Responsibility for war crimes before national courts in Croatia. In: International Review of the Red Cross. March 2006, Volume 88, Nr 861. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_861_josipovic.pdf. (Vizitat la: 05.03.2011).

11. Jean-Christian Cady. Etablir l'Etat de droit au Kosovo. Succès et echecs des Nations Unies. Dans: Focus strategique. Novembre 2011, No. 34, p. 25 - 26.

12. Kosovo: nouvelle réunion du groupe de travail sur les disparus. 03-10-2005 Communiqué de presse 05/73. [On-line]: <http://www.icrc.org/fre/resources/documents/news-release/serbia-montenegro-news-031005.htm>. (Vizitat la: 23.03.2012).

13. Les personnes disparues. Dans: Revue internationale de la Croix-Rouge. 2002, No 848. [On-line]: <http://www.cicr.org/fre/resources/international-review/review-848-missing-persons/index.jsp>. (Vizitat la: 23.02.2012).

14. Luc Capdevila et Danièle Voldman. Du numéro matricule au code génétique: la manipulation du corps des tués de la guerre en quête d'identité. In: Revue internationale de la Croix-Rouge. Decembre 2002, Vol. 84, No 848, p. 751. [On-line]:

http://www.cicr.org/fre/assets/files/other/irrc_848_capdevila.pdf. (Vizitat la: 28.02.2012).

15. Luc Capdevila et Danièle Voldman. Nos morts. Les sociétés occidentales face aux tués de la guerre (XIXe-XXe siècles). Paris. Éditions Payot et Rivages, 2002. 282 p.

16. Marco Sassòli and Marie-Louise Tougas. The ICRC and the missing. In: International Review of the Red Cross. Decembre 2002, Vol. 84, No 848, p. 727. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_848_sassoli.pdf. (Vizitat la: 28.02.2012).

17. Margriet Blaaw and Virpi Lähteenmäki. „Denial and silence” or „acknowledgement and disclosure”. In: International Review of the Red Cross. Decembre 2002, Vol. 84, No 848, p. 767. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_848_blaaw_virpi.pdf. (Vizitat la: 28.02.2012).

18. Samantha T. Godec. Between rhetoric and reality: exploring the impact of military humanitarian intervention upon sexual violence – post-conflict sex trafficking in Kosovo. In: International Review of the Red Cross. March 2010, Vol. 92, No 877, p. 235 - 258. [On-line]: <http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc-877-godec.pdf>. (Vizitat la: 18.04.2012).

19. The Prosecutor v. Morris Kallon and Brima Buzzy Kamara, Special Court for Sierree Leone, SCSL-2004-15-AR72(E) and SCSL-2004-16-AR72(E), Decision on Challenge to Jurisdiction: Lomé Accord Amnesty (Appeals Chamber, 13 March 2004).

20. V. Nesiiah. Overcoming tensions between family and judicial procedures. In: International Review of the Red Cross. Decembre 2002. Vol. 84. No 848, p. 824 - 826. [On-line]: http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/irrc_848_nesiiah.pdf. (Vizitat la: 27.03.2012).

Copyright©GAMURARI Vitalie, 2012.

LE DÉVELOPPEMENT DE LA PRATIQUE DES CONTRATS D'ADHÉSION

Violeta COJOCARU*
Olesea PLOTNIC**

REZUMAT: DEZVOLTAREA PRACTICII CONTRACTELOR DE ADEZIUNE

Printre contractele propuse contractanților, contractul de adeziune este luat deseori, ca un exemplu cel mai caracteristic contractului de consum. George Ripert, scria că „în unele contracte poziția părților este următoarea: unul din contractanți este obligat să execute condițiile care îi sunt propuse și impuse de cealaltă parte. Aceste contracte au fost numite contracte de adeziune.

Această categorie de contracte, pusă în discuție în doctrină abia la începutul sec .XX, a constituit obiectul numeroaselor studii. Trebuie să menționăm că în doctrină, actualmente, existența contractului de adeziune nu mai este contestată, astfel încât autorii J. Calais-Auloy, F. Steinmetz constată, în general, că contractele de adeziune constituie o „realitate socială”, cu toate că această categorie contractuală de excepție, de fapt, a fost impusă de necesitățile producerii și distribuirii în masă a produselor și serviciilor oferite consumatorilor.

Contractele de adeziune, o consecință a fenomenului vânzării în masă, așa cum le definește Directiva nr. 93/13/CEE, sunt imaginea lipsei de negociere directă a stipulațiilor contractuale.

În doctrina franceză, s-a susținut ideea conform căreia contractul de adeziune reprezintă materializarea abuzului de putere economică a profesionistului, astfel instituindu-se o prezumție de abuz în ceea ce privește contractele de adeziune, prezumție ce poate fi răsturnată prin proba existenței negocierii. În practică, s-a pus problema de a ști în ce măsură un contract de administrare, de exemplu, poate fi considerat un contract de adeziune, întrucât unele clauze ale acestui contract pot face obiectul unei negocieri prelabile. Răspunsul este dat de art. 3, alin. (2), pct. 2 al Directivei nr.93/13/CEE privind clauzele abuzive în contractele încheiate cu consumatorii, care prevede că, în pofida faptului că unele clauze au fost supuse unei negocieri prelabile, nu se exclude posibilitatea existenței unui contract reformulat, dacă aceasta rezultă din evaluarea contractului în întregul său. Lipsa negocierii, în asemenea cazuri, se sprijină pe faptul că nu întotdeauna consumatorul are la îndemână mijloace reale de negociere, ceea ce face ca un astfel de contract să rămână subscris sferei contractelor de adeziune.

Cuvintele cheie: contract de adeziune, consumator, agent economic, clauză abuzivă, buna-credință, negocierea individuală, dezechilibru semnificativ.

ABSTRACT: DEVELOPMENT PRACTICE OF ADHESION CONTRACTS

Through the all contracts offered to the consumers, the contract of adhesion is the most used example of the consumer contract. George Ripert has mentioned that: „in some agreements the position of the parties is as it follows: one of the parties should obligate himself to execute the stipulations which were imposed or drawn up by one of the parties. These agreements were named the contract of adhesion”.

* **COJOCARU Violeta** - Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Universitatea de Stat din Moldova. (Chișinău, Republica Moldova); **COJOCARU Violeta** – Doctor of law, professor, Moldova State University. (Kishinev, The Republic of Moldova); **КОЖОКАРУ Виолета** – Доктор юридических наук, профессор, Молдавский Государственный университет. (Кишинев, Республика Молдова).

** **PLOTNIC Olesea** - Doctor în drept, lector universitar, Universitatea de Stat din Moldova. (Chișinău, Republica Moldova); **PLOTNIC Olesea** – PhD in law, lecturer, The Moldova State University. (Kishinev, The Republic of Moldova); **ПЛОТНИК Олеся** – Кандидат юридических наук, преподаватель, Молдавский Государственный университет. (Кишинев, Республика Молдова).

This category of the contracts, which was mentioned in the doctrine only at the beginning of the XXth century, has been considered the main subject of many studies in the field. Also it has to be mentioned that, presently, the existence of the contract of adhesion is not anymore so much debated, as though the authors J. Calais-Auloy, F. Steinmets could state that, generally, the contract of adhesion constitute a reality of our society, even though that this exceptional category was imposed by the necessities of the production and distribution of the products and services offered to our consumers.

The agreements of adhesion, a consequence of the sale phenomena in large proportions, as it is defined in the Directive no. 93/CEE, represents the picture of a lack of the direct negotiation concerning contract provisions.

In French doctrine, it was supported the idea according to which the contract of adhesion represents the materialization of the economic power used excessively by the professionals, as that it has been established a presumption of the abuse in regarding of the contracts of adhesion, a presumption that could be rein versed by the proof that confirms the presence of the negotiations. In practice, it was raised up the issue to know in what extent a contract of administration, for example, could be considered a contract of adhesion, as some clauses of this contract could represents the object of a negotiation that had been carried over. The answer of that issue is provided by the art. 3, al. (2), p. 2 of the Directive no. 93/13/CEE regarding the abusive clauses in a consumer contract, which provides that even though some clauses were submitted to a negotiation that had been carried over, it could not be excluded the possibility of a preformed contract, if this results from the evaluation of the content of its whole contract. The lack of the negotiations, in these cases, is based on the fact that that the consumer does not have always at his hand all the real tools to hold a negotiation, which means that this type of contract should be left to be subscribed to the domain of the contract of adhesion.

Keywords: *contract of adhesion, consumer, trader, unfair contractual clauses, good faith, loyalty, direct negotiation, imbalance.*

РЕЗЮМЕ:

РАЗВИТИЕ ПРАКТИКИ ДОГОВОРА ПРИСОЕДИНЕНИЯ

Так же как и публичный договор, отдельным типом гражданско-правового договора является договор присоединения. Это понятие объединяет в единый тип те договоры, которые были заключены путем присоединения одной из сторон к условиям договора, определенным другой стороной в формулярах или иных стандартных формах.

George Ripert, писал, что в некоторых контрактах позиция сторон сводится к следующему: одна из сторон требует выполнить предложенные условия, навязываемые другой стороне. Такие контракты называются договорами присоединения.

Эта категория договоров широко обсуждается в литературе с начала двадцатого века, и являлась предметом многочисленных исследований.

Следует отметить, что в настоящее время нет никаких споров о договорах присоединения, так что авторы J. Calais-Auloy, и F. Steinmetz считают, что в целом договоры присоединения являются «социальной реальностью», и это наиболее приемлемые договорные категории, по сути, требующие массового производства и распределения продуктов и услуг, предлагаемых потребителям.

Директива nr. 93/13/CEE определяет договоры присоединения, результатом которых продажи стали массовым явлением, как следствие отсутствия прямых переговоров между договаривающимися сторонами. Во французской доктрине, существует мнение о том, что договор присоединения может выступить в качестве прикрытия профессиональных злоупотреблений экономических агентов, из-за чего возбуждение дел об ответственности в отношении договоров присоединения, может быть опротестовано в связи с отсутствием доказательств ведения прямых переговоров. Коммерческие организации и иные лица, присоединяющиеся к условиям договора в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, не наделены в полной мере объемами правомочий присоединившейся стороны на расторжение или изменение договора.

Ответ дается в ст. 3, пункт. (2), раздел 2 Директивы nr. 93/13/CEE об условиях в потребительских договорах, которые предусматривают, что, несмотря на то, что некоторые пункты являлись предметом переговоров, которые велись ранее, не исключает возможность существования предварительно сформулированных договоров, если они являются результатом оценки договора в целом. Форма предварительного договора должна соответствовать требованиям, предъявляемым к основному договору. Содержание предварительного договора представляет собой

обязательства сторон по заключению в будущем соответствующего договора о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основного договора). Основной договор должен быть заключен на условиях, предусмотренных предварительным договором.

Отсутствие переговоров, в таком случае основано на том, что потребитель всегда в пределах прямой досягаемости для реальных переговоров.

Ключевые слова: договор присоединения, потребитель, трейдер, оскорбительные оговорки, добросовестность, прямые переговоры, значительный дисбаланс.

Mots clés: contrat d'adhésion, consommateur, commerçant, des clauses contractuelles inéquitable, bonne foi, loyauté, négociation directe, déséquilibre.

Les clauses abusives sont habituellement engendrées par les contrats d'adhésion. Mais, depuis une vingtaine d'années, il est un secteur dans lequel le problème est ressenti avec une particulière acuité: celui des contrats entre professionnels et consommateurs. Le mouvement consumériste a fait prendre conscience à l'opinion publique du caractère abusif de clauses que l'on rencontre dans les contrats de la vie courante: vents, assurances, crédit, construction, réparations, voyages, etc. Le professionnel, par exemple, introduit dans le contrat une clause à son avantage: qui supprime ou réduit sa responsabilité, ou une clause mentionnant que le délai de livraison n'est donné qu'à titre indicatif, ou encore une clause attribuant compétence au tribunal du siège du vendeur. On pourrait multiplier les exemples.

La complexité accrue des clauses dans un contrat de consommation, la volonté ou le besoin toujours des professionnels de faire abus de la puissance économique a entraîné une formidable inflation des clauses abusives. Ainsi, le développement de la pratique des contrats d'adhésion apporte des conséquences négatives pour le consommateur, caractérisées par un risque d'abus contractuel et qui ont pour but de favoriser un personnage privilégié.

Dans tous les Etats membres de la Communauté, que leur système juridique soit de type continental ou de *common law*, le droit des contrats pose le principe fondamental que les parties à la convention ont la liberté d'en discuter les modalités. Ces règles établies dans le cadre de codes élaborés durant le XIXe siècle ne correspondent plus aux réalités d'une société fortement marquée par une production, une distribution et une consommation de masse qui se concrétise à travers un large usage de contrats préétablis contenant des

clauses types¹. Ces contrats types se répartissent en deux catégories: il y a, d'une part, les contrats d'adhésion pré - rédigés dans lesquels il suffit de compléter quelques clauses particulières concernant l'identité de l'acheteur ou de donner certaines précisions permettant de mieux définir les biens ou services faisant l'objet de la convention. On y trouve, d'autre part, les contrats écrits soumis aux conditions générales du fournisseur. Le contrat de transport qui donne habituellement lieu à la délivrance d'un ticket en est une bonne illustration. Ces conditions générales étant rédigées en l'absence du consommateur, celui-ci perd toute possibilité de négocier les règles qui constituent le fond de l'accord. Bien plus, souvent celui-ci conclut une convention sans en connaître les termes exacts: ou bien les conditions ne lui ont pas été remises au préalable, ou bien il ne les a pas demandées, ou il n'a pas été les consulter là où elles se trouvaient; ou bien, si elles lui ont été remises, il n'en a pas compris la formulation juridique. Le principe de l'autonomie de la volonté, fondement du droit des contrats, est ainsi largement remis en cause.

Il apparaît donc opportun de faire une étude systématique du contrat d'adhésion. La doctrine avait reproché au contrat d'adhésion d'être une notion trop imprécise et de ne pas être susceptible de recevoir application d'un régime juridique différencié². Avant d'étudier ce régime nous verrons que la notion de contrat d'adhésion correspond à une réalité de la vie économique qui en détermine une relation avec les clauses abusive.

¹ Trochu M. Les clauses abusives dans les contrats conclus avec les consommateurs. Directive nr. 93-13-CEE du Conseil du 5 avril 1993. Dans: Dalloz 1993, p. 315.

² Boulanger F. Enc. Dalloz, Contrat et Convention n°5.

La détermination de la définition et les variétés du contrat d'adhésion et la protection spéciale dans les contrats d'adhésion accordée à un sujet privilégié, exige qu'on connaisse au préalable la genèse du contrat d'adhésion.

La théorie du contrat d'adhésion semble bien avoir été inspirée par le grand sentiment d'égalité qui, même bien avant la Révolution de 1789, a agi avec une si grande force dans les institutions civiles. On a posé comme règle que le contrat est la discussion entre égaux. Pendant longtemps on s'est contenté de l'égalité théorique et abstraite, révélée par l'échange des consentements. Puis l'idée égalitaire s'est plus fortement réalisée et, sous l'égalité juridique, on a vu l'inégalité de fait. Le principe de l'égalité civile et politique n'a pas empêché la lutte des classes, car le principe de l'égalité contractuelle ne suffit pas à éviter les réclamations des volontés faibles.

Ce n'est pas parce que la volonté est faible qu'elle doit être protégée. On sacrifie à une pensée de basse démocratie quand on soutient les faibles à cause de leur faiblesse même³. Mais nous ne voulons pas non plus que dans un contrat le juge soit appelé à se prononcer toujours et nécessairement en faveur de celui qui a été le plus faible. D'abord que pourrait-il faire? Statuer pour dire quelles sont les clauses applicables et celles qui ne le sont pas, détruisant ainsi l'équilibre du contrat, troublant les relations économiques par un pouvoir arbitraire? Ce remède serait la pire des choses et les juges prudents n'ont jamais réclamé un tel droit⁴. En admettant même que ce pouvoir fut conféré au juge, à quel titre l'exercerait-il? L'inégalité des contractants ne saurait être par elle-même suspecte, parce que cette inégalité est fatale et qu'elle existe dans tous les contrats.

Ainsi, le contrat d'adhésion a d'abord été conçu comme le contrat où le faible se soumet au fort qui lui impose toutes ses volontés. Dans ce contexte la question de la liberté contractuelle paraissait essentielle, il s'agissait

de développer une théorie juridique qui permette de protéger l'adhérent. Le contrat d'adhésion apparaissait donc comme une dégénérescence du contrat⁵.

Certes, dans un contrat, avec négligence ou avec intention, souvent une partie soumet l'autre partie qui pourrait discuter les conditions du contrat. Dans ce cas, il est certain que la loi „ne mesure pas au dynamomètre la force des volontés”⁶. Mais parfois la „capitulation du plus faible des contractants devant les exigences du plus fort”⁷ se fait sans possibilité de lutte, on a un „contrat sans combat”⁸. La volonté n'est plus seulement diminuée, il y a dans le domaine de la détermination du contenu contractuel absence de l'une des deux volontés, ainsi comme la différence quantitative se transforme finalement en une différence qualitative qui change la nature du contrat⁹.

Il faut reconnaître, qu'à l'origine de la soumission à une volonté unilatérale qui dicte le contenu contractuel c'est principalement la conséquence des transformations de la société qui ont donné à certaines la possibilité d'imposer leurs conditions, souvent illégales et abusives. Sans doute, qu'actuellement cette soumission est souvent rendue nécessaire pour une nouvelle évolution de la société qui a créé des structures de production et de distribution, des mécanismes juridiques.

D'une part, le défaut du contrat d'adhésion c'est la puissance économique excessive, qui crée chez certains le désir d'exploiter leur situation de force pour tirer des profits abusifs et imposer des conditions défavorable pour l'autre partie du contrat et qui a suscité la naissance du contrat d'adhésion. D'autre part, le concept du contrat d'adhésion permet d'élaborer un régime de protection de la partie faible, indispensable pour chaque société.

⁵ Rieg A. Contrat type et contrat d'adhésion. In: Etudes de Droit Contemporaine, 1970. T. XXXIII, p. 116.

⁶ Georges Ripert. La règle morale dans les obligations civiles. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1949, p. 57.

⁷ Gabriel Marty, Pierre Raynaud. Droit civil. T. II, 1er vol. Paris: Sirey, 1961, p. 116.

⁸ François Perroux. L'économie du XXème siècle. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1961, p. 137.

⁹ Berlioz G. Le contrat d'adhésion. Paris: L.G.D.J., 1973, p. 11.

³ Georges Ripert. Le régime démocratique et le droit civil moderne. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1948. 423 p.

⁴ Georges Ripert. La règle morale dans les obligations civiles. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1949, p. 101.

Mais les nécessités de la gestion rationnelle de l'économie font que ce concept doit être maintenant étendu pour couvrir non seulement les cas d'abus de la puissance économique, mais aussi ceux de son utilisation légitime¹⁰.

Les contrats d'adhésion sont alors l'expression d'une manifestation abusive d'un pouvoir économique et les exceptions à la règle générale. En même temps les contrats d'adhésion sont alors souvent la concrétisation d'un phénomène inévitable et la traduction du pouvoir économique. A cette évolution du contrat d'adhésion ont concouru différents facteurs¹¹: économiques (A), juridiques (B) et matériels (C).

A-Les facteurs économiques

Entre le seizième siècle et le dix-neuvième siècle le contrat était devenu l'instrument juridique souple permettant d'assurer la sécurité des échanges de biens et de services dans une économie de marché¹². C'était „la stabilisation objective de l'intention de contracter un lien juridique, la certitude du rapport de droit, ou l'on cherchait à assurer la protection du contractant contre une décision irréfléchie et l'obéissance à une justice très limitée, car difficilement évaluable”¹³. Le contrat nécessitait que les engagements pris soient respectés. Ainsi dans cette période là le contrat était relativement faible et restreint, de sorte que le droit commun régissait la majorité partie des engagements.

En 1804 les rédacteurs du code civil ont eu une conception „mystique du contrat”¹⁴. Ainsi l'art. 1134 prévoit que „le Code civil abandonne au contrat toute les relations économiques”¹⁵. Cette conception est en harmonie avec les réalités économiques et sociales du début du XIXe siècle. A cette

époque, les grands capitaux font défaut car l'industrie et le commerce se pratiquent dans un cadre artisanal ou familial, les clientèles sont ramassées dans un étroit rayon, le producteur connaît personnellement les consommateurs auxquels il s'adresse: „un dialogue direct pouvait s'établir entre le producteur artisanal implanté sur le marché local et le consommateur... une multitude de petits marchés permettaient une adaptation constante de l'offre et de la demande”¹⁶.

Ainsi, c'est le capitalisme industriel qui a donné naissance au contrat d'adhésion en faussant les postulats économiques de la théorie libérale et individualiste qui avait fait du contrat la source de droit par excellence¹⁷. L'industrialisation suscite la formation des inégalités de puissance très accentuées¹⁸. L'individu est dépassé par la taille des unités et le mode de production, l'effort individuel est insuffisant pour entreprendre la production à grande échelle¹⁹. Le développement industriel s'accompagne donc d'un processus de concentration²⁰ en même temps que de standardisation²¹.

L'individu se trouve alors confronté à des entreprises qui l'écrasent²². La perte de son individualité dans les contrats qu'il passe, sa situation soumise, sont les caractères les plus saillants de cette transformation. Les abus de ce capitalisme „sauvage” ont été décrits en termes parfois très vifs. Le développement du capitalisme contraint l'individu à accepter des

¹⁰ Ibidem, p. 12.

¹¹ Ibidem, p. 13.

¹² Perroux F. Le capitalisme. Paris: Presses Universitaires de France, 1962, p. 27.

¹³ Gino Gorlo. Il contratto: problemi fondamentali trattati con il metodo comparativo e casistico. Milano: Giuffrè, 1954, p. 199.

¹⁴ Emmanuel Gounot. Le principe de l'autonomie de la volonté en droit privé: contribution à l'étude critique de l'individualisme juridique. Paris: Rousseau, 1912. 470 p.

¹⁵ Georges Ripert. L'ordre public et la liberté contractuelle. Dans: Mélanges François Géný. Paris, 1936, p. 347.

¹⁶ Lavernhe R. Le rôle économique et la publicité. Dans: Annales de la Faculté de Droit et de Sciences Economique de Toulouse. 1969, T. XVII, p. 151.

¹⁷ Henri Batiffol. La crise du contrat. Dans: Archives de philosophie du Droit. XIII. Sur les notions du contrat. 1968, p. 12.

¹⁸ Joseph Lajugie. Les systèmes économiques. Paris: Presses universitaires de France, 1969, p. 50; René Savatier. Les Métamorphoses économiques et sociales du droit privé d'aujourd'hui. Treisième série: Approfondissement d'un droit renouvelé. Paris: Dalloz, 1959, p. 26, p. 41, p. 58.; Gaston Morin. La loi et le contrat. Paris: Alcan, 1927, p. 57 - 58.

¹⁹ Wolfgang Friedmann. Law in a changing society. New York, Columbia University Press, 1972. 580 p.

²⁰ Jean Marchal. Marchal J. Cours d'économie politique. Paris: Les cours de droit, 1950, p. 104.

²¹ Jean Lhomme. Pouvoir et société économique. Paris: Edition Cujas, 1996. 394 p.

²² Joseph Lajugie *Op. cit.*, p. 51.

conditions même draconiennes²³. Des inégalités se révèlent chaque fois qu'il y a, entre l'offre et la demande d'un produit ou d'un service, une disparité telle que l'adaptation ne se fait pas normalement: il y a une situation de pénurie qui permet à l'offrant de dicter ses conditions²⁴.

Ces transformations économiques ont donc pour conséquence un déséquilibre de la force contractuelle²⁵, du „pouvoir de négociation”²⁶. Cette inégalité flagrante entre les contractants dénature le rôle du contrat. Au lieu d'être, comme dans la théorie libérale, le moyen de concilier les intérêts divergents des parties²⁷ et de libérer les individus des contraintes inutiles, le contrat devient le moyen par lequel une partie dicte ses conditions et fait prévaloir ses intérêts égoïstes.

D'après George Berlioz le contrat doit reposer sur la présomption d'une parité des forces²⁸, car „c'est l'indétermination de ce qui est réellement force qui rend acceptable un régime contractuel”²⁹. Lorsque cette indétermination, par suite du déséquilibre flagrant des situations, disparaît, „la partie dont la force contractuelle est la plus grande s'assure la plus forte fraction des profits globaux”³⁰. La liberté contractuelle sert à asservir l'homme³¹ et à créer un ordre privé économique³². Par le biais, en particulier, le contrat d'adhésion sert à fonder ce que certains ont appelé un „nouvel ordre féodal”.

L'expansion du capitalisme³³, le passage du capitalisme individualiste au capitalisme

associationniste³⁴, font que le contrat d'adhésion, d'instrument d'oppression, devient le lien entre l'entreprise moderne et son client. L'apparition du capitalisme industriel avait supprimé le débat en désarmant l'adhérent dans la lutte d'intérêts, l'expansion du capitalisme rend cette lutte impossible, on a le „contrat sans combat”³⁵. Les raisons sont multiples. Le contrat devient „standardisé”³⁶ et l'on assiste à „l'éclatement”³⁷ du contrat lorsque l'on passe des relations individuelles aux phénomènes de masse et de groupe. La doctrine anglo-américaine utilise souvent le terme du „contrat standardisé” au lieu de „contrat d'adhésion”. Si cette expression semble avoir une valeur descriptive qui est souvent utile, le „contrat standardisé” ne paraît pas plus une notion juridique autonome que le „contrat type”.

Avec le développement de l'industrialisation, où la standardisation apparaît comme le moyen de diminuer le gaspillage et d'augmenter l'efficacité dans la production et la distribution, la dépersonnalisation du contrat s'accompagne d'une uniformisation. Comme „la production de masse devient la production pour les masses”³⁸, l'uniformité des objets produits, la similitude, des besoins, tels qu'ils sont ressentis ou tels qu'ils sont créés par les „mass media”, font disparaître la nécessité du contrat comme mode d'individualisation et imposent, au contraire, celle du contrat d'adhésion connue mode d'uniformisation³⁹. Ainsi, le contrat autorisait l'adaptation à des situations différenciées, il permet maintenant d'imposer des régies uniformes.

Ainsi le marchandage individuel recule devant les prix plus ou moins uniformes

²³ Jean Marchal. *Op. cit.*

²⁴ Eugène Gaudemet Théorie générale des Obligations. Paris: Recueil Sirey, 1937, p. 52.

²⁵ Barre R. Dans Economie Politique. T. I. Paris: Presses universitaires de France, 1969, p. 492.

²⁶ Jean Marchal. Cours d'économie politique. *Loc. cit.*

²⁷ François Perroux. *Op. cit.*, p. 137.

²⁸ Berlioz G. *Op. cit.*

²⁹ Jean Lhomme *Op. cit.*, p. 38 et s.

³⁰ Barre R. *Op. cit.*, p. 492.

³¹ Albert Venn Dicey. Law and public opinion in England: notes from the editors. Birmingham, Ala: Legal Classics Library, 1985. 26 p.

³² Gérard Farjat. Droit économique. Paris: Presses Universitaires de France, 1982, p. 44; Jean Marchal. *Op. cit.*, p. 771.

³³ Perroux F. Le Capitalisme, Paris, 1962, p. 42.

³⁴ Jean Marchal. Système et structures économique, 3e éd, 1963, p. 47, et 470 et s.

³⁵ François Perroux. *Op. cit.*, p. 137.

³⁶ Isaacs N. The standardizing of contracts, 27 Yale L.J.34, 1917; Kessler F. Contracts of Adhesion. *Loc. cit.* Friedman, Kaw in a Changing Society, Londres, 1959, p. 102.; Sales H-B. Standard form contracts, 1953, 16 Mod. L. R. 318.

³⁷ Savatier R. Les métamorphoses économiques et sociales du droit privé aujourd'hui, 1er siècle, 1964, p. 115.

³⁸ François Perroux. *Op. cit.*, p. 86, Galbraith. The New Industrial State, 1967, p. 23 – 26.

³⁹ Juliot de la Morandière L. Droit civil. T. II, p. 167.

résultant d'un équilibre entre l'offre et la demande qui se fait à l'échelle de masse⁴⁰. L'offre se fait par la publicité sur les „mass média”⁴¹, la demande s'exprime par le biais du „mass-marketing” et des sondages représentatifs des couches de la population. L'individualité des parties qui donnait sa coloration à l'ancien contrat disparaît et les clauses deviennent „stéréotypées”⁴².

La préréaction du contenu contractuel, rendue possible par la standardisation du contrat, est imposée par l'accélération et la multiplication des échanges. La préparation de milliers de contrats individualisés pour des opérations similaires serait économiquement impossible⁴³. Les conditions stéréotypées sont rédigées par une équipe spécialisée qui établit un texte destiné à prévoir toutes les éventualités. Ces conditions sont ensuite utilisées dans toutes les relations contractuelles concernant les mêmes produits ou services, quel que soit le co-contractant. Elles peuvent être soit reproduites ou incorporées par référence dans des formules de contrat tirées en de multiples exemplaires, soit affichées dans les lieux de conclusion du contrat⁴⁴. La conclusion des contrats peut alors être confiée à des agents subalternes auxquels on n'accorde aucun pouvoir de décision, qui ne disposent d'aucune marge de négociation des termes contractuels. Ceux-ci étant fixés à l'avance, l'argument de l'agent „cherche seulement à obtenir la signature sur le formulaire”, il ne reste plus au client qu'à adhérer en signant sur le pointillé⁴⁵.

Les limitations abusives des engagements pris contractuellement qui ont caractérisé la

première utilisation des contrats d'adhésion, et qui n'ont pas disparu, ne doivent pas faire oublier qu'un choix et une limitation raisonnable des engagements permettent de faire du contrat d'adhésion un mode de calcul, de prévision et de délimitation des risques indispensable à une gestion rationnelle et à une détermination objective des prix. L'uniformité des clauses des contrats qui reviennent fréquemment dans la vie des entreprises est en effet un élément nécessaire au calcul des coûts⁴⁶.

Ainsi les facteurs économiques, après avoir fait des contrats d'adhésion, un instrument de contrainte, ont rendu nécessaire l'utilisation du contrat d'adhésion. Le développement du capitalisme industriel donnait à certains le pouvoir de refuser la négociation et d'imposer leurs conditions. L'expansion industrielle, en accélérant et en intensifiant les échanges ainsi qu'en changeant d'échelle les mécanismes d'adaptation, supprime la négociation individuelle: les techniques de conclusion des contrats uniformes et sans débat sont économiquement indispensables sous peine de faire de cette conclusion un processus extrêmement coûteux, lent et complètement inadapté au volume et à la rapidité des opérations commerciales. A notre avis l'adhésion à un contrat standardisé et préréactionné, soumis par un intermédiaire, sans pouvoir de négociation, est nécessaire dans un état, car le contrat d'adhésion en tant que mode de conclusion est imposé par les facteurs économiques.

Des phases comparables se retrouvent dans le cadre juridique. Le contrat a d'abord permis de combattre les efforts de protection sociale suscités par les transformations de la société en utilisant le libéralisme qui continuait à régner dans le domaine contractuel. Puis le contrat d'adhésion est devenu l'instrument de délimitation des engagements contractés nécessaire à la gestion de l'entreprise.

B- Les facteurs juridiques

Le contrat classique imposait une rigidité d'exécution dont l'industrie naissante, soumise

⁴⁰ François Perroux.. *Op. cit.*, p. 138; Lavernhe R. Le rôle économique de la publicité. Dans: Annales de la Faculté de Droit et des Sciences Economiques de Toulouse. T. XVII, 1969, p. 152: „publicitatea este o parte esențială a economiei ca un accelerator de vânzare și un nou instrument al dialogului dintre producători și consumatori”.

⁴¹ Lavernhe F. *Op. cit.*, p. 150: „la publicité est un remarquable instrument de la vente de masse, complètement indispensable de la production de masse”.

⁴² Berlioz G. *Op. cit.*, p. 19.

⁴³ Cohen M., *Law and Social Order*, Londres, 1967, p. 106; Friedeman W. *Law in Changing Society*, Londres, 1959, p. 102.

⁴⁴ Berlioz G. *Op. cit.*, p. 19.

⁴⁵ Brennan J. In *National Equipment Rental, Ltd.* Szhukhent, 37 U.S. 311, 1964, p. 334.

⁴⁶ Contractele tip sunt, de asemenea considerate ca fiind avantajoase din punct de vedere fiscal, cf MEISNER G., L'influence du droit fiscale sur la rédaction des contrats en R.F.A., *Gaz. Pal.* 29 déc. 1971, p. 2.

à des aléas divers, ne voulait pas s'accommoder pour elle-même. Il y avait donc une tentation d'exclure toutes les difficultés imprévisibles d'exécution, telles que les grèves, le feu et les difficultés de transport, dont la doctrine classique des contrats ne faisait pas forcément des cas de force majeure. En outre il était tentant d'exclure toute responsabilité pour exécution tardive⁴⁷.

Le déclin du libéralisme, par une évolution souvent décrite, se traduit par l'apparition d'entorses à la liberté contractuelle: interdiction d'une clause donnée, inclusion obligatoire de certaines clauses ou imposition de certains effets aux contrats, agrément administratif auquel est subordonnée l'efficacité du contrat, obligation de contracter⁴⁸. Mais le libéralisme dans le domaine contractuel gardait cependant une grande vitalité auprès de la jurisprudence. Les tribunaux, en cherchant à perpétuer le mythe de l'autonomie de ta volonté, donnent la possibilité de combattre les efforts législatifs de protection sociale⁴⁹. Rares sont les juges qui réalisent que l'appel à la liberté contractuelle est „la mascarade des privilèges cherchant à se retrancher derrière le slogan d'un principe”⁵⁰.

L'auteur Magdi-Sobhy Khalil écrivait qu' „au contrat dirigé, fruit de l'interventionnisme législatif, répond le contrat d'adhésion, enfant du libéralisme judiciaire”⁵¹. Par exemple les garanties dont le législateur proclame qu'elles sont implicites dans la vente sont exclues par des clauses dites de „garantie” qui ne sont que des clauses d'exonération déguisées⁵².

Les assurances sont les premières à avoir dans leurs contrats choisi et limité les risques

qu'elles prenaient⁵³. L'exemple fut rapidement suivi. Le contrat, soumis à l'adhésion d'un contractant qui ne peut négocier les termes et qui souvent ne peut se passer du bien ou du service offert ou qui dépend de la partie forte, devient l'instrument de calcul et de limitation des risques. Les entreprises, aussi bien publiques que privées, aperçoivent l'utilité du contrat d'adhésion comme moyen efficace d'établir les conditions de leur activité, et de créer un „droit autonome de l'économie”.

D'autre part, en raison de la spécialisation des rôles économiques⁵⁴ et de la mutation rapide de la société, les usagers jugent parfois que certains articles du Code civil ou du Code de commerce applicables à leurs contrats ne sont pas assez détaillés pour répondre aux besoins de leur commerce ou sont vieillissés. C'est ainsi qu'en matière d'affrètement les dispositions de notre code, comme celles des lois étrangères, sont souvent écartées par les parties qui leur substituent des stipulations qui correspondent mieux à leurs besoins⁵⁵. René Rodière écrit dans le „Traité général de droit maritime” que les contractants utilisent des contrats types qui sont connus et utilisés dans tout le monde maritime, ou des chartes types plus spéciales, chartes existant en quelques séries dont le dénombrement est possible et la connaissance indispensable pour traiter de l'affrètement⁵⁶. Les droits spécialisés et adaptables se créent ainsi.

On assiste aussi à „l'internationalisation du contrat”⁵⁷. A cause „de l'incertitude qui pèse parfois sur les contrats de caractère international en raison des complexités du droit international privé, d'une part, et des difficultés rencontrées pour obtenir des renseignements sûrs au sujet d'un système,

⁴⁷ Berlioz G. *Op. cit.*, p. 20.

⁴⁸ Durand P. La contrainte légale dans la formation du rapport contractuel. Paris: R.T.D.C., 1944, p. 73.

⁴⁹ Philippe Malaurie. L'Ordre public et le contrat: étude de droit civil comparé, France, Angleterre, U.R.S.S. Reims: Matot-Braine (impr. de Matot-Braine), 1953. xxiv + 280 p.; Carbonnier J. *Op. cit.*, p. 115.

⁵⁰ Frankfurter F., citant Cardozo in Mr. Justice Cardozo and Public Law, 52, Harv. L. Rev. 440 et 462, 1938 - 1939.

⁵¹ Magdi Sobhy. Le dirigisme économique dans les contrats. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1967. viii + 415 p.

⁵² Sales H.B. Standard Contracts M.L.R., 1953, p. 333.

⁵³ Kessler F. Contrats of Adhesion. *Op. cit.*, p. 629. L'apparition des modèles de police d'assurance date des XVIe et XVIIe siècles. La police d'assurance maritime d'Anvers date de 1853.

⁵⁴ Georges Ripert. Droit civil approfondi. Les limites de la liberté contractuelle. *Op. cit.*, p. 44.

⁵⁵ René Rodière. Traité général de droit maritime. Paris: Dalloz, 1967, p. 79.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Georges Ripert. Droit civil approfondi. Les limites de la liberté contractuelle. *Op. cit.*, p. 45.

juridique étranger, d'autre part"⁵⁸, des normes originales du commerce international se forment. Ces normes se forment par l'adhésion à des règles abstraites et générales⁵⁹ incorporées dans des contrats types et interprétées en fonction de règles standardisées d'interprétation.

Si les insuffisances du droit exigent le recours au contrat d'adhésion devenu une source d'engagements uniformes, de règles spécialisées et adaptables ainsi que dénationalisées, ses transformations concourent également au développement du contrat d'adhésion.

En effet si les transformations de l'économie ont créé des contrats dont le caractère d'adhésion résulte du déséquilibre des forces en présence ou de la nature des échanges, les moyens et les théories juridiques qui se sont développés dans ce contexte créent des contrats d'adhésion non par la nature des parties ou de l'objet du contrat, mais par la nature du contrat lui-même.

Enfin, nous soutenons que la collectivisation et la standardisation de la vie moderne font que le contrat d'adhésion devient le mode de réglementation et d'organisation de cette vie sociale. De même l'individu doit de plus en plus s'adapter au groupement qui lui impose d'adhérer à ses règles, même pour ses loisirs, ses vacances ou ses distractions nocturnes, car toutes ces activités deviennent de plus en plus l'apanage des clubs⁶⁰.

Ces transformations engendrent elles-mêmes un changement de mentalité qui incite l'individu à rechercher le contrat d'adhésion. L'homme moderne a peur de son individualité, il ne se sent bien qu'en groupe, c'est la tendance volontaire à l'univers concentrationnaire. Il recherche la sécurité dans l'impersonnalité, il pense que l'uniformité des conditions, en évitant la discrimination, lui assurera des conditions plus équitables.

C - Les facteurs matériels

Les facteurs matériels de présentation du document contractuel contribuent à faire du

contrat un contrat d'adhésion. Le document contractuel est généralement imprimé à l'avance et la partie plus faible n'a pas l'opportunité de le modifier. L'impression permet d'inclure une telle quantité de clauses que, dans les conditions normales de conclusion des opérations du commerce en raison de la rapidité des échanges, il est matériellement impossible à l'adhérent même de lire les clauses des documents qui lui sont remis, a fortiori de les comprendre et de les discuter⁶¹. Dans ces conditions, le consommateur n'a pas assuré son droit à l'information, ainsi que nous soutenons que le contenu du contrat doit être plus bref et clair pour les deux parties du contrat et la partie forte ne doit pas profiter de la faiblesse de l'autre partie.

D'autre part il faut réaliser la force d'inertie que représente le fait que les conditions préétablies soient imprimées. Le caractère définitif des clauses imprimées a pour conséquence que les parties n'y prêtent souvent pas attention et se résignent de toute façon, les considérant comme inéluctables, ignorant généralement que par des clauses manuscrites ou dactylographiées elles pourraient y déroger.

De même la gestion automatisée par moyens mécaniques ou électroniques exige que toutes les conditions accordées puissent être classées en catégories. C'est la tendance générale à la normalisation qui exige que toutes les formules soient standardisées⁶².

Enfin les méthodes modernes de vente, dépersonnalisées et automatisées, excluent toute possibilité de discussion. L'individu contracte sans pouvoir dialoguer, que la vente se fasse en libre service ou par distribution automatique. L'adhérent contracte de plus en plus souvent avec une machine: le voyageur qui prend son billet en déposant une pièce de monnaie dans un distributeur automatique n'est pas à même de discuter les modalités de son transport avec la machine, pas plus que l'assuré qui obtient sa police d'assurance d'une machine avant de prendre l'avion. L'impossibilité de ramener ces opérations aux

⁵⁸ Benjamin P. ECE General Conditions of sales and Standard Forms of Contract. Paris: J.B.L., 1961, p. 113.

⁵⁹ Philippe Kahn. La vente commerciale internationale. Paris: Sirey, 1961. viii + 465 p.

⁶⁰ Berlioz G. *Op. cit.*, p. 24 – 25.

⁶¹ Berlioz G. *Op. cit.*, p. 25 – 26.

⁶² Berlioz G. *Op. cit.*, p. 26.

contrats classiques a été reconnue depuis longtemps⁶³.

Ainsi, on voit que tous les facteurs concouraient à faire du contrat d'adhésion, le contrat de la vie courante et de la vie des affaires. Le déséquilibre entre les parties et la standardisation de l'objet, la nature du contrat et la forme même du document contractuel, tendent à rendre l'adhésion inévitable. Nous verrons maintenant comment l'on peut définir le contrat d'adhésion et sous quelles formes il se présente.

Il a été soutenu dans la doctrine que le contrat d'adhésion, ne reposant pas sur la libre volonté des deux parties, relevait en réalité de l'institution et présentait en conséquence une nature réglementaire justifiant l'application de règles spécifiques protectrices de l'adhérent. En ce qui concerne le régime juridique c'est important premièrement de donner la définition et les variétés du contrat d'adhésion.

Cette catégorie de contrats, mise en lumière par la doctrine du début du XXe siècle⁶⁴, a fait depuis lors l'objet de nombreuses études⁶⁵. Son existence n'est plus aujourd'hui contestée, les auteurs s'accordant en général pour constater que les contrats d'adhésion constituent une „réalité sociale” et même que cette catégorie d'exception, imposée par les nécessités de la production et de la distribution de masse⁶⁶, est à l'heure actuelle statistiquement majoritaire⁶⁷. Doctrine et jurisprudence manifestent en revanche une extrême réserve s'agissant des conséquences qu'il conviendrait de tirer de ces constatations.

⁶³ Léon Duguit. Les transformations du droit privé. Paris: F. Alcan, 1912, p. 122.

⁶⁴ Raymond Saleilles. Etude sur la théorie générale de l'obligation d'après le premier projet de Code civil pour l'Empire allemand. Paris, 1923, p. 337.

⁶⁵ Berlioz G. *Op. cit.*; Georges Ripert. Les limites à la liberté contractuelle. *Op. cit.*, p. 45; Benjamin P. ECE General Conditions of sales and Standard Forms of Contract, J.B.L., 1961, p. 113; Sales. Standard Contracts M.L.R., 1953, p. 333; Kessler F. Contrats of Adhésion. *Op. cit.*, p. 629.

⁶⁶ Ghestin J. Traité de droit civil, La formation du contrat. Paris: LGDJ, 1993, p. 96; Malaurie P., Aynès L., Stoffel-Munck P. Les obligations: Defrénois, 2004, p. 426; Starck B., Roland H., Boyer L. *Op. cit.*, p. 153.

⁶⁷ Jean Ghestin. Traité de droit civil, La formation du contrat. Paris: LGDJ, 3e éd. 1993, p. 96; Starck B., Roland H., Boyer L. *Op. cit.*, p. 153.

Plusieurs définitions ont été données par la doctrine. D'une part, les auteurs soutiennent qu'un contrat d'adhésion est un contrat dont le contenu contractuel a été fixé, totalement ou partiellement, de façon abstraite et générale avant la période contractuelle⁶⁸.

D'autres auteurs exposent que le contrat d'adhésion est celui dont le contenu est préétabli et imposé par la partie la plus puissante économiquement, le cocontractant n'ayant d'autre choix que d'adhérer à ces stipulations ou de renoncer à contracter – ce qui, du reste, lui est souvent impossible, certains contrats étant en fait nécessaires.

En plus, certains⁶⁹ ont proposé de le nommer „contrat par adhésion”, car l'expression aurait l'avantage de pouvoir faire opposition à ce que nous appellerions le contrat par négociation. Selon le droit français

⁶⁸ Saleilles R. De la déclaration de volonté. Contribution à l'étude de l'acte juridique dans le Code civil allemand, nouveau tirage, Paris, 1929, art. 133, n. 89, p. 229, „contractele de adeziune sunt acte în care există prezența exclusivă a unei voințe, fiind ca unilaterală, ce dictează legea sa, nu doar în privința unui individ, dar și în privința unei colectivități nedeterminate”.

Capitant H. Vocabulaire Juridique 1931: „Adeziunea: act prin care o persoană prin care o persoană a rămas până în prezent străină la un acord pentru a se conforma cu termenii săi. Contract de adeziune: expresie prin care se indică, în doctrină anumite contracte a căror clauze esențiale sunt prestabilite de către una dintre părți pentru toți ce doresc să contracteze cu ea”.

Del Mur-Mol. Clauses contractuelles type. Liber Amicorum Baron Fredericq, Gand, 1966, p. 307, p. 310 apropiat de definiția dată a actului unilateral, în contextul contractului de adeziune, ca „o ofertă de a contracta pe baze juridice prestabilite”.

Aubert J-L. Notions et rôles de l'offre et de l'acceptation dans la formation du contrat, Paris, 1970, p. 277: „Acesta ni se pare că autorizează criteriul distinctiv a contractului de adeziune: la baza sa se află o ofertă, sau o combinație, adresate comunității, a unui acord ale căror detalii sunt furnizate de ofertant și a cărui conținut nu va putea fi modificat ca rezultat a unei contrapropuneri”.

De Page H. Traité, élémentaire de droit civil belge, t. II, Bruxelles, 3e éd., 1964, p. 536. n. 550: „se indică sub conceptul de contracte de adeziune anumite contracte care se formează fără discuție prealabilă, între părți, privind clauzele și termenii săi, în cadrul cărora partea acceptantă se mulțumește să dea acordul său de a adera la un proiect determinat și aproape întotdeauna imuabil, sau la un contract tip pe care îl prezintă partea ofertantă”.

⁶⁹ Dereux F. De la nature juridique des contrats d'adhésion. Dans: Revue trimestrielle de droit civil, 1910, p. 503 – 535.

on peut définir les contrats d'adhésion comme ceux „rédigés unilatéralement par l'une des parties et auxquels l'autre adhère sans possibilité réelle de les modifier.”⁷⁰. Conformément l'art. 1379 du Code civil du Québec „Le contrat est d'adhésion lorsque les stipulations essentielles qu'il comporte ont été imposées par l'une des parties ou rédigées par elle, pour son compte ou suivant ses instructions, et qu'elles ne pouvaient être librement discutées. Tout contrat qui n'est pas d'adhésion est de gré à gré”⁷¹. Dans le système de droit moldave sous la notion de contrat d'adhésion on comprend „un accord de volonté réalisé entre deux ou plusieurs personnes dans lequel on établit, modifie ou on étend le rapport juridique”.

Par opposition, le contrat de gré à gré le contrat d'adhésion se définit comme celui qui est librement négocié entre deux parties d'égale puissance économique. Il s'agit de la catégorie de droit commun, celle qu'implique l'autonomie de la volonté et qu'avaient dans l'esprit les rédacteurs du Code civil. Ce qui est donc essentiel dans le contrat d'adhésion c'est l'absence de débat préalable⁷², la détermination unilatérale du contenu contractuel, qu'elle soit le fait de l'une des parties ou d'un tiers. Cette volonté unilatérale fixe l'économie du contrat où l'un de ses éléments, la volonté de l'adhérent n'intervient que pour donner une efficacité juridique à cette volonté unilatérale⁷³.

⁷⁰ Jacques Ghestin. Traité de droit civil: Les obligations: le contrat. Paris: L.G.D.J., 1980, p. 74.

⁷¹ Le Code civil de Québec L.Q., 1991, p. 64.

⁷² Rieg J. dans le Contrat type et contrat d'adhésion. Dans: Etudes de Droit Contemporain, t. XXXIII, p. 105, 108 a dit qu' „ar fi greșit să se vorbească despre contractul de adeziune ori de câte ori nu există nici o discuție prealabilă între părți , în caz contrar toate vânzările din magazine ar fi avut acest caracter, prețul fiind stabilit foarte general, doar de către vânzător”.

⁷³ Berlioz G. dans l'ouvrage Le contrat d'adhésion. *Op. cit.* écrivait que „este, de asemenea, tipic de a constata că formulările contractului nu sunt prezentate decât în momentul semnării contractului. Este imposibil de a obține în avans, de exemplu de la o bancă, un conținut al contractului, chiar dacă suntem client al acestei bănci și le declarăm dorința reală de a contracta. Aderentul, deci, nu dispune de textul exact al contractului, astfel încât neavând posibilitatea juridică și nici psihologică de a efectua o examinare detaliată. Cu toate acestea atunci când puterea efectivă de tranzacționare există, deoarece operațiunea este

Ainsi, la prédétermination du contenu correspond à une situation où le stipulant détermine lui-même le contenu du contrat, les modalités d'exécution et les risques qu'il assume en vue d'une application multiple. Même si l'adhérent obtient des aménagements à ces modalités il n'en demeure pas moins qu'il est dans une situation particulière de dépendance vis-à-vis du stipulant.

L'infériorité de l'adhérent est due tout d'abord à l'infériorité de prévision quant au contrat, car pour l'adhérent il s'agit d'une opération isolée, à laquelle il n'a pas spécialement réfléchi, et où il recherche une prestation. La prédétermination du contenu contractuel se traduit aussi bien par l'absence de participation à la rédaction que par sa conséquence logique, le rôle passif de l'adhérent dans l'exécution du contrat, l'adhérent se fiant par la force des choses au stipulant.

Nous avons indiqué que, dans les contrats d'adhésion une volonté extérieure à l'une des parties fixe à l'avance et de façon abstraite le contenu contractuel. Cette volonté peut se former et s'exprimer de différentes manières. Ainsi elle peut se former elle-même unilatéralement. C'est le cas des conditions générales, des règlements intérieurs, des clauses contenues sur les documents divers qui forment le document contractuel ou accompagnent la transaction **(a)**. Elle peut se former par le concours de volontés diverses. C'est le cas des contrats type, dont le contenu contractuel est élaboré, collectivement et ensuite soumis à l'adhésion **(b)**. Elle peut n'être que partielle, se réduire à un code d'interprétation, c'est le cas des termes normalisés **(c)**. Nous étudierons donc successivement ces différentes formes d'expression, ces diverses sources de contrats d'adhésion.

Les conditions générales.

Les conditions générales se présentent sous la forme d'une liste de clauses qui sont annexées au contrat ou qui y sont incorporées par référence. Ces conditions générales sont

individualizată, contractantul, prin intermediul serviciului juridic sau a avocatului său, va comunica un proiect al contractului, și atunci, datorită recomandărilor sale va participa la determinarea finală a conținutului contractual”.

établies par l'une des parties (si elles sont établies par un organisme extérieur, par exemple un organisme professionnel, elles se confondent avec les contrats types). Elles s'apparentent au règlement intérieur à la différence que celui-ci est généralement affiché, et que le terme de conditions générales est souvent réservé au contrat de vente, où elles sont particulièrement fréquentes. Dans la vente, en raison de la fréquence d'opérations commerciales similaires et de la rapidité de ces transactions, le document contractuel prend généralement la forme d'un bon de commande. Celui-ci est simplement signé par l'acheteur: il indique les caractéristiques générales du contrat de vente, l'objet vendu, les modalités du règlement et le délai de livraison. D'autre part il rappelle les conditions générales de l'opération qui ne sont pas débattues, mais simplement soumises à l'adhésion du client. Leur aspect imprimé et objectif empêche toute discussion, même en l'absence d'une disparité de puissance.

Pour le particulier ces conditions générales deviennent omniprésentes. Chaque fois qu'un individu prend le car ou le train, porte ses vêtements chez le teinturier, laisse ses bagages à la consigne, fait une opération bancaire, il se voit imposer ces conditions générales. Chaque opération commerciale s'accompagne maintenant de la remise d'un bulletin, bordereau, ticket, et sur tous ces documents sont inscrites les conditions suivant lesquelles le stipulant entend traiter. L'adhérent n'a matériellement le temps ni de les lire, ni de les discuter.

Cette extension de l'usage des conditions générales imposées à l'adhésion du client infirme l'affirmation de ceux qui ont dit „que la volonté du stipulant dans les contrats d'adhésion ne s'imposait pas à l'adhérent parce qu'elle n'avait pas la même force dynamique que la loi”⁷⁴.

(b) Les contrats types

Les contrats types sont une deuxième source de contrats d'adhésion⁷⁵. Si le terme de „contrat type” est d'origine, assez récente, c'est en raison non de la nouveauté de l'emploi de formules types, mais de la modification de leur utilisation. Depuis l'antiquité les hommes de loi ont coutume de se référer à des formules pour rédiger la plupart des actes de leur ministère. Les traités formulaires sont d'usage courant depuis des siècles, surtout dans les pays de „common law” où chaque terme doit être soupesé. Cette habitude offre l'avantage d'éviter les aléas d'une improvisation, mettant au service des contractants une expérience acquise par une longue pratique.

Mais cet emploi de formules types servait alors à l'élaboration d'un contrat qui restait individualisé. La confection sur mesure n'exclut pas l'utilisation d'un patron, elle exige simplement son adaptation individuelle. Certes parfois leur utilisation automatique conduisait à surcharger le contrat de clauses qui ne répondaient pas aux besoins de ces conventions, c'étaient les clauses dites „de style”, ce que les Anglais appellent de façon imagée le „boiler plate clauses”⁷⁶. Ces déviations toutefois ne donnaient pas naissance à une catégorie spéciale de contrats. Tant que le „contrat-type” reste une „formule type de contrat” il ne constitue pas un contrat au sens de l'article 1101 du Code civil, mais un modèle pour de futurs contrats. L'intérêt du concept est alors assez faible, la formule type de contrat ne constitue pas plus une notion juridique que le traité formulaire, le guide pratique de rédaction des contrats ou le fichier personnel d'actes préalablement rédigés du praticien expérimenté.

L'intérêt du contrat type apparaît lorsqu'il est la source de contrats d'adhésion. On a comparé le contrat type au droit écrit, le droit coutumier étant représenté par les usages professionnels: „A un certain moment, on fixe, dans un contrat qui est toujours suivi, le droit

⁷⁴ Robert de Saint-Rémy. De la révision des clauses léonines dans les contrats d'adhésion. Paris: Les Presses modernes, 1928, p. 47.

⁷⁵ Yvon Loussouarn, Jean-Denis Bredin. Droit du commerce international. Paris: Sirey, 1969, p. 559, p. 585.

⁷⁶ L'expression peut être traduite comme „clause de blindage”, c'est-à-dire de protection contre toute éventualité. C'est une clause destinée à procurer une sécurité supplémentaire.

qui sera applicable”⁷⁷. Les analyses des „contrats types facultatifs”⁷⁸ montrent que ces contrats sont en effet toujours suivis⁷⁹.

Il est évident en effet que, pour que les règles générales et abstraites contenues dans les contrats types puissent servir de normes, elles doivent recevoir l'adhésion des utilisateurs et ne pas subir de dérogation, sous peine de perdre l'effectivité qui caractérise les normes. C'est seulement ainsi que les groupements professionnels acquièrent le pouvoir réglementaire qu'ils ne possèdent pas en théorie.

La volonté de „normalisation” qui caractérise le contrat-type n'est réalisé que par l'adhésion sans déviation des termes. Ces „contrats types” sont d'ailleurs souvent des contrats d'adhésion à un autre titre: ils sont en effet souvent déséquilibrés en faveur de l'une des parties et leur utilisation traduit la position dominante de cette partie⁸⁰. Dans les relations internationales⁸¹ comme dans les relations internes⁸² cette utilisation des rapports de puissance pour obtenir une rédaction des contrats type avantageant la plus forte des deux parties et pour imposer leur utilisation n'est pas sans créer une suspicion à l'égard de ces contrats type. D'autre part ceux-ci résultent souvent d'une entente pour fixer des clauses contractuelles communes, le contrat-type est alors valable pour un secteur d'activité. Dans le cas de l'entente industrielle ou commerciale

l'uniformisation des conditions générales par l'adoption d'un contrat type constitue une des armes classiques tendant à résorber les effets jugés néfastes de la concurrence.

(c) Les termes normalisés

Les termes normalisés fournissent des règles d'interprétation complétant le cadre juridique offert par les contrats types. Les plus connus sont les Incoterms de la Chambre de Commerce Internationale⁸³. Les Incoterms 1953 sont une série de règles internationales pour l'interprétation de neuf termes d'utilisation particulièrement fréquente dans les contrats commerciaux. Ces règles deviennent applicables par l'indication dans le contrat type, que l'interprétation se fera en fonction des „Incoterms 1953”⁸⁴. Leur but est „de fournir un ensemble de règles internationales pour l'interprétation des termes principaux utilisés dans les contrats du commerce international, pour l'usage facultatif des hommes d'affaires qui préfèrent la certitude de règles internationales aux incertitudes des interprétations diverses des mêmes termes dans différents pays”. Leur utilisation doit, d'après la Chambre de Commerce Internationale, réduire les difficultés qui handicapent le commerce et qui sont dues „à l'incertitude quant à la loi nationale applicable aux contrats, le manque d'information et les difficultés résultant de la diversité d'interprétation”. Ce code d'interprétation constitue donc bien, lorsque les parties décident d'en adopter les dispositions, une prédétermination du contenu contractuel⁸⁵.

Tous les contrats, nommés ou innommés, peuvent se présenter sous la forme de contrat d'adhésion. On peut en dresser la liste⁸⁶, d'ailleurs non limitative, suivante :

toutes les formes d'assurance sont en général des contrats d'adhésion. L'assuré

⁷⁷ Georges Ripert. *Droit civil approfondi. Les limites de la liberté contractuelle*. Paris, Cours de Droit, 1929/30, p. 443.

⁷⁸ Georges Ripert. *Op. cit.*, p. 437.

⁷⁹ Berlioz G. *Op. cit.*, p. 34.

⁸⁰ Albert H Boulton. *The Making of Business Contracts*. London: Sweet & Maxwell, 1965, p. 50.

⁸¹ Andre Tune. *English and Continental Commercial Law*. In: *Journal of Business Law*. London, 1961, p. 234, 241. Pentru a promova utilizarea unor modele de contracte, tendința este de a remedia această suspiciune prin negocierea contractului tip, în special, sub autoritatea Comisiei Economice pentru Europa.; Tune A. L'élaboration de conditions générales de vente sous les auspices de la Commission économique pour l'Europe. In: *Revue internationale de Droit comparé*. 1960 12; Benjamin P. *The General Conditions of Sale and Standard of Contract drawn up by the United Nations Economic Commission for Europe*, 1961, J.B.L. 113.

⁸² Charley Del Marmol. *Les clauses contractuelles types, facteur d'unification du droit commercial*. [S.I.]: [s.n.], [s.d.]. 15 p.

⁸³ Yvon Loussouarn, Jean-Denis Bredin. *Op. cit.*, p. 47; Frédéric Eisemann. *Die Incoterms im internationalen Warenkaufrecht: Wesen und Geltungsgrund*. Stuttgart: F. Enke, 1967. vi + 77 p.

⁸⁴ Berlioz G. *Op. cit.*, p. 35.

⁸⁵ Pentru limbajuri similare formulate de către asociațiile profesionale. Vezi: Clive M Schmitthoff. *The Sources of the Law of International Trade, with special reference to East-West trade*. London: Stevens, 1967, p. 115.

⁸⁶ Berlioz G. *Op. cit.*, p. 39 – 40.

souscrit à une police prérédigée par la compagnie, sans possibilité de discuter les clauses. Le courtier explique les risques couverts, le montant de l'indemnité et des primes, l'adhérent ne reçoit la police contenant la stipulation qu'après s'être engagé. Dans la majorité des cas il ne lit les conditions multiples du contrat qu'en cas de sinistre. Certes il a le choix entre diverses polices, entre différentes options, mais toutes sont standards et sont prédéterminées.

– toutes les variétés de contrat de transport, par terre, par eau ou par air. Il n'y a aucune possibilité de discussion des clauses figurant sur le billet qui est délivré ou dans les polices des transports qui sont affichées, contenues dans des imprimés ou consultable sur internet.

– les variétés diverses de contrat de service offertes aux consommateurs. Ainsi l'automobiliste qui va garer sa voiture au parking, la ménagère qui confie son linge au blanchisseur se voient délivrer des reçus portant des clauses qui ne sont soumises à aucune discussion.

– la plupart des baux peuvent être considérés comme des contrats d'adhésion. Le contrat peut être une formule type préparée par un agent immobilier ou par une simple imprimerie, de toute façon le locataire doit adhérer aux conditions imprimées s'il veut occuper les locaux. Même si le contrat type a été préparé par une imprimerie les conditions sont beaucoup plus onéreuses que le droit commun: ce sont les bailleurs qui achètent ces formules.

– les contrats de vente⁸⁷, en particulier ceux qui comportent une forme de crédit quelconque. Les sociétés de financement dictent des formules de plus en plus rigoureuses, non seulement au consommateur, mais aussi au petit commerçant qui doit acheter des biens à crédit.

– les contrats bancaires⁸⁸ sont établis sur des formules préétablies par la banque, à des

conditions que celle-ci, sauf dans le cas d'opérations extrêmement importantes, n'accepte pas de discuter.

– citons enfin les contrats de fourniture, d'abonnements, les contrats d'édition ou de production de disques, qui sont régis par des contrats types, les contrats avec les maisons d'éducation, avec les hôtels, agences de voyage, les contrats du public avec les cinémas, les théâtres, la liste couvre rapidement la plupart des contrats de la vie courante.

Instrument économique, expression d'un pouvoir de contrainte ou d'un pouvoir normatif, le contrat d'adhésion se caractérise non seulement par la manière dont il se forme, mais aussi par son effet, en droit interne comme en droit international privé. Le plan traditionnel d'analyse des contrats doit cependant être adapté, car il suppose la fusion de deux volontés. Celles-ci, qui se sont exprimées par l'offre et l'acceptation, et qui se sont mutuellement influencées pendant la négociation, s'intègrent pour former un contrat dont on peut étudier la formation et les effets.

Bibliographie:

1. Albert H Boulton. *The Making of Business Contracts*. London: Sweet & Maxwell, 1965. 178 p.
2. Albert Venn Dicey. *Law and public opinion in England: notes from the editors*. Birmingham, Ala: Legal Classics Library, 1985. 26 p.
3. Andre Tune. *English and Continental Commercial Law*. In: *Journal of Business Law*. London, 1961.
4. Barre R. Dans *Economie Politique*. T. I. Paris: Presses universitaires de France, 1969. 723 p.
5. Barre R. Dans *Economie Politique*. T. I. Paris: Presses universitaires de France, 1969. 723 p.
6. Berlioz G. *Le contrat d'adhésion*. Paris: L.G.D.J., 1973. 222 p.
7. Boulanger F. *Enc. Dalloz, Contrat et Convention* n°5.
8. Charley Del Marmol. *Les clauses contractuelles types, facteur d'unification du droit commercial*. [S.l.] : [s.n.], [s.d.]. 15 p.
9. Clive M Schmitthoff. *The Sources of the Law of International Trade, with special reference to East-West trade*. London: Stevens, 1967. xxvi + 292 p.
10. Dereux F. *De la nature juridique des contrats d'adhésion*. Dans: *Revue trimestrielle de droit civil*, 1910, p. 503 – 535.

⁸⁷ Pentru o listă a contractelor de vânzare ilustrând tendința la contractul de adeziune.; Jean Limpens. *La vente en droit belge*. Bruxelles: É. Bruylant, 1960, p. 536.

⁸⁸ Liebaert J. *A propos du règlement général des opérations de banque, les usages et le contrat d'adhésion*.

Dans: *Revue de la Banque*, Bruxelles. Juin 1968, No 4, juin 1968, p. 345.

11. Emmanuel Gounot. Le principe de l'autonomie de la volonté en droit privé: contribution à l'étude critique de l'individualisme juridique. Paris: Rousseau, 1912. 470 p.
12. Eugène Gaudemet. Théorie générale des Obligations. Paris: Recueil Sirey, 1937. 508 p.
13. François Perroux F. Le capitalisme. Paris: Presses Universitaires de France, 1962. 135 p.
14. François Perroux. L'économie du XXème siècle. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1961. 814 p.
15. François Perroux. L'économie du XXème siècle. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1961, p. 137.
16. Frédéric Eisemann. Die Incoterms im internationalen Warenkaufrecht: Wesen und Geltungsgrund. Stuttgart: F. Enke, 1967. vi + 77 p.
17. Gabriel Marty, Pierre Raynaud. Droit civil. T. II, 1er vol. Paris: Sirey, 1961. 927 p.
18. Gaston Morin. La loi et le contrat. Paris: Alcan, 1927. 170 p.
19. Georges Ripert. Droit civil approfondi. Les limites de la liberté contractuelle. Paris: Cours de Droit, 1929/30. 602 p.
20. Georges Ripert. La règle morale dans les obligations civiles. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1949. vii + 421 p.
21. Georges Ripert. Le régime démocratique et le droit civil moderne. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1948. 423 p.
22. Georges Ripert. L'ordre public et la liberté contractuelle. Dans: Mélanges François Géný. Paris, 1936, p. 347.
23. Gérard Farjat. Droit économique. Paris: Presses Universitaires de France, 1982. 783 p.
24. Ghestin J. Traité de droit civil, La formation du contrat. Paris: LGDJ, 1993. 976 p.
25. Gino Gorlo. Il contratto: problemi fondamentali trattati con il metodo comparativo e casistico. Milano: Giuffrè, 1954. xiv + 529 p.
26. Henri Batiffol. La crise du contrat. Dans: Archives de philosophie du Droit. XIII. Sur les notions du contrat. 1968.
27. Jacques Ghestin. Traité de droit civil: Les obligations: le contrat. Paris: L.G.D.J., 1980. vii + 846 p.
28. Jean Lhomme. Pouvoir et société économique. Paris: Edition Cujas, 1996. 394 p.
29. Jean Limpens. La vente en droit belge. Bruxelles: É. Bruylant, 1960. 828 p.
30. Jean Marchal. Cours d'économie politique. Paris: Les cours de droit, 1950. 639 p.
31. Joseph Lajugie. Les systèmes économiques. Paris: Presses universitaires de France, 1969. 127 p.
32. Lavernhe R. Le rôle économique et la publicité. Dans: Annales de la Faculté de Droit et de Sciences Economique de Toulouse. 1969, T. XVII, p. 151.
33. Le Code civil de Québec L.Q., 1991.
34. Léon Duguit. Les transformation du droit privé. Paris: F. Alcan, 1912, Vol. (II-206 p.).
35. Liebaert J. A propos du règlement général des opérations de banque, les usages et le contrat d'adhésion. Dans: Revue de la Banque, Bruxelles. Juin 1968, n° 4, p. 345 – 352.
36. Magdi Sobhy. Le dirigisme économique dans les contrats. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1967. viii + 415 p.
37. Philippe Kahn. La vente commerciale internationale. Paris: Sirey, 1961. viii + 465 p.
38. Philippe Malaurie. L'Ordre public et le contrat: étude de droit civil comparé, France, Angleterre, U.R.S.S. Reims: Matot-Braine (impr. de Matot-Braine), 1953. xxiv + 280 p.
39. Raymond Saleilles. Etude sur la théorie générale de l'obligation d'après le premier projet de Code civil pour l'Empire allemand. Paris, 1923. 476 p.
40. René Rodière. Traité général de droit maritime. Paris: Dalloz, 1967. 434 p.
41. René Savatier. Les Métamorphoses économiques et sociales du droit privé d'aujourd'hui. Treisième série: Approfondissement d'un droit renouvelé. Paris: Dalloz, 1959. 268 p.
42. Rieg A. Contrat type et contrat d'adhésion. Dans: Etudes de Droit Contemporaine, 1970. T. XXXIII.
43. Robert de Saint-Rémy. De la révision des clauses léonines dans les contrats d'adhésion. Paris: Les Presses modernes, 1928. 252 p.
44. Trochu M. Les clauses abusives dans les contrats conclus avec les consommateurs. Directive nr. 93-13-CEE du Conseil du 5 avril 1993. Dans: Dalloz 1993, p. 315.
45. Wolfgang Friedmann. Law in a changing society. New York, Columbia University Press, 1972. 580 p.
46. Yvon Loussouarn, Jean-Denis Bredin. Droit du commerce international. Paris: Sirey, 1969. x + 1036 p.

RELATII INTERNATIONALE

**ЗАПАДНОЕ ПОСТСОВЕТСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ТРАЕКТОРИИ
ИНТЕГРАЦИИ И ПОЛЮСА ПРИТЯЖЕНИЯ**

Юлия БИДЕНКО*

ABSTRACT:

**WESTERN POST-SOVIET BORDERLAND: CONCEPTUAL DEFINITIONS,
TRAJECTORIES OF INTEGRATION AND POLES OF ATTRACTION**

The trends of globalization significantly impact on the sovereignty of modern states, increase influence of the foreign policy on societies. This thesis is particularly relevant to the Western Post-Soviet countries such as Ukraine, Belarus and Moldova which were traditionally considered as a civilizational border between Europe and Eurasia and which has not yet been unambiguously defined their geopolitical strategy. As to author position they could be considered not as a common region, but as a space, influenced by a homogeneous international system - the European Union, which attracts them to social standards, freedom of movement and work places, the rule of law and democracy. Russia and its partners (heterogeneous international system) are attractive by natural resources, shared values, religion, and a stable regime can ensure energy security in exchange for loyalty and submission.

These states are involved in the Eastern Partnership EU Program, but domestic elites do not make crucial steps to integrate into one or another international system. Citizens of countries, which public opinion is analysed in this article, cannot be stable with their geo-political preferences – they depend on the conditions of domestic politics and internal conditions in Russia and the European Union circumstances. Thus author comes to conclusion that these states will balance between the attractive social guarantees and transparency of the democratic regimes of the European Union, and resource and cultural heritage of Eurasia. Therefore, the author considers this region as unstable and unable to join any of the poles of a heterogeneous international system over the next decades.

Keywords: western post-soviet borderland, Eastern Partnership, heterogeneous international system.

REZUMAT:

**FRONTIERELE OCCIDENTALE POST-SOVIETICE: DEFINIȚII CONCEPTUALE,
TRAIECTORIILE DE INTEGRARE ȘI POLURILE DE ATRACȚIE**

Tendențele de globalizare reflectă un impact semnificativ asupra suveranității statelor moderne, duc la creșterea influența politicii externe asupra societăților. Această teză este relevantă în special în țările occidentale postsovietice, precum Ucraina, Belarus și Moldova care au fost în mod tradițional considerat ca o bordură civilizoare între Europa și Eurasia și în care nu a fost încă clar definit strategia lor geopolitică. Din punctual de vedere al autorului ele ar putea fi considerate nu ca o regiune comună, ci ca un spațiu, influențat de un sistem internațional omogen - Uniunea Europeană, care le atrage la standardele sociale, libertatea de circulație și de

* **BIDENCO Iulia** – Doctor în științe politice, profesor la Departamentul de Științe Politice al Universității Naționale din Harkov. „V. N. Karazin”, șef al Departamentului de Administrare Socială și Drept a Institutului de Studii Sociale și Economice din Harkov. (Harkov, Ucraina); **BIDENKO Julia** – PhD. (political science), Professor in the Department of Political Science of Kharkov National University. „V. N. Karazin”, Head of the Department of Social Administration and Law of Kharkiv Social and Economic Institute. (Harkov, Ukraine); **БИДЕНКО Юлия Михайловна** – Кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, заведующая кафедрой социального управления и права Харьковского социально-экономического института. (Харьков, Украина).

locuri de muncă, a statului de drept și a democrației. Rusia și partenerii săi (sistemul internațional eterogen) sunt atractive prin resurse naturale, valorile comune, religie, regim stabil, care pot asigura securitatea energetică în schimbul loialității și transparenței.

Aceste state sunt implicate în Programul UE de Parteneriat Estic, dar elitele interne nu fac pași esențiali pentru a se integra în un sistem internațional sau altul. Cetățenii din țările în care este analizată opinia publică în acest articol, nu pot fi stabili cu preferințele lor geopolitice – ei depind atât de condițiile politicii interne din statele sale, cât și de condițiile interne din Rusia și circumstanțele Uniunii Europene. Astfel autorul concluzionează că aceste state balansează între garanțiile sociale atractive și transparența regimurilor democratice ale Uniunii Europene și resursele și patrimoniul cultural din Eurasia. Prin urmare, autorul consideră această regiune ca instabilă și capabilă să se alătureze la oricare dintre polurile unui sistem internațional eterogen în următoarele decenii.

Cuvinte cheie: frontierele occidentale post-sovietice, Parteneriatul Estic, sistem internațional eterogen.

Ключевые слова: западное постсоветское пограничье, Восточное партнерство, гетерогенная международная система.

Постановка проблематики исследования внешнеполитических траекторий развития государств западной части бывшего СССР (Украины, Беларуси, Молдовы) напрямую связана с рассмотрением регионального и глобализационного контекста, а также попытками нахождения наиболее оптимальной аналитической модели, позволяющей увидеть центры внешнеполитического притяжения развития обозначенных государств. Поэтому, целью нашего исследования является попытка анализа возможных путей внешнеполитического развития данных государств, а среди его задач можно обозначить рассмотрение роли государств как таковых в глобализирующемся мире, определение наиболее преферабельного методологического инструментария для анализа указанных стран, и рассмотрение центров, факторов и перспектив их притяжения восточным и западным полюсами.

Современный политический процесс глобального уровня состоит из совокупности внешнеполитических взаимодействий государств, различным образом интегрированных в мировое содружество, политики надгосударственных региональных образований и организаций (ЕС, СНГ, НАТО, АСЕАН и т. п.), функционирования Организации Объединенных Наций и ее профильных учреждений (МАГАТЭ, СОТ, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО). В последнее время существенную роль стали играть

неформализованные политические движения – культурные, гендерные, религиозные, даже террористические группировки. Эти новые акторы в XXI столетии приобретают все большее значение, предопределяя пересмотр понятия безопасности, сохранение которой является одной из главных целей мирового политического процесса. Ведь борьба с терроризмом вынуждает объединяться государства, которые имеют противоположные интересы, что создает новое измерение глобальной кооперации.

Вместе с традиционным рассмотрением политического процесса глобального уровня как совокупности внешнеполитической деятельности государств, в сферу политической науки приходит понимание международного политического процесса как политической глобализации. Среди известных ученых, анализировавших глобализацию в контексте политических исследований могут быть названы: М. Арчер, З. Бауман, З. Бжезинский, У. Бек, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Дж. Грей, Ф.Закария, А.Негри, Р. Робертсон, Д.Розенау, Дж. Стиглиц, О.Тоффлер, Ф. Фукуяма, Д.Хелд, Н.Хомски и др. На постсоветском пространстве определенный вклад в анализ глобализационных политических процессов внесли В. Андрущенко, О.Билорус, А.Блинов, И.Василенко, И.Воронов, К.Гаджиев, М. Днистрянский, С.Дорогунцов, М.Иноземцев, М.Ильин, Г.Кремень, Б.Межуев, М. Мельвиль,

Н. Михальченко, А. Неклесса, А. Панарин, Л. Сохань, А. Уткин, В. Федотова, П. Цыганков и т. д.

И западные и отечественные исследователи предлагают целый спектр определений глобализации, основанных на признании ее унификационной сущности. Это и интенсификация мировых социально-политических отношений, сближающих самые отдаленные места и события, и представления о глобализации как о многостороннем процессе, приводящем к нарастающей взаимозависимости культур и субъектов международных отношений, которые теряют свои национальные контуры. Во всех этих определениях утверждается восприятие глобализации как процесса взаимодействия разных взаимосвязанных элементов целостного мира. Однако, анализируя сущность и закономерности функционирования глобального общества, большинство ученых исходят из понимания содержания глобализации как «объективного, естественного процесса интеграции человечества в единое целое ...фиксирующее современную стадию интеграции мира, который становится все более взаимосвязанным, взаимозависимым и все более универсальным¹».

Приход в политическую науку понятия глобализации, трактуемой как «постепенное укрепление взаимодействия между нациями, цивилизациями и культурами, приводящее к образованию структур глобального управления, которые интегрируют ранее разобщенные фрагменты мира, и тем самым позволяют принимать участие в этом управлении²» ставит вопрос об управляемости мировых процессов – то есть смещает дискуссию в сферу роли государства как субъекта концентрации власти и традиционного

исполнителя функций управления человеческими сообществами.

Значительный вклад в анализ субъектов политических процессов глобального уровня внес Дж. Розенау, высказав мысль, что глобальная политика начала состоять из двух взаимопересекающихся миров: во-первых, полицентричного мира „акторов вне суверенитета», в котором вместе с государствами начали действовать разнообразные корпоративные структуры и даже отдельные личности, и который начал способствовать созданию новых связей и отношений в мировой политике; а во-вторых, традиционной структуры мирового сообщества, где главное положение занимают национальные государства. Пересечение этих два миров демонстрирует рассредоточение властных ресурсов, возникновение противоборствующих тенденций, например: рост способностей индивида к анализу политического мира совмещается с крайним осложнением политических взаимосвязей, эрозия традиционных авторитетов сосуществует с усилением обоснования сильной политики государств, поиск идентичности осуществляется вместе с постоянной переориентацией политических лояльностей. В то же время общепризнанными, согласно Дж. Розенау, характеристиками глобального политического процесса стали децентрализация международных связей и отношений, а главное — размывание понятия „сила” и, как следствие, изменение содержания и смысла понятия „угроза безопасности”.

Сложность и неоднозначность отношений участников глобального политического процесса обусловлена также тем, что их поведение в данной сфере инициирующие разнообразными причинами. Так, для отдельных государств такими источниками поведения, как правило, одновременно выступают внутривнутриполитические (обусловленные отношениями власти и общества), локальные (выражающиеся, например, соображениями региональной безопасности) и глобальные изменения (в

¹ Добренков В.И. Вызовы глобализации и перспективы человечества. В: Вестник Московского государственного университета. Серия «Социология и политология». 2004, № 4, с. 4.

² Ильин М. Политическая глобализация: Институциональные изменения. В: Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003, с. 238.

частности, экологический кризис, распространение терроризма и др.). На уровне отдельных организаций (корпораций) или индивидов система мотивации участия в мировой политике усложняется в большей степени. Динамика мотивов и установок участия в мировых политических процессах совмещается с постоянным изменением стандартов, ценностей безопасности, эволюцией норм международного права, морально-этических стереотипов, реабилитирующих достижение государствами внешнеполитических целей и т. п.

Но в методологическом плане глобализацию (в первую очередь политическую) следует рассматривать не как форму, а как одну из *тенденций* политического процесса глобального уровня. Ему присущие и другие формы взаимодействия акторов, которые сопровождаются фрагментацией и регионализацией современного мира. То есть глобализация не может быть приравнена к понятию глобального политического процесса, а является одним из его господствующих направлений. Также среди тенденций, которые влияют на характер политического процесса глобального уровня, называются такие как демократизация; усиление взаимозависимости; изменения характера угроз в мире; демилитаризация планеты, создания определенного глобального экономического организма; интеграционные процессы, регионализация мира и так далее. Однако среди всего богатства тенденций можно выделить несколько, на наш взгляд, наиболее важных: 1) развитие процессов политической глобализации, проявляющихся, прежде всего, в размывании межгосударственных границ, изменении понятий государственного суверенитета и реализации национальных интересов государством; 2) увеличение количества различных игроков мировой политики и изменение характера их взаимодействия, приводящее к складыванию полиполярного мира; 3) преобладание региональных вариантов кооперации и интеграции при

одновременном формировании общемировых или региональных центров притяжения.

Тезисы о размывании суверенитета национальных государств в результате глобализации являются одними из преобладающих в современном научном дискурсе относительно политического процесса глобального уровня. Например, Э. Смит пишет: «нация-государство больше не свободно реализовывать внешние отношения как ему заблагорассудится; оно ограничено не только общими международными нормами, такими как нормы Устава ООН, но и специфическими региональными договоренностями и союзами, в которые волей-неволей втягивается. С потерей военных гарантий национальный суверенитет в большой степени ограничивается, если не исчезает вообще»³.

Д. Хелд также показывает, как государственная политика в силу международных соглашений, интернационализации процессов принятия политических решений, возрастающей зависимости в обеспечении безопасности, а также вследствие международного товарооборота и разделения труда теряет то, что составляет ядро ее власти, – свой суверенитет. В ходе глобализации, пишет Хелд, «можно считать оправданным утверждение, что в международном окружении, постоянно усложняется, урезается как государственная автономия (в некоторых сферах радикально), так и государственный суверенитет. Любая теория национального суверенитета, понимающая суверенитет как непреодолимую и неделимую форму общественной власти и силы, строится на недооценке сложности ситуации. Суверенитет сегодня стоит понимать и изучать как власть, расчлененную между целым спектром национальных, региональных и интернациональных акторов и посему, – из-за этой имманентной

³ Смит Энтони. Нации и национализм в глобальную эпоху. / Пер. с англ. К.: Ника-Центр, 2006, с. 28.

множественности – ограниченную и несвободную».⁴

Существует и противоположное мнение – открытость, пермиссивность, необходимая, для обеспечения развития всемирного рынка, мировых конфессий, международных концернов и многочисленных неправительственных организаций, считает Р.Джилпин, может существовать и процветать только под сенью соответствующей государственной концентрации власти⁵. Согласно этой точки зрения, защищая примат политики национального государства относительно других органов, глобализация остается случайной, а возникновение и развитие транснациональных социальных пространств и акторов допускает гегемониальную структуру власти и интернациональный политический режим.

Рассмотрение траекторий развития государств западной оконечности постсоветского блока (в частности Украины, Молдовы и Беларуси) находит свое отражение не только в традиционных концептах геополитики или теории международных отношений, но и в рамках принятой в глобализационных студий дефиниции «регион», а также в рамках понятия «пограничье». При этом, и регион, и пограничье достаточно часто трактуются, как нечто целостное, в частности, регион в справочно-энциклопедической литературе понимается как «определенная территория страны или нескольких стран с более или менее однородными природными условиями и характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся материально-технической, производительной и социальной инфраструктурой, а также своеобразием

социально-политических условий⁶». В этом плане можно вспомнить и Э.Маркузен, определявшую регион как «исторически эволюционирующее, территориально компактное сообщество, которое содержит в себе физическое окружение, социально-экономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от иных регионов и территориальных единиц, таких как город или нация⁷».

Предпринимал обстоятельные попытки определения региона посредством выделения основных свойственных ему критериев и М. Рассет. Он предлагал следующие пояснительные формулировки для уточнения понятия:

- 1) регионы в социальном и культурном отношении однородны; государства этих регионов имеют одинаковое отношение к сложившимся внутренним атрибутам;
- 2) регион образован из государств со схожими политическими свойствами;
- 3) государства региона имеют общее видение внешнего мира и одинаковое поведение на международной арене, которое проявляется, например, в голосовании в ООН;
- 4) политически взаимозависимые регионы, связаны между собой через системы национальных и межправительственных политических структур;
- 5) экономически взаимозависимые регионы, связаны между собой внутрирегиональной торговлей, степень которой определяется пропорциями к национальному доходу и т.д.⁸.

Само понятие «регион» – считают некоторые эксперты – действительно трудно четко определить а priori. Большинство исследователей убеждены в том, что определение региона зависит от той специализации, исследованием которой

⁴ David Held, McGrew A., Goldblatt D., Perratin J. *Global Transformations, Politics, Economics and Culture*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1999 (2000), p. 126.

⁵ Цит. по: Бек Ульрих. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Перевод с нем. А. Григорьева и В. Седелника. М.: Прогресс-традиция, 2001, с. 71.

⁶ Политическая энциклопедия. В 2-х томах. Под ред. Г.Ю. Семигина. М.: «Мысль». Т. 2, 1999, с. 331.

⁷ Markusen A. *Regions: economics and politics of territory*. Rowman & Littlefield publishers. 1987, p. 17.

⁸ Russet B. *International regions and international system. A Study in Political Ecology*. Chicago: Rand McNally. 1967. p. 11.

занимаются те или иные исследователи. Потому некоторыми учеными признается, что единого определения региона и касающихся его процессов не существует. На самом деле «регион» одно из самых трудноуловимых и труднопонимаемых понятий в современных регионоведческих и международных исследованиях. В связи с этим уместно привести пафосное обобщение проблемы дефиниции региона У.Айзардом, который писал: «стоит нам только углубиться в чисто пространственное теоретизирование и дефиниция регион исчезает⁹».

В. Колосов, переходя в терминологическом плане от «региона» к «пограничью», определяет пограничное пространство, как «социально-географическую зону, в пределах которой наиболее интенсивно взаимодействуют экономические, культурные, правовые и политические системы соседних стран и сталкиваются их интересы¹⁰».

Однако, концепты как региона, так пограничья, часто подчеркивая уникальность и целостность изучаемого объекта, сложно операционализуемы в смысле определения степени единства и сходства территорий, их составляющих, и не всегда перспективны в прогностическом плане. Данное методологическое затруднение вполне можно распространить на Балто-Черноморскую территорию. С одной стороны, уникальное расположение стран обусловило общность исторической судьбы, культурное наследие, структурное подобие политических и экономических практик, оставшихся после развала СССР. С другой стороны, можно говорить о существенных различиях в обеспеченности природными и человеческими ресурсами, противоположных геополитических и ценностных ориентациях населения и элит, различных траекториях развития

политических режимов и модернизации экономик. Схожесть и различия в ресурсно-экономическом плане отображены в следующей таблице.

Таблица 1.
Страны постсоветского региона
(ресурсно-экономическое измерение)

Страна	Размер /население	ВНП на душу нас. (\$) ¹¹ / энергоресурсы
Россия	17098246км2 / 143 млн	9900 \$ / экспортер ресурсов
Беларусь	207500км2/ 10 млн	5950 \$ / ресурсозависимая
Украина	603628 км2/ 46 млн	3000 \$ / ресурсозависимая (транспортер)
Молдова	33846 км2 / 3,5 млн	1810 \$ / ресурсозависимая

Изначально различные ресурсно-географические и потенциалы государств региона обусловили наличие существенных различий в развитии экономик региона. Но хотя при распаде социалистической системы стартовые возможности отдельных государств – Украины и Польши, Беларуси и Литвы – были сопоставимы, дальнейший государственный и рыночный менеджмент сделал дифференциацию еще более ощутимой. Если для стран Балтии первоначальной задачей на этапе получения независимости было преодоление политической и экономической зависимости от России, то для Украины, Молдовы, Беларуси кардинальное разрешение такой проблемы представлялось рискованным с точки зрения внутренней стабильности и внешней безопасности. Кроме того, местные элиты в большей степени боролись за приращение и удержание собственного экономического и политического капитала, а не за коренную модернизацию экономических и политических институтов, поочередно используя отношения с Россией и Европой как козырь во внутривнутриполитической игре. Поэтому различия между анализируемыми

⁹ Макарычев А. Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования. В: Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад. Нижний Новгород: издательство ННГУ, 1997, с.97.

¹⁰ Колосов В. Теоретическая лимология: новые подходы. В: Международные процессы. 2003, №3, с. 27.

¹¹ The World Bank: World Development Indicators, 2011 / Gross National Income per Capita. [On-line]. <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD>. (Дата посещения: 05.02.2012).

странами также проходят по линии политико-режимных трансформаций и формировании политической культуры как элит, так и общества в целом. Исходя из представленных данных оценивать постсоветское пространство Украины, Молдовы, Беларуси, России в методологическо-строгом смысле дефиниции «регион» можно с некоторой натяжкой. (См. Таблицу № 2).

Таблица 2.
Страны Балтийско-Черноморского региона
(внутри- и внешнеполитическое измерение)¹²

Страна	Политический режим	Политическая культура	Международная ориентация
Россия	Стабильная автократия / суперпрезидентский режим	<u>Гомогенная</u> <i>Подданическо-парохиальная</i>	Региональный / мировой лидер ЕврАзЭС, СНГ, Союзное государство
Беларусь	Стабильная автократия / суперпрезидентский режим	<u>Гомогенная</u> <i>Парохиально-Подданическая</i>	ЕврАзЭС, СНГ, Союзное государство
Украина	Нестабильная квазидемократия / нестабильная автократия	<u>Гетерогенная</u> <i>Подданическо-активистская</i>	Многовекторность: ЕЭП, ЕС-Восточное партнерство (без НАТО), СНГ, ГУАМ
Молдова	Нестабильная демократия	<u>Гетерогенная</u> <i>Парохиально-Активистская</i>	Многовекторная с преобладанием евровектора: ЕС-Восточное партнерство, Россия

В данном случае мы считаем уместным ревитализацию системной методологии и рассмотрение данного пространства не

¹² Данная таблица построена в результате авторской интерпретации политического режима, политической культуры и внешнеполитического курса указанных стран, на основании инструментария Г.Алмонда и С. Вербы, Х.Линца, М. Дюверже, Р. Макридиса, Л. Пая, Л. Шевцовой, А. Фисуна и т.д.

столько в качестве целостного «региона» в критериях описанных выше, а сколько, используя термин Р. Арона, в качестве частей *гетерогенной международной системы*. Известный французский исследователь называет *международной системой* «совокупность, состоящую из отдельных политических образований (государств), поддерживающих между собой регулярные взаимоотношения и которые все, в принципе, способны быть втянуты в общую большую войну. Политические образования, принимаемые во внимание руководителями основных государств при подсчете баланса сил, непременно должны быть членами какой-либо международной системы»¹³. Термин «система» может, по мнению Р.Арона, применяться здесь в том значении, которое он приобретает в выражении «система партий». Ведь этим термином также определяется совокупность коллективных субъектов, находящихся между собой в отношениях соперничества.

При этом международные организации и межгосударственные альянсы могут носить характер *гомогенных* или *гетерогенных* систем. Р.Арон называет «гомогенными системами те, в которых государства принадлежат к одному типу, исповедуют одну и ту же концепцию политики. Гетерогенными же являются системы, в которых государства организованы по разным принципам и разделяют противоречивые ценности»¹⁴.

Следовательно, современный этап международного политического процесса, в который вовлечена как Украина, так и Молдова (и в некоторой степени Беларусь), предусматривает определенное противопоставление между двумя блоками или международными системами – европейской (или евроатлантической) и евразийской (образование во главе с Россией наподобие СНГ, ЕврАзЭС, ЕЭП и т.п.). При этом Европейский союз и Североатлантический альянс отвечает характеристикам гомогенной

¹³ Арон Р. Мир и война между народами / Пер. с фр. В.И.Даниленко. М.: NOTA BENE, 2000, с. 109.

¹⁴ Ibidem, p. 114.

международной системы – входящие в их состав государства характеризуются демократическими принципами политического управления, относительной близостью ценностей и принадлежностью к Европейскому сообществу или Западной цивилизации. СНГ скорее подпадает под характеристику гетерогенной системы – к нему принадлежат страны с разными историческими, культурными и религиозными традициями, находящиеся на различных этапах политического и экономического развития, – их удерживает вместе определенная зависимость от сильного центра, которым выступает Российская Федерация.

Таким образом, Украина, Молдова (с некоторым допущением, Беларусь и Грузия) являют собой буферную зону неопределенности или зону системной бифуркации, о чем свидетельствуют экономические показатели, рейтинги уровня коррупции, политических и гражданских свобод Freedom House, Transparency International, ИРЧП ООН. Факторы притяжения и предлагаемые альтернативы весьма различны, однако являются весьма привлекательными для внушительных групп населения в каждой из данных стран. В общем плане мы можем утверждать, что Россия использует рычаги экономического и ресурсного влияния, модели стабильной автократии (притягательной для местных политических элит), позиционирует себя как центр русской культуры, духовности и православия. Для европейского центра факторами притяжения выступает прежде всего высокий уровень благосостояния, социальных стандартов, обеспечение прав человека, демократические ценности и принципы правового государства.

Исходя из геополитического положения, восточноевропейские постсоветские государства оказались между этими двумя мощными международными системами, что обусловило не только их историческую судьбу, а также внешнюю и внутреннюю политику после приобретения суверенитета.

В течение первых десяти-двенадцати лет существования независимой Украины в ее внешнем курсе господствовала так

называемая «многовекторность», совмещаемая со статусом внеблокового государства, закрепленным в Конституции. Приоритеты участия Украины в глобальных политических отношениях за последние 20 лет претерпевают постоянные изменения, что также осложняет занятие ею относительно значимой позиции среди субъектов мегаполитики. Например, в «Основных направлениях внешней политики Украины», одобренных Верховной Радой Украины 2 июля в 1993 г. названы следующие главные направления внешней политики украинского государства: развитие двусторонних отношений, в том числе с пограничными государствами; развитие отношений с западноевропейскими странами, с европейскими международными структурами. Акцент был сделан именно на построении двусторонних отношений, участии в СНГ и внеблоковом статусе Украины. Через 10 лет векторы её поведения на мировой арене несколько сместились. Среди них на первом месте оказалась интеграция Украины в европейское политическое, экономическое, правовое пространство и евроатлантические структуры безопасности, приобретение членства в Европейском Союзе и Организации Североатлантического договора при сохранении добрососедских отношений и стратегического партнерства с Российской федерацией, другими странами СНГ, а также с другими государствами¹⁵.

Однако, как показывает историческая практика, внеблоковость и политика постоянного нейтралитета чаще является результатом специфического географического (островного, изолированного материкового или горного) положения, нежели собственного выбора государства. Учитывая особенности расположения Украины, отсутствие укорененных конституционных традиций и внешнеполитическую поляризацию региона, проявившуюся в ходе Российско-Грузинского конфликта, долговременная

¹⁵ Закон Украины «Про основы национальной безопасности Украины». В: Ведомости Верховной Рады Украины. 2003, № 39.

перспектива внеблоковости Украины и ее реального нейтралитета предстаёт несколько сомнительной.

Подобная тенденция характерна также для *Молдовы*, хотя ее непосредственная близость к Румынии и политика этого государства по паспортизации населения Молдовы, размеры и экономическая система страны, отсутствие границ с Россией (при сохранении проблемы Приднестровья) позволяют говорить о некоторой специфичности внешнеполитических ориентаций. В процессе исторического развития в *Беларуси* – также связанной с обоими измерениями как Европы, так и России, – возникла экономика, которая, благодаря своей важной транзитной функции (транспортные пути) и сильной, способной на инновации индустриальной основе, отличается высокой зависимостью от экспорта. Как указывается в исследовании «Беларусь и европейский союз: от изоляции к сотрудничеству», проведенном Фондом Конрада Аденауэра в 2011 «необходимое промышленное обновление в силу избранной системой президентом А. Лукашенко плановой и государственной экономики, а также ориентации на российский рынок, затягивается, затруднено или невозможно. Неизвестно, способна ли система Лукашенко к реформам в экономическом и финансово-политическом смысле. «Нейтральная» позиция между экономико-политической ориентацией на Россию и ЕС не видится возможной»¹⁶. Таким образом, в Белоруссии интеграция с Российской Федерацией на экономическом, энергетическом и политических уровнях происходила более интенсивно и не позволяет говорить о наличии европейского вектора как реально альтернативного или явного внеблокового и нейтрально-суверенного статуса.

Однако на формальном уровне Молдова, Украина и Беларусь относятся к шести европейским странам, которые в рамках программы «Восточное партнерство»

(принятой конференцией Европейского союза на уровне глав государств в Праге 7 мая 2009 года) должны быть приближены к ЕС на политическом уровне и интегрированы в ЕС экономически.

Эти обстоятельства имеют следствием постоянно растущее давление на Украину, Молдову и Беларусь, как со стороны России, так и со стороны США и Европейского Союза с намерением превратить их в своеобразную карту в геополитической игре. Такие попытки стали результатом изменения конфигурации сил, как на глобальном, так и на региональном — европейском уровне. Европейский союз в силу различных причин очень осторожно подходит к выстраиванию отношений со странами-соседями в Восточной Европе. После экспериментов с принятой в 2004 году и носившей необязательный характер Европейской политикой добрососедства (ЕПД) в контексте укрепления региональных компонентов (ключевое понятие «Средиземноморский союз») и в связи с принятием «Восточного партнерства» в мае 2009 года, Евросоюз дал шести странам (Беларусь, Украина, Молдова, Армения, Азербайджан, Грузия) согласие на углубленное сотрудничество с целью политического сближения и экономической интеграции, независимо от того, достигли ли данные страны к настоящему моменту удовлетворительного уровня демократических трансформаций или нет.

Подобная ситуация, пишет по этому поводу украинский исследователь В.Манжола, «является определенным вызовом для пограничных государств, она имеет свои «минусы» и «плюсы». К первым принадлежит риск конфликтной эскалации противоречий между «полюсами» и общей дестабилизации европейского региона, что угрожает катастрофическим уменьшением поля для внешнеполитических маневров этих стран и усилением их зависимости от «сильных мира сего». К «плюсам» при условиях возрождения политики мультиполярного балансирования можно отнести новые возможности защиты

¹⁶ Беларусь и европейский союз: от изоляции к сотрудничеству / Под ред. Х.-Г. Вика, Ш. Малериуса. Вильнюс: Фонд Конрада Аденауэра, 2011, с. 8.

собственных интересов¹⁷». В последнем случае речь идет о возможности ведения собственной геополитической игры, используя противоречия и споры между ведущими центрами геополитической силы.

Исходя из ценностных ориентаций, миграционных потоков населения, декларируемой политике элит, уровня развития гражданского общества, можно предположить, что Украина, и Молдова тяготеют к европейскому центру притяжения Балто-Черноморской международной системы. И здесь большие надежды со стороны Украины возлагаются на сотрудничество с Польшей и Литвой, которые неофициально считаются ее «лоббистами» в ЕС.

Однако, современная конъюнктура европейской политики, а также политико-экономические реалии внутри данных государств заставляют предположить, что роль Украины в регионе, в равной степени как и евро-оптимизм Молдовы является несколько преувеличенным. В современных условиях глобального мирового кризиса реализация принципов и механизмов евроинтеграции, в частности регионального развития, весьма проблематична. Кризис Еврозоны в финансово-экономическом плане обуславливает негативные, деструктивные процессы в сфере взаимоотношений между развитым «центром Европы» и «странами-должниками», вступившими странами в ЕС, что грозит самому существованию этого межгосударственного образования¹⁸.

Существующий механизм отбора претендентов в ЕС предусматривает ряд условий экономического характера: определенный уровень платежеспособности стран-кандидатов, сбалансированность финансовой системы, рациональное использование бюджетных средств – комплекс мер, в большей мере сориентированный на формирование

отлаженного механизма капитализации рыночной экономики. В Украине и Молдове в определенной степени эта программа реализуется, зачастую в ущерб социальной политике.

Кроме того, помимо экономических и правовых стандартов к участникам «Восточного партнерства» предъявляются и требования политического характера, таким образом, ориентируя национальные институты власти на реализацию и утверждение специфических (нетрадиционных) принципов и норм в общественно-политической жизни.

Так, например, недостаточное соблюдение гражданских прав человека и авторитарный режим в Беларуси, нестабильность парламентского правления Молдовы размещают их достаточно далеко от успешного евроинтеграционного финиша. Надо признать, что современные украинские политические реалии как внутреннего, так и внешнего плана (проблема отношений власти с политической оппозицией на законодательном и судебном уровнях, тюремное заключение лидеров-оппозиционеров; нарастание протестных настроений в общественном сознании в силу проводимых непопулярных социальных реформ; разновекторность внешней политики) делают неопределенной социально-политическую ситуацию в стране, что, в свою очередь, ужесточает требования к евроинтеграции Украины, обуславливает применение к ней подобных мер со стороны Евросоюза.

Свидетельством тому служат результаты ежегодной встречи глав государств–стран ЕС на Yalta European Strategy 16 сентября 2011 года, где было акцентировано внимание украинской стороны на недопустимости избирательного применения права относительно политических конкурентов, уголовного преследования политической оппозиции, что «подрывает» демократические основы политической системы, государственности Украины и делает проблематичным для нее

¹⁷ Манжола В. Квадратура интеграционного круга. (Актуальные проблемы европейской политики Украины). В: Політика і час. 2007, №.4, с. 14.

¹⁸ Карпьяк А.М. Евроинтеграция Украины: проблемы и перспективы. В: Грани. Серия «Политология». 2011, с. 118.

дальнейшие европерспективы¹⁹. Точно также Европейское сообщество с тревогой относилось к политическому кризису в Молдове, неспособности местных элит быстро и эффективно прийти к консенсусу и сформировать действующую вертикаль власти.

Многовариантность, разноректорность внешней политики и попытки как украинской, так и молдавской власти снизить уровень политической конкуренции внутри страны усложняют для европейцев понимание политического курса данных государств и расценивается ими как неопределенный, и связанный со многими рисками, как политического, так и экономического характера. Попытки экстренной «правки» национального законодательства под внешнеполитическую конъюнктуру часто также не приносят ожидаемого результата для постсоветских правительств. Наличие синдрома взаимного недоверия как основной причины свидетельствует о том, что у государств-участников Восточного партнерства (особенно украинской стороны) возникают сомнения относительно серьезности намерений евро-структур в истинном стремлении в реализации программы расширения ЕС, а с другой стороны существуют сомнения европейцев в утверждении правовых, ценностных евро-стандартов в приграничных к ЕС странах и в постсоветском политическом пространстве в целом.

Современная позиция Европейского союза в отношении Восточно-европейского приграничья, который всё еще выступает центром притяжения для данных стран, достаточно четко была обозначена на саммите «Восточное партнерство», состоявшемся в Варшаве 29-30 сентября 2011 г. «Партнеры, которые будут реформироваться наиболее активно, выигрывают больше от сотрудничества с Европейским Союзом, включительно с более тесной политической ассоциацией,

¹⁹ Yalta European Strategy: содержание и результаты. 19 сентября 2011. [On-line]: <http://euroua.com/evrointegratsiya/yalta-european-strategy-soderzhanie-i-rezultati>. (Дата посещения: 05.02.2012).

более глубокой постепенной экономической интеграцией с внутренним рынком ЕС и большей помощью ЕС», — сказано в итоговой Декларации Саммита²⁰.

Однако отдаление перспектив европейской интеграции не обязательно приближает данные государства к России, которая с помощью рычагов энергетического давления пытается отстаивать собственные экономические и политические интересы в данном регионе. В России в довольно много заявляется о стратегических целях страны на постсоветском пространстве. Как декларируется в Концепции внешней политики РФ: «Приоритетным направлением внешней политики России является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ. Россия выстраивает дружественные отношения с каждым из государств – участников СНГ на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга. С государствами, которые проявляют готовность к этому, развиваются отношения стратегического партнерства и союзничества²¹».

Однако, как отмечает российский ученый Э. Соловьёв, результаты политики Российской Федерации на постсоветском пространстве за последние почти два десятилетия достаточно противоречивы и порождают целый ряд вопросов. В официальных кругах преобладает в целом оптимистичная оценка взаимоотношений со странами СНГ. Россия в существенной (в ряде случаев – в решающей) мере субсидировала и субсидирует экономики этих стран. Вроде бы сохраняются широкие связи с представителями местных элит. СНГ остается зоной широкого распространения русского языка. Отсюда – утверждения о

²⁰ Декларация Саммита «Восточное партнерство» (Варшава, 29-30 сентября 2011 года), 3 октября 2011. [On-line]: <http://politclub.info/2011/10/03/>. (Дата посещения: 05.02.2012).

²¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 / Офиц. Сайт Президента России. [On-line]: <http://kremlin.ru/acts/785>. (Дата посещения: 05.02.2012).

«неизбежности» значительного влияния Москвы на политику этих стран, расчеты на то, что страны СНГ «обречены» на углубление сотрудничества с РФ и т.д.²². Однако влияние это довольно одностороннее и иногда реализуется с помощью жестких экономических и дипломатических мер. Памятна декларация Президента Путина на саммите НАТО в 2008 г., что такого государства, как Украина, не существует: половину государства ей «подарила» Россия, а вторая половина – это просто «Восточная Европа»²³.

Как показывают данные всеукраинских социологических исследований, в Украине число симпатиков России за последние время уменьшилось на 8%. Зато число сторонников «ни войны, ни мира», т.е. нейтрального рационального позиционирования Украины, выросло с 26% до 33%. Число респондентов, оценивающих российско-украинские отношения как напряженные и плохие, стабильно за последнее время практически не изменилось и остается на отметке (13%).

Для Украины важнейшей детерминантой оценки отношений с Россией является региональный и социокультурный фактор (язык общения респондента). Так, например, позитивное отношение к России характерно для Востока и Юга Украины, в тот момент, когда Западные области более осторожно оценивают ее роль и более склонны ориентироваться на евроинтеграционный вектор развития Украины. Интересно в данном контексте также исследование, посвященное отношению граждан Украины к направлениям внешней политики в целом, проведенное Центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова с 30 марта по 4 апреля 2012 г. (Центр Разумкова 2012) Согласно

полученным данным, 36,7% опрошенных считают, что приоритетными во внешней политике Украины должны быть отношения с Европейским союзом, 31% — с Россией, 8,1% — с другими странами СНГ, 1% — с США²⁴.

Большинство участников опроса – 56% – назвали отношения Украины с ЕС нестабильными (43% в 2005 году), 17,5% – плохими (3,4% в 2005 году), а 9,5% – хорошими (35,3% в 2005 году). При этом почти половина опрошенных – 49,8% – назвала нынешний темп евроинтеграции низким, и только 1,2% респондентов заявили, что евроинтеграция Украины идет высокими темпами. Политика руководства Украины по интеграции в ЕС непоследовательна, считают 66,3% участников опроса, противоположного мнения придерживаются 12,8% респондентов. 41,6% опрошенных выразили уверенность в том, что в ближайшие годы отношения между Украиной и ЕС не изменятся, 27,3% надеются на улучшение, а 5,9% ожидают ухудшения отношений. Препятствиями интеграции в ЕС респонденты считают низкое экономическое развитие (60,8%) и высокий уровень коррупции (60,3%). По мнению респондентов, сближению Украины и России может содействовать общее историческое прошлое – 35,5%, совпадение экономических интересов – 35,1%, а 3,4% опрошенных считают, что ничего не может содействовать этому процессу. При этом 36,1% респондентов полагают, что отношения между Украиной и Россией улучшатся, 32,2% уверены, что они не изменятся, а 7,5% ожидают ухудшения отношений.

Так же, согласно опросу, большинство – 64,5% респондентов – считают отношения Украины и России нестабильными. Отношения России к Украине участники опроса оценили так: 16,8% называют политику РФ явно недружественной, 9,1%

²² Соловьев Э. Дефицит «мягкой силы» в российской политике на постсоветском пространстве. В: *Международная жизнь*. 2010, № 7, с. 66.

²³ Text of V. Putin's speech at NATO Summit (Bucharest, April 2, 2008). [On-line]: <http://www.unian.net/eng/news/news-247251>. (Дата посещения: 05.02.2012).

²⁴ Результаты социологического исследования внешнеполитических ориентаций граждан Украины Центра А. Разумкова, 28.05.2012. [On-line]: http://www.uceps.org/ukr/poll.php?poll_id=599. (Дата посещения: 05.02.2012).

считают ее добрососедской, 18,2% – прагматичным и взаимовыгодным партнерством, а 29,8% – неопределенной и противоречивой. Политику Украины по отношению к России назвали противоречивой 41,5% респондентов, прагматичным и взаимовыгодным партнерством ее считают 22,8%, дружественной политикой – 12,6%, а 5,2% – явно недружественной.

Подобная тенденция характерна и для Молдовы, где геополитические предпочтения граждан диаметрально изменяются в течение короткого периода и зависят от внутривнутриполитического дискурса. Согласно исследованию Барометра общественного мнения, проведенного в мае 2012 кишиневским Институтом общественных политик, все больше молдаван хотят рассматривают положительно вариант интеграции республики не в Евросоюз, а сотрудничества ее с Евразийским союзом. Если бы на тот момент проводился референдум о вступлении Молдавии в Евразийское объединение, то инициативу поддержали бы 57% респондентов, 20% высказались бы против, 4% воздержались, а 14% затруднились с ответом²⁵. Надо отметить, что ранее результаты социологических опросов показывали другую тенденцию: большая часть молдавского населения еще год назад хотела вступления в Европейский союз. Всего за год несколько (с 33 до 31% от числа граждан Молдовы) сократилась группа убежденных сторонников ориентации на вступление в ЕС. Это можно объяснить экономическим спадом в европейских странах, сделавшим их менее привлекательным местом для трудоустройства. Однако число сторонников про-европейского курса в Молдове (31%) более чем в два раза превосходит количество его убежденных противников (14%).

²⁵ Результаты исследования интеграционных предпочтений граждан Република Молдова «Молдавия между Румынией и Россией», 28 мая 2012. [On-line]: http://www.ng.ru/courier/2012-05-28/11_moldavia.html. (Дата посещения: 05.02.2012).

Кроме того, социологические исследования в Молдове показывают, что для русскоязычного населения Россия больше не является единственным внешнеполитическим и внешнеэкономическим ориентиром. Подавляющее большинство (78% от общего числа русскоязычных граждан Молдовы) не только не возражает против интеграции Молдовы в ЕС, если она будет обусловлена экономическими выгодами, но и не против получения румынского паспорта, если это необходимо для того, чтобы устроиться на работу в европейских странах²⁶. Необходимо отметить, что наличие категории «европейских русских», то есть граждан, которые идентифицируют себя в качестве русских, но при этом не связывают свою дальнейшую личную судьбу с Россией, была больше характерна для стран Балтии. Однако, длительное существование на различных полюсах пограничной системы в дилемме «ЕС-Россия» порождает новый вид идентичности, не связанный с этническими корнями, а гомологичный политической ориентации. Также в Украине фиксируется идентичность «русскоговорящий украинец», отраженная, как в переписях населения, так и проявляющаяся в выступлениях против принятия русского языка, как второго государственного в июне 2012 г.

Парадоксальным побочным эффектом такого внутривнутриполитического напряжения становится - по мнению Э. Соловьёва – «угроза балканизации отдельных стран и «феодализации» их политических систем и общественных отношений. Это подталкивает элиты к сотрудничеству с Москвой, не обременяющей свою внешнюю политику какими-либо политическими условиями, демократическими стандартами и способной оказать действенную военно-техническую или даже военную (в рамках обязательств по ОДКБ) помощь.

²⁶ Экономические, политические и культурные мотивации укрепления молдавской государственности, 3.04. 2012 / [On-line]: <http://pan.md/paper/Mneniya/Ekonomicheskie-politicheskie-i-kulturnie-motivatsii-ukrepleniya-moldavskoy-gosudarstvennosti-20348>. (Дата посещения: 05.02.2012).

Одновременно эффект внутреннего напряжения порождает острую потребность в создании внешнего референта (позитивного образа общества и государства, имитационный эффект) и одновременно «значимого другого» (объекта отталкивания в политической самоидентификации). До сегодняшнего дня местные элиты скорее используют Россию именно в этом последнем качестве - объекта отталкивания, позволяющего консолидировать общество – нежели рассматривают ее в качестве центра притяжения на постсоветском пространстве²⁷».

Приведенные выше данные подтверждают наши *выводы* о пластичности геополитических ориентаций граждан постсоветского западного приграничья, их зависимости от внутренних политических и информационных процессов, регионального распределения, конструировании образа врага местными элитами. Хотя Россия сохраняет гегемонические позиции по отношению к Беларуси, Молдове, Украине используя, как элементы жесткого экономического и энергетического давления, так и «soft power» в виде развития межкультурного сотрудничества, образовательных и научных программ, поддержки церковных лидеров и институтов, страны западного приграничья не заинтересованы в углублении влияния «старшего брата» внутри страны. Для Украины актуален вопрос защиты экономических интересов местных финансово-политических групп, общественные организации, зависящие от западной грантовой поддержки, также в большинстве не считают российскую кооперацию приоритетной. Беларусь как «союзное государство» демонстрирует большую лояльность по отношению к российскому центру притяжения, однако вопрос легитимации режима периодически нуждается в некотором «охлаждении» российско-белорусской дружбы. В Молдове же проблемы миграционных потоков и их

направление делает более явным и активным евроинтеграционный курс. Слабость, как Украины, так и Молдовы состоит в том, что конкурирующие предложения касательно геополитического и цивилизационного выбора абсолютизируются, укореняются в общественном сознании и широко используются политическими силами для мобилизации избирателей. Таким образом, не внешняя политика оказывается продолжением внутренней, призванным решать задачи развития государства на мировой арене, а напротив, - внутренняя политика становится следствием внешней, привнося геополитические противоречия в пространство общественных отношений.

Резюмируя, можем сказать, отношения в рассматриваемой международной системе западного постсоветского приграничья в ближайшее десятилетия будут для каждого из входящих в неё государств, если не мультиполярными, то организованными в рамках некоего треугольника - ЕС, Россия и нестабильно-спорадически демократизирующееся и модернизирующееся западное постсоветское пространство в лице Украины, Молдовы и некоторых стран Кавказа.

Библиография:

1. David Held, McGrew A., Goldblatt D., Perratin J. *Global Transformations, Politics, Economics and Culture*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1999 (2000). 231 p.
2. Markusen A. *Regions: economics and politics of territory*. Rowman & Littlefield publishers, 1987. xiv + 304 p.
3. Russett B. *International regions and international system. A Study in Political Ecology*. Chicago, Rand McNally, 1967. xvi + 252 p.
4. Text of V. Putin's speech at NATO Summit (Bucharest, April 2, 2008). [On-line]: <http://www.unian.net/eng/news/news-247251>. (Дата посещения: 05.02.2012).
5. Yalta European Strategy: содержание и результаты, 19 сентября 2011. [On-line]: <http://europa.com/evointegratsiya/yalta-european-strategy-soderzhanie-i-rezultati>. (Дата посещения: 05.02.2012).
6. The World Bank: World Development Indicators, 2011 / Gross National Income per Capita. [On-line]: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD>. (Дата посещения: 05.02.2012).

²⁷ Соловьев Э. Дефицит «мягкой силы» в российской политике на постсоветском пространстве. В: *Международная жизнь*. 2010, № 7, с.69.

7. Арон Р. Мир и война между народами / Пер. с фр. В.И.Даниленко. М.: NOTA BENE, 2000. 880 с.
8. Бек Ульрих. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М.: Прогресс-традиция, 2001. 304 с.
9. Декларация Саммита «Восточное партнерство» (Варшава, 29-30 сентября 2011 года). [On-line]: <http://politiclub.info/2011/10/03/>. (Дата посещения: 05.02.2012).
10. Добренков В.И. Вызовы глобализации и перспективы человечества. В: Вестник Московского государственного университета. Серия «Социология и политология». 2004. № 4, с. 3 - 20.
11. Закон Украины «Про основы национальной безопасности Украины». В: Ведомости Верховной Рады Украины. 2003, № 39.
12. Ильин М. Политическая глобализация: Институциональные изменения. В: Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003. 592 с.
13. Карпьяк А.М. Евроинтеграция Украины: проблемы и перспективы. В: Грани. Серия «Политология». 2011, с. 118 - 121.
14. Колосов В. Теоретическая лимология: новые подходы. В: Международные процессы. 2003, №3, с. 6 - 26.
15. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 / Офиц. Сайт Президента России. [On-line]: <http://kremlin.ru/acts/785>. (Дата посещения: 05.02.2012).
16. Макарьчев А. Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования. В: Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад. Нижний Новгород: издательство ННГУ, 1997, с. 97 - 129.
17. Манжола В. Квадратура интеграционного круга. (Актуальные проблемы европейской политики Украины). В: Політика і час. 2007, №.4, с. 14 - 18.
18. Молдавия между Румынией и Россией. Власть и население республики разошлись в интеграционных предпочтениях, 28 мая 2012. [On-line]: http://www.ng.ru/courier/2012-05-28/11_moldavia.html. (Дата посещения: 05.02.2012).
19. Политическая энциклопедия. В 2-х томах. Под ред. Г.Ю. Семигина. М.: «Мысль». Т. 2. 1999.
20. Смит Энтони. Нации и национализм в глобальную эпоху. / Пер. с англ. К.: Ника-Центр, 2006, с. 23 - 48.
21. Соловьев Э. Дефицит «мягкой силы» в российской политике на постсоветском пространстве. В: Международная жизнь. 2010, № 7, с. 66 - 76.
22. Экономические, политические и культурные мотивации укрепления молдавской государственности, 3.04.2012. [On-line]: <http://pan.md/paper/Mneniya/Ekonomicheskie-politicheskie-i-kulturnie-motivatsii-ukrepleniya-moldavskoy-gosudarstvennosti-/20348>. (Дата посещения: 05.02.2012).
23. Яким інтеграційним напрямом має йти Україна? В: Результати соціологічного дослідження Центру Разумкова, 28. 05. 2012. [On-line]: http://www.uceps.org/ukr/poll.php?poll_id=599. (Дата посещения: 05.02.2012).

Copyright©BIDENKO Iulia, 2012.

TRIBUNA DOCTORANDULUI

**IMPORTANȚA CUNOAȘTERII CLASIFICĂRII
NULITĂȚII ACTULUI JURIDIC CIVIL PENTRU
SOLUȚIONAREA PROBLEMEI EFECTELOR NULITĂȚII**

*BOCA Sergiu**

ABSTRACT:

**THE IMPORTANCE OF KNOWING THE CLASSIFICATION OF CIVIL JURIDICAL
ACT NULLITY WITH THE VIEW TO SOLVE THE ISSUES PERTAINING
TO THE EFFECTS OF NULLITY**

The institution of the effects of civil juridical act nullity represents a peculiar complexity, therefore in order to fully and multi-dimensionally approach it is necessary to analyze some aspects related to the classification of nullity. Adequate knowledge of different classifications which are subject to civil juridical act nullity shall contribute to determining specific effects which shall be produced by each category of nullity. The classification of civil juridical act nullity is also of particular importance in establishing the juridical regime applicable to nullity.

The problem of classification of civil juridical act nullity is of both theoretical and practical importance. Under theoretical aspects, the importance of nullity classification consists in the fact that the research of this issue makes it possible to highlight the common aspect and the differences which exist between different types of nullity. Consequently this will result in a more comprehensive knowledge of the institution of nullity and its effects.

In practical terms the classification of nullity expresses its added value by contributing to the solution of different problems which might appear in the practice of applying nullity sanction. Comprehensive knowledge of features specific for each category of nullity shall permit to determine the effects which the nullity shall produce in each separate case.

Keywords: *effects of civil juridical act nullity, classification of nullity, juridical regime applicable to nullity.*

РЕЗЮМЕ:

**ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКО-
ПРАВОВОЙ СДЕЛКИ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕДСТВИЙ
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Институт последствий недействительности гражданско-правовой сделки представляет особую сложность, поэтому для его полного и многогранного исследования необходимо осуществить анализ аспектов, касающихся классификации недействительности. Адекватное знание различных классификаций, которым подвергается недействительность гражданско-правовой сделки, будет способствовать определению тех специфических последствий, которые порождает каждая категория недействительности.

Проблема классификации недействительности гражданско-правовой сделки имеет как теоретическое, так и практическое значение. С теоретической точки зрения, значение классификации недействительности состоит в том, что исследование данной проблемы делает возможным выявление

* **BOCA Sergiu** - Magistru în drept, doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei, lector universitar, Facultatea de Drept, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți. (Bălți, Republica Moldova); **BOCA Sergiu** – Master in Law, PhD, Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova, university lecturer, Faculty of Law, „Alec Russo” State University from Balti (Balti, The Republic of Moldova); **БОКА Сергей** – Магистр права, аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы, преподаватель Факультета Права, Бельцкий Государственный Университет им. «Алеку Руссо». (Бэлць, Республика Молдова).

схожестей и различий, существующих между различными видами недействительности. Как следствие, это приведет к более глубокому пониманию института недействительности и ее последствий.

С точки зрения практики, значение классификации недействительности выражается в том, что она способствует разрешению различных проблем, которые могут возникнуть в практике применения санкции недействительности. Достаточное знание специфических особенностей каждой категории недействительности даст возможность установить последствия, которые порождает недействительность в каждом конкретном случае.

Cuvinte-cheie: *act juridic privind efectele nulității civile, clasificarea nulității, regimul juridic aplicabil nulității.*

Ключевые слова: *эффекты гражданского правового акта недействительности, классификация недействительности, юридический режим применимый к недействительности.*

Instituția efectelor nulității actelor juridice civile nu poate fi cercetată în toată complexitatea ei fără a aborda aspectele legate de clasificarea nulității. Această incursiune va constitui o premisă necesară și logică pentru analiza amplă a problemei efectelor nulității actelor juridice civile și va permite cercetarea acestora dintr-o perspectivă multidimensională.

Problema clasificării nulității actului juridic prezintă o dublă importanță: teoretică și practică.

Sub aspect teoretic, importanța clasificării nulității rezidă în faptul că cercetarea acestei probleme ne obligă la sesizarea diferitelor puncte comune și de diferență ce există între diferitele feluri de nulitate. Or, aceasta conduce la o aprofundare a cunoașterii acestei importante instituții juridice.

Sub aspect practic, clasificarea nulității își manifestă importanța prin faptul că ea ajută pe practician în deslușirea, într-un caz sau altul, a diferitelor probleme pe care le ridică soluționarea spețelor. Cunoașterea deplină a diferitelor feluri de nulități, cu toate trăsăturile lor, ca și a problemei consecințelor juridice ale aplicării sancțiunii nulității, îl ferește pe practician de anumite confuzii, care, uneori, se pot face între nulitate și alte instituții cu valoare de sancțiune ale dreptului civil.

În sfârșit, este de reținut și un alt aspect, de principiu: cunoașterea diferitelor clasificări la care este supusă nulitatea actului juridic civil se impune prin consecințele și importanța fiecărei clasificări. Această clasificare (încadrare într-o anumită categorie a nulității actului juridic, într-un caz sau altul) este de importanță maximă în determinarea regimului juridic aplicabil.

Principalele criterii de clasificare și categoriile de nulități în funcție de aceste criterii sunt următoarele:

1) în funcție de natura interesului ocrotit prin dispoziția legală încălcată la încheierea actului juridic, nulitatea este absolută și relativă;

2) în funcție de întinderea efectelor sale, nulitatea este totală și parțială;

3) în funcție de modul în care rezultă din textul legal care o reglementează, nulitatea este expresă (textuală) și virtuală (implicită);

4) în funcție de felul condiției de valabilitate neîndeplinită la încheierea actului juridic, nulitatea este de fond și de formă;

5) în funcție de modul de valorificare, unii autori¹ disting între nulitatea judiciară și nulitatea amiabilă, în timp ce alți autori² fac deosebire între nulitatea judiciară și nulitatea de drept.

Este de reținut că nulitatea unui anumit act juridic poate fi trecută prin toate aceste criterii de clasificare. Privită prin prisma numai a unui criteriu de clasificare, nulitatea este ori de un fel, ori de altul; nu poate fi de două feluri în același timp (de exemplu, nulitatea este ori absolută, ori relativă, nu poate fi concomitent și absolută și relativă).

Dar nulitatea aceluiași act juridic poate fi calificată din punct de vedere al tuturor sau numai al câtorva criterii de clasificare. Astfel, nulitatea

¹ Reghini I., Diaconescu Ș., Vasilescu P. Introducere în dreptul civil. Cluj-Napoca: Sfera Juridică, 2008, p. 525; Beleiu Gh. Drept civil român: Introducere în dreptul civil. Subiectele dreptului civil. București: Universul juridic, 2004, p. 222.

² Poenaru E. Drept civil. Teoria generală. Persoanele. București: ALL BECK, 2002, p. 192.

unui act juridic poate fi, în același timp, absolută, totală, expresă și de formă.

După aceste precizări prealabile, vom trece la analiza detaliată a fiecărei categorii de nulitate.

a) Nulitatea absolută și nulitatea relativă. Această clasificare, fundamentată pe natura interesului ocrotit prin norma încălcată, se consideră a fi cea mai importantă atât din punct de vedere al reglementării legale, cât și din rațiuni de ordin practic.

Deși Codul civil al Republicii Moldova³ nu conține definiția nulității absolute, esența acesteia poate fi dedusă din analiza art. 216 alin.(1) și art. 217.

În această privință, s-a afirmat că este absolută acea nulitate care sancționează nerespectarea, la încheierea actului juridic, a unei norme care ocrotește un interes general, obștesc⁴.

În doctrina autohtonă s-a mai susținut că nulitatea absolută este o sancțiune a actului juridic civil care poate fi invocată de orice persoană interesată și care constă în faptul că acțiunile săvârșite cu scopul de a da naștere, a modifica sau a stinge un raport juridic civil nu produc efecte juridice⁵.

În doctrina românească s-au exprimat mai multe opinii în ce privește definirea nulității absolute. Astfel, într-o opinie⁶, nulitatea absolută este aceea ce lovește un act care încalcă o prohibiție legală, sancționată cu nulitatea, în special o dispoziție de ordine publică.

În altă opinie⁷, sunt absolute nulitățile care pot fi invocate de orice persoană interesată, care – în principiu – nu pot fi acoperite prin confirmare ori în alt mod și care generează un drept la acțiune imprescriptibil.

S-a mai susținut că nulitatea absolută sancționează încălcarea unui interes general sau public, prevăzut de norma juridică și nesocotit prin încheierea operațiunii juridice⁸.

În rest, majoritatea autorilor români⁹ definesc nulitatea absolută ca fiind acea categorie a nulității care sancționează nerespectarea, la încheierea actului juridic, a unei norme care ocrotește un interes general, obștesc.

În doctrina rusă s-a exprimat opinia că nulitatea absolută a actului juridic semnifică faptul că acțiunea săvârșită nu generează și nu poate genera efectele juridice urmărite de părți datorită necorespunderii prevederilor legale¹⁰.

În ce privește definirea *nulității relative*, s-a susținut practic în unanimitate că este acea nulitate care sancționează nerespectarea, la încheierea actului juridic, a unei norme care ocrotește un interes particular, individual sau personal¹¹. Nulitatea relativă este desemnată uneori ca fiind o nulitate de protecție, tocmai pentru a se sublinia rolul ei de ocrotire a interesului privat.

Sub aspect terminologic, nulitatea absolută este desemnată, în legislație, practică și chiar doctrină, prin formulele: „actul este nul” sau „actul este nul de drept” sau „actul va fi nul”, iar nulitatea relativă este indicată prin formulele: „actul poate fi declarat nul”, „actul poate fi anulat” sau „actul este anulabil”.

Indiferent însă de formula utilizată, pentru corecta calificare a nulității în absolută sau relativă, trebuie să se stabilească în prealabil natura interesului ocrotit prin norma juridică încălcată la încheierea actului.

Relativitatea în materie de nulitate nu e cu privire la persoanele cărora ea poate să fie opusă, căci odată ce e judecătorește recunoscută nulitatea

³ Codul civil al Republicii Moldova. Nr. 1107-XV din 6 iunie 2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 22.06.2002, nr. 82-86.

⁴ Comentariul Codului civil al Republicii Moldova. Vol. I / Coordonatori: Buruiană M., Efrim O., Eșanu N. Chișinău: Tipografia centrală, 2006, p. 429.

⁵ Baieș S., Roșca N. Drept civil. Partea generală. Persoana fizică. Persoana juridică. Chișinău: Cartier, 2004, p. 196.

⁶ Hamangiu C., Rosetti-Bălănescu I., Băicoianu Al. Tratat de drept civil român. Vol. I. București: ALL, 1998, p. 115.

⁷ Cosma D. Teoria generală a actului juridic civil. București: Ed. Științifică, 1969, p. 297.

⁸ Reghini I., Diaconescu Ș., Vasilescu P. Introducere în dreptul civil. Cluj-Napoca: Sfera Juridică, 2008, p. 526.

⁹ Beleiu Gh. Drept civil român: Introducere în dreptul civil. Subiectele dreptului civil. București: Universul juridic, 2004, p. 222; Boroș G. Drept civil. Partea generală. Persoanele. București: ALL BECK, 2001, p. 227.

¹⁰ Суханов Е.А. Гражданское право: учебник. Том I. Москва: БЕК, 2000, с. 357.

¹¹ Comentariul Codului civil al Republicii Moldova. Vol. I / Coordonatori: Buruiană M., Efrim O., Eșanu N. Chișinău: Tipografia centrală, 2006, p. 429; Pop A., Beleiu Gh. Drept civil. Teoria generală a dreptului civil. București: Universitatea din București, 1980, p. 359; Ungureanu O. Manual de drept civil. Partea generală. București: ALL BECK, 1999, p. 167.

relativă, ca și nulitatea absolută, nimicește actul de voință în privința tuturor efectelor pe care el era susceptibil de a le produce față de oricine; caracterul de relativitate a nulității e cu privire la persoanele cărora legea le rezervă facultatea de a provoca sau de a nu provoca, de a pretinde sau de a nu pretinde ca nesocotirea îngrădirii legale să fie judecătorește recunoscută.

De aici rezultă că pe când recunoașterea judecătorească a unei nulități absolute nu e decât o necesitate accidentală, provenită din contestația care s-a ivit cu privire la îndeplinirea sau neîndeplinirea cerințelor legale într-un act de voință; din contră, declarația judecătorească a unei nulități relative constituie o necesitate esențială fără de care actul de voință continuă să subziste ca act juridic, întrucât recunoașterea nulității lui n-a fost pretinsă de singurele persoane în drept de a se prevala de ea¹².

Relativitatea nulității nu se referă la efectele acesteia, deoarece un act anulabil este nul față de toți, precum un act nul absolut. După cum, caracterul de absolutivism al nulității absolute consistă în aceea că orice persoană (interesată) poate cere instanței desființarea operațiunii juridice infestate de o cauză de nulitate. Prin urmare, relativitatea în materie de nulitate nu se referă la efectele sancțiunii, care vor fi întotdeauna aceleași față de toți, ci la persoanele care vor putea invoca juridic eficient aplicarea sancțiunii nulității. Situația este logică, dacă amintim că nulitatea relativă este una de ocrotire a unor interese private, ceea ce determină ca sancțiunea să fie invocată doar (relativ) de cei al căror interes este protejat. Invers, pentru nulitatea absolută este firesc să fie lăsată la îndemâna oricui invocarea sancțiunii, deoarece ea apără interesul fiecăruia în parte și al tuturor la un loc¹³.

De aici rezultă că între nulitatea absolută și cea relativă nu sunt diferențe în ceea ce privește efectele lor. Acestea vor fi întotdeauna identice: desființarea retroactivă a efectelor operațiunii juridice lovite de o nulitate absolută sau relativă. Importanța distincției între cele două tipuri de nulitate este dată de regimul juridic la care este supus fiecare tip în parte. Astfel, deja s-a observat

că, subiectiv, există o diferență concretizată în persoanele care pot să invoce cauza de nulitate și să ceară desființarea actului juridic. Oricine are un interes o va face în materie de nulitate absolută (art. 217 alin.(1) Cod civil), dar numai persoanele protejate – în materie de nulitate relativă (art. 218 alin.(1) Cod civil). Din interesul distinct pe care fiecare tip de nulitate îl protejează, rezultă, în plus, și întinderea puterilor personale ale părților actului lovit de nulitate, pe care acestea le au pentru a asana cauza de nulitate. Astfel, nulitatea absolută îngrădește puterile subiecților de drept, ei neputând confirma un act nul (art. 217 alin.(2) Cod civil), deoarece interesul lezat îi depășește. În timp ce părțile unui act anulabil pot înlătura cauza de nulitate relativă prin confirmarea actului anulabil (art. 218 alin. (2) Cod civil), deoarece sancțiunea joacă în interesul uneia dintre părți, care poate dispune de acesta. Tot în natura interesului protejat se află și explicația prescriptibilității acțiunilor în anulare și anulabilitate. Astfel, acțiunea prin care se constată o nulitate absolută este imprescriptibilă extinctiv (art. 217 alin. (3) Cod civil), în timp ce nulitatea relativă nu poate fi invocată decât în interiorul termenului de prescripție stabilit în art. 233 Cod civil.

Clasificarea fundamentată pe natura interesului (general sau particular) ocrotit prin norma încălcată nu trebuie interpretată rigid. Asta deoarece între interesele generale și cele particulare există o îmbinare armonioasă. Ocrotirea unora nu se izolează de garantarea celorlalte, interacțiunea fiind reciprocă.

Interpenetrația menționată impune în practică, în unele cazuri, calificarea sancțiunii, spre a se face diferențierea între o nulitate absolută și o nulitate relativă, prin identificarea interesului general sau individual pe care îl apără prioritar. Disocierile sunt necesare îndeosebi dacă aceeași carență a actului juridic poate să lezeze interese de ordin diferit, comportând, ca atare, sancțiuni de natură distinctă¹⁴.

Termenii de nulitatea absolută și nulitate relativă nu sunt folosiți în toate sistemele de drept, dar acestea, într-un mod general, admit distincția

¹² Cantacuzino M.B. Elementele dreptului civil. București: ALL Educational, 1998, p. 63-64.

¹³ Reghini I., Diaconescu Ș., Vasilescu P. Introducere în dreptul civil. Cluj-Napoca: Sfera Juridică, 2008, p. 527.

¹⁴ Cosmovici P. Tratat de drept civil. Vol.1. Partea generală. București: Ed. Academiei R.S.R., 1989, p. 217.

care corespunde opoziției nulitate absolută – nulitate relativă prezentate mai sus.

În ce privește consacrarea legală expresă a divizării nulității în absolută și relativă, dispoziții relativ similare celor prevăzute în art. 216 Cod civil al RM mai întâlnim în: *Codul civil al Federației Ruse*¹⁵ la art. 166 intitulat „Actele juridice anulabile și nule”; *Codul civil al Ucrainei*¹⁶ la art. 215 intitulat „Nulitatea actului juridic”; *Codul civil al Republicii Belarus*¹⁷ la art. 167 intitulat „Actele juridice anulabile și nule”; *Codul civil al Uzbekistanului*¹⁸ la art. 113 intitulat „Actele juridice anulabile și nule” ș.a.

*Codul civil român din 1864*¹⁹, ca și modelul său francez, nu afirmă expres distincția dintre nulitatea absolută și nulitatea relativă. Acesta prevedea însă unele dispoziții din care se putea deduce opoziția nulitate absolută – nulitate relativă. Astfel, exista în redactarea sancțiunii cu privire la viciile de consimțământ o aplicare a teoriei bipartite a nulităților. În acest sens, art. 961 Cod civil român din 1864 dispunea: „Convenția făcută prin eroare, violență sau dol, nu este nulă de drept, ci dă loc numai acțiunii în nulitate”. Acest text părea să reflecte opoziția dintre nulitatea relativă, sancțiunea pentru viciile de consimțământ, și nulitatea absolută – „de drept”.

*Noul Cod civil român*²⁰, care a intrat în vigoare la 1 octombrie 2011, consacră expres distincția dintre nulitatea absolută și nulitatea relativă în art. 1259 alin.(2), care prevede: „Nulitatea poate fi absolută sau relativă”.

În *dreptul italian*, viciile de consimțământ, lipsa capacității de exercițiu și leziunea sunt sancționate cu nulitatea relativă, care nu poate fi invocată decât de partea contractantă, pe care legea o protejează, aceasta putând să confirme

¹⁵ Codul civil al Federației Ruse. Partea I. Nr. 51-Ф3 din 30 noiembrie 1994.

¹⁶ Codul civil al Ucrainei. Nr. 435-IV din 16 ianuarie 2003. În: *Ведомости Верховной Рады Украины*, 2003, Nr. 40-44.

¹⁷ Codul civil al Republicii Belarus. Nr. 218-3 din 7 decembrie 1998.

¹⁸ Codul civil al Republicii Uzbekistan. Partea I. Nr.163-I din 21 decembrie 1995.

¹⁹ Codul civil român din 26 noiembrie 1864. În: *Monitorul Oficial*, 04.12.1864, nr. 271. Intrat în vigoare: 01.12.1865, abrogat: 01.10.2011.

²⁰ Codul civil al României. Nr. 287 din 17 iulie 2009. În: *Monitorul Oficial*, 15.07.2011, nr. 505. Intrat în vigoare: 01.10.2011.

nulitatea. Când nulitatea se întemeiază pe lipsa obiectului, obiect ilicit sau imoral, lipsa cauzei sau cauza ilicită și imorală – aceasta este o nulitate propriu-zisă (absolută), prin opoziție cu anulabilitatea²¹.

În *dreptul german*, nerespectarea condițiilor de formă (§ 125 BGB²²) sau absența obiectului, ori obiectul ilicit sau imoral sunt sancționate cu nulitatea. Nulitatea absolută este consacrată în § 134 BGB, care prevede că actul juridic care încalcă o interdicție stabilită de lege este nul, dacă legea nu prevede altfel. O dispoziție care se referă la nulitatea relativă o găsim în §142 (1) BGB, care statuează că dacă actul juridic, care poate fi declarat nul, se declară ca atare, el trebuie considerat nul de la început.

Concluzionând asupra celor expuse, constatăm că clasificarea nulității în absolută și relativă prezintă interes deosebit din perspectiva regimului juridic aplicabil, care este diferit pentru fiecare din aceste două categorii de nulitate.

b) Nulitatea totală și nulitatea parțială. Această clasificare se face, după cum am arătat, în funcție de criteriul întinderii efectelor nulității.

Având în vedere concepția dreptului nostru civil asupra nulității, ținem să remarcăm faptul că principiul este acela al nulității parțiale, excepția constituind-o nulitatea totală.

S-a susținut că nulitatea totală este acea nulitate care desființează actul juridic în întregul său²³. Cu alte cuvinte, nulitatea totală este cea care intervine în cazul în care nu pot fi menținute nici un fel de efecte care s-au produs sau care urmau să se producă în temeiul unui act juridic. Lipsind actul juridic de totalitatea efectelor sale, aceasta mai este numită și nulitate integrală.

Fiind soluția de excepție în materia nulității actului juridic civil, nulitatea totală trebuie să intervină numai atunci când aceasta este absolut necesară.

În legislația noastră civilă există unele dispoziții care impun nulitatea totală a actului invalid. Așa, spre exemplu, art. 235 alin. (1) Cod

²¹ Florescu G. *Nulitatea actului juridic civil*. București: Hamangiu, 2008, p. 80.

²² Codul civil german (*Bürgerliches Gesetzbuch*) din 18 august 1896; în vigoare din 1 ianuarie 1900.

²³ Pop A., Beleiu Gh. *Drept civil. Teoria generală a dreptului civil*. București: Universitatea din București, 1980, p. 379.

civil prevede: „Este nulă condiția care contravine legii, ordinii publice și bunelor moravuri sau condiția a cărei îndeplinire este imposibilă. Actul juridic încheiat sub astfel de condiție este nul în întregime (sublinierea noastră (s.n.).”

În Hotărârea Plenului Curții Supreme de Justiție „Cu privire la aplicarea de către instanțele de judecată a legislației ce reglementează nulitatea actului juridic civil” se menționează:

„Instanțele urmează să țină cont că, după întinderea efectelor sancțiunii, se disting nulitatea totală și nulitatea parțială.

În cazul nulității totale se desființează actul în întregime, adică clauzele nevalabile au fost esențiale, constituind motivul determinant al voinței de a contracta în așa fel încât altfel părțile nu ar fi încheiat actul.

Spre exemplu, art. 827 alin. (2) Cod civil prevede că contractul de donație prin care donatorul se obligă să transmită în viitor întreg patrimoniul actual sau o fracțiune din el fără a specifica bunurile care urmează să fie predate este nul.

Art. 827 alin. (4) Cod civil indică: „Contractul care prevede predarea bunului după decesul donatorului este nul”.

Art. 1029 alin. (2) Cod civil stipulează că este nulă îndeosebi acea convenție prin care căraușul trece pe seama asigurării încărcăturii pretențiile în despăgubire.

În toate exemplele menționate, nulitatea clauzelor esențiale atrage nulitatea totală a actelor juridice, astfel, ele vor fi nule în întregime, chiar dacă restul clauzelor corespund legii²⁴.

Este parțială acea nulitate care desființează numai o parte dintre efectele actului juridic civil, celelalte efecte ale actului producându-se întrucât nu contravin legii²⁵. Cu alte cuvinte, nulitatea parțială este cea care intervine ori de câte ori o parte sau anumite părți din actul juridic nu contravin dispozițiilor legale, lipsind actul juridic

numai de acele efecte care sunt contrare legii, celelalte efecte menținându-se.

Constituind soluția-regulă în materia nulității actului juridic civil, nulitatea parțială constituie esența concepției dreptului nostru civil despre nulitate, în încercarea și preocuparea de a salva actul juridic de la lipsirea lui de efecte ori de câte ori este posibil.

La formularea acestei reguli s-a ajuns ca urmare a interpretării dispozițiilor art. 220 Cod civil, intitulat „Nulitatea actului juridic ce contravine legii, ordinii publice sau bunelor moravuri”, care în alin.(3) statuează că nulitatea clauzei nu atrage nulitatea întregului act juridic dacă se poate presupune că acesta ar fi fost încheiat și în lipsa clauzei declarate nulă.

Deși la prima vedere pare de salutat intenția legiuitorului de a consfinți expres regula nulității parțiale, totuși localizarea normei într-un articol, care prevede o cauză de nulitate absolută, o considerăm nereușită deoarece este de natură a genera confuzii. Astfel, dat fiind faptul că art. 220 Cod civil se referă la nulitatea actului juridic ce contravine legii, ordinii publice sau bunelor moravuri, rezultă că și alin. (3) vorbește despre nulitatea clauzei inserată numai într-un atare act juridic.

În consecință, putem constata o necorespondență dintre conținutul textului alin. (3) și denumirea articolului, în sensul că modalitatea în care este reglementată nulitatea parțială îi restrânge nejustificat sfera de acțiune numai la actele juridice ce contravin legii, ordinii publice sau bunelor moravuri, deși formularea textuală a regulii din alin. (3) pare a fi una general aplicabilă în materia nulității.

Mai evoluat în această privință putem considera Codul civil din 1964²⁶, care consacră expres într-un text normativ distinct principiul caracterului parțial al nulității. Astfel, în art. 62, intitulat „Efectele nulității unei părți din convenție”, acesta prevedea că nulitatea unei părți din convenție nu atrage nulitatea celorlalte părți ale ei, dacă se poate presupune că convenția ar fi fost încheiată chiar dacă n-ar fi cuprins partea nulă a ei.

²⁴ Hotărârea Plenului Curții Supreme de Justiție „Cu privire la aplicarea de către instanțele de judecată a legislației ce reglementează nulitatea actului juridic civil”. Nr.1 din 7 iulie 2008. În: Buletinul Curții Supreme de Justiție a Republicii Moldova, 2009, nr. 4-5, p. 11.

²⁵ Beleiu Gh. Drept civil român: Introducere în dreptul civil. Subiectele dreptului civil. București: Universul juridic, 2004, p. 223.

²⁶ Codul civil al R.S.S.M., aprobat prin Legea R.S.S. Moldovenești din 26 decembrie 1964. În: Veștile Sovietului Suprem al R.S.S. Moldovenești, 1964, nr.36, art.81. Intrat în vigoare: 01.07.1965, abrogat: 12.06.2003.

În această ordine de idei, rămâne neclar motivul din care legiuitorul nu a păstrat în legislația civilă actuală o prevedere distinctă, similară celei din Codul civil din 1964, ci a recurs la un procedeu confuz și echivoc. Din aceste rațiuni, considerăm necesar și logic a consfinți regula caracterului parțial al nulității într-un articol aparte din Codul civil, fapt ce ar permite formularea în termeni simpli a principiului enunțat și ar contribui la eliminarea oricăror ambiguități în ceea ce privește aplicarea corectă a normelor juridice în materie de nulitate.

Cu titlu de drept comparat, ținem să evidențiem legislațiile civile care consacră într-o dispoziție legală distinctă regula la care ne-am referit. Astfel, *Codul civil al Federației Ruse* în art. 180, intitulat „Efectele nulității unei părți a actului juridic”, prevede că nulitatea unei părți a actului juridic nu conduce la nulitatea celorlalte părți ale lui, dacă se poate presupune că actul juridic ar fi fost încheiat și fără includerea părții nule.

Art. 217 din *Codul civil al Ucrainei*, intitulat „Consecințele juridice ale nulității unor părți a actului juridic”, statuează că nulitatea unei părți distincte a actului juridic nu are drept consecință nulitatea altor părți și a actului în întregime, dacă se poate presupune că actul juridic ar fi fost încheiat și fără includerea în conținutul său a părții nule.

În aceeași privință, art. 181 *Cod civil al Republicii Belarus*, intitulat „Efectele nulității unei părți a actului juridic”, prevede că nulitatea unei părți a actului juridic nu conduce la nulitatea celorlalte părți ale lui, dacă se poate presupune că actul juridic ar fi fost încheiat și fără includerea părții nule.

Regula caracterului parțial al nulității o consfințește și *Codul civil al Republicii Azerbaidjan*²⁷, care în art. 352 dispune că nulitatea unei părți a actului juridic nu conduce la nulitatea celorlalte părți ale lui, dacă actul juridic ar fi fost încheiat și fără includerea părții nule.

O prevedere practic identică o regăsim și în art. 161 din *Codul civil al Republicii Kazahstan*²⁸.

În ce privește *dreptul german*, §139 al BGB prevede că în cazul nulității unei părți a actului juridic acesta este nul în întregime dacă nu se poate presupune că actul juridic ar fi fost încheiat și fără includerea părții nule.

Este de observat că legislațiile civile ale statelor enunțate, spre deosebire de legiuitorul moldovean, reglementează nulitatea parțială în articole distincte, fără a recurge la plasarea acestei prevederi în textul altor articole cu privire la nulitate.

Deși *Codul civil român* din 1864 nu conținea vreo dispoziție expresă în ce privește opoziția nulitate totală – nulitate parțială, totuși un suport de text pentru admisibilitatea nulității totale numai când de clauza nulă depinde, prin voința părții sau a părților, întregul act, îl oferea art. 1008. Potrivit acestui text de lege, „condiția imposibilă sau contrarie bunelor moravuri, sau prohibită de lege, este nulă și desființează convenția *ce depinde de dânsa* (s.n.)”. Prin urmare, în principiu numai condiția ilicită sau imorală era considerată nulă, dar convenția (și, prin extensiune, actul juridic) în care condiția se afla inserată era lovită de nulitate numai dacă eficacitatea ei era subordonată, prin voința părților, validității acelei condiții. Regula putea fi extinsă, pentru identitate de rațiune, la orice clauză a unui act juridic, clauză care urma să atragă nevaliditatea actului în totalitatea sa numai dacă acesta „depindea” de ea.

Dovada caracterului determinant al părții sau clauzei nule în raport cu restul actului juridic nu mai este necesară atunci când, prin natura sa ori datorită unei dispoziții legale, partea validă a actului nu poate avea o existență de sine stătătoare, independentă de partea ori clauza ilicită. Așa, de exemplu, este evident că nulitatea obligației principale atrage și nulitatea clauzei referitoare la garantarea acelei obligații, după cum nulitatea obligației de a acorda un împrumut implică și nulitatea stipulației cu privire la dobândă²⁹.

De menționat că în *noul Cod civil român* principiul nulității parțiale este consacrat expres. Astfel, în art. 1268, intitulat „Nulitatea parțială”, alin. (1) se prevede: „Clauzele contrare legii, ordinii publice sau bunelor moravuri și care nu

²⁷ Codul civil al Republicii Azerbaidjan. Nr. 779-IF din 28 decembrie 1999.

²⁸ Codul civil al Republicii Kazahstan din 27 decembrie 1994.

²⁹ Cosma D. Teoria generală a actului juridic civil. București: Ed. Științifică, 1969, p. 323.

sunt considerate nescrise, atrag nulitatea contractului în întregul său numai dacă sunt, prin natura lor, esențiale sau dacă, în lipsa acestora, contractul nu s-ar fi încheiat. În cazul în care contractul este menținut în parte, clauzele respective sunt înlocuite de drept cu dispozițiile legale imperative, neputând însă produce nici un efect în lipsa acestora din urmă”.

Diviziunea nulității în totală și parțială are aplicare pentru operațiunile juridice complexe, care se prezintă, în fond, ca o împletire de mai multe clauze, care au o existență cvasi-autonomă, iar nulitatea parțială se referă doar la una sau mai multe clauze, lăsând să supraviețuiască altele. Pentru actele juridice foarte simple, în care nu se poate vorbi despre îngemănarea mai multor clauze, nulitatea parțială este exclusă sau va produce efectele unei nulități totale. În plus, în afară de complexitatea actului juridic, mai trebuie luată în considerare și calitatea clauzei lovită de nulitate, care ne va permite să vorbim despre nulitate parțială.

Astfel, dacă o clauză este accesorie sau nu prezintă o legătură substanțială cu ansamblul operațiunii juridice, putând fi, deci, izolată de întregul actului juridic, se va putea admite nulitatea parțială a respectivei clauze, lăsând întregul neafectat. Pentru unele clauze, chiar foarte simple în aparență, anularea lor poate determina nulitatea actului civil în întregime. De exemplu, dacă într-o vindere lipsește prețul sau clauza prin care acesta se stipulează este nulă, această nulitate, a unui singur element sau clauze, va antrena nulitatea contractului de vânzare-cumpărare în ansamblul său, deoarece prețul este un element esențial al oricărei vinderi³⁰.

Pentru mai buna înțelegere a ceea ce înseamnă nulitate parțială este necesar să precizăm că această noțiune este folosită, uneori, cu un înțeles restrâns, iar alteori cu un înțeles mai larg.

Stricto sensu, prin nulitate parțială înțelegem ineficacitatea unei clauze sau unor clauze din actul juridic. Se are în vedere, deci, un aspect cantitativ, raportat la actul juridic din care fac parte clauza sau clauzele lovite – numai ele – de nulitate.

Lato sensu, în literatura juridică este socotită tot nulitate parțială și ineficacitatea actului juridic

sub aspectul timpului (efectele în timp) și *sub aspectul persoanelor*. De reținut că este socotită nulitate parțială – în sens larg – chiar și nulitatea care lovește întregul act, dar efectele nulității sunt limitate sub unul sau altul, ori chiar ambele aspecte de mai sus³¹.

În ce privește limitarea efectelor *în raport cu timpul*, se socotesc a fi cazuri de nulitate parțială acele situații în care este vorba de nulitatea unui act cu prestații succesive, în care cazuri nulitatea (chiar a întregului act) produce efecte numai pentru viitor (*ex nunc*), iar nu în mod retroactiv (*ex tunc*) și pentru trecut. Evident, problema se pune atunci când actul a fost executat, în tot sau măcar în parte, altfel neretroactivitatea, practic, nu prezintă interes.

În ce privește limitarea efectelor nulității *în raport cu persoanele*, sunt socotite cazuri de nulitate parțială situațiile în care efectele actului juridic nul (chiar în întregime) nu se răsfrâng asupra persoanelor care n-au luat parte la încheierea acelui act, dar în privința cărora actul produce efecte într-un mod specific. Este cazul reglementat de art. 44 alin.(5) din Codul familiei al Republicii Moldova³², care prevede că declararea nulității căsătoriei nu afectează drepturile copiilor născuți din această căsătorie.

În doctrina juridică s-au făcut câteva precizări în legătură cu unele situații care nu constituie nulitate parțială. Astfel:

- nu constituie un caz de nulitate parțială, ci totală, situația în care dintre mai multe acte juridice distincte, dar în strânsă legătură, este anulat numai unul din ele. În asemenea cazuri nu se pune problema influenței pe care nevaliditatea unei părți dintr-un act o are asupra întregului act, ci, eventual, a modului în care nulitatea unui act se răsfrânge asupra validității altui act. S-a susținut că în practică trebuie întotdeauna cercetată voința ipotetică a părților, respectiv dacă acestea au voit ca într-un act complex toate clauzele „să rămână sau să se prăbușească” împreună³³. Trebuie apoi

³¹ Pop A., Beleiu Gh. Drept civil. Teoria generală a dreptului civil. București: Universitatea din București, 1980, p. 381.

³² Codul familiei al Republicii Moldova. Nr. 1316-XIV din 26 octombrie 2000. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 26.04.2001, nr. 47-48/210.

³³ Ungureanu O. Drept civil. Introducere. București: ALL BECK, 2000, p. 191.

³⁰ Reghini I., Diaconescu Ș., Vasilescu P. Introducere în dreptul civil. Cluj-Napoca: Sfera Juridică, 2008, p. 525.

verificat dacă nu cumva valabilitatea unui act stă tocmai la baza încheierii unui alt act juridic. În sfârșit, primul indiciu pentru existența unei voințe unitare într-un act complex îl constituie cuprinderea clauzelor într-un singur înscris;

- nu constituie un caz de nulitate parțială situația în care un act juridic nul produce totuși efecte, dar cu titlul unui alt act juridic, deoarece aceasta constituie ceea ce vom numi „conversiunea actului juridic”; cu alte cuvinte, conversiunea nu trebuie confundată cu nulitatea parțială;

- nu constituie caz de nulitate parțială nici situația în care actul juridic lovit de nulitate absolută este „validat” prin îndeplinirea ulterioară a condiției nerespectate la încheierea lui și nici situația în care actul anulabil devine valabil prin confirmare din partea celui ce poate invoca anulabilitatea (nulitatea relativă), deoarece în aceste situații actul, devenind valabil, va produce efecte întocmai ca un act pe deplin valabil *ab initio*³⁴;

- nu constituie un caz de nulitate parțială nici situația în care forma actului este nulă – dar numai atunci când această formă este dată actului *ad probationem*, ea nefiind cerută de lege *ad validitatem*, – întrucât actul juridic (*negotium*) rămâne pe deplin valabil; în acest caz este nulă forma, dar este valabilă operația juridică.

În consecință, în nici unul dintre cele patru cazuri menționate nu este vorba despre nulitatea parțială, deși, la prima vedere, ar exista tentația punerii unui asemenea „diagnostic”.

În concluzia celor de mai sus, putem reține că, propriu-zis, prin nulitatea parțială se înțelege ineficacitatea (lipsirea de efecte) numai a unei sau unor clauze din *același act juridic*. Cu alte cuvinte, nulitatea parțială privește ineficacitatea numai a unei părți dintr-un act juridic civil.

În încheierea analizei acestei clasificări a nulității, ținem să subliniem că nu trebuie confundată clasificarea în nulitatea absolută și relativă cu clasificarea nulității în totală și parțială.

Astfel, așa cum am arătat mai sus, nulitatea, fie absolută, fie relativă, produce aceleași efecte. Ar fi o greșeală să se considere că nulitatea absolută ar avea efecte mai întinse sau mai radicale decât

nulitatea relativă. Prin urmare, nu trebuie să se confunde în ceea ce privește efectele, nulitatea absolută cu cea totală și nici nulitatea relativă cu nulitatea parțială: nulitatea relativă poate să ducă la desființarea în întregime a efectelor actului, iar nulitatea absolută să determine numai o desființare parțială a acestuia.

c) Nulitatea expresă și nulitatea virtuală. După cum am menționat mai sus, în funcție de modul în care rezultă din textul legal ce o reglementează, nulitatea este expresă (textuală) și virtuală (implicită).

Această clasificare nu prezintă o importanță deosebită sub raportul regimului juridic sau sub cel al efectelor. Dacă menționăm, totuși, această clasificare, o facem pentru că nu întotdeauna categoria nulității virtuale a fost și este admisă în literatura juridică și în practica judecătorească.

Acceptarea clasificării nulităților în exprese și virtuale implică în mod firesc recunoașterea principiului că pentru ca un act juridic să fie sancționat cu nulitatea nu este necesar ca această sancțiune să fie edictată expres de o dispoziție legală.

Astfel, în doctrina românească s-a susținut³⁵ că nici un text din Codul civil nu declară, cu caracter general, că actele juridice făcute cu nesocotirea dispozițiilor lui imperative vor fi nule. Însă, pe de altă parte, nici un text din Codul civil nu declară că vor fi nule numai acele acte juridice pentru a căror săvârșire neregulată nulitatea va fi fost prevăzută în mod expres.

În consecință, s-a opinat că alături de nulitățile exprese trebuie admise și nulitățile virtuale, pe de o parte fiindcă nici un text de lege cu caracter general nu cere, pentru incidența nulității, existența unei dispoziții legale în acest sens, iar pe de altă parte, pentru că numai astfel se poate asigura respectarea condițiilor de validitate stabilite de legiuitor sau de părți pentru actele juridice³⁶. Instituirea unor condiții obligatorii cu privire la fondul și forma actelor juridice nu ar avea nici o eficiență dacă violarea acestor norme ar fi lipsită de sancțiunea nulității. De aceea trebuie admis că nulitatea este aplicabilă ori de

³⁴ Pop A., Beleiu Gh. Drept civil. Teoria generală a dreptului civil. București: Universitatea din București, 1980, p. 383.

³⁵ Ionașcu Tr., Barasch E. Tratat de drept civil. Vol. 1. Partea generală. București: Ed. Academiei R.S.R., 1967, p. 342.

³⁶ Cosma D. Teoria generală a actului juridic civil. București: Ed. Științifică, 1969, p. 329.

câte ori efectele actului sunt potrivnice scopului în considerarea căruia s-a edictat condiția de validitate nesocotită, indiferent de faptul că legea prevede sau nu expres o atare sancțiune.

Nulitatea se consideră *expresă (textuală sau explicită)* atunci când ea rezultă în mod explicit dintr-un text legal, care o prevede anume.

Majoritatea nulităților este formată din cazurile de nulitate expresă, prevăzute fie în Codul civil, fie în alte izvoare ale dreptului civil. Astfel, cazuri de nulitate expresă găsim în următoarele articole din Codul civil: art. 220-232, art. 235, art. 270, art. 351 alin.(2), art. 365, art. 369 alin.(3), art. 397 alin. (4), art. 468 alin.(2), art. 625, art. 670, art. 674, art. 675, art. 796, art. 827 alin. (2-4), art. 833, art. 1038 alin. (3), art. 1050 alin.(5), art. 1172 alin. (1), art. 1335, art. 1469, art. 1470 ș.a.

Codul familiei de asemenea conține cazuri de nulitate expresă. Bunăoară, art. 41 prevede cazurile de nulitate a căsătoriei, art. 28 alin.(3) consfințește nulitatea contractului matrimonial pentru nerespectarea formei autentice, art. 21 alin.(3,4) prevede nulitatea convențiilor contrare regimului comunității de bunuri a soților, art. 93 consacră nulitatea contractului privind plata pensiei de întreținere pentru nerespectarea formei autentice.

Nulitatea expresă nu ridică probleme, tocmai datorită modului său de reglementare. Singura problemă pe care ar putea-o pune ar fi aceea a determinării felului nulității: absolută sau relativă. O asemenea problemă se rezolvă potrivit criteriului menționat, respectiv natura interesului ocrotit prin dispoziția legală. În orice caz, probabilitatea ridicării unei asemenea probleme este incomparabil mai mică decât în cazul nulității virtuale.

Nulitatea se numește *virtuală (tacită sau implicită)* atunci când ea rezultă în mod neîndoiebnic din textul de lege care reglementează o anumită condiție de validitate a actului juridic civil, fără a prevedea, însă, expres sancțiunea nulității pentru nerespectarea acestei condiții³⁷. S-a mai susținut că vom fi în prezența unei nulități virtuale atunci când textul legislativ tace sau

preferă să sugereze doar, adică să consacre implicit sancțiunea nulității³⁸.

Deosebirea dintre cele două tipuri de nulități se sprijină pe tehnica legislativă, folosind un criteriu formal, cel al expresiei textului normativ.

În literatura juridică s-a susținut că există totuși acte juridice care, pentru considerații speciale, nu pot fi sancționate cu nulitatea decât dacă un text de lege prevede expres acest lucru. Problema s-a pus îndeosebi în privința căsătoriei. Necesitatea de a se asigura stabilitatea căsătoriei impune, s-a pretins, ca nulitatea să opereze numai în cazurile în care legea prevede explicit această sancțiune. Inconsistența principiului astfel formulat s-a vădit însă în acele cazuri în care, deși nulitatea nu era prevăzută expres, actul juridic al căsătoriei nu putea în nici un caz să producă efecte. Pentru remedierea acestei curențe doctrina civilistă clasică, mai ales din Franța, a făurit teoria actelor juridice inexistente, a cărei inconsistență s-a dovedit ulterior.

În acest context, ținem să subliniem că pentru a se asigura ineficacitatea unui act juridic contrar legii, care însă nu este sancționat expres cu nulitatea, nu este necesar să se recurgă la teoria artificială a actelor juridice inexistente, ci este de ajuns să se accepte principiul că alături de nulitățile exprese sunt admisibile și nulitățile virtuale, implicite. Acest principiu este recunoscut de literatura noastră juridică, fiind aplicat tocmai în materia căsătoriei.

Astfel, autorul V. Pînzari, analizând clasificarea nulității căsătoriei în funcție de consacrarea legislativă, arată că nulitățile virtuale sunt acelea care rezultă în mod implicit din dispozițiile Codului familiei³⁹. Același autor precizează că un exemplu de nulitate virtuală a căsătoriei, care poate fi dedus din prevederile Codului familiei al Republicii Moldova, este căsătoria persoanelor a căror sex nu este diferențiat.

Argumentându-și opinia, autorul menționează că nediferențierea sexuală, ca și condiție de fond, este considerată de legiuitor atât de evidentă, încât nici nu este prevăzută expres. Încheierea căsătoriei cu nerespectarea impedimentului în cauză duce la

³⁷ Pop A., Beleiu Gh. Drept civil. Teoria generală a dreptului civil. București: Universitatea din București, 1980, p. 384.

³⁸ Reghini I., Diaconescu Ș., Vasilescu P. Introducere în dreptul civil. Cluj-Napoca: Sfera Juridică, 2008, p. 523.

³⁹ Pînzari V. Căsătoria în legislația Republicii Moldova. Bălți: Presa universitară bălțeană, 2002, p. 89.

nulitatea absolută a actului dat, fiind un caz de nulitate virtuală a căsătoriei⁴⁰.

În același sens, în doctrina românească s-a susținut⁴¹ că dacă o malformație genitală reprezintă o nediferențiere de sex, soluția care se impune este nulitatea absolută a căsătoriei. De asemenea, intervine nulitatea absolută în cazul hermafroditismului, deoarece constituie o anomalie genitală definitivă, care împiedică posibilitatea de procreare și raporturile normale între soți.

Existența nulității virtuale în materia căsătoriei este recunoscută și de alți autori autohtoni. Bunăoară, L. Mărgineanu și G. Mărgineanu precizează că, în funcție de consacrarea legislativă, nulitățile se clasifică în nulități exprese – nulități exprese prevăzute de Codul familiei sau de alte acte normative – și nulități virtuale, nulități care rezultă în mod implicit din dispozițiile Codului familiei⁴².

Dar dacă nulitățile virtuale sunt admisibile în materia căsătoriei, deși legiuitorul vădește o deosebită grijă pentru menținerea acestui act juridic, cu atât mai puternic cuvânt ele se impun în privința altor acte juridice, ori de câte ori este evident că realizarea scopului urmărit de legiuitor prin edictarea condiției de validitate nesocotite nu ar fi cu putință decât dacă se aplică sancțiunea nulității.

În sensul recunoașterii existenței nulității virtuale a actului juridic civil se pronunță și practica judiciară națională. Astfel, Hotărârea Plenumului Curții Supreme de Justiție „Cu privire la aplicarea de către instanțele de judecată a legislației ce reglementează nulitatea actului juridic civil” statuează: „Nulitatea mai poate fi expresă, când este anume prevăzută de un text de lege, și *virtuală (tacită)* (s.n.), când sancțiunea nu e prevăzută expres de lege, dar nevalabilitatea actului rezultă neîndoiește din caracterul imperativ al dispoziției legale încălcate sau din scopul urmărit de legiuitor prin instituirea

anumitor condiții de validitate a actului juridic civil”⁴³.

De menționat că *noul Cod civil român* consacră într-un text expres categoria nulității virtuale. Astfel, conform art. 1266, intitulat „Nulitatea virtuală”, în afara cazurilor în care legea prevede sancțiunea nulității, contractul se desființează și atunci când sancțiunea nulității absolute sau, după caz, relative trebuie aplicată pentru ca scopul dispoziției legale încălcate să fie atins.

În doctrina juridică s-a susținut⁴⁴ că din moment ce nulitatea este o sancțiune îndreptată împotriva unor anumite efecte ale actului juridic făcut cu încălcarea legii, ea va exista ori de câte ori, în limitele sau, mai exact, în considerarea cauzelor de nulitate, efectele actului juridic vor contrazice într-adevăr scopul dispoziției legale ce ar fi fost încălcată. Nu s-ar putea ca asemenea efecte să se producă și nulitatea, totuși, să nu intervină.

Când sancțiunea nulității pentru nerespectarea unei anumite dispoziții legale nu este prevăzută expres de lege, pentru a decide când este cazul ca o atare sancțiune să opereze, trebuie stabilit dacă realizarea scopului urmărit de legiuitor prin edictarea condiției de validitate încălcate este posibilă fără declararea nulității ori anularea actului respectiv. În caz de răspuns negativ, aplicarea sancțiunii nulității se impune cu necesitate.

Este neîndoiește însă că nu orice încălcare a legii atrage nulitatea actului. O indicație în sensul aplicării nulității o poate oferi caracterul normei încălcate. Nesocotirea unei dispoziții legale onerative sau prohibitive atrage de regulă nulitatea, căci altfel nu s-ar putea asigura respectarea legii și, deci, apărarea interesului pentru ocrotirea căruia s-a instituit dispoziția legală respectivă. Însuși modul de exprimare al legiuitorului este de cele mai multe ori revelator. Expresii ca „este oprit”, „nu se poate”, „se admite

⁴⁰ Florian E., Pînzari V. Căsătoria în legislația României și a Republicii Moldova. Cluj-Napoca: Sfera juridică, 2006, p. 119.

⁴¹ Filipescu I.P. Tratat de dreptul familiei. București: ALL BECK, 2000, p. 186.

⁴² Mărgineanu L., Mărgineanu G. Dreptul familiei. Chișinău: Elena V.I., 2002, p. 212.

⁴³ Hotărârea Plenumului Curții Supreme de Justiție „Cu privire la aplicarea de către instanțele de judecată a legislației ce reglementează nulitatea actului juridic civil”. Nr.1 din 7 iulie 2008. În: Buletinul Curții Supreme de Justiție a Republicii Moldova, 2009, nr. 4-5, p. 11.

⁴⁴ Ionașcu Tr., Barasch E. Tratat de drept civil. Vol. 1. Partea generală. București: Ed. Academiei R.S.R., 1967, p. 343

numai dacă” etc. învederează că ne aflăm în prezența unor norme prohibitive, care cuprind tot atâtea nulități virtuale în ipoteza în care ar fi violate⁴⁵.

În consecință, nulitatea virtuală se va deduce, în principiu, din scopul urmărit prin instituirea anumitor condiții de valabilitate a actului juridic, din modul de redactare a textelor sau din ambele elemente. Ca regulă, normele imperative atrag, în cazul nerespectării lor, sancțiunea nulității chiar dacă nu prevăd expres aceasta.

Aceasta nu înseamnă, însă, că în toate cazurile de nulitate virtuală autorii sunt de acord asupra existenței acestei sancțiuni sau asupra regimului său juridic concret. În fond, acesta este și riscul nulităților virtuale: de a fi interpretate diferit, cu consecințe practice divergente.

d) Nulitatea de fond și nulitatea de formă. După tipul condiției de valabilitate a actului juridic, a cărei încălcare vine să o sancționeze nulitatea, se vorbește despre nulitate de fond și nulitate de formă.

Nulitatea de fond este acea nulitate care sancționează nerespectarea unei condiții de fond la încheierea actului juridic⁴⁶. Într-o altă opinie s-a reținut că nulitatea de fond este cea care sancționează nerespectul condițiilor cerute *ad validitatem* pentru operațiunile juridice⁴⁷.

Constituie nulități de fond cele care intervin în cazul nerespectării condițiilor de valabilitate privind: capacitatea (art. 18-22, art. 60, 61 Cod civil), consimțământul (art. 199 Cod civil), obiectul (art. 206 Cod civil) și cauza (art. 207 Cod civil).

Nulitatea de formă este acea nulitate care sancționează nerespectarea condiției de formă cerută *ad validitatem*⁴⁸. În acest sens, Codul civil în art. 208 alin. (2) prevede că forma este o condiție de valabilitate a actului juridic numai în cazurile prevăzute de lege.

Sunt, prin urmare, nulități de formă: nulitatea prevăzută de art. 468 alin. (2) Cod civil privitoare

la forma contractului de ipotecă; nulitatea prevăzută de art. 849 alin. (1) Cod civil privitoare la forma contractului de rentă; nulitatea prevăzută de art. 1172 alin. (1) Cod civil privitoare la forma contractului de franchising; nulitatea prevăzută de art. 28 alin. (3) Codul familiei privitoare la forma contractului matrimonial; nulitatea prevăzută de art. 93 Codul familiei privitoare la forma contractului privind plata pensiei de întreținere ș.a.

Ca frecvență practică, mai numeroase sunt cazurile nulității de fond decât acelea de formă.

Pentru o mai bună înțelegere a clasificării analizate câteva precizări se impun. Astfel, pentru dovedirea anumitor acte juridice legea cere întocmirea unui instrument probator, a unui înscris. Acest instrument, pentru a avea puterea doveditoare prevăzută de lege, trebuie să îndeplinească o serie de condiții. Nerespectarea acestor condiții atrage nulitatea instrumentului doveditor, care este lipsit astfel de efectele sale pe tărâm probator. Validitatea operației juridice ce urmează să fie dovedită cu acest mijloc nu este însă afectată de nulitatea instrumentului probator, actul juridic existând independent de acesta și putând fi dovedit, eventual, cu alte mijloace admise de lege. Prin urmare, nulitatea actului juridic trebuie net deosebită de nulitatea instrumentului probator.

Când însă înscrisul reprezintă o condiție pentru validitatea chiar a operației juridice, nulitatea înscrisului atrage și nulitatea actului juridic⁴⁹.

În consecință, nulitățile de formă pot avea efecte asupra probei actului, în sensul că anularea dovezilor literale poate face dificilă sau imposibilă proba operațiunii juridice în sine. Dar, în plus, importanța acestei clasificări rezidă în aceea că ea scoate în evidență faptul că nulitatea poate lovi atât operațiunea juridică, cât și înscrisul care o constată, cu efecte juridice diferite, atașate elementului pe care nulitatea îl desființează⁵⁰.

În legătură cu această categorie de nulități ținem să subliniem că nulitatea actului juridic (*negotium*) pentru nerespectarea formei cerute *ad validitatem* nu trebuie confundată cu nulitatea formei cerute *ad probationem*. În acest din urmă caz, nulitatea instrumentului probator (act în sens

⁴⁵ Cosma D. Teoria generală a actului juridic civil. București: Ed. Științifică, 1969, p. 331.

⁴⁶ Florescu G. Nulitatea actului juridic civil. București: Hamangiu, 2008, p. 231.

⁴⁷ Reghini I., Diaconescu Ș., Vasilescu P. Introducere în dreptul civil. Cluj-Napoca: Sfera Juridică, 2008, p. 525.

⁴⁸ Ungureanu O. Drept civil. Introducere. București: ALL BECK, 2000, p. 192.

⁴⁹ Cosma D. Teoria generală a actului juridic civil. București: Ed. Științifică, 1969, p. 296.

⁵⁰ Reghini I., Diaconescu Ș., Vasilescu P. Introducere în dreptul civil. Cluj-Napoca: Sfera Juridică, 2008, p. 525.

de *instrumentum*) nu afectează cu nimic valabilitatea actului juridic (*negotium*) pe care îl constată.

Interesul de a distinge nulitățile de fond de cele formale este destul de redus, deoarece consecințele juridice (și, implicit, regimul juridic) ale diferitelor categorii de nulități, adică ceea ce interesează aici în primul rând, nu variază în raport cu caracterul – de fond sau formă – al condiției de validitate încălcate.

e) Nulitatea judiciară și nulitatea amiabilă.

După cum am menționat mai înainte, în funcție de modul de valorificare, unii autori disting între nulitatea judiciară și nulitatea amiabilă, în timp ce alți autori fac deosebire între nulitatea de drept și nulitatea judiciară.

Întâi de toate vom stărui asupra argumentării netemeinicii clasificării nulităților în nulități de drept și nulități judiciare.

Distincția nulitate de drept – nulitate judiciară își are o explicație de ordin istoric. Astfel, punctul de plecare îl găsim în dreptul roman, unde toate nulitățile trebuiau deduse în justiție (în fața magistratului); dar pentru unele era inutil să se ceară magistratului o formulă specială: s-a spus că el poate invoca asemenea nulități *ipso jure*, pentru alte nulități trebuia obținută de la magistrat o formulă specială, un *exceptio*⁵¹. Această distincție, care ține de regulile proprii procedurii romane, a făcut obiect de controversă în vechiul drept francez. S-a tradus *ipso jure* prin „*de plein droit*”, în sensul că în asemenea situație nu-i necesară nici o hotărâre judecătorească; de aici distincția între „acte nule de plin drept” (în afara hotărârilor judecătorești) și „acte anulabile” (prin hotărâri judecătorești). În chiar dreptul civil francez această distincție este criticată, întrucât nu se poate menține (conserva) o distincție care a corespuns unei proceduri de mult timp dispărută. Autorii care susțin o asemenea distincție (în dreptul francez) se bazează pe folosirea de către Codul civil francez a expresiei „nulitate de plin drept”. Inspirat puternic de acesta, Codul civil român din 1864 a preluat și el această expresie. În acest context, este de apreciat poziția legiuitorului nostru care nu folosește în conținutul Codului civil o astfel de sintagmă ambiguă.

⁵¹ Pop A., Beleiu Gh. Drept civil. Teoria generală a dreptului civil. București: Universitatea din București, 1980, p. 386.

În doctrina juridică, această distincție – care lasă să se înțeleagă că nulitățile „de drept” ar opera fără intervenția justiției, pe când nulitățile „judiciare” și-ar produce efectele numai ca urmare a unei hotărâri judecătorești – este respinsă pentru mai multe motive:

- un act juridic, odată încheiat, beneficiază de o prezumție relativă (*juris tantum*) de valabilitate; până când intervine o hotărâre judecătorească de declarare a nulității, acesta este susceptibil de a-și produce toate efectele, oricât de flagrantă ar fi încălcarea legii și chiar dacă o dispoziție legală ar prevedea expres că în situația dată actul este „nul de drept”⁵²;

- în temeiul principiului că nimeni nu-și poate face dreptate singur, soluția care se impune este în sensul că ori de câte ori părțile nu se înțeleg, trebuie să hotărască instanța. Constatarea nevalidității unui act juridic depășește vădit posibilitățile de apreciere ale părților, deoarece pune în discuție conformitatea dintre operațiunea încheiată și dispozițiile legale ce i se aplică. În plus, stabilitatea situațiilor juridice ar avea cert de suferit dacă soarta actului ar atârna de declarația părții care îl consideră neavenit⁵³;

- dacă nulitatea este o sancțiune îndreptată numai împotriva acelor efecte ale actului juridic, care contravin scopului condiției de validitate nesocotite, și dacă ea poate fi nu numai totală, ci și parțială, iar uneori poate fi chiar înlăturată prin validarea actului juridic ca urmare a dispariției împrejurării care inițial justifica nulitatea, pronunțarea unei hotărâri judecătorești apare indispensabilă. Într-adevăr, numai instanța de judecată poate decide că nulitatea este totală sau parțială și tot numai ea poate hotărî, în lumina scopului urmărit prin instituirea condiției de validitate încălcată, că actul juridic poate fi validat⁵⁴.

În aceeași ordine de idei, s-a afirmat că astăzi expresia „nulitate de drept” este o simplă figură de stil, fiind folosită mai mult pentru a întări formularea unui text legal, care pare mult mai

⁵² Cosma D. Teoria generală a actului juridic civil. București: Ed. Științifică, 1969, p. 332.

⁵³ Cosmovici P. Tratat de drept civil. Vol.1. Partea generală. București: Ed. Academiei R.S.R., 1989, p. 220.

⁵⁴ Florescu G. Nulitatea actului juridic civil. București: Hamangiu, 2008, p. 232.

sever dacă proclamă ritos că un act este „nul de drept”⁵⁵.

În consecință, s-a constatat că „nulitatea de drept” nu este decât o expresie ambiguă și fără utilitate practică, care nu face altceva decât să sporească echivocul terminologic.

În această ordine de idei, pare cel puțin confuză poziția Plenului Curții Supreme de Justiție, care în Hotărârea „Cu privire la aplicarea de către instanțele de judecată a legislației ce reglementează nulitatea actului juridic civil” menționează: „Din sensul art. 216 alin. (1) rezultă că actul juridic lovit de nulitate absolută este nul, *nefiind necesară o hotărâre judecătorească* (s.n.) de constatare a nulității absolute. De exemplu, dacă o persoană fără capacitate de exercițiu a încheiat un act juridic, nu mai este necesară o apelare la instanța judecătorească pentru a-l declara nul, acesta fiind *nul de drept* (s.n.). Instanța judecătorească va interveni în cazul nulității absolute doar pentru a aplica efectele nulității absolute dacă părțile nu vor face acest lucru benevol și s-au adresat instanței”⁵⁶.

De altă părere sunt autorii comentariului Codului civil al Republicii Moldova, care opinează: „În principiu, nulitatea presupune *emiterea unei hotărâri judecătorești* (s.n.). Totuși, pentru actele juridice anulabile, legea prevede posibilitatea declarării nulității prin acordul părților. Când părțile sunt de acord, nulitatea poate fi hotărâtă pe cale amiabilă, fără a fi necesară intervenția organului jurisdicțional.

Dacă actul juridic lovit de nulitate nu poate fi desființat pe cale amiabilă, partea interesată în declararea nulității *trebuie să se adreseze în instanța de judecată* (s.n.) (acțiunea în nulitate). Necesitatea acțiunii în nulitate se învederează mai ales atunci când în baza actului una sau mai multe părți au săvârșit prestații. Este firesc că restituirea prestațiilor efectuate se poate obține *doar în temeiul unei hotărâri judecătorești* (s.n.)”⁵⁷.

⁵⁵ Reghini I., Diaconescu Ș., Vasilescu P. Introducere în dreptul civil. Cluj-Napoca: Sfera Juridică, 2008, p. 523.

⁵⁶ Hotărârea Plenului Curții Supreme de Justiție „Cu privire la aplicarea de către instanțele de judecată a legislației ce reglementează nulitatea actului juridic civil”. Nr.1 din 7 iulie 2008. În: Buletinul Curții Supreme de Justiție a Republicii Moldova, 2009, nr. 4-5, p. 6.

⁵⁷ Comentariul Codului civil al Republicii Moldova. Vol. I. / Coordonatori: Buruiană M., Efrim O., Eșanu N. Chișinău: Tipografia centrală, 2006, p. 430.

Astfel, observăm lesne faptul că autorii comentariului vorbesc doar despre nulitate amiabilă și nulitate judiciară, lucru care rezultă limpede din analiza art. 216 Cod civil, fără a lăsa să se înțeleagă că ar exista și o „nulitate de drept”, independentă de intervenția instanței de judecată. Aceasta cu atât mai mult, cu cât Codul civil al Republicii Moldova nu cunoaște expresia „nulitate de drept”.

Cu toate că există legislații care consfințesc caracterul extrajudiciar al nulității absolute, nulitate care operează fără a fi necesară intervenția organului de jurisdicție, considerăm însă că soluția nu este pasibilă de extrapolare în sistemul nostru de drept, care nici printr-un text de lege nu lasă să se înțeleagă, expres sau implicit, că ar fi operantă o nulitate lăsată la discreția arbitrară a părților, interesele cărora de cele mai multe ori contrastează, fără ca să se impună puterea autoritară a unei statuări judecătorești, singură aptă să asigure aplicarea uniformă a concepției dreptului nostru civil asupra nulității.

În consecință, propunem excluderea sintagmei „*nefiind necesară o hotărâre judecătorească de constatare a nulității absolute*” din Hotărârea Plenului Supreme de Justiție ca fiind în dezacord cu prevederile legislației civile a Republicii Moldova în materia nulității actului juridic.

În ceea ce ne privește, considerăm că poate fi reținută, ca fiind în acord atât cu prevederile legislației Republicii Moldova, cât și cu argumentele expuse în doctrina juridică la care ne-am referit, distincția între nulitățile amiabile și nulitățile judiciare. În acest sens, putem face deosebire între situația în care părțile se înțeleg cu privire la nulitatea actului juridic încheiat de ele și lipsesc de efecte actul respectiv prin voința lor, fără a se mai adresa organului de jurisdicție competent (caz în care am fi în prezența unei nulități amiabile) și situația în care părțile nu se înțeleg în acest sens ori în care ar fi vorba de un act juridic căruia nu i se poate pune capăt printr-un act simetric celui prin care a luat naștere, deci nesusceptibil de o nulitate amiabilă, fiind astfel necesar ca nulitatea actului juridic să fie declarată de organul de jurisdicție competent (într-o asemenea situație vorbim de nulitate judiciară).

Deci, *nulitatea judiciară* este cea care este stabilită *ope judicii*, adică printr-o hotărâre judecătorească. Funcția sancționatorie a nulității,

rațiunea ei și efectele nulității se impun doar în măsura în care acestea sunt stabilite printr-un act jurisdicțional de către instanță. Ceea ce face să fie exclusă *de plano* specia nulităților de drept, care și-ar produce efectele *ope legis*, adică prin simpla putere a legii, fără a mai fi necesar altceva⁵⁸.

Nulitatea amiabilă apare în situația în care părțile se înțeleg cu privire la nulitatea actului juridic încheiat de ele și lipsesc de efecte actul respectiv prin voința lor, fără a se mai adresa organului de jurisdicție competent⁵⁹.

Considerăm plauzibilă clasificarea nulităților în judiciare și amiabile inclusiv datorită consonanței cu prevederile Codului civil, care în art. 216 alin. (2) statuează că actul juridic poate fi declarat nul, în temeiurile prevăzute de cod, de către *instanța de judecată* sau prin *acordul părților* (s.n.).

O prevedere asemănătoare, care consacră nulitatea amiabilă, găsim în legislația germană. Astfel, § 143 din BGB prevede că actul juridic poate fi anulat printr-o declarație, adresată celeilalte părți.

Ținem să menționăm că majoritatea legislațiilor civile ale statelor din spațiul ex-sovietic nu prevăd vreo normă expresă care să ofere posibilitate părților de a se înțelege cu privire la nulitatea actului juridic încheiat de ele fără a recurge la concursul instanțelor judecătorești.

În doctrina românească s-a susținut⁶⁰ că dacă părțile pot revoca o convenție prin consimțământ mutual, cu atât mai mult ele pot recunoaște pe cale amiabilă existența nulității. Această recunoaștere convențională a efectelor nulității reprezintă ea însăși un act juridic și trebuie să îndeplinească toate condițiile de fond și de formă necesare pentru validitatea unui atare act.

Calea amiabilă a anulării actelor juridice nu poate fi urmată în cazul acelor acte ale căror efecte sunt stabilite în mod imperativ de lege sau când legea prevede expres că anularea nu este posibilă decât pe cale judecătorească. Dacă s-ar admite anularea prin bună înțelegere a unor asemenea acte s-ar crea posibilitatea eludării unor

dispoziții imperative ale legii sau a înfrângerii statutului legal instituit pentru acele acte juridice. Astfel, căsătoria și adopția nu pot fi anulate ori declarate nule decât pe cale judecătorească.

În acest sens, art. 41 alin. (1) din Codul familiei prevede că *instanța judecătorească* (s.n.) va declara nulă căsătoria dacă aceasta:

a) a fost încheiată cu încălcarea prevederilor art.11, 13, 14 sau 15;

b) a fost încheiată când soții sau unul dintre ei nu a avut intenția de a crea o familie (căsătorie fictivă).

În aceeași ordine de idei, art. 47 din Legea privind regimul juridic al adopției⁶¹ statuează că adopția încetează ca urmare a desfacerii sau a declarării nulității ei în *temeiul unei hotărâri judecătorești* (s.n.).

Deși recunoscută de mai mulți autori⁶², categoria nulităților amiabile nu a rămas la adăpost de anumite critici. Astfel, în opinia autorului P. Vasilescu⁶³, este posibil un acord de voințe, tacit sau expres, prin care se stabilește, în anumite limite, soarta unei operațiuni juridice nule, dar fără ca acesta să merite numele de sancțiune a nulității sau să valoreze nulitate propriu-zisă.

Autorul își întemeiază poziția pe următoarele argumente. Astfel, subliniază acesta, prima limită a nulității amiabile este pusă de protejarea interesului terților, deoarece nulitatea convențională nu va putea retroactiva împotriva acestuia, după cum nici nu va putea să-și producă toate efectele *erga omnes*. Acestea pot fi caracteristici esențiale ale nulității judiciare, dar imposibil de regăsit la nulitatea amiabilă, datorită caracterului său contractual. În al doilea rând, susține autorul, prin acceptarea unei sancțiuni private se derogă de la principiul după care nimeni nu poate să-și facă singur dreptate, ceea ce îl face

⁵⁸ Reghini I., Diaconescu Ș., Vasilescu P. Introducere în dreptul civil. Cluj-Napoca: Sfera Juridică, 2008, p. 526.

⁵⁹ Rudăreanu M. Nulitatea actului juridic civil. București: Ed. Fundației „România de Măine”, 2004, p. 42.

⁶⁰ Florescu G. Nulitatea actului juridic civil. București: Hamangiu, 2008, p. 235.

⁶¹ Legea privind regimul juridic al adopției. Nr. 99 din 28 mai 2010. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 30.07.2010, nr. 131-134/441.

⁶² Comentariul Codului civil al Republicii Moldova. Vol. I. / Coordonatori: Buruiană M., Efrim O., Eșanu N. Chișinău: Tipografia centrală, 2006, p. 430; Cosma D. Teoria generală a actului juridic civil. București: Ed. Științifică, 1969, p. 333-334; Beleiu Gh. Drept civil român: Introducere în dreptul civil. Subiectele dreptului civil. București: Universul juridic, 2004, p. 222.

⁶³ Reghini I., Diaconescu Ș., Vasilescu P. Introducere în dreptul civil. Cluj-Napoca: Sfera Juridică, 2008, p. 526.

și mai prudent față de admiterea nulității amiabile. În plus, practic e dificil de imaginat o asemenea situație, deoarece ea presupune o concordanță juridică a părților actului nul, ceea ce nu poate fi exclus *de plano*, dar este puțin probabil, deoarece nulitatea produce efecte în defavoarea unei părți, care va încerca întotdeauna să-și păstreze avantajul. În fine, conchide autorul, dacă rostul scoaterii din discuție a „nulității de drept” este de a asigura instituției nulității o mai mare coerență și omogenitate, subliniindu-se astfel și funcția ei naturală de sancțiune judiciară, atunci *a pari* aceeași exigență, de coerență și omogenitate, impune eliminarea din discuție și a „nulității amiabile”.

Cu toate că argumentele invocate de autor ni se par perfect logice, totuși categoria nulităților amiabile rămâne valabilă pentru doctrina și legislația Republicii Moldova de vreme ce Codul civil în art. 216 alin. (2) o consacră expres.

Bibliografie:

1. Codul civil al Republicii Moldova. Nr. 1107-XV din 6 iunie 2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 22.06.2002, nr. 82-86.
2. Codul familiei al Republicii Moldova. Nr. 1316-XIV din 26 octombrie 2000. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 26.04.2001, nr. 47-48/210.
3. Codul civil al R.S.S.M., aprobat prin Legea R.S.S. Moldovenești din 26 decembrie 1964. În: Veștile Sovietului Suprem al R.S.S. Moldovenești, 1964, nr.36, art.81. Intrat în vigoare: 01.07.1965, abrogat: 12.06.2003.
4. Codul civil al României. Nr. 287 din 17 iulie 2009. În: Monitorul Oficial, 15.07.2011, nr. 505. Intrat în vigoare: 01.10.2011.
5. Codul civil român din 26 noiembrie 1864. În: Monitorul Oficial, 04.12.1864, nr. 271. Intrat în vigoare: 01.12.1865, abrogat: 01.10.2011.
6. Codul civil german (Bürgerliches Gesetzbuch) din 18 august 1896; în vigoare din 1 ianuarie 1900.
7. Codul civil al Federației Ruse. Partea I. Nr. 51-Ф3 din 30 noiembrie 1994.
8. Codul civil al Ucrainei. Nr. 435-IV din 16 ianuarie 2003. În: Ведомости Верховной Рады Украины, 2003, Nr. 40-44.
9. Codul civil al Republicii Belarus. Nr. 218-3 din 7 decembrie 1998.
10. Codul civil al Republicii Uzbekistan. Partea I. Nr.163-I din 21 decembrie 1995.
11. Codul civil al Republicii Azerbaidjan. Nr. 779-ІІ din 28 decembrie 1999.
12. Codul civil al Republicii Kazahstan din 27 decembrie 1994.
13. Legea privind regimul juridic al adopției. Nr. 99 din 28 mai 2010. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 30.07.2010, nr. 131-134/441.
14. Baieș S., Roșca N. Drept civil. Partea generală. Persoana fizică. Persoana juridică. Chișinău: Cartier, 2004. 400 p.
15. Beleiu Gh. Drept civil român: Introducere în dreptul civil. Subiectele dreptului civil. București: Universul juridic, 2004. 606 p.
16. Boroș G. Drept civil. Partea generală. Persoanele. București: ALL BECK, 2001. 420 p.
17. Cantacuzino M.B. Elementele dreptului civil. București: ALL Educational, 1998. 744 p.
18. Comentariul Codului civil al Republicii Moldova. Vol. I. / Coordonatori: Buruiană M., Efrim O., Eșanu N. Chișinău: Tipografia centrală, 2006. 816 p.
19. Cosma D. Teoria generală a actului juridic civil. București: Ed. Științifică, 1969. 472 p.
20. Cosmovici P. Tratat de drept civil. Vol.1. Partea generală. București: Ed. Academiei R.S.R., 1989. 360 p.
21. Filipescu I.P. Tratat de dreptul familiei. București: ALL BECK, 2000. 586 p.
22. Florescu G. Nulitatea actului juridic civil. București: Hamangiu, 2008. 410 p.
23. Florian E., Pinzari V. Căsătoria în legislația României și a Republicii Moldova. Cluj-Napoca: Sfera juridică, 2006. 332 p.
24. Hamangiu C., Rosetti-Bălănescu I., Băicoianu Al. Tratat de drept civil român. Vol. I. București: ALL, 1998. 636 p.
25. Hotărârea Plenului Curții Supreme de Justiție „Cu privire la aplicarea de către instanțele de judecată a legislației ce reglementează nulitatea actului juridic civil”. Nr.1 din 7 iulie 2008. În: Buletinul Curții Supreme de Justiție a Republicii Moldova, 2009, nr. 4-5, p. 4-11.
26. Ionașcu Tr., Barasch E. Tratat de drept civil. Vol. 1. Partea generală. București: Ed. Academiei R.S.R., 1967. 492 p.
27. Mărgineanu L., Mărgineanu G. Dreptul familiei. Chișinău: Elena V.I., 2002. 418 p.
28. Pinzari V. Căsătoria în legislația Republicii Moldova. Bălți: Presa universitară bălțeană, 2002. 148 p.
29. Poenaru E. Drept civil. Teoria generală. Persoanele. București: ALL BECK, 2002. 436 p.
30. Pop A., Beleiu Gh. Drept civil. Teoria generală a dreptului civil. București: Universitatea din București, 1980. 551 p.
31. Reghini I., Diaconescu Ș., Vasilescu P. Introducere în dreptul civil. Cluj-Napoca: Sfera Juridică, 2008. 692 p.
32. Rudăreanu M. Nulitatea actului juridic civil. București: Ed. Fundației „România de Măine”, 2004. 172 p.
33. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник. Том I. Москва: БЕК, 2000. 816 p.
34. Ungureanu O. Manual de drept civil. Partea generală. București: ALL BECK, 1999. 230 p.
35. Ungureanu O. Drept civil. Introducere. București: ALL BECK, 2000. 252 p.

ORIGINILE ISTORICE ALE PRINCIPIULUI NEAMESTECULUI ÎN TREBURILE INTERNE ALE ALTOR STATE

Adrian MĂȚĂȘEL*

ABSTRACT: THE HISTORICAL ORIGINS OF THE PRINCIPLE OF NON-INTERVENTION IN INTERNAL AFFAIRS OF OTHER STATES.

The chapter dedicated to „The historical origins of the principle of non-intervention in internal affairs of other states” analyses the process of formation, development and reinforcement of this principle, from the first clues of the Antiquity and the Middle Ages until the explicit articulations of the Modern Age.

The first part of the paper opens with the analysis of the intervention’s implicit forms, appeared even from the second half of the 16th century and the first part of the 17th century, mentioned in Hugo Grotius’ and Francisco de Vitoria’s works. From the first limited considerations of the intervention, the subchapter advances in its second part to the examination of the Westphalia reflections and to the first clear delimitation of the principle, made unitary in the second half of the 17th century under Emmerich de Vattel’s mastery.

In the second part, the historical analysis concerns the notes of the Modern Age which profoundly marked the evolution and the affirmation of the intervention’s modern agreement. The subchapter analyses both the indirect forms of expressing the principle as it is the case of the French Constitution from 1791 and the explicit ones found in the stipulations of the French Constitution from 1793, or beginning with the 19th century, within the multitude of agreements and doctrines elaborated mostly under occidental aegis. Under the influence of the Monroe Doctrine, the Calvo and Drago Doctrine, but also of Roosevelt Corollary, the principle consolidated its legal sphere of intervention, becoming one of the most important principles of interstate relations at the beginning of the 20th century.

Keywords: *The principle of non-intervention, internal affairs, intervention’s modern agreement.*

РЕЗЮМЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

Статья, посвященная историческим предпосылкам появления принципа невмешательства во внутренние дела других государств, анализирует историю зарождения, развития и укрепления этого принципа в период античности, в эпоху Средневековья и в современное время.

Первая часть статьи начинается с анализа не явных форм проявления принципа невмешательства, появившихся только во второй половине XVI в. и первой половине XVII в. Они упоминаются в работах Гуго Гроция и Франсиско де Витория. Первые сжатые представления о принципе невмешательства, изложенные нами в первой главе, во второй главе дополняются Вестфальскими размышлениями и первыми четкими разграничениями данного принципа, которые стали едиными во второй половине XVII в., благодаря мастерству Эмера де Ватели.

Исторический анализ, представленный во второй части статьи, глубоко отразивший эволюцию и утверждение современного соглашения о невмешательстве относится к современной эпохе. В параграфе анализируются косвенные формы выражения принципа на примере Конституции Франции 1791 г. Более того его явное проявление содержится и в положениях Конституции Франции от 1793 г., а начиная с XIX в. он получил свое широкое распространение в рамках многочисленных соглашений и доктрин разработанных в основном под эгидой западных ученых. Под влиянием доктрины Монро, Кальво, Драго, и, как следствие, Рузвельта, этот принцип укрепил свою правовую сферу

* **MĂȚĂȘEL Adrian** - Doctorand la Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei. (Chișinău, Republica Moldova); Avocat. (Iași, România); **MATASEL Adrian** - PhD student at the Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova. (Kishinev, The Republic of Moldova); Attorney (Iasi, Roumania); **МЭТЭШЕЛ Адриан** - Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы. (Кишинев, Республика Молдова); Адвокат. (Яссы, Румыния).

вмешательства, ставши одним из важнейших принципов межгосударственных отношений вначале XIX в.

Ключевые слова: принцип невмешательства, внутренние дела, современные соглашения о невмешательстве.

Cuvinte cheie: principiul de non-intervenția, afacerile interne, acorduri moderne de non-intervenție.

Capitolul consacrat „Originilor istorice ale principiului neamestecului în treburile interne ale altor state” analizează procesul de formare, dezvoltare și ranforsare a principiului, de la primele indicii ale antichității și evului mediu până la articulările explicite ale epocii moderne.

Prima parte a lucrării se deschide cu analiza formelor implicite ale intervenției, apărute încă din cea de-a doua jumătate a secolului al XVI-lea și prima parte a secolului al XVII-lea, surprinse în însemnările lui Hugo Grotius și Francisco de Vitoria. De la primele considerații limitate ale intervenției, subcapitolul avansează în cea de-a doua parte spre examinarea reflecțiilor Westphalice și spre prima delimitare clară a principiului, încheiat în cea de-a doua jumătate a secolului al XVII-lea sub măiestria lui Emmerich de Vattel.

În cea de-a doua parte, analiza istorică privește spre însemnările epocii moderne care au marcat profund evoluția și afirmarea accepțiunii moderne a intervenției. Subcapitolul analizează atât formele indirecte de exprimare ale principiului cum a fost cazul Constituției franceze de la 1791 cât și cele explicite regăsite în prevederile Constituției franceze de la 1793 sau, începând cu secolul al XIX-lea, în cadrul multiplelor acorduri și doctrine elaborate preponderent sub egidă occidentală. Sub influența Doctrinei Monroe, Doctrinei Calvo și Drago elaborate pe fondul creanțelor internaționale, dar și Corolarului Roosevelt, principiul și-a consolidat sfera legală de intervenție, devenind la începutul secolului XX unul dintre principiile de bază ale relațiilor interstatale.

1.1 Emergența principiului neamestecului în treburile interne ale altor state

Principiul neamestecului în treburile interne ale altor state este astăzi un principiu

fundamental al dreptului internațional, este o obligație centrală care are rolul de a apăra suveranitatea, independența și libertatea fiecărui stat. Din punct de vedere istoric, intervenția începe încă din timpul antichității și evului mediu, când conducători victorioși au cucerit popoare libere pentru a le pune sub controlul propriu.¹

Primele indicii ale principiului neamestecului în treburile interne ale altor state se regăsesc însă în scrierile părinților fondatori ai dreptului internațional ca Hugo Grotius și chiar Francisco de Vitoria. Apărute încă din cea de-a doua jumătate a secolului al XVI-lea și prima parte a secolului al XVII-lea, primele perspective asupra principiului aveau un caracter limitat și puneau accentul doar pe intervenția umanitară și pe caracterul legitim al acesteia. Mai precis, Francisco de Vitoria a crezut că există un drept al statelor de a interveni doar în cazul în care un alt stat tratează populația de pe teritoriul său într-un mod contrar standardelor de conduită prevăzute de dreptul natural. Perspectiva neamestecului avansată de Francisco de Vitoria deriva de la ideea suveranității de stat și era fundamentată pe problema sacrificiilor umane în comunitățile indigene ale Lumii Noi.²

Câteva decade mai târziu, în anul 1625, olandezul Hugo Grotius (sau Huig de Groot) prin lucrarea sa „De Jure Belli ac Pacis Libri Tres”³, dădea un fundament juridic solid

¹ Dumitra Popescu, Adrian Năstase. Sistemul principiilor dreptului internațional. București: Editura Academiei R.S.R., 1986, p. 68.

² Vezi Anthony Pagden, Jeremy Lawrance (eds.). Vitoria Political Writings. United Kingdom: Cambridge University Press, 2001, p. 399; James Brown Scott; Francisco de Vitoria. The Spanish origin of international law: Francisco de Vitoria and his law of nations. The Lawbook Exchange. Union, N.J.: Lawbook Exchange, 2000, p. 307.

³ Despre dreptul păcii și războiului în trei cărți; Prima carte, intitulată „Originea Dreptului”, este preocupată de

independenței și suveranității statelor, instituind regulile de conduită în relațiile dintre ele.⁴ În lucrarea sa, Grotius sublinia permisibilitatea intervenției umanitare în circumstanțe limitate.⁵ Perspectivele lui Grotius asupra intervenției începeau de asemenea de la individ, evidențiind faptul „că societatea internațională nu este constituită doar din state singure, ci dintr-o mare societate a omenirii”. Grotius îndreptăța intervenția militară străină, legitimând dreptul celorlalți „de a lua armele” în numele celor asupriți.⁶ Deși Hugo Grotius nu a redat o articulare explicită a principiului neamestecului în treburile interne ale altor state, modul în care acesta a conceput aceste probleme a avut o influență profundă asupra tradiției de după el cu privire la formularea principiului.⁷

Considerațiile asupra principiului neamestecului în treburile interne ale altor state continuă în anul 1648, prin tratatele de la Westphalia. Semnate la Osnabruck și Munster, tratatele de la Westphalia puneau capăt „războiului de treizeci de ani” și creau sistemul de națiuni suverane.⁸ În viziunea tratatelor de la Westphalia, teoria neamestecului era bazată pe suveranitatea de

stat, prin împiedicarea amestecului conducătorilor în treburile interne ale vecinilor. Mai concis, suveranitatea unui stat izvorăște din prevederile tratatelor Westphalice înseamnă „dreptul de a exercita control absolut asupra propriului teritoriului și propriilor cetățeni” iar „în numele suveranității orice stat era liber să aleagă să guverneze teritoriul propriu așa cum dorește”.⁹ Într-o lume a statelor suverane, unde nu există nici o unitate guvernamentală globală, nimeni nu are dreptul de a se amesteca în activitățile de stat, cu excepția cazului în care intervenția a fost autorizată în mod explicit de către stat. Cu alte cuvinte, în virtutea suveranității sale, fiecare stat, indiferent de cât de mic sau de lipsit de putere este, sau cât de mare și de puternic este, are dreptul legal de a fi liber de intervenția pricinuită de către alte state.

Tratatele de la Westphalia subliniau că suveranitatea implică independență și auto-determinare, reprezentând în fapt dreptul propriei organizări având propriile aspecte externe și interne. Aspectul extern reprezintă dreptul internațional de a utiliza toate drepturile proprii, inclusiv dreptul la propria organizare, fără interferență externă. Aspectul intern se traduce prin capacitatea unei entități politice statale de a fi puterea supremă în cadrul teritoriului propriu, și ca atare nici un stat din afara teritoriului nu putea interveni, militar sau în orice altfel.¹⁰ Caracterul suveran al statelor a devenit chiar imaginea în oglindă a principiului neamestecului în treburile interne ale altor state.

În acele timpuri principiile rezultate din interpretarea tratatelor de la Westphalia nu numai au stabilit baza relațiilor între state dar au devenit principiile de bază ale dreptului internațional clasic deoarece ele nu doar stabileau poziția unui stat față de un alt stat, dar de asemenea stabileau poziția statelor în comunitatea internațională.¹¹ Principiul suveranității a devenit fundamentul relațiilor

întrebarea „dacă orice război este drept”, de noțiunea suveranității și autorității suverane. În cea de-a doua carte Grotius sublinia cauzele războiului înainte de a trece la discuțiile despre jurăminte, contracte și „interpretarea tratatelor și alianțelor”. În cele din urmă, în cea de-a treia carte Grotius apreciază ceea ce este legal și drept în război, evidențiind indicii ale principiului neamestecului în treburile interne ale altor state. Hugo Grotius. *The Rights of War and Peace: Including the Law of Nature and of Nations*. Tradusă de Archibald Colin Campbell. London: B. Boothroyd, 1814, p. 423.

⁴Renée Jeffery. *Hugo Grotius in International Thought*. New York: Palgrave Macmillan, 2006, p. 3.

⁵Kimberley A. Hudson. *Justice, intervention and force in international relations. Reassessing just war theory in the 21st century*. USA and Canada: Routledge, 2009, p. 24.

⁶Martin van Gelderen. *Universal Monarchy and Europe's Quest for Civil Order*. In: Hans Åke Persson, Bo Stråth (eds.). *Reflections on Europe. Defining a Political Order in Time and Space*. Brussels: P.I.E. Peter Lang, 2007, p. 64.

⁷Hedley Bull, Benedict Kingbury, Adam Roberts (eds.). *Hugo Grotius and International Relations*. New York: Oxford University Press, 1992, p. 19 - 22.

⁸Grigore Geamănu. *Drept internațional public*. Vol. I. București: Editura Didactică și Pedagogică, 1981, p. 18 - 19.

⁹Vasile Crețu. *Drept Internațional Public*. Ediția a IV-a. București: Editura Fundației Române de Măine, 2006, p. 35.

¹⁰Ibidem.

¹¹David Parott. *The Peace of Westphalia*. In: *Journal of Early Modern History*. February 2004, Vol. 8, nr. 1-2, p. 155.

dintre state, suveranitatea fiind considerată una dintre caracteristicile esențiale sau fundamentale ale statului.¹²Principiile Westphalice au marcat profund evoluția ulterioară a societății internaționale și au reprezentat fundamentul de bază al principiului neamestecului în treburile interne ale altor state,¹³el reprezentând în fapt corolarul principiului suveranității.¹⁴

Deși o serie de indicii ale principiului neamestecului în treburile interne ale altor state s-au proliferat încă din cea de-a doua jumătate a secolului al XVI-lea, de abia din a doua jumătate a secolului al XVII-lea are loc delimitarea clară a principiului neamestecului în treburile interne ale altor state. Prima articulare explicită a principiului este realizată în anul 1758 de Emmer de Vattel.¹⁵ În lucrarea sa „Legea Națiunilor” Vattel proclama regula conform căreia „națiunile străine nu ar trebui să intervină în guvernarea internă a unui stat independent”. Totodată Emmer de Vattel afirma în mod clar autonomia statelor suverane, în special egalitatea statelor mici și slabe împotriva celor mari și puternice.¹⁶

Prin conectarea caracterului independent al statelor de actul intervenției, Emmer de Vattel reușea să contureze încă din a doua jumătate a secolului al XVII-lea prima manifestare explicită a principiului neamestecului în treburile interne ale altor state.

1.2 Principiul neamestecului în treburile interne ale altor state în epoca modernă

În epoca modernă, în conformitate cu dezvoltarea generală a societății umane, o dată cu progresele generale realizate pe plan politic

și juridic, principiul neamestecului în treburile interne ale altor state a cunoscut o puternică afirmare. Revoluția franceză a exercitat o mare influență asupra dreptului internațional prin afirmarea suveranității naționale ca „expresie a formării națiunilor”, prin proclamarea de principii și instituții noi în concordanță cu aspirațiile spre progres și civilizație ale popoarelor.¹⁷

Sub influența Revoluției Franceze din anul 1789 dar și sub influența revoluțiilor burgheze ulterioare, principiul suveranității câștigă o recunoaștere deplină, la fel ca și corolarul său respectiv respectul integrității teritoriale și neamestecul în treburile interne ale altor state. Neamestecul în treburile interne ale altor state este indirect exprimat în temeiul Constituției din Franța din anul 1791 unde este stabilit faptul că poporul francez nu ar face niciodată uz de forță împotriva libertății altor popoare.¹⁸ Constituția din 1791 prevedea că „națiunea franceză nu recunoaște intervenția prin intermediul războaielor cuceritoare și nici într-un caz nu va îndrepta forțele sale armate împotriva libertății oricărui popor”. Mult mai decisiv în acest sens este însă articolul 119 din Constituția de la 1793 care afirma faptul că „poporul francez nu intervine în administrarea altor popoare și că nu permite altor persoane să intervină în administrarea lor”.¹⁹

Articolul 119 al Constituției franceze se baza pe paragraful 7 din proiectul „Declarația dreptului ginților”, emis de abatele Baptiste-Henri Gregoire, care prevedea că: „oamenii nu au dreptul să intervină în administrarea altor oameni”.²⁰

De-a lungul întregii epoci moderne, s-a constatat că principiul neamestecului în treburile interne ale altor state, a fost în special prețuit de națiunile mici și lipsite de putere, care nu aveau puterea de a rezista intruziunii rivalilor puternici. Cu toate acestea, și națiunile mari și puternice, s-au dovedit, în multe cazuri,

¹²Momir Milojević. The Principle of Non-Interference in the Internal Affairs of States. In: Law and Politics. 2004, Vol. I, nr. 4, p. 428 - 429.

¹³Lord W.G.F. Philimore. Droits et devoirs fondamentaux des Etats. En: Recueil des Cours de l'Academie de droit international de La Haye. T.1. 1923, p. 25 - 71; G.-C. Gidel. Droits et devoirs des nations. La théorie classique des droits fondamentaux des Etats. Dans: Recueil des Cours. 1925, t. 10, nr. 5, p. 537 - 599.

¹⁴David Parott. *Op. cit.*, p. 159 - 162.

¹⁵Emer Vattel. Law of Nations: or, Principles of the Law of Nature, Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns. Translated by M.D. Vattel, S&E Butler. Original from Princenton University. 1805, p. 85.

¹⁶Brian Orend. The morality of War. Canada: Boradview Press, 2006, p. 18.

¹⁷Vasile Crețu. *Op. cit.*, p. 38.

¹⁸Michael P. Fitzsimmons. The remaking of France: the National Assembly and the Constitution of 1791. Cambridge: Cambridge University Press, 1994, p. 25.

¹⁹Grigore Geamănu. *Op. cit.*, p. 128.

²⁰Momir Milojević. *Op. cit.*, p. 433.

apărătoare dacă nu chiar susținătoare ale principiului neamestecului în treburile interne ale altor state.

Dacă primele indicii și primele articulări clare ale principiului au izvorât și s-au dezvoltat de-a lungul începutului epocii moderne în mediul statelor europene, principiul se dezvoltă după anii 1900 cu precădere în statele din emisfera occidentală, care au mers mult mai departe decât restul comunității internaționale în edificarea principiului, printr-o serie de acorduri și declarații ce au dus la consolidarea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state.²¹

1.2.1 Doctrina Monroe

Doctrina Monroe a fost exprimată în timpul celui de-al șaptelea mesaj anual al președintelui american James Monroe către Congresul Statelor Unite ale Americii desfășurat la 2 decembrie 1823.

Doctrina Monroe a fost emisă pe fondul crizei din Spania, unde multe dintre coloniile spaniole au profitat de turbulențele din Europa din timpul războaielor napoleoniene, luptând pentru independența lor. După Congresul de la Verona din anul 1822 puterile europene au reușit să restabilească și să reinstaleze ordinea monarhică în Spania, sub mandatul armatei franceze. Ranforsarea Spaniei la standardul unei adevărate monarhii a adus temerile unei soarte identice pentru coloniile din America Centrală și de Sud. Reacționând la intervențiile statelor europene, președintele Monroe a subliniat în discursul său că orice încercare a statelor Europene²² de a extinde sistemul lor politic²³ în orice parte a emisferei americane ar trebui să fie considerat un pericol pentru pacea și siguranța Statelor Unite ale Americii. Totodată în discursul său, James Monroe sublinia că politica față de Europa rămâne aceeași, care era aceea de a nu interveni în

problemele interne ale oricărei puteri, politică care fusese adoptată încă dintr-un stadiu timpuriu al războaielor care au agitat atât de mult o treime a globului.²⁴ Cu alte cuvinte, Doctrina Monroe stabilea regula conform căreia emisfera vestică nu trebuia tratată ca subiect de stabilire sau ocupație de către Marile Puteri ale Lumii.

Doctrina Monroe și considerațiile neintervenției în treburile interne ale altor state, a avut un impact pozitiv asupra comunității internaționale.²⁵ A primit o recepție pozitivă din partea presei internaționale, consacându-se într-o emblemă pentru principiul neamestecului în treburile interne ale altor state. Stabilirea principiului a avut un rol important și în cadrul jocului politicii de putere, devenind un instrument util de psihologie politică determinat de emergența unei conduite morale și drepte. Bazându-se pe principiul neamestecului în treburile interne ale altor state multe dintre activitățile internaționale nedorite puteau fi ușor condamnate prin etichetarea lor ca fiind de „intervenție”.²⁶

Deși puțin notat de Marile Puteri Europene, principiul neamestecului în treburile interne ale altor state promovat de Doctrina Monroe a devenit un principiu de lungă durată atât a Statelor Unite ale Americii cât și a Americii Latine.

Ca răspuns la evoluția interacțiunilor dintre Nord și Sud, principiul neamestecului în treburile interne ale altor state continuă procesul de formare, dezvoltare și precizare ca o consecință directă a evoluției și progresului societății internaționale și a raporturilor interstatale, printr-o serie de doctrine și rezoluții.

1.2.4 Doctrina Calvo

Evoluția principiului neamestecului în treburile interne ale altor state, ca orice principiu juridic este cel mai bine înțeleasă

²¹Edward J. Renehan Jr. The Monroe Doctrine. The cornerstone of American Foreign Policy. New York: Chelsea House Publishers, 2007, p. 3.

²²Ibidem.

²³Când Statele Unite ale Americii subliniau că nu vroiau să permită răspândirea sistemului politic specific puterilor europene, aceștia se refereau la cadrul monarhic specific Europei secolului al XIX-lea.

²⁴Tower Charlemagne. The origin, meaning and international force of the Monroe Doctrine. In: American Journal of International Law. 1920, Vol. 14, nr. 1, p. 16.

²⁵Simon Planas-Suarez. L'extension de la doctrine de Monroe en Amérique du Sud. Dans: Recueil des Cours. 1924, t. 5, nr. 4, p. 292 - 296.

²⁶Edward J. Renehan Jr. *Op. cit.*, p. 5.

atunci când sunt cunoscute evenimentele, circumstanțele și condițiile din care provine. Acest lucru este întru totul valabil în cazul emergenței principiului neamestecului în treburile interne ale altor state din dispozițiile Doctrinei Calvo, a cărui ranforsare poate fi cel mai bine înțeleasă numai în lumina condițiilor care i-au dat naștere.

Este în general cunoscut faptul că Venezuela a experimentat atât în ultimii ani ai secolului al XIX-lea cât și în prima parte a secolului XX, numeroase revolte, războaie civile, revoluții și multiple cazuri de violențe domestice, în care atât nativii cât și străinii au suferit multiple opresiuni.²⁷ Atmosfera încărcată a peisajului venezuelean a dus adesea la schimbarea guvernului care a încercat repudierea actele administrațiilor anterioare ori de câte ori a fost posibil, evitând astfel achitarea datoriilor către puterile europene creditoare. În acest context, statele creditoare au recurs la măsuri de forță pentru a obliga statele debitoare să-și îndeplinească îndatoririle financiare.

Pe fondul crizei creanțelor Carlos Clavo, un jurist argentinian a emis în anul 1868, doctrina fundamentată pe lucrarea „Teoria și practica dreptului internațional din Europa și America”.²⁸ Doctrina proclama „principiul inadmisibilității intervenției diplomatice sau armate a statelor pentru recuperarea datoriilor internaționale a cetățenilor statelor respective”. Carlos Calvo sublinia că națiunile europene au urmat o regulă diferită sau un principiu diferit al neamestecului în relațiile lor cu statele americane față de regulile care guvernau relațiile lor una cu cealaltă. El sublinia faptul că în cea mai mare parte a secolului al XIX-lea, intervenția în Europa se baza întotdeauna pe unele principii importante de politică internă, sau pe unele interese morale sau religioase favorabile dezvoltării civilizației, în timp ce în Lumea Nouă intervenția statelor europene nu se baza pe nici un principiu legitim. Calvo evidenția că fundamentul exclusiv pe forță pură a puterilor europene în

relațiile lor cu Lumea Nouă, a dus la eșecul recunoașterii libertății și independenței depline a statelor americane.

Totodată, Calvo sublinia că aceste intervenții au fost bazate pe pretexte aparente coliziuni ale intereselor private sau creanțe pentru indemnizații pecuniare. Astfel, în conformitate cu dreptul internațional, recuperarea datoriilor și urmărirea revendicărilor private nu justifică intervenția armată a guvernelor, și întrucât statele europene urmau invariabil această regulă în relațiile lor reciproce nu exista nici un motiv pentru care ele nu trebuie să-și impună aceleași reguli și în relațiile lor cu națiunile din Lumea Nouă.²⁹ Calvo sublinia că guvernul statului nu poate să răspundă pentru pagubele și despăgubirile cauzate străinilor în urma războiului civil sau a loviturilor de stat, cu excepția cazului în care aceste pagube sunt pricinuite de activitatea guvernului.³⁰ Dar pentru a admite în asemenea cazuri responsabilitatea guvernului, principiul despăgubirii ar fi creat un privilegiu exorbitant și fatal, favorabil statelor puternice și prejudiciabil pentru națiunile lipsite de putere și totodată ar fi stabilit o inegalitate nejustificată între resortisanți și străini. O asemenea doctrină ar fi fost în accepțiunea sa vinovată de un adânc atac, cu toate că indirect, asupra elementelor fundamentale ale independenței națiunilor, și anume competența teritorială a acestora. Astfel, Calvo concluziona și afirma că „principiul de despăgubire și de neintervenție diplomatică în numele cetățenilor străini pentru vătămările suferite în caz de război civil nu au fost admise de nici o națiune din Europa sau America”.³¹

1.2.2 Doctrina Drago

Dezvoltarea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state continuă tot pe fondul creanțelor internaționale, cu Doctrina Drago, care spre deosebire de Doctrina Calvo, este mult mai limitată în scop.

În anul 1902, guvernul stabilit de Generalul Castro refuzase să soluționeze orice pretenții

²⁷Amos S. Hershey. The Calvo and Drago Doctrines. In: American Journal of International Law. January-April 1907, Vol. 1, p. 29.

²⁸Ibidem, p. 30.

²⁹Wenhua Shan. Is Calvo Dead? In: The American Journal of Comparative Law. 2007, Vol. 55, p. 124.

³⁰Amos S. Hershey. *Op. cit.*, p. 27.

³¹Ibidem, p. 28.

deținute împotriva Venezuelei sau poporului său, de către Anglia, Germania sau Italia.³² Acesta nu numai că a refuzat să ajusteze creanțele acestor state dar a devenit mai degrabă sfidător față de comunicările și reprezentanții diplomați ai celor trei state creditoare. Cele trei puteri au propus în vara anului 1902 rezolvarea crizei prin arbitraj, însă Venezuela era dispusă să accepte un astfel de plan numai cu condiția ca o comisie compusă exclusiv din reprezentanți venezueleni să fie stabilită pentru a soluționa creanțele. Propunerea a fost însă imediat respinsă de puterile reclamante, conducând la amplificarea crizei datoriiilor. În cele din urmă, controversa a ajuns la capăt în luna decembrie a anului 1902, când Marea Britanie și Germania, susținute din punct de vedere diplomatic de către Italia, au stabilit o blocadă războinică în principalele porturi ale Venezuelei. Aceste măsuri de constrângere au adus rapid Venezuela la termen, și planurile pentru soluționarea creanțelor prin arbitraj au fost aranjate la sfârșitul lui decembrie 1902.³³

În contextul evenimentelor, principiul neamestecului în treburile interne ale altor state este reafirmat la 29 decembrie 1902 de către ministrul de afaceri externe al Republicii Argentina, Luis Maria Drago, într-o notă trimisă de acesta ministrului argentinian de la Washington, Mérou.³⁴ Considerațiile ministrului Drago emise în celebra notă au reprezentat chiar fundamentul Doctrinei cu același nume care a devenit mai târziu un adevărat etalon al principiului neamestecului în treburile interne ale altor state.³⁵

Punctul culminat al doctrinei emise de Luis Drago este reprezentat de tema intervenției în scopul colectării creanțelor pe baza datoriiilor publice.³⁶ Drago vorbește despre legalitatea intervenției pe motivul creanțelor provenite din neplata datoriiilor publice, argumentând că

intervenția în acest caz era imprudentă și nejustificabilă, dacă nu chiar ilegală, din diferite motive. El sublinia că intervenția prin forță trebuie să fie condamnată pentru că: țările capitaliste care își împrumută banii cunosc riscurile pe care și le asumă atunci când creditează statele mai mici; totodată ministrul Drago aprecia faptul că statul creditor cunoaște că el contractează cu o entitate suverană și, că prin urmare nu există nici o asigurare de recurs juridic pentru recuperarea unor astfel de împrumuturi. În viziunea lui Drago colectarea împrumuturilor prin forță înseamnă suprimarea sau subordonarea statului căruia îi era impusă datoria, făcând debitorul mai puțin capabil să plătească decât ar fi altfel. Totodată, Drago considera că pierderea creditului și prestigiului de către statul care nu plătește datoriile sale legale face intervenția inutilă. În conformitate cu viziunea lui Drago unii cercetători vorbeau chiar că intervenția pe asemenea motive implică chiar „mai multe cheltuieli în armamente decât valoarea totală a creanțelor, că este prejudiciabilă pentru comerțul părților neutre și că este nedrept față de cetățenii statelor creditoare ca aceștia să fie împovărați în beneficiul unei clase speciale de speculatori”.³⁷ Mai mult decât atât intervenția bazată în primul rând pe creanțele datoriei publice era considerată o chestiune de îndoială. De exemplu Crammon Kennedy, menționa că obligațiunile Venezuelei au fost aduse în lista plângerilor pentru ingerință mult timp după ce blocadele porturilor au fost invocate și doar ca o parte nesemnificativă a întregii creanțe.³⁸ De asemenea, documentele oficiale germane nu conțineau nici o măsură referitoare la datoria publică a Venezuelei.³⁹ În acest context, blocada Venezuelei era considerată chiar un prim pas important al efortului European de a fragmenta Doctrina Monroe și de a coloniza sau cel puțin domina America de Sud. Drago, susținea că asemenea temeri nu era bazate pe imaginație pură și afirma că actul împotriva Venezuelei era

³²Edward H. Nettles. The Drago Doctrine in International Law and Politics. In: The Hispanic American Historical Review. May 1928, Vol. 8, nr. 2, p. 204.

³³Ibidem.

³⁴T.S. Woolsey. Drago and the Drago Doctrine. In: The American Journal of International Law. July 1921, Vol 15, No. 4, p. 558.

³⁵Edward H. Nettles. *Op. cit.*, p. 205.

³⁶Ibidem, p. 214.

³⁷Ibidem.

³⁸Crammond Kennedy. The Drago Doctrine. In: The North American Review. April 1907, Vol. 185, p. 614 - 616.

³⁹Edward H. Nettles. *Op. cit.*, p. 205.

începutul acestei agresiuni iar controversa datoriei publice a Venezuelei nu reprezenta altceva decât un simplu pretext pentru intervenție.⁴⁰

În ceea ce privește părerile legalității asupra intervenției pe motive pecuniare agestau erau împărțite. De exemplu, G. W. Scott susținea faptul că statul are dreptul de a interveni prin forță pentru colectarea creanțelor bazate pe datoria publică⁴¹, în timp ce Calvo sau Martens negau cu vehemență acest drept.⁴²

În concluzie, în doctrina sa, Drago stabilea politica conform căreia nici o putere străină externă, incluzând Statele Unite ale Americii, nu putea utiliza forța împotriva unei națiuni americane pentru a colecta datoriile, susținând că în locul politicii de protecție ar trebui să existe o lege care să împiedice statele europene în a interveni pe motive financiare. Drago a negat chiar legalitatea intervenției pe motive pur pecuniare și menționa că dreptul de a porni un război împotriva unei națiuni este bazat pe prejudiciul intereselor vitale ale acesteia, iar neplata datoriilor publice nu putea fi niciodată clasificată printre aceste cauze.⁴³ Drago vedea proprie doctrină ca o completare necesară a Doctrinei Monroe și a depus numeroase eforturi pentru a fi considerată ca atare. Doctrina Drago nu a fost acceptată însă ca un nou principiu legal, nici nu a fost transformată într-o politică diplomatică pan-americană, dar fără îndoială a fost influentă în descurajarea intervenției forțate pe motivul datoriilor financiare.

După afirmarea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state în cadrul Doctrinei Drago, evoluția sa continuă în cadrul Conferințelor pan-americane. Cele mai notabile considerații s-au înregistrat în cadrul celei de-a treia Conferințe pan-americane desfășurate la Rio de Janeiro, în anul 1906.⁴⁴ În cadrul Conferinței, reprezentanții Statelor Unite ale Americii au făcut referiri asupra

contractelor de datorii, asupra datoriilor împrumuturilor publice și intervenției pe astfel de motive. Sugestiile Conferinței de la Rio de Janeiro nu au marcat însă nici un evoluție importantă, dar au prevăzut ca acțiunea oficială definitivă să fie amânată până la Conferința de la Haga din anul 1907.

1.2.2.1. Doctrina Porter-Drago

În cadrul celei de-a doua Conferințe de la Haga, Doctrina Drago nu a fost considerată ca atare, pentru că era proiectată și era percepută ca o politică americană exclusivă. Prin urmare aceasta a fost fundamental schimbată pentru a se adapta politicii internaționale luată în considerare la Haga. Generalul Horace Porter, șeful reprezentativ al Statelor Unite ale Americii, a realizat o versiune modificată.⁴⁵

În cadrul Conferinței Doctrina Porter-Drago a primit o atenție sporită din partea delegațiilor a peste patruzeci de națiuni. Propunerea a primito serie de considerații favorabile, finalizate cu adoptarea unei convenții semnate la data de 18 octombrie 1907.⁴⁶ Forma finală a convenției asupra datoriilor contractuale, adoptată cu 39 de voturi pentru și 5 împotriva, a convenit ca puterile contractante să nu recurgă la intervenția armată pentru recuperarea datoriilor publice: „în vederea prevenirii conflictelor armate între națiuni, de origine pur pecuniară, puterile semnatare sunt de acord să nu recurgă la forțele armate pentru colectarea unor astfel de datorii contractuale”. Cu toate acestea, această prevedere nu se aplica în cazul în care statul debitor respinge sau ignoră o propunere de arbitraj, sau, în caz de acceptare statul face imposibilă stabilirea unui compromis, sau, dacă după arbitraj nu se conformează cu sentința.⁴⁷

Doctrina Porter-Drago s-a bucurat de o recepție extrem de benefică, semnarea convenției fiind anunțată în întreaga lume ca de primă importanță.⁴⁸

⁴⁰Ibidem.

⁴¹George Winfield Scott. *International Law and the Drago Doctrine*. In: *North American Review*. 2002, Vol. 183, nr. 5, p. 604.

⁴²Amos S. Hershey. *Op. cit.*, p. 29 - 32.

⁴³Edward H. Nettles. *Op. cit.*, p. 216.

⁴⁴Ibidem, p. 219.

⁴⁵George Winfield Scott. *Op. cit.*, p. 609 - 610.

⁴⁶Advocate of Peace through Justice. *Is the Porter-Drago Doctrine Dead?* In: *World Affairs Institute*. May 1927, Vol. 89, nr. 5, p. 268 - 269.

⁴⁷Ibidem.

⁴⁸Edward H. Nettles. *Op. cit.*, p. 221.

1.2.3 Corolarul Roosevelt

Pe lângă dezvoltarea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state în prevederile doctrinei Drago și doctrinei Porter-Drago, secolul XX se deschide cu o reafirmare a principiului neamestecului în mesajul anual al președintelui american Theodore Roosevelt către Congresul Statelor Unite ale Americii, de la 6 decembrie 1904. În urma crizei creanțelor din Venezuela, Roosevelt a afirmat că tulburările de orice fel din țările Americii Latine, sau contravențiile internaționale care invită intervenția puterilor Europene, ar putea în schimb forța Statele Unite ale Americii de a interveni preventiv în regiune, în scopul de a preveni puterile europene de a face asemenea. Această interpretare a câștigat multiple considerații favorabile din partea următorilor președinți ai Statelor Unite ale Americii, care au dislocat Corolarul Roosevelt pentru a justifica intervenția SUA atât în Caraibe cât și în America de Sud.⁴⁹

În mesajul său, președintele american sublinia că Statele Unite ale Americii „nu simt nici o foame de pământ” și că „nu susțin nici un proiect cu privire la emisfera vestică”. Mai mult decât atât, Roosevelt vorbea despre dorința Statelor Unite ale Americii de a vedea statele din vecinătate „stabile și prospere și de a stabili relații amiabile cu orice stat a căror cetățeni se comportă bine”. Roosevelt sublinia relațiile de la egal la egal sub umbrela protecționismului american, afirmând că „dacă o națiune arată că știe cum să se poarte eficient, rezonabil și decent, în chestiunile sociale și politice, dacă păstrează ordinea și își plătește obligațiile, nu trebuie să se teamă de intervenția Statelor Unite ale Americii”.⁵⁰ În viziunea sa, fărădelegile cronice care duc la o pierdere generală a legăturilor cu societatea civilizată, atât în America cât și în orice altă parte a lumii, necesită în cele din urmă intervenția națiunilor civilizate, iar în emisfera vestică aderența Statelor Unite ale Americii la Doctrina Monroe, poate forța Statele Unite ale Americii, „în cazuri flagrante de fărădelegi

cronice, la exercitarea unei politici internaționale de putere”.⁵¹

Consolidând prevederile corolarului, președintele Roosevelt afirma că „este pur și simplu un truism de a afirma ca orice națiune, aici în America sau în orice altă parte a lumii, care dorește să își mențină libertatea și independența, trebuie în cele din urmă să realizeze că dreptul la independență nu poate fi separat de responsabilitatea de a face bun uz de aceasta”.⁵² Președintele american considera că în cazuri extreme acțiunea poate fi justificabilă și dreaptă, iar forma pe care acțiunea trebuie să o i-a depinde de circumstanțele cazului care este în conformitate cu gradul atrocității și puterii de a o remedia. Cazurile intervențiilor prin forța armelor fiind considerate însă foarte puține.

Epoca modernă marchează accepțiunea modernă a intervenției dar și profunda evoluție și dezvoltarea principiului neamestecului în treburile interne ale altor state. Plecând de la intervențiile umanitare, continuând mai apoi cu implicațiile datoriei pecuniare, principiul și-a consolidat treptat sfera legală de intervenție, devenind la începutul secolului XX unul dintre principiile de bază ale relațiilor interstatale.

Conchizând, principiul neamestecului în treburile interne ale altor state a început să se contureze treptat în dreptul internațional public, inițial în forme mai puțin tranșante, ajungând astăzi să devină un principiu fundamental al dreptului internațional, o obligație centrală a subiectelor de drept internațional, care are rolul de a apăra suveranitatea, independența și libertatea fiecărui stat.

⁴⁹Edward J. Renehan. *Op. cit.*, p. 102.

⁵⁰Edward H. Nettles. *Op. cit.*, p. 219.

⁵¹În practică de-a lungul decadelor Corolarul lui Roosevelt a avut mult mai puțin de a face cu izolarea emisferei vestice de intervenția europeană decât a făcut-o cu justificarea intervenției proprii a Statelor Unite ale Americii în treburile interne ale guvernelor din Cuba, Nicaragua, Haiti sau Republica Dominicană. Edward J. Renehan. *Op. cit.*, p. 105.

⁵²*Ibidem*, p. 104.

Bibliografie:

1. Advocate of Peace through Justice. Is the Porter-Drago Doctrine Dead? In: World Affairs Institute. May 1927, Vol. 89, nr. 5, p. 268 - 269.
2. Anthony Pagden, Jeremy Lawrance (eds.). *Vittoria Political Writings*. United Kingdom: Cambridge University Press, 2001. 399 p.
3. Crammond Kennedy. The Drago Doctrine. In: *The North American Review*. April 1907, Vol. 185, p. 614 - 622.
4. David Parott. The Peace of Westphalia. In: *Journal of Early Modern History*. February 2004, Vol. 8, nr. 1-2, p. 153 - 159.
5. Dumitra Popescu, Adrian Năstase. *Sistemul principiilor dreptului internațional*. București: Editura Academiei R.S.R., 1986. 156 p.
6. Edward H. Nettles. The Drago Doctrine in International Law and Politics. In: *The Hispanic American Historical Review*. May 1928, Vol. 8, nr. 2, p. 204 - 223.
7. Edward J. Renehan, Jr. *The Monroe Doctrine. The cornerstone of American Foreign Policy*. New York: Chelsea House Publishers, 2007. 122 p.
8. Emer Vattel. *Law of Nations: or, Principles of the Law of Nature, Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns*. Translated by M.D. Vattel, S&E Butler, Original from Princeton University, 1805. 500 p.
9. Gelderen van Martin. Universal Monarchy and Europe's Quest for Civil Order. In: Hans Åke Persson, Bo Stråth (eds.). *Reflections on Europe. Defining a Political Order in Time and Space*. Brussels: P.I.E. Peter Lang, 2007, p. 41 - 72.
10. George Winfield Scott. International Law and the Drago Doctrine. In: *North American Review*. 2002, Vol. 183, nr. 5, p. 602 - 610.
11. Gidel G.-C. Droits et devoirs des nations. La théorie classique des droits fondamentaux des Etats. Dans: *Recueil des Cours*. 1925, t. 10, nr. 5, p. 537 - 599.
12. Grigore Geamănu. *Drept internațional public*. Vol. I. București: Editura Didactică și Pedagogică, 1981. 503 p.
13. Hedley Bull, Benedict Kingbury, Adam Roberts (eds.). *Hugo Grotius and International Relations*. New York: Oxford University Press, 1992. 331 p.
14. Hershey Amos S. The Calvo and Drago Doctrines. In: *American Journal of International Law*. January-April 1907, Vol. 1, p. 26 - 45.
15. Hugo Grotius. *The Rights of War and Peace: Including the Law of Nature and of Nations*. Tradusă de Archibald Colin Campbell. London: B. Boothroyd, 1814. 423 p.
16. James Brown Scott; Francisco de Vitoria. *The Spanish origin of international law: Francisco de Vitoria and his law of nations*. The Lawbook Exchange. Union, N.J.: Lawbook Exchange, 2000. 288 p.
17. Jeffery Renée. *Hugo Grotius in International Thought*. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 216 p.
18. Kimberley A. Hudson. *Justice, intervention and force in international relations. reassesing just war theory in the 21st century*. USA and Canada: Routledge, 2009. 192 p.
19. Lord Phillimore. Droits et devoirs fondamentaux des Etats. Dans: *Recueil des Cours de l'Academie de droit international de La Haye*. 1923, t. 1, p. 25 - 71.
20. Momir Milojević. The Principle of Non-Interference in the Internal Affairs of States. In: *Law and Politics*. 2004, Vol. I, nr. 4, p. 427 - 447.
21. Orend Brian. *The morality of War*. Canada: Boradview Press, 2006. 289 p.
22. P. Michael Fitzsimmons. *The remaking of France: the National Assembly and the Constitution of 1791*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 292 p.
23. Simon Planas-Suarez. L'extension de la doctrine de Monroe en Amérique du Sud. Dans: *Recueil des Cours*. 1924, t. 5, nr. 4, p. 267 - 365.
24. Tower Charlemagne. The origin, meaning and international force of the Monroe Doctrine. In: *American Journal of International Law*. 1920, Vol. 14, nr. 1, p. 1 - 25.
25. Vasile Crețu. *Drept Internațional Public*. Ediția a IV-a. București: Editura Fundației Române de Măine, 2006. 344 p.
26. Wenhua Shan. Is Calvo Dead? In: *The American Journal of Comparative Law*. 2007, Vol. 55, p. 123 - 164.
27. Woolsey T.S. Drago and the Drago Doctrine. In: *The American Journal of International Law*. 1921, Vol 15, nr. 1, p. 558 - 560.

Copyright©MĂTĂȘEL Adrian, 2012.

EVOLUȚIA SISTEMULUI INTERNAȚIONAL DE SECURITATE

Alina MĂTĂȘEL*

ABSTRACT: THE DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SECURITY SYSTEM

The first part of the paper is devoted exclusively to theoretical aspects of security culture and is intended to outline the dynamics of the security environment in which the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE) operates. This article, structured in three parts, evaluates the evolution of security studies, discussing their theoretical premises and investigating their current ramifications. The theoretical approach starts with the traditional order of security and with the preeminence of national security associated to military power, and then goes on to discuss innovative concepts as security dilemmas, interdependent security and common security. Also in the first part, this paper looks at how the liberal paradigm, the realist and neorealist as well as the Copenhagen School premises shape the international security environment particularly by invoking the concepts of peace and power, anarchy and conflict, through the requirement of social area interrelation. The second part, dedicated to the twentieth century, highlights the increase in complexity and dynamism of international life after the Cold War. On the background of multiplying and deepening interdependencies this part contains reconceptualization on two levels of the concept of security, encompassing both horizontal and vertical dimensions of the concept. The last part provides the framework of the conceptual analysis and supports the empirical analysis the OSCE's role in conflict prevention and post-conflict crisis management by highlighting the main factors of insecurity in the contemporary world and their interdependence. In the 21st century the following threats are obviously related one to another: regional conflict to failed states, organized crime to terrorism and weapons of mass destruction. This is why the analysis of security concerns related to both conflict prevention and post-conflict crisis management cannot be isolated from the source, which clearly shapes the dynamics of the security act.

Keywords: international security system, Cold War, concept of security.

РЕЗЮМЕ: ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Первая часть статьи посвящена исключительно теоретическим аспектам культуры безопасности и призвана обозначить динамику обстановки в сфере безопасности, в которых работает Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Настоящая статья, состоящая из трех частей, рассматривает развитие исследований в области безопасности, выделяет их теоретические предпосылки и анализирует их текущее разветвление. Теоретический подход начинается с традиционного рассмотрения безопасности, преимущественно национальной, ассоциируемой с военной мощью, а затем переходит к обсуждению инновационных концепций, таких как дилеммы безопасности, взаимосвязанная безопасность и общая безопасность. Кроме того, в первой части статьи рассматривается, как либеральная парадигма реализма и неореализма, так и Копенгагенская школа формирования международной безопасности в частности применение концепции мира и власти, анархии и конфликтов, как того требует социальная область взаимодействия. Вторая часть, посвященная XX в., подчеркивает увеличение сложности и динамизм международной жизни после окончания холодной войны. На фоне умножения и углубления взаимозависимости этот раздел

* **MĂTĂȘEL Alina** - Doctorand la Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei. (Chișinău, Republica Moldova); Avocat. (Iași, România); **MATASHEL Alina** - PhD student at the Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova. (Kishinev, The Republic of Moldova); Attorney. (Iasi, Roumania); **МЭТЭШЕЛ Алина** - Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы. (Кишинев, Республика Молдова). Адвокат. (Яссы, Румыния).

articolul conține reinterpretarea concepției de securitate, analizată la două niveluri, care acoperă atât dimensiunea orizontală, cât și cea verticală a acesteia. Secțiunea de cercetare conține o analiză conceptuală, care completează baza empirică a cercetării rolului OSCE în prevenirea conflictelor și gestionarea crizelor, evidențind în acest proces principalele factori de instabilitate în lumea contemporană și dependența lor reciprocă. În secolul XXI, amenințările sunt, evident, interconectate: conflictele regionale cu statele care nu au fost recunoscute, criminalitatea organizată și terorismul, precum și armamentul de masă distructiv. Din cauza acestor probleme de securitate, prevenirea conflictelor și gestionarea crizelor nu pot fi abordate separat de sursa lor, ci în contextul schimbărilor din dinamica securității.

Cuvinte cheie: concepția sistemului internațional de securitate, războiul rece, concept de securitate.

Descrierea coordonatelor sistemului internațional de securitate reprezintă un demers inevitabil al procesului de identificare a rolului Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa în prevenirea conflictelor și gestionarea crizelor postconflictuale.

Urmând cursul cronologic al culturii de securitate, articolul evaluează evoluția studiilor de securitate, discută premisele lor teoretice și investighează ramificațiile lor prezente. Mai mult decât atât, evidențierea curentelor amenințări și vulnerabilități și a legăturilor dintre ele furnizează cadrul analizei conceptuale și susține analiza empirică a rolului OSCE în prevenirea conflictelor și gestionarea crizelor postconflictuale, prin conturarea arhitecturii contemporane de securitate în cadrul căreia Organizația pentru Securitate și Cooperare în Europa operează.

Considerații privind mediul internațional de securitate în secolul XX

La începutul secolului XX aparatul conceptual al securității era încă subdezvoltat și ideologizat.¹ Subiect al interpretărilor și înțelegerilor diverse,² conceptul de securitate nu reușea să ofere o definiție generală ci doar soluții parțiale la probleme specifice.

În termeni absoluți, abordarea tradițională a conceptului de securitate se concentra pe stat ca obiect referențial pentru securitate și pe

capacitatea și puterea acestuia de a gestiona problemele legate de securitate. În acest mod, în prima jumătate a secolului XX, securitatea a ajuns, să însemne securitatea națională, sinonimă cu apărarea și indisolubil asociată cu puterea militară.

Prima încercare de definire a noțiunii de securitate a apărut în anul 1943, atunci când Walter Lippman afirma că „o națiune este în siguranță în măsura în care nu se află în pericolul de a trebui să sacrifice valori esențiale, dacă dorește să evite războiul și, poate, atunci când este provocată, să și le mențină, obținând victoria într-un război”.³ Pe linia securității naționale mergea și Arnold Wolfers care în anul 1960 argumenta că securitatea este un „simbol ambiguu ce înseamnă lucruri diferite pentru oameni diferiți. Securitatea națională în sens obiectiv, reprezintă absența amenințărilor la adresa valorilor dobândite, în sens subiectiv, absența temerii că aceste valori ar putea fi atacate”.⁴

Începând cu cea de-a doua jumătate a secolului XX, procesul de definire a conceptului de securitate, precum și principalele sale trăsături, au fost profund marcate de caracteristicile generale ale războiului rece. În acest context, John Herz introducea noțiunea structurală „dilema de securitate”, în care încercările de autoajutorare a statelor de a se îngriji de propriile nevoi de

¹ Barry Buzan, Ole Oæver, Jaap de Wilde. Securitatea: un nou cadru de analiză. Tradusă de George Jigău. Cluj-Napoca: Editura CA Publishing, 2011, p. 39.

² Cecilia M. Bailliet (ed.). Introduction. In Security: A Multidisciplinary Normative Approach. Martinus Leiden Boston: Nijhoff Publishers, 2009, p. 1.

³ Citat în: Joseph J. Romm. Defining national security: the non-military aspects, Pew Projects on America's Task in a Changed World (Pew Project Series). Council on Foreign Relations Press, New York, p. 5.

⁴ Arnold Wolfers. National Security as an Ambiguous Symbol. In: Political Science Quarterly. December 1952, Vol. 67, No. 4, p. 491 - 492.

securitate, tindea, indiferent de intenție, să conducă spre creșterea insecurității pentru ceilalți, pentru că fiecare interpreta măsurile proprii ca fiind defensive, iar măsurile celorlalți ca fiind potențial amenințătoare. Astfel, în perioada războiului rece dezvoltarea tehnologiilor militare de către una dintre cele două superputeri genera o stare de inferioritate militară pentru cealaltă superputere, procesul putând astfel continua la nesfârșit, antrenând o spirală a insecurității. Conceptul avansat de John Herz a fost preluat, iar mai apoi extins, de Robert Jervis și Charles Glaser,⁵ adresând multe dintre „cele mai importante întrebări ale teoriei relațiilor internaționale și studiilor de securitate”.⁶

În contextul destinderii tensiunilor dintre Est și Vest din anii '70,⁷ ideea securității interdependente, avansată tot de John Herz încă din anii '50, a câștigat rapid sprijin sub stindardul securității comune. În cursul anilor '70 dar mai ales în decursul decadei '80, conceptul securității interdependente a câștigat tot mai mulți adepți iar adoptarea percepțelor securității comune a adus această idee în prim planul politicii mondiale. Bazată pe ideea că securitatea trebuie să fie „gândită și menținută nu împotriva adversarilor, ci împreună cu aceștia”, noțiunea sublinia că securitatea Vestică era intim legată de aceea a Uniunii Sovietice și vice versa. Asta a însemnat că era necesar pentru Vest ca de exemplu să recunoască faptul că creșterea în armament Sovietic nu îmbunătățea neapărat securitatea Vestică. Reversul fiind de asemenea adverbial.

Sprijin politic ideii de securitate comună a fost oferit de Comisia Palme care în raportul Comisiei Independente privind dezarmarea și problemele de securitate, numită „Securitatea Comună: un program pentru dezarmare”, evidențiază că „alternativa noastră este securitatea comună. Nu poate exista speranța victoriei într-un război

nuclear, cele două părți ar putea fi unite în suferință și distrugere. Ei pot supraviețui numai împreună. Ele trebuie să atingă securitatea nu împotriva adversarului ci împreună cu el. Securitatea internațională trebuie să se bazeze pe un angajament comun de supraviețuire decât pe amenințarea distrugerii reciproce”. Totodată, Olaf Palme, argumenta în introducerea raportului Comisiei Palme, faptul că „statele nu mai pot obține securitatea la cheltuiala fiecăreia, ci numai prin intermediul efortului comun”. Conceptul a fost descris ca „imperativul abținerii reciproce”, fără să presupună însă abandonarea competiției în favoarea cooperării și fără să presupună un demers de instituționalizare sau codificare. Securitatea comună aducea în plus un set de mijloace mai puțin confrunționale și fusese concepută ca o modalitate de soluționare a „dilemei de securitate” legată în principal de cursa înarmărilor și de amenințarea nucleară.⁸

Pe fondul influențelor războiului rece, procesul de definire a noțiunii de securitate din anii '80 a continuat cu abordările propuse de Ian Bellany care argumenta că „securitatea, în sine, este o relativă lipsă a războiului”⁹ și cele ale lui Joseph Nye și Sean Lynn-Jones care afirmau că studiile de securitate pot fi definite ca „studiul amenințării, utilizării și contorului forței militare”.¹⁰ În acest context, studiile de securitate analizau condițiile care determină uzul forței, modurile în care folosirea forței afectează indivizii, statele și societățile, și politicile specifice pe care statul le adoptă în scopul de a se pregăti pentru prevenirea sau implicare în război.¹¹ Totodată, accentuarea fenomenului războiului în cadrul studiilor de securitate, continuă cu abordarea lui Giacomo Luciani care evidențiază că „securitatea națională

⁵ Vezi: Robert Jervis. Cooperation under the Security Dilemma. In: World Politics. January 1978, Vol. 30, No. 2, p. 167 - 214; Dilemmas About Security Dilemmas. In: Security Studies. Vol. 20, No. 3, p. 416 - 423; Charles L. Glaser. The Security Dilemma Revisited. In: World Politics. October 1997, Vol. 50, No. 1, p. 171 - 201.

⁶ Charles L. Glaser. The Security Dilemma Revisited. In: World Politics. October 1997, Vol. 50, No. 1, p. 172.

⁷ Fergus Carr, Theresa Calan. Managing Conflict in the New Europe. The Role of International Institutions. USA: Palgrave Macmillan, Gordonsville, VA, 2002, p. 95.

⁸ John H. Herz. Idealist Internationalism and the Security Dilemma. In: World Politics. January 1950, Vol. 2, No. 2, p. 180.

⁹ Bellany, Ian. Towards a Theory of International Security. In: Political Studies. 1981, Vol. 29, No. 1, p. 100 - 105.

¹⁰ Joseph S. Nye Jr., Sean M. Lynn-Jones. International Security Studies: A Report of a Conference on the State of the Field. In: International Security. Spring 1988, Vol. 12, No. 4, p. 6 - 7.

¹¹ Stephen M. Walt. The Renaissance of Security Studies. In: International Studies Quarterly. June 1991, Vol. 35, No. 2, p. 212.

poate fi definită ca abilitatea de a rezista la agresiunile provenite de peste granițe”.¹²

Spre sfârșitul anilor '70 și începutul anilor '80, studiile despre securitate avansau tot mai adesea ideea conform căreia sistemul internațional va fi supus, în viitorul apropiat, unui amplu proces de transformare radicală. Immanuel Wallerstein, alături de John Meyer și Albert Bergesen au evidențiat importanța combinării analizei puterii și bunăstării cu cea a elementelor culturale și de suveranitate ale statului. Noile concepții aveau rolul de a evidenția că amenințările la adresa securității naționale derivau de asemenea din cadrul sferei politice, economice sau sociale. În acest sens, contribuții remarcabile aduse culturii de securitate se datorează lucrărilor lui Johan Galtung și Kenneth Boulding, care au fost repere esențiale în îndemnarea considerării dimensiunii individuale și sociale a securității. Conform abordării introduse de Galtung, pacea nu însemna doar absența războiului, ci era de asemenea legată de stabilirea condițiilor pentru justiția socială.¹³ El a subliniat și distincția dintre conceptul de pace negativă și pace pozitivă. În viziunea sa, pacea pozitivă, însemna atât absența violenței directe (fizice) cât și violenței indirecte (structurale¹⁴ și culturale).¹⁵ Galtung a subliniat și faptul că pentru a dobândi pacea pozitivă nu este îndeajuns eliminarea violenței: „instituțiile existente și relațiile trebuie să fie orientate spre consolidarea dialogului, cooperării și solidarității între popoare cuplate, cu un respect pentru mediul înconjurător”.¹⁶

În sprijinirea considerațiilor legate de conceptul de pace pozitivă avansat de Johan Galtung, Kenneth Boulding promova în anul 1978, ideea păcii stabile. Boulding a subliniat pacea stabilă prin compararea sa cu pacea instabilă și a evidențiat că pacea menținută prin

utilizarea amenințării și forței nu putea fi stabilă.¹⁷ Astfel, pacea instabilă era definită ca o condiție în care nu există așteptări reale ca pacea (înțeleasă ca simpla absență a conflictelor armate) va fi menținută în viitor. În schimb, pacea stabilă există atunci când cele două părți învață să facă pace prin crearea unor relații de încredere, care dezarmează atât mințile oamenilor cât și ale instituțiilor.¹⁸

Deși, extinderea ariei securității către cadrele economice, individuale sau sociale, deschidea noi moduri de a gândi despre securitate, nu se poate vorbi încă în perioada războiului rece de șocul paradigmei puterii militare sau de schimbări tectonice în peisajul global al securității. Rezumând, până în anii '90, securitatea a fost centrată pe stat ca element referențial și a fost considerată perioada de apogeu a securității înțeleasă ca putere militară.

Studiile de securitate în teoria relațiilor internaționale

În definirea dinamicilor mediului internațional de securitate un rol extrem de important aparține premiselor teoretice ale principalelor școli de gândire. În secolul XX, școala de gândire idealistă (liberală), școala de gândire realistă, precum și premisele teoretice neorealiste și mai recent, paradigmele școlii de gândire de la Copenhaga au fost principalele școli care au influențat dinamicele teoretice ale securității.

Idealism (liberalism)

În perioada de după primul război mondial, cea mai mare influență în cadrul arhitecturii de securitate a avut-o idealismul, în special datorită speranțelor puse în Liga Națiunilor, care părea că va asigura o ordine internațională mai bună. Curentul idealist a dominat gândirea și practica politică în domeniul relațiilor internaționale cu precădere în perioada anilor '20 și la începutul anilor '30.

Școala de gândire idealistă sau liberală, pune accentul pe conceptul de pace și considera că sistemul de state era organizat sub forma unei societăți internaționale care avea principala misiune de a promova pacea și securitatea

¹² Cecilia M. Bailliet (ed.). *Op. cit.*, p. 2.

¹³ Johan Galtung. Violence, Peace, and Peace Research. In: *Journal of Peace Research*. September. 1969, Vol. 6, No. 3, p. 183.

¹⁴ Definită ca instituțiile socio-economice și relațiile care oprimă ființele umane prin prevenirea realizării potențialului lor.

¹⁵ Johan Galtung. Peace by peaceful means: peace and conflict, development and civilization. London: Sage, 1996, p. 36.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Kenneth E. Boulding. Stable Peace. University of Texas Press, Austin, 1978, apud. Pinar Bilging. Individual Security and Societal Dimension of Security. In: *International Studies Review*. 2003, Vol. 5, p. 204 - 205.

¹⁸ Ibidem, p. 205.

internațională. Idealiștii își întemeiază preceptele securității pe ideii precum credința în raționalitate, egalitate și libertate, armonia intereselor, posibilitatea progresului uman, instituționalizarea legii internaționale sub forma securității colective și crearea unor organizații internaționale care să mențină și să consolideze pacea la nivel mondial.

¹⁹ Idealiștii considerau omul și securitatea individuală mai presus de cea a statului, iar interdependența și liberalismul economic erau considerate drept garanții ale securității, pentru că legăturile economice profitabile transformau războiul într-un fapt irațional.

Totodată, idealiștii vedeau extinderea civilizației occidentale ca un mijloc de amplificare a drepturilor omului, a democrației și a integrării în rețele, însemnând mai multă securitate pentru oameni mai puțină suveranitate pentru state și mai multă autoritate a organizațiilor globale și regionale.

În concluzie, prezumțiile școlii idealiste au fost cele mai importante cadre de referință ale începutului de secol XX și au meritul de a fi introdus două concepte fundamentale în studiul securității: securitatea individuală și securitatea colectivă.²⁰

Realismul

În epoca războiului rece paradigmele realiste s-au conturat tot mai dinamice, în detrimentul clasicelor prezumții idealiste. Cu rădăcini extrem de puternice și adânci, școala de gândire realistă își fundamentează analiza dinamicii mediului internațional de securitate în antiteză cu premisele idealiste ale stării de pace.

În acest context, problema securității este abordată de realiști prin prisma a două variabile: puterea²¹ și mediul anarhic. Sistemul internațional este perceput ca fiind anarhic, în sensul lipsei unei ierarhii, similare ordinii politice interne, între state suverane și egale din punct de vedere al statutului lor.²² Realismul susține ideea conform căreia actorii internaționali²³ au interese și aspirații

incompatibile, ceea ce duce la o luptă continuă între aceștia în cadrul mediului internațional. Școala realistă considera că principala sursă de insecuritate provenea din competiția necontrolată a statelor pentru putere și a valorilor obținute prin intermediul acesteia, fapt ce conducea la insecuritate persistentă pe plan internațional. În menținerea sau creșterea puterii și securității, realiștii subliniau că statele aveau posibilitatea de a recurge la diverse mijloace, inclusiv la forță.

Sprrijinind premisele realiste, Robert E. Osgood argumenta faptul că în sistemul internațional „forța trebuie să fie un instrument esențial al politicii internaționale în condiții de anarhie, așa cum alegerile sunt pentru politica internă în condițiile unei democrații organizate”.²⁴ Aceiași perspectivă o întâlnim și la Michael Howard care argumenta că „forța este un element ineluctabil în relațiile internaționale, nu din cauza unei tendințe umane inerente de a o utiliza, ci pentru că există posibilitatea utilizării ei. De aceea, forța trebuie descurajată, controlată și, dacă orice altceva eșuează, utilizată cu măsură și restrângere”.²⁵

Într-un mod cu totul distinct față de prezumțiile idealistilor, realiștii au construit o viziune asupra relațiilor internaționale bazată pe „politica puterii”, ce avea rolul de a conserva și potența securitatea națională. Hans J. Morgenthau susținea că „prin putere se înțelege dominația unor oameni asupra gândirii și comportamentului altor oameni” și considera că statele au o „pofță nemărginită pentru putere” întrucât sunt conduse de ființe umane care au „voință de putere”. În concordanță cu prezumțiile lui Hans Morgenthau, Robert Dahl argumenta că puterea desemnează situația în care agentul A obține de la agentul B ceva ce B nu ar fi făcut în lipsa constrângerii exercitate de A. Prin urmare, puterea reprezintă capacitatea de a controla mintea și acțiunile altora. Pentru realiștii clasici, puterea reprezintă de fapt atât un mijloc, cât și un scop, comportamentul rațional al statelor constând doar în acumularea de putere.

¹⁹ Ibidem, p. 42.

²⁰ Martin Griffiths. *Realism, idealism and international politics*. London and New York: Routledge, 1995, p. 31.

²¹ Cuprinzând și derivatele acesteia, politica de putere și echilibrul de putere.

²² Martin Griffiths. *Op. cit.*, p. 19.

²³ În cadrul arhitecturii internaționale de securitate principalele și singurii actori erau considerate statele. Edward H. Carr. *The twenty years` crisis 1919 - 1939: An*

introduction to the study of international relations. London, 1939.

²⁴ Robert E. Osgood. *Force, order and justice*. In: John Hopkins Press, Baltimore, 1967, apud. John D. Steinbruner. *Principles of Global Security*. Brookings Institution Press Washington DC, USA, 2000.

²⁵ Michel Howard. *Studies in War and Peace*. London: Temple Smith, 1970, p. 38.

Curentul realist a fost marcat de două abordări distincte și antitetice în care sunt disputate valențele puterii în raport cu securitatea. În varianta realismului defensiv reprezentat prin Kenneth Waltz și Joseph Grieco, statele sunt agenți al căror principal scop îl constituie supraviețuirea și asigurarea propriei securități, și nu maximizarea puterii, de natură a le periclita securitatea, în timp ce în varianta realismului ofensiv John Mearsheimer sublinia faptul că scopul final al statelor îl reprezintă dobândirea unei poziții hegemonice, chiar și cu prețul sacrificării propriei securități.²⁶

Ideile esențiale pe care școala de gândire realistă își fundamentează premisele constau într-o viziune pesimistă asupra naturii umane, considerând că relațiile internaționale sunt în general conflictuale și duc la război.

Neorealismul

Deși neorealismul își trage rădăcinile din școala de gândire realistă, el reușește să se distanțeze și să își contureze trăsăturile într-un mod distinct față de prezumțiile realiste.

Neorealiștii accentuează importanța rolului statului ca furnizor de securitate²⁷ dar propun o nouă perspectivă în ceea ce privește premisa realistă referitoare la caracterul anarhic al mediului internațional. În acest context, Kenneth Waltz²⁸ afirma că modul de funcționare a sistemului ca întreg influențează și comportamentul statelor în aceeași măsură în care sistemul de guvernare la nivel intern influențează evoluțiile în interiorul unui stat dat. Waltz sublinia că „ordinea sistemului nu este impusă din exterior, de o autoritate superioară, ci se naște din interacțiunea unor actori politici egali din punct de vedere formal, în mod similar cu situația statelor ce interacționează pe scena internațională”.²⁹ Ideea că politica internațională poate fi concepută ca un sistem cu o structură precis definită reprezintă însăși derogarea fundamentală a

neorealismului față de realismul tradițional. Totodată, spre deosebire de realiștii clasici, neorealiștii plasează securitatea umană alături de cea a statului, ca obiect de referință identic în teoria și practica de securitate.³⁰

Mai departe, neorealiștii avansau ideea conform căreia interesul ultim al statului este dat de securitate fapt ce aprecia resorturile acțiunii statelor. Așadar, în viziunea neorealistă, elementul fundamental în analizarea sistemului internațional și interacțiunii dintre state și sistem, constă în distribuția capacităților sau a puterii în cadrul sistemului, iar modificările de structură reprezintă efectul modificărilor apărute în distribuția puterii. Criticând teoria interesului de maximizare a puterii., Kenneth Waltz arăta că, în ultimă instanță, acumularea de putere este în detrimentul actorilor sistemului internațional, argumentând că acumularea permanentă de putere poate duce la o cursă a înarmărilor, în care securitatea fiecărui stat este amenințată.

Deși neorealiștii au considerat că puterea nu este principalul resort motivațional, ei au admis totuși că distribuția puterii este factorul cel mai important care determină natura structurii. Potrivit lui Waltz, sporirea puterii nu presupunea neapărat maximizarea ei, întrucât puterea nu este un scop în sine, ci un mijloc pentru atingerea securității. Totodată, neorealiștii, recomandau echilibrul în fața unei puteri emergente, iar nu alăturarea la scopurile acesteia.

Deși prezumțiile neorealiste asupra securității au oferit un nou cadru teoretic și o nouă viziune asupra securității internaționale, criticii au semnalat puternicele influențe manifestate de cadrul războiului rece, neorealismul construindu-și, în cea mai mare parte, identitatea și premisele pe dinamicele opozante ale tensiunilor cadrului internațional.

Școala de la gândire de la Copenhaga

Una dintre cele mai importante abordări asupra securității ce nu se înscrie într-un cadru ideologic, aparține școlii de la Copenhaga, în rândul căreia se remarcă Barry Buzan, Ole Wæver și Jaap de Wilde.

Reprezentanții școlii de la Copenhaga au avansat ideea lărgirii sferei de securitate, afirmând că abordarea securității doar din punct de vedere

²⁶ Stefano Guzzini. Realism și relații internaționale. Traducere Diana Istrătescu. Iași: Institutul European, 2009, p. 89.

²⁷ Alexandra Sarcinschi. Dimensiunile nonmilitare ale securității. București: Editura Universității Naționale de Apărare „Carol I”, 2005, p. 10.

²⁸ Kenneth N. Waltz. Theory of International Politics. First Edition by McGraw Hill, 1979, reprinted by Waveland, 2010.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Alexandra Sarcinschi. *Op. cit.*, p. 11.

al dimensiunii militare prejudiciază dezvoltarea conceptului. În sprijinirea ideii sferei de cuprindere a securității, reprezentanții școlii au oferit o metodă operațională constructivistă, ce presupune, pe de o parte, încorporarea principiilor tradiționaliste, iar, pe de altă parte, eliminarea frontierei artificiale dintre securitate și economie și noi modalități de studiu a interrelaționării domeniilor vieții sociale.³¹ Barry Buzan, alături de Ole Wæver și Jaap de Wilde propun introducerea în analiza securității, pe lângă sectorul militar și sectorul politic, economic, social și ecologic, fapt ce nu a însemnat însă diminuarea rolului statului în analiza securității, statul continuând să reprezinte principalul obiect de referință al analizei de securitate.³²

Insistând asupra faptului că securitatea nu poate fi izolată de cadrul provenienței, pentru analiză³³ la nici un nivel, reprezentanții școlii defineau securitatea politică ca stabilitatea organizațională a statelor, a sistemelor de guvernare și a ideologiilor care le guvernează. Mai departe, securitatea economică reprezenta accesul la resursele, finanțele și piețele necesare pentru a susține un nivel acceptabil de bunăstare și de putere a statului, în timp ce securitatea socială se traducea prin capacitatea de susținere a elementelor tradiționale de limbă, cultură, identitate, obiceiuri culturale și religioase. Nu în ultimul rând, reprezentanții școlii de la Copenhaga introduceau în cadrul sferei de securitate, sectorul de mediu, care reprezenta menținerea biosferei locale și planetare, ca suport esențial de care depind toate acțiunile oamenilor.³⁴ Ei subliniau și legătura celor cinci sectoare, care nu operează separat unul de celălalt. Fiecare definește „un punct central, în cadrul problematicii securității ca și un mod de a ordona prioritățile, toate sunt întretesute într-o strânsă rețea de legături”.³⁵

Reprezentanții școlii de la Copenhaga au avansat și un cadru de analiză ce viza atât domeniul militar cât și cel non-militar. Ei avansau

ideea conform căreia studiile de securitate ar trebui să fie centrate pe identificarea, localizarea și evaluarea celor mai importante măsuri de securizare inițiate de actorii principali ai vieții sociale. Rezultatul acestei abordări era concretizat printr-o „hartă” a problemelor securității, urmând ca fiecare să fie identificată în funcție de patru variabile: caracteristica spațială (local, regional și global), localizarea sectorială (militar, politic, economic, cultural, ecologic), identitatea principalului actor (state, actori societali, organizații internaționale) și natura obiectului de referință (state, națiuni, principii, mediul înconjurător).³⁶

Școala de la Copenhaga înțelege securitatea ca un proces de construcție socială, unde agenda de securitate este construită prin așa numitele acte de securizare, acte ce reprezintă forme ale practicii sociale. În abordarea tradițională (TSS Anexa 1.1), securitatea este obiectiv definită, îndeosebi pe latura militar-strategică și reprezentată de către structurile de stat, în timp ce abordarea critică (CSS), securitatea este definită subiectiv, de către actorii sociali, în funcție de percepțiile și interesele lor.³⁷ Anexa 1.1 subliniază abordarea tradițională obiectivistă sau așa zis militaristă, bazată pe putere și care nu ține cont de socializarea riscurilor, și abordarea constructivistă care este pragmatică și înțelege securitatea ca o construcție socială rezultată din „jocul” actorilor sociali. Reprezentanții școlii de la Copenhaga sunt de părere că între aceste două modele, se derulează securitatea.

În relație cu celelalte curente de gândire, școala de gândire de la Copenhaga accepta ipoteza realistă a sistemului internațional anarhic dar amenda ipoteza politicii de putere cu teoria liberală a interdependenței. Totodată, reprezentanții școlii, acceptau influențele procesului de globalizare, sub forma creșterii șanselor pentru pace, concomitent cu apariția vulnerabilităților și riscurilor.

Abordările propuse de reprezentanții școlii de la Copenhaga au fost considerate inovatoare, dar mai ales esențiale pentru înțelegerea dinamicilor cadrului de securitate internațional. De la noi de noi sectoare în cadrul analizei de securitate, la

³¹ Barry Buzan. *Op. cit.*, 2000, p. 31

³² Alexandra Sarcinschi. *Op. cit.*, p. 10.

³³ Barry Buzan. *Peace, Power and Security: Contending Concepts in the Study of International Relations*. In: *Journal of Peace Research*. 1984, Vol. 21, No. 2, p. 112.

³⁴ Barry Buzan, Ole Wæver, Jaap de Wilde. *Op. cit.*, p. 38.

³⁵ Barry Buzan. *Op. cit.*, 2000, p. 31.

³⁶ Barry Buzan, Ole Wæver Jaap de Wilde. *Op. cit.*, p. 38.

³⁷ *Ibidem*.

dinamicile de securizare și complexele regionale de securitate, reprezentanții școlii de la Copenhaga au reușit să depășească cadrul ideologizat al studiilor de securitate și au reușit să ofere un răspuns veridic dinamici internaționale de securitate.

Evoluția arenei internaționale după încheierea Războiului Rece

O schimbare esențială în cadrul arhitecturii internaționale de securitate are loc odată cu sfârșitul confruntărilor dintre cele două superputeri, fapt considerat cel mai important eveniment al politicii internaționale de la sfârșitul celui de-al doilea război mondial.³⁸

Încheierea tensiunilor dintre Est și Vest a avut consecințe profunde și de lungă durată asupra mediului internațional de securitate prin schimbarea tuturor răspunsurilor și întrebărilor.³⁹ Sfârșitul confruntărilor ideologice dintre Est și Vest a reprezentat o cotitură majoră în istoria relațiilor internaționale, anunțând o nouă paradigmă a acestora, în care violența interstatală se transforma în mod gradual într-o chestiune a trecutului, iar noile valori comunitare aduceau un spirit de cooperare tot mai pronunțat între persoane și comunități umane dintre cele mai variate. Dacă în mod tradițional, până la războiul rece, conceptul de securitate era bazat pe amenințarea invaziei, acum el și-a mutat scopul de la posesiunea și controlul de noi teritorii și resurse, la asigurarea unui mediu sigur. Toate aceste schimbări profunde au fost catalogate de John Mearsheimer drept „vestitorii unei noi epoci a păcii”.⁴⁰

Epoca posteroară războiului rece a determinat și nevoia de gândire teoretică și practică a conceptului de securitate,⁴¹ redefinind parametrii întregului sistem internațional de securitate.

Se poate spune că arhitectura de securitate la nivel global a evoluat după anul 1990 în sensul

³⁸ David A. Baldwin. Security Studies and the End of Cold War. In: World Politics. October 1995, Vol. 48, No. 1, p. 117.

³⁹ Charles W. Kegley Jr. The Neoidealist Moment in International Studies? Realist Myths and the New International Studies. In: International Studies Quarterly. June 1993, Vol. 37, No. 2, p. 141.

⁴⁰ John J. Mearsheimer. Back to the future: instability in Europe after the Cold War. In: International Security. Summer 1990, Vol. 15, No. 1, p. 5.

⁴¹ Vezi David A. Baldwin. *Op. cit.*, p. 119 - 120.

creșterii complexității și interdependențelor. Mediul de securitate posterior războiului rece se caracterizează prin frontiere din ce în ce mai deschise, în cadrul cărora fluxurile de bunuri și de investiții, dezvoltarea tehnologică și progresul democrației au interconectat toate părțile globului.⁴² Sub influența noilor evenimente, politica internațională este depășită de „politici interne la scală globală”.⁴³ Totodată, cadrul interstatal subliniat de conceptul „securității internaționale” este pas cu pas devansat de conceptul „securității globale”.⁴⁴

Noul concept al securității globale extinde cadrul securității în afara granițelor tradiționale etatiste și accentuează includerea unor noi entități ca noi actori în relațiile internaționale care încearcă să obțină un rol în structurile de guvernare, generând astfel multiplicarea variabilelor care intervin în sistem, precum și restructurarea mecanismelor și proceselor de autoreglare ale sistemului de securitate. În acest sens, Constantin Hlihor sublinia că, „sfârșitul războiului rece nu a adus numai multiplicarea centrilor de putere, ci și manifestarea asimetrică a subiecților în ecuația de putere iar puterea fiecărui pol în ecuație nu este exprimată în termeni clasici militari decât în parte”.⁴⁵ De aceea, destinul lumii va depinde tot mai mult de aptitudinea polilor de putere de a coopera eficient în problemele globale cu care se confruntă societatea, cât și de capacitatea de armonizare a intereselor pe diferite spații.⁴⁶ Crearea noii arhitecturi internaționale în domeniul securității a fost menită să întărească încrederea între națiuni și să diminueze riscurile

⁴² Mirela Atanasiu. Evoluția Mediului de Securitate în contextul geopolitic post-război rece. În: Constantin Moștoflei (coord.). Politici și geostrategii în gestionarea conflictualității. Sesiunea anuală de comunicări științifice cu participare internațională a Centrului de Studii Strategice de Apărare și Securitate, 20-21 Noiembrie 2008, București, Vol. 2: Raporturile dintre Conflictualitate și securitate. București: Editura Universității Naționale de Apărare „Carol I”, 2008, p. 65.

⁴³ Bjorn Møller. Common security and non-offensive defence as guidelines for defence planning and arm control. In: The International Journal of Peace Studies. July 1996. Vol. 1, No. 2, p. 52.

⁴⁴ Pinar Bilgin. *Op. cit.*, p. 207.

⁴⁵ Constantin Hlihor. Geopolitica și geostrategia în analiza relațiilor internaționale contemporane. București: Editura Universității de Apărare „Carol I”, 2005, p. 91.

⁴⁶ Ibidem.

aparitiei unor noi conflagrații de proporții ale celor experimentate în prima jumătate a secolului XX,⁴⁷ o eliminare a intereselor unuia sau a mai multor centre de putere poate conduce la amenințarea și eșecul viitoarei arhitecturi de securitate pe continent.⁴⁸

Noile niveluri care au apărut după sfârșitul războiului rece în cadrul noii arhitecturi a securității globale, și dezvoltărilor însoțite de progrese rapide în domeniul tehnologic și informațional au accentuat demilitarizarea securității precum și trecerea de la amenințări la o nouă categorie de riscuri, cele asimetrice, netradiționale.⁴⁹ Declinul importanței puterii militare însemna atât faptul că amenințările de natura militară erau mai puțin prevalente cât și faptul că forța militară era mai puțin folosită ca instrument de supunere a statelor.⁵⁰ În strânsă legătură cu diminuarea forței militare, conceptul apărării non-defensive intră în agenda internațională a securității, ca parte a procesului de căutare a unei concepții mai adecvate de securitate, care a caracterizat teoria relațiilor internaționale și gândirea strategică pentru mulți ani.⁵¹

În contextul diminuării importanței forței militare, securitatea umană a devenit tot mai importantă și mai dezbătută în contextul studiilor dedicate securității. În anul 1991, Ken Booth sublinia importanța sa prin evidențierea faptului că „securitatea indivizilor ar trebui să fie pe primul plan”.⁵² Ideea lui Booth a fost întărită de

perspectivele lui Martin Shaw, care argumenta nevoia unei analize complexe a arhitecturii de securitate, ce presupunea includerea unor straturi variate de referenți inclusiv includerea „grupurilor sociale, societatea globală, includerea indivizilor și a statelor”. Shaw a subliniat și nevoia de a dezvolta o înțelegere a relațiilor dinamice în care acești potențiali referenți „interacționează și afectează reciproc securitatea.”⁵³ În măsura în care securitatea indivizilor a început să devină un legitim promotor al securității, declinul securității exclusive a statului era evident.

În concluzie, pe fondul multiplicării și adâncirii interdependențelor, după războiul rece, s-a produs o reconceptualizare pe două niveluri a conceptului de securitate. Lărgirea pe orizontală a sferei de cuprindere a termenului de „securitate” evidențiază în primul rând dimensiunea non-militară a securității. La adresa securității statelor și societății internaționale, erau identificate amenințări de tip nou, reprezentate de crima organizată internațională, de terorism, migrația internațională și încălcarea drepturilor omului, riscurile ecologice, epidemiile și sărăcia. Lărgirea pe verticală a conceptului propunea o reconsiderare și mai radicală a conceptului tradițional realist. Exponenții acestei viziuni subliniau faptul că securitatea nu a vizat doar actorii statali ci și actorii transnaționali (organizațiile transnaționale și internaționale), comunitățile substatale și subnaționale. În cele din urmă, ultima propunere de redefinire a conceptului, așa numita reconsiderare epistemologică, analiza din perspectiva postmodernă modul în care sunt „construite” diferitele modele de securitate.

Per ansamblu, mediul de securitate posterior războiului rece a redefinit pe deplin dinamica securității internaționale de tip tradițional. În acest context, și-au făcut apariția noi actori de securitate și riscuri de tip nou, care au devenit cu adevărat proeminente la începutul secolului XXI.

Perspectivile securității globale în secolul XXI

La începutul secolului XXI lumea a intrat într-o nouă fază a evoluției sale, marcată de

⁴⁷ Petru Borcan, Cosmina Covatariu. Managementul european al conflictelor internaționale-operațiuni militare ale Uniunii Europene. În: Constantin Moștoflei (coord.). Stabilitate și securitate regională, Sesiunea anuală de comunicări științifice cu participare internațională, 09 - 10 aprilie 2009. București, Secțiunea 1: Securitate și apărare. București: Editura Universității de Apărare „Carol I”, 2009, p. 163 - 164.

⁴⁸ Vezi Strategia de Securitate Națională a României, București, 2007. [On-line]: <http://www.mapn.ro/strategiasecuritate/strategsecuritmediul.html>. (Vizitat la: 05.03.2012).

⁴⁹ Amenințările asimetrice se traduc prin folosirea de către actorii statali sau non-statali, a unor mijloace violente, pentru a provoca teroare și a genera pagube morale, materiale și simbolice extrem de mari unor actori mult mai puternici.

⁵⁰ David A. Baldwin. *Op. cit.*, p. 118.

⁵¹ Bjorn Møller. *Op. cit.*, p. 4.

⁵² Ken Booth. Security and emancipation. In: Review of International Studies. 1991, Vol. 17, No. 3, p. 316.

⁵³ Martin Shaw. There is no such thing as society: beyond individualism and statism in international security studies. In: Review of International Studies. 1993, Vol. 19, No. 2, p. 160 - 162.

coexistența și confruntarea unor tendințe pozitive majore cu altele care generează amenințări și pericole. În acest context, mediul global a devenit mult mai dinamic și mult mai complex decât în perioada războiului rece.⁵⁴ Vechea ordine mondială, bazată pe o logică bipolară caracterizată de rivalitate și capacitatea de anihilare reciprocă a unor blocuri de state a dispărut, iar tranziția post-bipolară s-a încheiat. Alături de sfârșitul războiului rece, unificarea Germaniei, extinderea Organizației Tratatului Atlanticului de Nord și a Uniunii Europene, reducerea influenței politico-militare a Federației Ruse și creșterea influenței Chinei și Indiei ca superputeri politico-economice, au influențat profund dinamicele sistemului global de securitate.

Astăzi, securitatea este abordată ca un concept multidimensional, legat nu doar de arme și de utilizarea lor, ci și de tot ceea ce privește siguranța ființei umane. Pe fundalul multiplicării și adâncirii interdependențelor globale, conceptul de securitate și-a multiplicat înțelesurile, devenind ceea ce se numește un „concept stratificat”. Cadrul politic, alături de cel social, economic și de mediu, întregesc astăzi tabloul securității globale.

În contextul adâncirii globalizării și interdependențelor, problemele de la jumătatea drumului au devenit problemele tuturor. O situație economică sau socială dificilă a unei comunități poate reverbera, într-un timp extrem de scurt, în jurul întregii lumi.⁵⁵ Totodată, marea majoritate a schimbărilor din cadrul mediului global de securitate, sunt însoțite de o mare doză de incertitudine privind natura, amploarea și durata, iar unele pot avea un caracter surprinzător, seismic și de discontinuitate, ceea ce le face, într-un fel, mult mai greu de contracarat.

Extinderea sferei de securitate spre noi cadre sau diminuarea influenței militare, nu a limitat însă numărul conflictelor. La începutul secolului XXI lumea continuă să rămână puternic conflictuală, motoarele conflictelor operând atât în domeniul accesului la resurse, la mecanismele de distribuție a acestora și la piețe, cât și în cel al

diferențelor identitare de natura etnică, religioasă, culturală sau ideologică.⁵⁶

Evoluțiile noului context internațional generate de schimbările politice, economice și sociale au accentuat și intensificat decalajele dintre Nordul și Sudul global. Sărăcia care s-a extins în mod necontrolat ca urmare a epuizării resurselor sau a utilizării lor ineficiente precum și deficitului de democrație persistent încă în multe state din Sudul global, provoacă turbulențe regionale și derapaje cu consecințe imprevizibile.⁵⁷ Adâncirea polarizării sociale și economice poate avea efecte catastrofale. Resursele limitate dar mai ales deficitul de democrație au determinat apariția unor structuri statale slabe, sau așa numitele state eșuate. Fondul Internațional pentru Pace definea statele eșuate prin pierderea controlului fizic asupra propriului teritoriu, erodarea autorității legitime de a lua decizii colective, incapacitatea de a furniza servicii publice rezonabile și incapacitatea acestora de a interacționa cu alte state ca membru cu drepturi depline a comunității internaționale. Incapacitatea statelor slabe de a se plia fenomenului globalizării ar putea conduce la accentuarea și intensificarea instabilității globale. Ele sunt potențial periculoase pentru cadrul securității globale prin conflictele civile și accesul la arme de distrugere în masă, prin sprijinirea traficului de droguri sau a celui de ființe umane.⁵⁸ Mai mult decât atât, o lume în cadrul căreia mai mult de jumătate de miliard de oameni sunt devaforizați, nesiguri și vulnerabili este o lume nesigură și periculoasă. Locurile în care oamenii se simt lipsiți de putere și privesc cum o mare parte a lumii devine din ce în ce mai bogată, ura poate fi canalizată în modalități devastatoare. De aceea este necesară lupta împotriva manipulării disperării și ar trebui implicarea tot mai mare în

⁵⁴ Constantin Hlihor. *Op. cit.*, p. 5.

⁵⁵ Gro Harlem Brundtland. *Global Insights. Global Health and International Security*. In: *Global Governance*. 2003, No. 9, p. 417.

⁵⁶ Olimpiodor Antonescu. *Coordonate ale evoluției mondiale, între securitate și conflictualitate*. În: Constantin Moștoflei (coord.). *Op. cit.*, 2008, p. 42.

⁵⁷ Tiberiu Tănase, Ana-Maria Porumbiță. *Considerații privind transformările și adaptarea serviciilor de informații și securitate la noul mediu de securitate al secolului XXI*. În: Constantin Moștoflei (coord.). *Op. cit.*, 2009, p. 258.

⁵⁸ Multe din aceste amenințări, la adresa securității Europei, sunt localizate în Balcanii Occidentali sau în Europa Răsăriteană, sau au drept căi de acces Balcanii, Europa de Est și Asia Centrală, Somalia, Liberia, Afganistan, Bosnia și Herțegovina, Kosovo, Serbia și Muntenegru.

țările în criză, pentru a promova valorile democrației și justiției sociale.⁵⁹

Astăzi, marea majoritate a conflictelor contemporane provin din tulburările sociale naționale și transnaționale. Un exemplu în acest sens, sunt conflictelor etnice locale, atât inter cât și intra-statale, care au implicații puternice nu doar pentru pacea și securitatea regională ci și pentru stabilitatea și securitatea globală.⁶⁰ A devenit aproape un clișeu faptul că noțiunea de „etic” este aproape întotdeauna asociată conflictualității.⁶¹ Potrivit lui Jonathan Laurence și Justin Vaisse conflictele etnice reprezintă de cele mai multe ori rezultatul unei combinații de factori, care includ „condițiile economice, discriminarea, stresul demografic, factorii de mediu, și mișcările secesioniste”.⁶² Prin numărul lor relativ mare, alături de alte stări tensionate, dispute teritoriale, tendințe separatiste și situații de instabilitate, conflictele etnice generează multiple amenințări. Ele alimentează, alte forme de violență și favorizează criminalitatea. Atunci, când problemele naționale se amestecă cu crima organizată, corupția și violența, efectele volatile ale amestecului lor realizează un adevărat „cocktail explozibil”.⁶³ Situația din cadrul fostei Republici Iugoslave, Bosnia și Herțegovina, Kosovo și sudul Serbiei au fost zguduite puternic de conflictele recente. Părți din Asia Centrală se confruntă cu instabilitatea, în special în vecinătatea Afganistanului. Totodată, așa numitele conflicte înghețate din Abhazia, Nagorno-Karabakh, Transnistria și Cecenia, rămân o veritabilă „mlaștină mortală”.⁶⁴

Alături de conflictele etnice, pentru mulți, migrația a devenit punctul central al anxietății și temerilor cu privire la identitatea, securitatea și bunăstarea în Europa contemporană. Prin caracterul său transnațional, dinamica și impactul acesteia asupra oamenilor și instituțiilor este percepută ca o provocare serioasă pentru

paradigmele de lungă durată ale securității și ordinii. Migrația nu mai reprezintă astăzi doar „o amenințare a statului ci de asemenea o amenințare a securității și identității societății gazdă”.⁶⁵

Tot la începutul secolului XXI, problema resurselor energetice s-a cristalizat ca un risc de tip nou. Teoria sociologului german Ulrich Beck, apărută încă din anii '90, a fost accentuată tot mai mult și a fost asimilată studiilor de securitate. În lucrarea sa, Beck argumenta că „modernizarea induce insecuritate, cu cât o societate este mai sofisticată, cu atât ea poate deveni mai nesigură”. Energia, în special cea energetică, este esențială pentru dezvoltarea economică și socială și îmbunătățirea calității vieții, pe plan național și global.⁶⁶ Incertitudinea existenței unor resurse pentru a satisface cererile energetice în deceniile care vor urma este o preocupare alimentată mai ales de instabilitatea în unele țări exportatoare, dar și de curente naționaliste sau de rivalități pentru resurse.⁶⁷ În acest context, securitatea energetică va depinde mult de modul în care țările își gestionează relațiile dintre ele, fie bilateral, fie în cadre multilaterale.

O altă amenințare curentă la adresa securității globale este reprezentată de tăcutul marș al bolilor care devastează populațiile și sunt considerate pietrele care provoacă cele mai mari valuri, și cele care trec neobservate până este prea târziu.⁶⁸ Delimitarea funcțională dintre problemele interne și internaționale de securitate își pierde utilitatea în contextul în care oamenii și bunurile călătoresc pe mai multe continente. În lumea interconectată în care trăim, bacteriile și virușii circulă aproape la fel de repede ca email-urile sau fluxurile financiare. Lungul proces insuficient privind resursele umane, împreună cu o serie de factori economici, politici și sociali au determinat criza

⁵⁹ Gro Harlem Brundtland. *Op. cit.*, p. 420.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Walter A. Kemp. The Business of Ethnic Conflict. In: Security Dialogue. March 2004, Vol. 35, No. 1, p. 43.

⁶² Citați în Laurent Mucchielli. Autumn 2005: A Review of the Most Important Riot in the history of French Contemporary Society. In: Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 35, No. 5, p. 731 - 735.

⁶³ Walter A. Kemp. *Op. cit.*, p. 43.

⁶⁴ Ibidem, p. 44.

⁶⁵ Ayse Ceyhan, Anastassia Tsoukala. The Securitization of Migration in Western Societies: Ambivalent Discourses and Policies. In: Alternatives. 2002, Vol. 27, Special Issue, p. 22.

⁶⁶ United Nations, United Nations Conference on Environment & Development. Agenda 21, Rio de Janeiro, Brazil, 3 to 14 June 1992. [On-line]: <http://www.un.org/esa/sustdev/documents/agenda21/english/Agenda21.pdf>. (Vizitat la: 03.05.2012).

⁶⁷ Gawdat Bahgat. Europe's energy security: challenges and opportunities. In: International Affairs. 2006, Vol. 82, No. 5, p. 961.

⁶⁸ Gro Harlem Brundtland. *Op. cit.*, p. 418.

haotică din sudul Africii, oferind o serie de lecții⁶⁹ care au evidențiat că investiția în oameni și cooperarea internațională, atât pentru sănătate cât și pentru multe alte arene, reprezintă premisele fundamentale ale securității.⁷⁰

Tot la începutul secolului XXI activitățile crimei organizate au devenit un flagel contemporan cu implicații profunde în toată lumea. Crima organizată s-a conturat ca una dintre cele mai mari amenințări ale securității,⁷¹ prin globalizarea rețelelor de crimă organizată și creșterea puterii mafiei globale.⁷² Legăturile dintre crima organizată și terorism sau crima organizată și traficul uman, au amplificat parametrii potențialului său devastator.⁷³

Alături de crima organizată, proliferarea armelor de distrugere în masă reprezintă o importantă amenințare contemporană la adresa păcii și securității țărilor și popoarelor lumii, amenințând suveranitatea națională, autoritatea statelor și însuși valorile democratice.⁷⁴ Până la începutul anilor '90 tratatele internaționale și controlul exporturilor strategice au determinat o limitare a răspândirii acestor arme, dar în prezent are loc o diseminare periculoasă a acestora. Dezvoltarea de noi mașini microelectromecanice, descoperirile nanotehnologiei, capacitățile superautomatizate, inteligența artificială și armele

nucleare, chimice, biologice și radiologice au amplificat parametrii securității din punctul de vedere al potențialului de distrugere. Mai mult decât atât, armele de distrugere în masă accentuează nu doar amenințarea fizică a unui pericol iminent, ci și reflectarea unei subiective vulnerabilități derivată din teama unei eventualități care nu poate fi prezisă, identificată sau controlată.⁷⁵ Potențialul distructiv al armelor de distrugere în masă crește cu atât mai mult cu cât acestea reprezintă un element deosebit de important în logica terorismului.⁷⁶

Perceptul fie ca „un război ascuns, nedeclarat, fie ca formă de manifestare a „conflictului de mică intensitate”, terorismul a depășit astăzi stadiul unor acțiuni simple. Atacurile teroriste de la 11 septembrie 2001 din New York, sau atacurile teroriste de la Madrid, Londra, Moscova sau Istanbul, precum și cele care au avut loc în Orientul Apropiat, Caucaz, Africa, Asia Centrală, de Sud și de Sud-Est, dovedesc faptul că terorismul internațional reprezintă o amenințare gravă la adresa vieții și libertății oamenilor. Ele pot provoca pierderi masive de vieți omenești și distrugerii materiale de mare amploare.

Evenimentele de la 11 septembrie 2001 au accelerat procesul de redefinire a securității secolului XXI, terorismul, contribuind în mod decisiv la reorganizarea și transformarea agendei internaționale a începutului de secol XXI.⁷⁷ Mai mult decât atât, secolul XXI a evidențiat că nici un stat, nici măcar o superputere precum Statele Unite ale Americii, nu poate aborda problemele globale de securitate de unul singur. Riscurile la adresa mediului internațional de securitate și, în primul rând, cele legate de proliferarea terorismului, a crimei organizate și a armelor de distrugere în masă se cer a fi combătute printr-o cooperare flexibilă, multilaterală, echilibrată și consecventă între state, care să includă măsuri viabile vizând eliminarea progresivă a cauzelor producerii lor.⁷⁸

⁶⁹ În primăvara anului 2003, sindromul respirator acut sever (SRAS) a pus lumea în alertă și a provocat cooperarea internațională fără precedent, pentru a opri o boală care rănește piețele, turismul și comerțul. Ibidem, p. 419 - 420.

⁷⁰ Ibidem, p. 420.

⁷¹ Alin Pahonțu, Sorin Mihai. Aspecte privind conceptul de crimă organizată. În: Constantin Moștoflei (coord.). Perspective ale securității și apărării în Europa, Sesiunea Anuală de Comunicări științifice cu participare internațională, 19-20 Noiembrie 2009. București, Volumul 4. București: Editura Universității Naționale de Apărare „Carol I”, 2009, p. 65.

⁷² Jean-Louis Briquet, Gilles Favarel-Garrigues. Introduction: Violence, Crime and Political Power. In: Jean-Louis Briquet, Gilles Favarel-Garrigues (eds.). Organized Crime and States. The hidden Face of Politics, Translated by Roger Leverdier, Katharine Throssell, Cynthia Schoch, William Snow. US: Palgrave Macmillan, 2010, p. 2.

⁷³ Cornelius Friesendorf. Pathologies of Security Governance: Efforts Against Human Trafficking in Europe. In: Security Dialogue. September 2007, Vol 38, No. 3, p. 379 - 380.

⁷⁴ Allen S. Weiner. The use of force and contemporary security threats: old medicine for new ills? In: Stanford Law Review. 2007, Volume 59, Issue 2, p. 415.

⁷⁵ Sonja Kittelsen. Conceptualizing Biorisk: Dread risk and the threat of Bioterrorism in Europe. In: Security Dialogue. February 2009, Vol. 40, No. 1, p. 52 - 55.

⁷⁶ Tiberiu Tănase, Ana-Maria Porumbiță. *Op. cit.*, p. 260.

⁷⁷ Teodor Dragoș Troanță Rebeleș. Războiul împotriva terorismului. Realitate, prezent și perspective. În: Constantin Moștoflei (coord.). *Op. cit.*, 2009, p. 176.

⁷⁸ Liviu Mureșan (coord.). Adrian Pop, Florin Bonciu. Politica europeană de securitate și apărare - element de

Ca răspuns la amplificarea numărului conflictelor și a creșterii riscurilor terorismului internațional a devenit clar că democrația secolului XXI trebuie să includă și asigurarea unui cadru mondial de coexistență pașnică. Democrația, guvernarea eficientă și respectarea legilor, în calitate de noi principii ale securității globale, presupun ca relațiile dintre state să țină cont de existența unor interese divergente, fără a face apel la utilizarea forței ca metodă de rezolvare a conflictelor. Drept urmare, stabilitatea internațională nu poate fi astăzi concepută decât în baza cooperării pe multiple planuri la nivelul comunității internaționale, și, mai ales, prin intermediul dialogului în cadru instituționalizat, prin creșterea implicării marilor organizații internaționale în definirea stării de securitate a lumii.⁷⁹

Mediul internațional de securitate deschide o nouă pagină a securității, întemeiată pe soluționarea pașnică a disputelor și pe cooperarea internațională multilaterală prin intermediul unor instituții comune.⁸⁰ Secolul XXI a adus multiplicarea instituțiilor specializate la nivel național și internațional care abordează problemele de securitate din unghiuri distincte și determină analize și decizii specifice.

După 1990 și mai ales odată cu începutul secolului XXI, prevenirea conflictelor și asigurarea păcii mondiale au fost și continuă să rămână o prioritate a forumurilor ONU, ale Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa, ale Uniunii Europene sau ale forumurilor G-8⁸¹ sau G-20.⁸² La începutul secolului XXI

influențare a acțiunilor României în domeniul politicii de securitate și apărare. În: Studii de impact (PAIS-II), Studiul nr. 4. București: Institutul European din România, 2004, p. 6 - 7.

⁷⁹ Vezi: Strategia de Securitate Națională a României, București, 2007. [On-line]: <http://www.mapn.ro/strategiasecuritate/strategsecuritmediul.html>. (Vizitat la: 05.03.2012).

⁸⁰ Javier Solana. A Secure Europe in a Better World. The European Security Strategy. Brussels: European Council, 12 December 2003.

⁸¹ Grupul celor opt: Canada, Franța, Germania, Italia, Japonia, Marea Britanie, Statele Unite ale Americii și Rusia.

⁸² Grupul celor douăzeci: Arabia Saudită, Africa de Sud, Argentina, Australia, Brazilia, Canada, China, Coreea de Sud, Franța, Germania, India, Indonesia, Italia, Marea Britanie, Mexic, Japonia, Rusia, Statele Unite ale Americii, Turcia, Uniunea Europeană.

problemele securității globale au devenit prioritatea agendelor de lucru a majorității conferințele internaționale în care efortul comun al țărilor, guvernelor, organizațiilor și instituțiilor internaționale, se concentrează pe acțiuni de cooperare în vederea unei abordări coordonate de transmitere reciprocă a informațiilor cu privire la infractori, la organizațiile transnaționale de crimă organizată și la armonizarea legislației internaționale în domeniu. Documentele oficiale ale acestor organizații definesc cadrul securității ca problemă esențială a existenței societății umane. În documentele sale oficiale, OSCE își propune să joace un rol din ce în ce mai important în noua arhitectură europeană, prin realizarea următoarelor obiective: prevenirea conflictelor și gestionarea crizelor postconflictuale, controlul armamentelor și dezarmarea, sporirea încrederii și a securității, cooperarea în plan economic, cultural, umanitar și ecologic, și conceptualizarea unui nou model de securitate în zona sa de responsabilitate.⁸³ Concepția despre securitate a Organizației pentru Securitate și Cooperare în Europa este definită și prezentată în „Carta pentru Securitate Europeană”⁸⁴: „Fiecare stat participant are drept egal la securitate. Reafirmăm dreptul inalienabil al fiecărui stat participant și al tuturor statelor participante la libertatea de alegere a propriilor aranjamente de securitate, incluzând tratatele de alianță, așa cum sunt emise. De asemenea, fiecare stat are dreptul la neutralitate. Fiecare stat participant va respecta drepturile tuturor celorlalte în aceste privințe. Ele nu își vor întări securitatea în detrimentul securității altor state. [...] Ne vom construi relațiile în conformitate cu conceptul de securitate comună și comprehensivă, ghidat de parteneriat egal, solidaritate și transparență. Securitatea fiecărui stat participant este inseparabil legată de securitatea celorlalte state. Ne vom adresa dimensiunilor umane, economică, politică și militară ale securității ca la un întreg”⁸⁵.

Acest exemplu oglindește un construct alternativ de securitate. Întrucât intervenția

⁸³ Conference on Security and Cooperation in Europe, Final Recommendations of the Helsinki Consultations, Helsinki, 1973.

⁸⁴ Organization for Security and Cooperation in Europe, Charter for European Security, Istanbul, November 1999.

⁸⁵ Ibidem.

militară a statelor-națiune puternice nu mai este suficientă și mai ales necesară pentru menținerea păcii și stabilității. Atât OSCE, cât și ONU, NATO și UE au considerat că este nevoie de o rețea de aranjamente regionale de securitate colectivă. Securitatea colectivă are la bază premisa conform căreia amenințările pot apărea din interior, nu neapărat din exterior, iar evitarea pericolului este cel puțin la fel de critic precum răspunsul la amenințări cu capacitățile proprii.

Cooperarea internațională accentuează implicarea statelor în angajamentul preventiv,⁸⁶ considerată o viabilă strategie de securitate pe termen lung. Angajamentul preventiv, se concentrează asupra prevenirii conflictelor și prevenirii amenințărilor, acțiuni ce pot începe mai devreme, înainte ca criza să se întâmple, de-a lungul diferitelor domenii ale relațiilor externe.⁸⁷

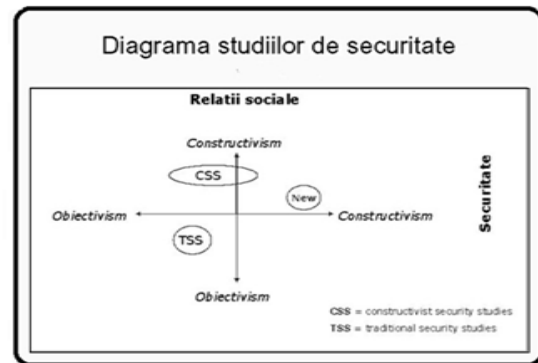
Angajamentul preventiv a adus și o glisare puternică din domeniul puterii militare sau așa numita „hard power”⁸⁸ spre cel al puterii subtile sau „soft power”.⁸⁹ Toate aceste progrese, au marcat evoluția normativă a noțiunii de securitate.⁹⁰ Capacitatea de a produce și de a înființa la nivel global un sistem de norme cât mai largi posibile care oferă posibilitate organizării lumii, și disciplinării interacțiunii actorilor săi, pot introduce previzibilitate în comportamentul lor, și pot oferi posibilitatea celor care se angajează pe această cale, în special celor mai slabi, de a utiliza aceste norme ca un argument solid împotriva tuturor, inclusiv în fața forțelor celor mai puternice.

La începutul secolului XXI comunitatea internațională a ajuns la un punct de cotitură istoric, unde așa numitele state eșuate au devenit mai îngrijorătoare ca statele puternice, unde securitatea colectivă a devenit mai relevantă decât apărarea teritorială, unde drepturile umane au devenit la fel de importante ca drepturile statelor, unde instrumentele civile soft de intervenție au

devenit la fel de cruciale ca și instrumentele militare. Toate amenințările secolului XXI sunt în mod evident legate unele de altele. Astfel, conflictele regionale pot duce la state eșuate în cadrul cărora crima organizată înflorește. Mai departe crima organizată poate escalada în terorism, care la rândul lor se pot afla în posesia armelor de distrugere în masă. De aceea, analiza problemelor de securitate, legate atât de prevenirea conflictelor cât și de managementul crizelor postconflictuale, nu pot fi izolate de cadrul provenienței, care conturează în mod absolut dinamicele „jocului” de securitate.

Anexa 1.1

Diagrama studiilor de securitate

Sursa: Barry Buzan, Ole Wæver and Jaap de Wilde. Securitatea: un nou cadru de analiză. Tradusă de George Jigla. Cluj-Napoca: Editura CA Publishing, 2011, p. 29.

Bibliografie:

1. Antonescu Olimpiodor. Coordonate ale evoluției mondiale, între securitate și conflictualitate. În: Constantin Moștoflei (coord.). Politici și geostrategii în gestionarea conflictualității, Sesiunea Anuală de Comunicări Științifice cu participare internațională a Centrului de Studii Strategice de Apărare și Securitate, 20-21 Noiembrie 2008. București, Vol. 2: Raporturile dintre Conflictualitate și securitate. București: Editura Universității Naționale de Apărare „Carol I”, 2008, p. 42 - 52.
2. Bahgat, Gawdat. Europe`s energy security: challenges and opportunities. In: International Affairs. 2006, Vol. 82, No. 5, p. 961 - 975.
3. Bailliet M. Cecilia, (ed.). Introduction. In Security: A Multidisciplinary Normative Approach. Leiden Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009, p. 1 - 4.

⁸⁶ Javier Solana. *Op. cit.*, p. 11.

⁸⁷ Nicole Gnesotto, Giovanni Grevi. *The New Global Puzzle: What World for 2025?* Paris: European Institute for Security Studies, 2006, p. 194.

⁸⁸ Definită ca abilitatea de a-i determina pe alții să acționeze chiar și împotriva voinței proprii, prin intermediul amenințărilor sau recompenselor.

⁸⁹ Definită ca modalitatea de a obține ceea ce dorești prin atracție și nu prin coerciție.

⁹⁰ Cecilia M. Bailliet (ed.). *Op. cit.*, p. 11.

4. Baldwin A. David. Security Studies and the End of Cold War. In: World Politics. October 1995, Vol. 48, No. 1, p. 117 - 141.
5. Bellany Ian. Towards a Theory of International Security. In: Political Studies. 1981, Vol. 29, No. 1, p. 100 - 105.
6. Bilgin Pinar. Individual and Societal Dimensions of Security. In: International Studies Review. 2003, No. 5, p. 203 - 222.
7. Booth Ken. Security and Emancipation. In: Review of International Studies. 1991, Vol. 17, No. 3, p. 313 - 326.
8. Borcan Petru, Covatariu Cosmina. Managementul european al conflictelor internaționale-operațiuni militare ale Uniunii Europene. În: Constantin Moștoflei (coord.). Stabilitate și securitate regională, Sesiunea anuală de comunicări științifice cu participare internațională, 09-10 aprilie 2009. București, Secțiunea 1: Securitate și apărare. București: Editura Universității de Apărare „Carol I”, 2009, p. 163 - 164.
9. Briquet, Jean-Louis, Favarel-Garrigues, Gilles. Introduction: Violence, Crime and Political Power. In: Jean-Louis Briquet, Gilles Favarel-Garrigues (eds.). Organized Crime and States. The hidden Face of Politics. Translated by Roger Leverdier, Katharine Throssell, Cynthia Schoch, William Snow. US: Palgrave Macmillan, 2010, p. 2 - 15
10. Brundtland Gro Harlem. Global Insights. Global Health and International Security. In: Global Governance. 2003, No. 9, p. 417 - 423.
11. Bull Hedley. Societatea anarhică un studiu asupra ordinii în politica mondială. Traducere Margareta Petruț, Emilia Plăcintar. Chișinău: Editura Știința, 1998. 318 p.
12. Buzan Barry, Oæver Ole, Wilde de Jaap. Securitatea: un nou cadru de analiză. Tradusă de George Jigău. Cluj-Napoca: Editura CA Publishing, 2011. 306 p.
13. Buzan Barry. Peace, Power and Security: Contending Concepts in the Study of International Relations. In: Journal of Peace Research. 1984, Vol. 21, No. 2, p. 109 - 125.
14. Carr Fergus, Calan, Theresa. Managing Conflict in the New Europe. The Role of International Institutions. USA: Palgrave Macmillan, Gordonsville, VA, 2002. 240 p.
15. Ceyhan Ayse, Anastassia Tsoukala. The Securization of Migration in Western Societies: Ambivalent Discourses and Policies. In: Alternatives. 2002, Special Issue, Vol. 27, p. 21 - 39.
16. Conference on Security and Cooperation in Europe. Final Recommendations of the Helsinki Consultations, Helsinki, 1973. [On-line]: <http://www.osce.org/mc/40213>. (Vizitat la: 09.03.2012).
17. Dahl, Robert Alan. Democrația și criticii ei. Insitulul European. Seria Civitas. București, 2002. 544 p.
18. Dilemmas About Security Dilemmas. In: Security Studies. August 2011, Vol. 20, No. 3, p. 416 - 423.
19. Friesendorf Cornelius. Pathologies of Security Governance: Efforts Against Human Trafficking in Europe. In: Security Dialogue. September 2007, Vol 38, No. 3, p. 379- 402.
20. Galtung Johan. Violence, Peace, and Peace Research. In: Journal of Peace Research. September 1969, Vol. 6, No. 3, p. 167 - 192.
21. Glaser L. Charles. The Security Dilemma Revisited. In: World Politics. October 1997, Vol. 50, No. 1, p. 171 - 201.
22. Gnesotto Nicole, Grevi Giovanni. The New Global Puzzle: What World for 2025? In: European Institute for Security Studies. Paris, 2006. 250 p.
23. Guzzini Stefano. Realism și relații internaționale. Traducere Diana Istrătescu. Iași: Institutul European, 2009. 470 p.
24. Herz, H. John. Idealist Internationalism and the Security Dilemma. In: World Politics. January 1950, Vol. 2, No. 2, p. 157 - 180.
25. Hlihor Constantin. Geopolitica și geostrategia în analiza relațiilor internaționale contemporane. București: Editura Universității de Apărare „Carol I”, 2005. 329 p.
26. Howard Michel. Studies in War and Peace. London: Temple Smith, 1970. 262 p.
27. Jervis Robert. Cooperation under the Security Dilemma. In: World Politics. January 1978, Vol. 30, No. 2, p. 167 - 214.
28. Katzenstein Peter J. (ed.). The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics. New York: Columbia University Press, 1996. 560 p.
29. Kegley W. Charles Jr. The Neoidealist Moment in International Studies? Realist Myths and the New International Studies. International Studies Quarterly. June 1993, Vol. 37, No. 2, p. 131 - 146.
30. Kemp A. Walter. The Business of Ethnic Conflict. In: Security Dialogue. March 2004, Vol. 35, No. 1, p. 43 - 59.
31. Kittelsen Sonja. Conceptualizing Biorisk: Dread risk and the threat of Bioterrorism in Europe. In: Security Dialogue. February 2009, Vol. 40, No. 1, p. 51 - 71.
32. Mearsheimer J. John. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War. In: International Security. Summer 1990, Vol. 15, No. 1, p. 5 - 56.
33. Mitocaru Valentin. Securitatea în mediul global de lucru. În: Constantin Moștoflei (coord.). Perspective ale securității și apărării în Europa, Sesiunea Anuală de Comunicări științifice cu participare internațională, 19-20 Noiembrie 2009, București, Volumul 4. București: Editura Universității Naționale de Apărare „Carol I”, 2009, p. 34 - 42.
34. Møller Bjorn. Common security and non-offensive defence as guidelines for defence planning and arm control. In: The International Journal of Peace Studies. July 1996, Vol. 1, No. 2, p. 47 - 66.
35. Morgenthau, J. Hans. Politics among Nations: the Struggle for Power and Peace. Fourth edition. New York: Alfred A. Knopf, 1967. 615 p.
36. Mucchielli Laurent. Autumn 2005: A Review of the Most Important Riot in the history of French Contemporary Society. In: Journal of Ethnic and Migration Studies. 2009, Vol. 35, No. 5, p. 731 - 751.
37. Mureșan Liviu (coord.). Pop, Adrian, Bonciu, Florin. Politica europeană de securitate și apărare - element de influențare a acțiunilor României în domeniul politicii de securitate și apărare. În: Studii de impact (PAIS-II), Studiul nr. 4. București: Institutul European din România, 2004, p. 1 - 86.

38. Nye S. Joseph Jr., Lynn-Jones, M. Sean. *International Security Studies: A Report of a Conference on the State of the Field*. In: *International Security*. Spring 1988, Vol. 12, No. 4, p. 5 - 27.
39. Organization for Security and Cooperation in Europe, *Charter for European Security*, Istanbul, November 1999. [On-line]: <http://www.osce.org/mc/17502>. (Vizitat la: 08.03.2012).
40. Pahonțu Alin, Mihai Sorin. Aspecte privind conceptul de crimă organizată. În: Constantin Moștoflei (coord.). 2009, p. 65 - 74.
41. Rebeleş Teodor Dragoș Troanță. Războiul împotriva terorismului. Realitate, prezent și perspective. În: Constantin Moștoflei (coord.). 2009, p. 176 - 186.
42. Romm J. Joseph. *Defining national security: the non-military aspects*. Pew Projects on America's Task in a Changed World (Pew Project Series). Council on Foreign Relations Press. New York.
43. Sarcinschi Alexandra. *Dimensiunile nonmilitare ale securității*. București: Editura Universității Naționale de Apărare „Carol I” 2005. 42 p.
44. Shaw, Martin. *There Is No Such Thing as Society: Beyond Individualism and Statism in International Security Studies*. In: *Review of International Studies*. 1993, Vol. 19, No. 2, p. 159 – 175.
45. Solana Javier. *A Secure Europe in a Better World, The European Security Strategy*, European Council, 12 December 2003, Brussels. [On-line]: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>. (Vizitat la: 05.03.2012).
46. Steinbruner D. John. *Principles of Global Security*. USA: Brookings Institution Press Washington DC, 2000. 270 p.
47. Tănase Tiberiu, Porumbiță Ana-Maria. *Considerații privind transformările și adaptarea serviciilor de informații și securitate la noul mediu de securitate al secolului XXI*. 2009, p. 257 - 277.
48. *The Independent Commission on Disarmament and Security Issues, Common Security: a blueprint for survival*. Simon and Schuster. New York, 1982.
49. United Nations, *United Nations Conference on Environment & Development. Agenda 21, Rio de Janeiro, Brazil, 3 to 14 June 1992*. [On-line]: <http://www.un.org/esa/sustdev/documents/agenda21/english/Agenda21.pdf>. (Vizitat la: 05.03.2012).
50. Walt M. Stephen. *The Renaissance of Security Studies*. In: *International Studies Quarterly*. June 1991, Vol. 35, No. 2, p. 211 - 239.
51. Waltz N. Kenneth. *Theory of International Politics*. First Edition by McGraw Hill, 1979. Reprinted by Waveland, 2010. 251 p.
52. Weiner S. Allen. *The use of force and contemporary security threats: old medicine for new ills?* In: *Stanford Law Review*. 2006, Volume 59, Issue 2, p. 415 - 504.
53. Wolfers, Arnold. *National Security as a Ambiguous Symbol*. In: *Political Science Quarterly*. December 1952, Vol. 67, No. 4, p. 481 - 502.

Copyright© MĂTĂȘEL Alina, 2012.

ASPECTE INTRODUCTIVE ÎN TEORIA DEPENDENȚEI, INTERDEPENDENȚEI ȘI INTERDEPENDENȚEI COMPLEXE

Vladislav SPIRLICENCO*

ABSTRACT: INTRODUCTORY ASPECTS OF THE DEPENDENCY, INTERDEPENDENCE AND COMPLEX INTERDEPENDENCE THEORY

The main purpose of this article is to offer an introduction to the dependency, interdependence and complex interdependence theory. In order to realize this purpose, the article will take form of a synthesis of the most important studies from the theoretical sphere which is being analysed. Hence, in order to depict these theories, there will be used the most important studies from this sphere, being presented in summary the main ideas of the researchers promoting these theoretical streams in the framework of international relations theory. Among the authors whose studies will be analysed are Raul Prebisch, Hans Singer, Paul Baran, Robert Keohane and Joseph Nye.

Dependency theory represents a set of theories from political science, international relations based on the idea that the resources are flowing from the periphery or the poor countries to the centre, which is being defined as rich industrialized countries. This flow of resources in turn makes the rich countries more richer from this asymmetric relationship and all the benefits they are extracting from the poor countries, while the poor countries tend to get poorer out of this relationship. Subsequently there are examined both premises and aspects which favour and bring states into an enslaving dependency relationship.

Keywords: *dependency, interdependence, complex interdependence theory*

РЕЗЮМЕ: ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ЗАВИСИМОСТИ, ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ И КОМПЛЕКСНОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

Основная цель данной статьи - введение в теорию зависимости, взаимозависимости и комплексной взаимозависимости. В связи с этим статья имеет форму синтеза и отражает наиболее важные теоретические наработки исследования, которые нам предстоит проанализировать. Следовательно, для описания этих теорий будут использованы наиболее важные исследования, проведенные в данной области. Более того, в статье акцентировано внимание на освещении основных идей исследователей, принадлежащих разным школам теории международных отношений. Среди них, работы таких авторов, как: Рауль Пребиш, Ханс Зингер, Пол Баран, Роберт Кёхэйн и Джозеф Най.

Теория зависимости является своего рода симбиозом ряда теоретических направлений, разработанных в политологии, теории международных отношений, т.е. тех отраслей научного исследования, которые основываются на идее циркуляции ресурсов из провинции или бедных стран в центр сосредоточения наиболее богатых и промышленно развитых стран. Этот поток ресурсов, нужно отметить, позволяет богатым странам становиться еще более богаче. Это и есть результат существующей асимметрии отношений. Выгоды, получаемые за счет бедных стран, подтверждают факт уязвимости последних в существующей системе выстраиваемых отношений. В дальнейшем

* **SPIRLICENCO Vladislav** - Doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept, Academia de Științe a Moldovei. (Chișinău, Republica Moldova); **SPIRLICENCO Vladislav** - PhD student, Institute of History, State and Law, Academy of Sciences of Moldova. (Kishinev, The Republic of Moldova); **СПИРЛИЧЕНКО Владислав** - Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы. (Кишинев, Республика Молдова).

рассматриваются предпосылки и аспекты, которые способствуют усилению взаимозависимости между государствами.

Ключевые слова: *зависимость, взаимозависимость, теория комплексной взаимозависимости.*
Cuvinte cheie: *dependență, interdependența, teoria interdependenței complexe.*

Acest articol va face o scurtă introducere în teoria dependenței, interdependenței și interdependenței complexe. Aceste teorii au evoluat treptat, completându-se reciproc. Vom începe studiul cu prezentarea teoriei dependenței, fiind prima care a apărut comparativ cu celelalte.

Teoria dependenței reprezintă un set de teorii a științei politice în cadrul relațiilor internaționale bazate pe ideea că resursele circulă de la „periferia” – statelor sărace și sub-dezvoltate spre „centrul” – statelor bogate, îmbogățind pe cei din urmă din contul celor dintâi. Este o afirmație centrală a teoriei dependenței potrivit căreia statele sărace sunt sărăcite iar statele bogate sunt îmbogățite din cauza modului cum statele sărace sunt integrate în „sistemul mondial”¹. De asemenea, teoria dependenței indică faptul că sărăcia statelor din periferie nu este din cauza că acestea nu sunt integrate în sistemul mondial, sau nu sunt „deplin” integrate după cum susțin economiștii pieței libere, dar din cauza cum acestea sunt integrate în sistem².

Teoria a apărut în jurul anilor 1950 ca un răspuns critic la teoriile premergătoare cu privire la dezvoltare, care susțin că toate societățile avansează trecând prin etape similare de dezvoltare, astfel zonele din prezent care sunt sub-dezvoltate sunt într-o situație similară la un moment dat din trecut a zonelor care sunt în prezent dezvoltate. Deci sarcina este de a ajuta zonele date de a ieși din sărăcie prin accelerarea acestora în cadrul calei comune de dezvoltare, prin diferite mijloace precum investiții, transferuri de tehnologii și integrarea mai strânsă pe piața mondială. Aceste teorii au devenit tot mai mult defavorizate din cauza sărăciei mult răspândite în majoritatea părților lumii. Teoria dependenței a respins această opinie, susținând faptul că statele sub-dezvoltate nu sunt doar o versiune primitivă a

țărilor dezvoltate, ci posedă caracteristici și structuri unice proprii; și, important este faptul că acestea sunt membrii mai slabi a economiei mondiale, și în același timp națiunile dezvoltate nu au fost niciodată în poziții similare; niciodată nu trebuiau să existe în paralel cu blocurile de țări mai puternice decât acestea. Teoreticienii dependenței susțin, în opoziție cu economiștii pieței libere, faptul că statele sub-dezvoltate ar trebui să reducă legătura cu piața mondială pentru a-și urma o cale în conformitate cu necesitățile proprii și mai puțin dictată de presiunile externe³.

Raul Prebisch și colegii săi au fost îngrijorați pentru faptul că creșterea economică în țările dezvoltate nu întotdeauna conduce la o dezvoltare economică în țările mai sărace. Într-adevăr studiile lui au arătat că activitățile economice din țările bogate deseori aduceau probleme economice serioase în țările sărace. Aceste posibilități nu au fost prezise de teoria economică neoclasică, care anunță faptul că dezvoltarea economică este benefică pentru toți (optimumul lui Pareto)⁴.

Premisele teoriei dependenței sunt:

- Națiunile sărace oferă națiunilor dezvoltate resurse naturale, munca ieftină, o destinație pentru tehnologiile învechite și piețe de desfacere, fără de care cele din urmă nu ar putea avea nivelul de trai de care se bucură.

- Națiunile bogate în mod activ mențin starea de dependență prin diferite modalități. Această influență poate fi multiplă, implicând economia, controlul media, politica, băncile și finanțele, educația, cultura, sportul și toate aspectele dezvoltării resurselor umane (inclusiv angajarea și instruirea lucrătorilor).

- Națiunile bogate activ combat încercările națiunilor dependente de a opune rezistența

¹ Samir A. Ending the Crisis of Capitalism or Ending Capitalism? [On-line]: <http://www.amazon.com/Ending-Crisis-Capitalism/dp/190638780X>. (Vizitat la: 02.01.2012).

² Dependency theory. [On-line]: <http://www.newinfluencer.com/mediapedia/dependency-theory/>. (Vizitat la: 02.01.2012).

³ Newschool, Economic Development. [On-line]: <http://homepage.newschool.edu/~het/schools/develop.htm>. (Vizitat la: 02.01.2012).

⁴ Ferraro V. Dependency Theory: An Introduction. In: The Development Economics Reader. Ed. by Giorgio Secondi. London: Routledge, 2008, p. 58.

influențelor acestora prin intermediul sancțiunilor economice și/sau utilizarea forței militare⁵.

Explicația inițială a acestui fenomen oferită de către Prebisch a fost una simplă și directă: țările sărace exportă în preponderent resurse naturale țărilor bogate care la rândul său le prelucrează și fabrică bunuri din acestea și le vând înapoi țărilor sărace. Valoarea adăugată care apare la fabricarea unui bun întotdeauna costă mai scump decât bunul primar folosit pentru crearea acestui bun. Astfel, țările sărace niciodată nu vor câștiga din exporturile sale, nefiind capabili să-și răscumpere importurile⁶.

„Influxul de capital de la țările dezvoltate este o condiție importantă pentru crearea unei dependențe economice. Acest influx poate avea diferite forme: credite acordate în condiții oneroase; investiții care plasează o țară anumită în puterea investitorului; aproape o subordonare tehnologică totală a țării dependente față de țara dezvoltată; controlul comerțului exterior a țării de către monopolurile internaționale mari; și în cazuri extreme, utilizarea forței ca o putere economică în sprijinul altor forme de exploatare”⁷.

Istoricul

Teoria dependenței își are originea în publicația a două lucrări în 1949 – una de Hans Singer, și alta de Raúl Prebisch – în care autorii au observat că condițiile comerțului pentru țările sub-dezvoltate în raport cu țările dezvoltate s-au agravat pe parcursul timpului: țările sub-dezvoltate puteau procura tot mai puține bunuri fabricate din țările dezvoltate în schimbul unei cantități anumite din exporturile resurselor materiale proprii. Această idee este cunoscută sub denumirea de teza lui Singer-Prebisch⁸. Prebisch, un economist argentinian din Comisia Națiunilor Unite pentru America Latină (UNCLA), continuă argumentarea prin concluzia că națiunile sub-dezvoltate ar trebui să aplice un grad anumit de protecționism în comerț dacă doresc să continue

calea independentă și durabilă de dezvoltare. El susține că industrializarea prin substituirea importurilor, și nu o orientare pe comerț-și-export, ar fi cea mai bună strategie pentru țările sub-dezvoltate⁹. Teoria a fost dezvoltată de către Paul A. Baran în 1957 din perspectiva marxistă prin publicarea propriei cărți *Economia Politică de Dezvoltare*¹⁰. Teoria dependenței are multe puncte asemănătoare cu teoriile precedente marxiste de imperialism ale lui Rosa Luxemburg și V.I. Lenin și a avut un interes sporit din partea marxistilor¹¹. Matias Vernengo, economistul din Universitatea din Utah, identifică două direcții importante în teoria dependenței: Structuraliștii din America Latină, caracterizată de munca lui Prebisch, Celso Furtado și Anibal Pinto de la Comisia Economică pentru America Latină a Națiunilor Unite (ECLAC, sau în spaniolă CEPAL); precum și marxistii americani, cercetări realizate de Paul A. Baran, Paul Sweezy și Andre Gunder Frank și ramificările importante în cercetare reprezentate de Theotônio Dos Santos, Marini, Anibal Quijano, și Bambirra.¹²

Alți doi care au fost unii dintre primii scriitori relevanți teoriei dependenței au fost François Perroux și Kurt Rothschild. Alți teoreticieni de vază din domeniul dependenței includ Herb Addo, Walden Bello, Fernando Henrique Cardoso, Enzo Faletto, Armando Cordova, Ernest Feder, Andre Gunder Frank, Walter Rodney, Pablo González Casanova, Keith Griffin, Kunibert Raffer, Paul Israel Singer și Osvaldo Sunkel. Mulți din acești autori și-au concentrat atenția pe America Latină; teoreticienii importanți în domeniul dependenței din lumea islamică este economistul egiptean Samir Amin¹³.

Foarte mulți teoreticieni a teoriei dependenței pledează pentru revoluția socială ca un mijloc efectiv de reducere a diferențelor economice în sistemul mondial ce ar permite ruperea cercului

⁵ Dependency theory. [On-line]: <http://www.newinfluencer.com/mediapedia/dependency-theory/>. (Vizitat la: 02.01.2012).

⁶ Ferraro V. *Op. cit.*, p. 58.

⁷ Che Guevara, Dezvoltarea (Discurs). Sesiunea Plenară a Națiunilor Unite, Conferința privind Comerț și Dezvoltarea, Geneva, Elveția, 25 martie, 1964. [On-line]: <http://www.marxists.org/archive/guevara/1964/03/25.htm>. (Vizitat la: 03.01.2012).

⁸ Dependency theory. *Op. cit.*

⁹ Newschool, Biografia lui R. Prebisch. [On-line]: <http://homepage.newschool.edu/~het/profiles/prebisch.htm>. (Vizitat la: 02.01.2012).

¹⁰ Vernengo M. Technology, Finance and Dependency: Latin American Radical Political Economy in Retrospect. In: Review of Radical Political Economics. 2006, Vol. 38, No. 4, p. 554.

¹¹ Dependency theory. *Op. cit.*

¹² Vernengo M. *Op. cit.*, p. 552.

¹³ Deji O. Gender and Rural Development. LIT Verlag: Münster, 2012, p. 25.

dependenței și ar permite dezvoltarea adevărată a periferiei¹⁴. Ca o soluție alternativă, Prebisch a propus ca țările sărace să adopte politici de substituție a importurilor pentru a evita necesitatea de a cumpăra produse gata din țările bogate (care posedă deja valoarea adăugată fiind mai scumpe decât resursele naturale exportate din țările sărace care au fost folosite pentru producerea acestor bunuri). Țările sărace vor continua să-și vândă resursele naturale pe piața globală, însă banii lor nu vor fi antrenați în procurarea bunurilor produse din străinătate. Trei aspecte problematice împiedică utilizarea acestei politici. În primul rând, piețele interne a țărilor sărace nu sunt atât de mari pentru a aplica principiul economiei de scară utilizată de țările bogate ce le permite menținerea prețurilor joase. Al doilea aspect ține de dorința politică a țărilor sărace, și anume dacă aceste țări doresc să facă această schimbare din exportatori de bunuri primare (resurse naturale) în producători de bunuri secundare, dacă este posibil și dacă aceștia doresc acest lucru. Ultimul aspect ține de gradul de control a produselor sale primare, în mod particular în domeniul vinderii acestor produse în străinătate. Aceste obstacole la politica substituției importurilor au cauzat ca unele din aceste țări să se gândească mai creativ și să analizeze relațiile între țările bogate și sărace¹⁵.

Națiunile sărace sunt în dezavantaj în cadrul interacțiunilor pe piață cu națiunile bogate. Sunt câteva aspecte în acest sens. Unul dintre care este că proporția înaltă de activități economice ale națiunilor în curs de dezvoltare constau în exporturi și importuri din națiunile dezvoltate – în multe cazuri cu doar una sau câteva națiuni dezvoltate. Ca diferență, doar o mică proporție de activități economice ale națiunilor dezvoltate constau din comerț cu națiunile în curs de dezvoltare; comerțul unei națiuni dezvoltate constă din comerț intern și comerț cu alte națiuni dezvoltate. Această asimetrie plasează o națiune săracă într-o poziție slabă față de națiunea dezvoltată. Sunt de asemenea și aspecte istorice: aproape toate națiunile sărace sunt fostele colonii ale națiunilor dezvoltate; economiile acestora au fost formate pentru a servi națiunile dezvoltate

într-o capacitate dublă: ca o sursă de materie primă ieftină și ca piețe de desfacere extrem de populate și absorbție a produselor fabricate de către națiunile dezvoltate¹⁶.

Dezbaterile pe marginea teoriei dependenței între reformatorii liberali (Prebisch), marxiști (Andre Gunder Frank), și teoreticienii sistemii mondiale (Wallerstein) au fost intelectual intense fiind expuse foarte multe comentarii și idei din partea fiecărui grup. Până în prezent sunt puncte de dezacord între diverse curente în teoria dependenței și ar fi o greșeală dacă am considera că există o teorie unificată a dependenței¹⁷. Conform cercetătorului Vernengo, structuralismul latino-american și școala americană marxistă diferă semnificativ dar sunt de acord în privința unor puncte de bază. Ambele grupe sunt de acord că în centrul relației de dependență între centrul și periferie există inabilitatea periferiei de a-și dezvolta un proces autonom și dinamic de inovare tehnologică. Tehnologia – forța prometeică dezlănțuită de Revoluția Industrială – este în centrul atenției. Țările din centru controlează tehnologia și sistemele de generare a tehnologiei. Capitalul străin nu a putut rezolva această problemă deoarece a dus doar la transferuri limitate de tehnologii, însă nu însuși procesul de inovare¹⁸.

Teoria dependenței a fost privită ca fiind o teorie care putea să explice sărăcia persistentă a țărilor în curs de dezvoltare. Abordarea economică neoclasică nu a putut spune nimic la această întrebare decât faptul că țările sărace au întârziat în adoptarea practicilor economice sustenabile, și o dată ce vor învăța aceste tehnici a economiei moderne, sărăcia va începe să diminueze. Însă, marxiștii considerau că sărăcia persistentă era o consecință a exploatarei capitaliste. Un nou grup de teorii denumit sistemul mondială, au expus opinia că sărăcia din aceste țări a fost o consecință directă a evoluției economiei politice internaționale într-o diviziune a muncii rigide care favorizează bogății și penalizează săracii¹⁹.

În discuțiile cu privire la caracteristicile cheie ale dependenței, Baran și alții de multe ori descriu

¹⁴ Vernengo M. *Op. cit.*, p. 555.

¹⁵ Ferraro V. *Op. cit.*, p. 58.

¹⁶ Dependency theory. *Op. cit.*

¹⁷ Ferraro V. *Op. cit.*, p. 59.

¹⁸ Vernengo M. *Op. cit.*, p. 552 - 553.

¹⁹ Ferraro V. *Op. cit.*, p. 58.

divizarea internațională a muncii prin următoarea caracteristică – lucrători calificați în centru, necalificați la periferie²⁰. În cadrul studiilor întreprinse de Baran a fost pus un deosebit accent pe analiza valorificării surplusului creat în urma activităților de producere precum și aspectelor referitor la acumularea capitalului. Surplusul fiind definit ca diferența între profitul total și suma necesară pentru consum. Dezvoltarea depinde de faptul producerii de către societate a mai mult decât ea are nevoie pentru existența de bază (sau surplus). În continuare, o parte din acest surplus ar trebui să fie utilizat pentru acumularea capitalului – achiziționarea noilor mijloace de producere – pentru a porni procesul de dezvoltare. Un surplus mai mare permite o acumulare mai extinsă de capital și o rată mai mare de creștere și dezvoltare economică. Conform acestui cercetător, anume modalitatea utilizării surplusului dat diferențiază regiunile dezvoltate între acele subdezvoltate. Iar cheltuirea acestui surplus pe consumul obiectelor de lux nu produce o dezvoltare. Baran a observat două activități economice predominante în țările sărace. Cea mai veche din acestea două – agricultura, care își ia originea din timpurile coloniale, majoritatea surplusului creat ajungea la moșieri, care îl foloseau pentru a simula obiceiurile de consum a oamenilor bogați din lumea dezvoltată; majoritatea acestuia se cheltuia la achiziționarea produselor străine de lux – automobile, haine, etc. – și foarte puțin se acumula pentru investiții în dezvoltare. Astfel, consumul necontrolat și negândit a fost cauza stagnării periferiei. Diviziunea internațională a muncii a promovat de asemenea sistemul de plantații orientat pe export în majoritatea țărilor în curs de dezvoltare, și a consolidat necesitatea importului produselor de lux, fiind baza relațiilor de dependență. O altă activitate mai recentă din periferie este industria. În majoritatea cazurilor activitatea industrială este realizată de către străini deși câteodată sunt luate în considerație interesele locale. Deseori aceasta este sub protecția unor tarife speciale sau alte concesiuni guvernamentale. Capitalul străin controlează piețele autohtone, cauzând ca periferia să între în etapa monopolistă a dezvoltării capitaliste. Surplusul acumulat din capitalul monopolist, nu este reinvestit în

activitățile de producere din țara gazdă. Surplusul din această producere în majoritatea cazurilor este divizat: o parte este trimisă la acționarii străini ca profit; o altă parte este cheltuită pe consumul negândit similar aristocrației din plantații. Iarși foarte puțin este utilizat pentru dezvoltare. Baran crede că este necesară o revoluție politică pentru a înceta acest model de relații²¹.

Teoreticienii dependenței consideră că țările afectate în relațiile de dependență ar trebui să-și articuleze interesul economic „național”. Din această perspectivă considerentele teoriei sunt asemănătoare cu realismul politic. Ce diferențiază ideile teoriei dependenței este faptul că interesul național ar putea fi satisfăcut doar dacă sunt luate în considerație necesitățile clasei sărace din societate, și nu o satisfacere a intereselor corporative sau guvernamentale. Determinarea aspectului ce este bine pentru săraci este o problemă dificilă pe termen lung. De asemenea, teoreticienii dependenței nu au prezentat o definiție clară și operațională a interesului economic național²².

În anii 1960, membrii școlii structuraliste din America Latină au susținut că există mai multă libertate în acest sistem decât credeau marxiștii. Prin urmare este susținut faptul că aceasta permite o dezvoltare parțială sau „dezvoltare dependentă” - o dezvoltare însă sub un control din exterior de către factorii de luare a deciziilor. Ei au menționat ca dovadă încercările parțial reușite de industrializare în America Latină în acele timpuri (Argentina, Brazilia, Mexico). Ei au ajuns la părerea că dependența nu este o relație între exportatorii de bunuri și țările industrializate, ci dintre țările cu niveluri diferite de industrializare. În abordarea acestora există o distincție între sfera economică și politică: economic, cineva ar putea fi dezvoltat sau sub-dezvoltat; dar chiar dacă (cineva) este dezvoltat economic, de asemenea ar putea fi politic autonom sau dependent. Mai recent, Guillermo O'Donnell a susținut faptul că restricțiile impuse de către neoliberaliști au fost eliminate de către „loviturile de stat militare în America Latină care au fost realizate pentru a promova dezvoltarea în mască autoritară”²³.

²¹ Vernengo M. *Op. cit.*, p. 554 - 555.

²² Ferraro V. *Op. cit.*, p. 62.

²³ G. O'Donnell. *El Estado Burocrático Autoritario: Triunfos, Derrotas y Crisis*, Buenos Aires. Universidad de

²⁰ Dependency theory. *Op. cit.*

Țările dependente nu sunt în spatele marilor puteri sau în proces de ajustare la nivelurile țărilor bogate din lume. Nu sunt sărace din cauza că nu au fost de față a transformărilor științei din epoca Renașterii unde s-au format valorile statelor europene. Sunt sărace deoarece au fost integrate cu forța în sistemul economic European ca fiind doar producători de resurse naturale sau să servească ca sursă de muncă ieftină, și i-au fost interzise oportunitățile de a-și promova resursele proprii în modul în care ar putea fi competitori țărilor dominante²⁴.

Din punct de vedere financiar a fost enunțat un alt aspect al teoriei dependenței. Astfel, Vernengo a sugerat că, sine-qua-non-ul relației dependenței nu este diferența între sofisticarea tehnologică, după cum consideră teoreticienii tradiționali ai dependenței, ci diferența între puterea financiară între țările din centru și periferie - în mod particular imposibilitatea țărilor din periferie de a-și împrumuta propriile valute. El consideră că poziția de hegemon a Statelor Unite este foarte puternică din cauza importanței propriilor pieți financiare și deoarece controlează valuta din rezerva internațională și anume dolarul SUA. El consideră că poziția Statelor Unite a fost consolidată considerabil în urma colapsului acordurilor financiare internaționale de la Bretton Woods la începutul anilor 1970, deoarece au fost eliminate o serie de constrângeri asupra politicilor lor financiare²⁵.

Teoreticienii dependenței susțin că în periferie impulsurile de dezvoltare pe termen scurt, chiar și dezvoltarea pe termen lung va fi una dezechilibrată și inegală, și va tinde spre solduri negative ale conturilor curente. Fluctuațiile ciclice de asemenea au un efect profund dacă comparăm dezvoltarea economică și socială pe termen mediu și lung la nivel internațional. Ce părea la un moment a fi spectaculos în perspectiva dezvoltării pe termen lung, în final ar putea fi doar ca un impuls ciclic cu efect pe termen scurt după o lungă recesie. Timpul ciclic joacă un rol important. Giovanni Arrighi susține că logica acumulării la scara mondială se schimbă cu

timpul, și pe parcursul anilor 1980, iar în viitor iarăși vom observa o etapă nereglementată a capitalismului mondial, caracterizată – în contrast cu ciclurile regulatorii precedente – de o dominanță a capitalului financiar²⁶.

Majoritatea teoreticienilor dependenței consideră capitalismul ca fiind forța motrice ce a cauzat relațiile de dependență. Andre Gunder Frank, unul din primii teoreticieni a dependenței consideră că „...istoria demonstrează că subdezvoltarea contemporană este produsul istoric al trecutului și a prezentului relațiilor economice continue și a altor relații între statele satelitare subdezvoltate și a țărilor dezvoltate. Mai mult ca atât, aceste relații sunt o parte esențială a sistemului capitalist la scara mondială²⁷”.

Arno Tausch, în baza lucrărilor lui Samir Amin din 1973–1997, enumeră următoarele caracteristici principale ale capitalismului din periferie:

1. Un regres atât în agricultură cât și în industria de scară mică va caracteriza perioada după atacul dominației și colonialismului străin.

2. Specializarea internațională inegală a periferiei va conduce la un export orientat preponderent pe agricultură și/sau minerit. O careva industrializare a periferiei este posibilă cu condiția păstrării salariilor mici, care, împreună cu productivitatea în creștere vor determina stabilirea schimbului inegal.

3. Aceste condiții determină pe termen lung creșterea rapidă a sectorului terț, șomaj ascuns și importanța crescândă a arendeii în sectorul general economic și social.

4. Deficite cronice a soldului contului curent, profituri reexportate a investițiilor străine, și afaceri deficiente în periferie, care oferă pieți importante pentru centru în timpul dezvoltării economiei mondiale.

5. Dezechilibre structurale în relațiile politice și sociale, existența elementului pronunțat de 'comprador' și o importanță crescândă a capitalismului și a clasei de stat îndatorate²⁸.

Teoria „standard” cu privire la dependență se diferă de marxism, prin considerentele existente

Belgrano. In: Dependency theory. [On-line]: http://www.nethelper.com/article/Dependency_theory.

(Vizitat la: 03.01.2012).

²⁴ Ferraro V. *Op. cit.*, p. 62.

²⁵ Vernengo M. *Op. cit.*, p. 563.

²⁶ Deji O. *Op. cit.*, p. 25 - 26.

²⁷ Cockcroft D., Frank A. *Dependence and Underdevelopment*. Garden City. New York: Anchor Books, 1972, p. 3.

²⁸ Ibidem.

împotriva internaționalismului și a revoluției liberalizatoare. Theotonio dos Santos a descris o „nouă dependență”, care se axează pe atât relații interne și externe ale țărilor mai puțin dezvoltate din periferie, care a fost derivată dintr-o analiză marxistă. Fostul Președinte al Braziliei Fernando Henrique Cardoso a scris foarte mult cu privire la teoria dependenței aflându-se în exil politic, susținând că aceasta a fost o abordare necesară în cadrul studiului diferențelor economice între centru și periferie. Sociologul american Immanuel Wallerstein a perfectat aspectul marxist a teoriei și a denumit pe aceasta ca „sistema mondială.” De asemenea aceasta a fost asociată cu Teoria Structuralistă a Imperialismului înaintată de Galtung²⁹.

Tausch identifică începuturile teoriei sistemelor Mondiale fiind în lucrările socialistului austro-ungar Karl Polanyi după Primul Război Mondial. În forma prezentă este deseori asociată cu lucrările lui Immanuel Wallerstein. Încă de la momentul când sistemul mondial capitalist a evoluat, a existat o distincție clară între națiunile din centru și națiunile din periferie³⁰.

De asemenea există o clară distincție între teoria dependenței și imperialism. Teoria marxistă a imperialismului explică expansiunea statelor dominante, pe când teoria dependenței explică subdezvoltarea. Sau, teoriile marxiste explică cauza de ce imperialismul are loc, pe când teoria dependenței explică consecințele imperialismului. Diferența este una semnificativă. În multe cazuri, pentru marxiști imperialismul face parte din procesul prin intermediul căruia lumea se transformă și accelerează revoluția comunistă³¹.

Mai târziu, teoria sistemelor mondiale s-a extins prin utilizarea argumentelor cu privire la dependența. Conform acestei teorii, există o a treia categorie de țări, semi-periferie, care sunt intermediare între centru și periferie. Semi-periferia este industrializată, însă cu o mai puțină sofisticare a tehnologiei în comparație cu centrul; și nu controlează piețele financiare. Capitalismul din periferie, ca și în centru, este caracterizat de fluctuații ciclice puternice. Dezvoltarea unui grup de țări din semi-periferie se întâmplă din contul unui alt grup, însă structura inegală a economiei

mondiale bazată pe un schimb inegal nu se schimbă³².

Teoreticienii dependenței susțin că succesul țărilor industriale nu poate servi ca model țărilor în curs de dezvoltare. La începutul studiilor în domeniul dezvoltării exista opinia precum că țările în curs de dezvoltare ar trebui să urmeze calea țărilor dezvoltate pentru a atinge aceleași succese. Într-adevăr, în anii 1950 și 1960 era un consens paradigmatic, strategiile dezvoltării fiind aplicabile universal, acest consens a fost expus foarte bine în cadrul cărții Etapele Creșterii Economice de către Walt Rostow (*The Stages of Economic Growth*). Teoria dependenței sugerează că succesul țărilor bogate a fost un episod accidental și specific din istorie, în care erau prezente relațiile dominante exploatoare a puterilor europene. O repetare a acestor aspecte și relații nu este posibilă pentru țările sărace³³.

Fostul Președinte al Braziliei Fernando Henrique Cardoso, fiind cercetător al științelor socio-umane, a rezumat teoria dependenței după cum urmează:

- Centrele capitaliste dezvoltate se infiltrează financiar și tehnologic în țările periferiei și semi-periferiei;
- Acest fapt produce o structură economică dezechilibrată atât în cadrul societăților din periferie precum și dintre acestea și centrul dezvoltat;
- Ceea ce conduce la împiedicarea dezvoltării independente și durabile în periferie;
- Acest fapt favorizează apariția unor forme specifice de relații între clase;
- Prin urmare fiind necesară realizarea unor modificări în rolul statelor în garantarea atât funcționării economiei precum și articularea politică a societății, care conține, în sine, focare dezarticulate și un dezechilibru structural³⁴.

Sunt o mulțime de idei importante a teoreticienilor dependenței, unele au fost rezumate de Cardoso, mai jos propun rezumatul

²⁹ Dependency theory. *Op. cit.*

³⁰ Deji O. *Op. cit.*, p. 28.

³¹ Ferraro V. *Op. cit.*, p. 61.

³² Dependency theory. *Op. cit.*

³³ Ferraro V. *Op. cit.*, p. 63.

³⁴ Tausch A. Social Cohesion. Sustainable Development and Turkey's Accession to the European Union: Implications from a Global Model. [On-line]: <http://www.alternativesjournal.net/volume2/number1/tausch.htm>. (Vizitat la: 04.01.2012).

²⁹ Dependency theory. *Op. cit.*

³⁰ Deji O. *Op. cit.*, p. 28.

³¹ Ferraro V. *Op. cit.*, p. 61.

unor noi idei, care nu au fost elucidate anterior, a teoriei dependenței oferit de Vincent Ferraro.

Potrivit lui, subdezvoltarea este o condiție fundamental diferită de nedezvoltare. Ultimul se referă la condiția când resursele pur și simplu nu sunt utilizate. Spre exemplu, coloniștii europeni percepeau continentul America de Nord ca fiind o arie nedezvoltată: pământul nu era cultivat și utilizat în deplină măsură conform potențialului său. Subdezvoltarea se referă la o situație în care resursele sunt folosite active, însă sunt folosite în așa mod care este benefic țărilor dominante și nu țărilor sărace unde sunt aflate aceste resurse.

Teoria dependenței sugerează că utilizarea alternativă a resurselor este preferabilă modalităților de utilizare a resurselor impuse de țările dominante. Nu există vreo definiție care ar spune ce reprezintă modalitățile preferabile, însă sunt careva criterii ce ne pot indica acestea. Spre exemplu, o practică care este foarte mult criticată și este utilizată de către țările dominante este agricultura exportatoare. Critica acestei practici rezidă în faptul că multe țări sărace au o rată înaltă de malnutriție chiar dacă produc volume enorme de alimente spre export. Foarte mulți teoreticieni ai dependenței ar spune că aceste pământuri ar trebui să fie folosite pentru producerea domestică de alimente pentru a reduce ratele înalte de malnutriție³⁵.

La această etapă, rolul schimbului inegal în toată relația de dependență nu poate fi subestimat. Schimbul inegal există, dacă indicele factorial al raportului de schimb a unei țări anumite este < 1.0. Forța de muncă în sectoarele exportatoare a periferiei este exploatată, pe când structurile monopoliste a comerțului internațional permit centrelor să profite de prețurile înalte a propriilor exporturi pe piețele mondiale în comparație cu productivitatea proprie a muncii³⁶.

Dislocarea resurselor pe parcursul istoriei este menținută nu numai prin intermediul țărilor dominante, dar și prin intermediul puterii elitei din țările dependente (ar trebui de menționat faptul că relațiile de dependență au început să

existe din timpurile expansiunii europene care a început în secolul XV). Teoreticienii dependenței consideră că aceste elite mențin o relație de dependență, deoarece interesele lor private coincid cu interesele statelor dominante. Elita este educată în statele dominante având prin urmare aceleași valori și aceeași cultură ca și elita din statele dominate. Deci, în sensul real, o relație de dependență este una voluntară. De asemenea, nu ar trebui de spus ferm că elita din țările dependente trădează în mod conștient interesele săracilor, această elită sincer crede că cheia dezvoltării economice este în postulatele doctrinei economiei liberale pe care încearcă să urmeze³⁷.

Implicații

Pentru a atenua efectele dependenței, țările în curs de dezvoltare pe parcursul istoriei au adoptat următoarelor practici protecționiste/naționaliste într-o anumită perioadă sau alta.

- Promovarea industriei și a bunurilor naționale. Prin impunerea de subsidii pentru protejarea industriilor autohtone, țările sărace ar putea vinde produse proprii pe lângă exportul materiilor prime.

- Restricții pe import. Limitarea importurilor a produselor de lux și a produselor care ar putea fi fabricate în cadrul țării, astfel țara ar putea să reducă din pierderea de capital și resurse.

- Interzicerea investițiilor străine. Guvernele au întreprins astfel de măsuri pentru a împiedica companiile și persoanele străine de a avea în proprietate sau de a gestiona proprietăți care implică resursele țării.

- Naționalizarea. Careva guverne au luat cu forța companiile străine în numele statului, pentru a menține profiturile în țară³⁸.

În multe cazuri aceste politici au eșuat, deoarece era imposibil de supraviețuit pentru o țară care urma o autarhie. Astfel de la o independență totală de la interacțiunile cu restul lumii ar trebui să fie adoptate politici care ar permite interacțiuni controlate cu economia globală: astfel țările sărace ar trebui să întreprindă interacțiuni care ar permite o îmbunătățire a

³⁵ Ferraro V. *Op. cit.*, p. 62.

³⁶ Tausch A. Social Cohesion, Sustainable Development and Turkey's Accession to the European Union: Implications from a Global Model. [On-line]: <http://www.alternativesjournal.net/volume2/number1/tausch.htm>. (Vizitat la: 04.01.2012).

³⁷ Ferraro V. *Op. cit.*, p. 62.

³⁸ Deji O. *Op. cit.*, p. 26.

tuturor condițiilor atât sociale, economice cât și politice³⁹.

Mai târziu, cercetările în cadrul teoriei relațiilor internaționale s-au dezvoltat în direcția analizării aspectelor interdependenței.

Interdependența

Reprezintă cazul sau starea unei relații între două părți unde costul ruperii acestor relații sau reducerii schimburilor acestora sunt aproximativ egale pentru fiecare dintre părți. În studiul relațiilor internaționale, interdependența între state are două dimensiuni: *senzitivitate* și *vulnerabilitate*. Senzitivitatea se referă la gradul la care statele sunt sensibile la schimbări care au loc într-un alt stat. O modalitate de a măsura aceasta este examinarea faptului dacă schimbările dintr-o arie anumită (de exemplu, rata inflației sau șomajului) variază în același mod în cadrul hotarelor teritoriale. Vulnerabilitatea se referă la distribuția costurilor care apar în cazul când statele reacționează la astfel de schimbări. Astfel, două state ar putea fi în mod egal sensibile la majorarea prețurilor la petrol însă nu ar putea fi tot atât de vulnerabile. Unuia din aceste state i-ar fi mai ușor decât celuilalt să treacă la utilizarea resurselor alternative de energie, astfel reducându-și **dependența** de petrol⁴⁰.

Putem vorbi despre senzitivitatea statului A față de statul B atunci când în statul B au loc schimbări de decizii sau procese care afectează statul A. Senzitivitatea lui A în acest caz este indicată de rapiditatea cu care statul A realizează propria ajustare ca reacție la consecințele schimbărilor din B asupra sa. Senzitivitatea se evaluează prin prisma eficienței economice a ajustării, în sensul de a stabili cât de repede și de avantajos/eficient se realizează ajustarea politicilor lui A la consecințele schimbărilor din statul B. Vulnerabilitatea statului A față de statul B presupune o dimensiune temporală în plus, ea judecându-se în timp, nu într-un singur caz. Statul A este vulnerabil față de statul B dacă rămâne profund afectat chiar și după ce și-a ajustat propriile politici la consecințele schimbărilor din statul B. În relațiile de vulnerabilitate, costurile consecințelor schimbării din statul B asupra

statului A sunt mari, la fel și costurile ajustării. Deseori, vulnerabilitatea este pusă în evidență de încercările de a căuta noi resurse sau parteneri alternativi, care sunt, însă, mult mai costisitori, greu accesibili sau chiar nu există. De exemplu, în anii 1970, Statele Unite au fost vulnerabile față de statele OPEC și față de deciziile lor privind prețul petrolului, deoarece, chiar și după ce au încercat să se adapteze economic la prețuri crescute și să-și exercite influența politică pentru a determina scăderea lor, societatea americană a resimțit în continuare puternic efectele economice, cu atât mai mult cu cât nu s-au găsit, în timp scurt, suficiente surse alternative de petrol⁴¹.

Ca concept, interdependența a început să fie examinată în detaliu la începutul anilor 1970. Conform unor savanți, au avut loc trei schimbări majore în relațiile internaționale. În primul rând, statele au devenit tot mai interdependente în cazul a mai multor domenii, începând cu bunurile consumatorilor până la securitate. În al doilea rând, capacitatea de luare a deciziilor de către state privind economia globală se află în proces de diminuare. În al treilea rând, cu cât statele deveneau tot mai interconectate cu atât acestea deveneau mai vulnerabile subminărilor și evenimentelor din alte părți ale lumii. Ca o dovadă a acestor schimbări, teoreticienii interdependenței au evidențiat o majorare semnificativă a fluxurilor transnaționale de capital, transferuri de tehnologii, apariția corporațiilor multinaționale, dezghețarea relațiilor între supra-puteri, majorarea importanței instituțiilor internaționale (atât guvernamentale cât și nonguvernamentale), precum și mărirea permeabilității hotarelor. Mai mult ca atât, probleme ca drepturile omului, sărăcia, dezvoltarea, mediul și politica energetică și-au pavat calea în agenda politică a statelor. Pentru mulți teoreticieni a interdependenței, politica brută de putere în timpul anilor războiului rece cedează unei lumi mai cooperative, guvernate de reguli. Este important de înțeles faptul că teoreticienii interdependenței nu vorbeau doar despre o interconectivitate sporită în cadrul a mai multor domenii problematice. Schimbarea a fost

³⁹ Ferraro V. *Op. cit.*, p. 62.

⁴⁰ Griffiths M., O'Callaghan T. *International relations: the key concepts*. Second edition. New York: Routledge, 2008, p. 160.

⁴¹ Todorean O. Actualitatea inepuizabilă a clasicilor. În: Putere și interdependență de R. O. Keohane, J. S. Nye (Traducerea: Adriana Ștraub). Iași: Polirom, 2009, p. 17 - 18.

de asemenea una calitativă. Lumea se schimba. Opinia realiștilor că statele sunt independente și își urmează propriile interese naționale pare să nu fi reprezentat imaginea adevărată a modului cum statele acționau în condițiile care au fost denumite de către Robert Keohane și Joseph Nye „interdependența complexă”⁴².

Interdependența este un proces care sporește importanța factorilor interni în politica internațională. Agenda politicii mondiale nu mai este acoperită cu tradiționalele probleme strategico-diplomatice (cu toate că acestea rămân esențiale). Ea abordează tot mai mult problemele politicii economice și ale bunăstării sociale. Politica externă devine proiecția externă a necesităților și tendințelor interne, iar politica internațională, confruntarea și concilierea proiectelor interne.⁴³

Pe lângă conceptul interdependenței, există și o altă latură a acestor relații în cadrul relațiilor internaționale. Acestea sunt relațiile de *interdependență complexă* a căror particularități au fost descrise mai târziu în știința politică. Astfel, în cadrul relațiilor internaționale, ideea **interdependenței complexe** pentru prima dată este introdusă de către Robert Keohane și Joseph Nye, conform căreia statele și averile acestora sunt inextricabil corelate și interdependente. Conceptul interdependenței economice a ajuns a fi cunoscut la nivel larg în urma apariției lucrării lui Richard N. Cooper, *Politici Economice Într-o Lume Interdependentă (Economic Policy in an Interdependent World)*⁴⁴.

Cu ajutorul constructului analitic cu privire la interdependența complexă în cadrul criticii acestora față de realismul politic, „Robert Keohane și Joseph Nye fac un pas înainte analizând cum politica internațională este transformată de interdependență”⁴⁵. Teoreticienii au recunoscut faptul că diversele și complexe conexiuni transnaționale și interdependențe între state și societăți sunt în creștere, pe când utilizarea

puterii militare și puterii de echilibrare sunt în descreștere însă care totuși rămân a fi importante. Utilizând conceptul de interdependență, Keohane și Nye de asemenea, ceea ce este important, diferențiază interdependența și dependența în cadrul analizei rolului politicii în cadrul relațiilor între actorii internaționali⁴⁶.

Astfel, Nye și Keohane argumentează că prin diminuarea utilizării forței militare ca un instrument al politicii precum și majorarea interdependenței economice și a *altor forme de interdependență* ar putea mări probabilitatea cooperării între state. Cercetarea teoreticienilor, *Puterea și Interdependență* care a apărut în 1977 a devenit o provocare semnificativă teoriei politice realiste în politica internațională și a devenit un nou fundament al teoriilor curente care au fost clasificate ca liberalism, neoliberalism și liberalismul instituțional. Putere și Interdependență apare drept un proiect de cercetare complet deosebit și ambițios și inovator pentru vremea sa, care propune o nouă teorie internațională și inițiază verificarea ei empirică⁴⁷.

Keohane și Nye se inspiră din viziunea liberală asupra relațiilor internaționale. Fiind prezente următoarele trei aspecte: 1) rolul central pe care întreg demersul de cercetare îl acordă cooperării în relațiile internaționale; 2) recunoașterea influenței altor actori internaționali (interguvernamentali, nonguvernamentali) în afara statelor, pe scena internațională și 3) preocuparea limitată față de rolul amenințării militare și de posibilitatea războiului. Cercetarea de asemenea este influențată și de evoluțiile din alte discipline, printre care se evidențiază teoriile economice ale negocierii și teoriile științelor sociale precum analiza sistemelor și alegerea rațională⁴⁸.

În cadrul cercetării realizate de către Keohane și Nye, interdependența complexă are trei caracteristici, implică (1) utilizarea canalelor multiple de acțiune între societăți în cadrul relațiilor interstatale, transguvernamentale și transnaționale, (2) existența unei absențe a ierarhiei temelor, agenda relațiilor interstatale constă în teme multiple, care nu sunt aranjate într-o ierarhie clară și logică, iar distincția între

⁴² Griffiths M., O’Callaghan T. *Op. cit.*, p. 160.

⁴³ Hoffmann S. *Politica Internă și Interdependența*. În: Ianus și Minerva. Eseuri asupra teoriei și practicii politicii internaționale. Chișinău: Știința, 1999, p. 242 - 243.

⁴⁴ R. Cooper. *Economic Policy in an Interdependent World*. In: MIT Press Classic, 1985. 380 p.

⁴⁵ Crane G.T., Amawi A. *The Theoretical evolution of international political economy: a reader*. New York: Oxford University Press, 1997, p. 107 - 109.

⁴⁶ Crane G.T., Amawi A. *Op. cit.*, p. 122 - 132.

⁴⁷ Todorean O. *Op. cit.*, p. 11.

⁴⁸ *Ibidem*, p. 14.

problemele interne și externe devine vagă⁴⁹; (3) reducerea forței militare și puterii de coerciție în cadrul relațiilor internaționale. Respectiv, interdependența complexă se bazează pe caracteristici specifice care critică ipotezele implicite și explicite ale politicii internaționale tradiționale din perspectiva realismului clasic; (de ex.: superioritatea statului și ierarhizarea problemelor cu ajutorul forței și puterii militare, fiind pârgurile cele mai importante în cadrul relațiilor internaționale, care în mod tradițional definesc realismul politic în știința politică).

Keohane susține ideea precum astăzi relațiile internaționale înglobează relațiile transnaționale. Prin urmare, relațiile internaționale constau în interacțiuni multiple între tipuri diverse de actori, la mai multe niveluri: statal, subnațional, interguvernamental, transnațional. Mai mult ca atât, diversificarea se produce și în cadrul fiecărui nivel⁵⁰.

Pentru Keohane și Nye, interdependența complexă contestă realismul în cel puțin trei ipostaze. În primul rând, realiștii pun accentul doar pe relațiile interstatale, însă activitatea transguvernamentală și transnațională a afectat în mod semnificativ statele și a redus capacitatea acestora de a acționa în mod autonom în relațiile internaționale. În paradigma realistă nu exista nimic ce ar considera aceasta schimbare importantă. În schimb, Keohane și Nye, au evidențiat canale multiple de comunicare (interstatale, transguvernamentale și transnaționale). În al doilea rând, realiștii au susținut faptul că există o ierarhie de probleme între state și au distins „politica de importanță mare” a securității și „politica de o importanță scăzută” a comerțului. Keohane și Nye susțin că această distincție este învechită. În final, în era interdependenței complexe, Keohane și Nye susțin că forța militară devine tot mai puțin utilizabilă și mai puțin importantă ca opțiune în acțiunile politice⁵¹.

Absența ierarhiei între temele de pe agenda politică națională sau internațională, infirmă implicit relevanța distincției între *marea și mica*

politică, a separării clare între politica internă – „inferioară”, care se ocupă cu funcționarea diferitelor sectoare ale societății – și politica mare, „superioară”, care vizează realizarea securității naționale prin acțiuni pe plan extern. Keohane și Nye consideră că, pentru a înțelege relațiile internaționale contemporane, trebuie acceptată realitatea că securitatea și problemele aferente ei, de natură politico-militară, nu domină întotdeauna agenda, independent de contextul relațiilor unui stat sau de domeniul pe care îl analizăm. Poziția problemelor de securitate pe agenda politică este determinată în funcție de particularitățile politicii interne și externe ale fiecărei țări, de contextul și evenimentele internaționale, de caracteristici naționale, de perioada istorică, de tipul relațiilor dezvoltate cu principalele puteri și cu alte state. De exemplu, producerea sau importul de gaz poate deveni, pentru o anumită perioadă, cea mai importantă chestiune pe agenda națională sau regională, devansând securitatea națională în sens strict⁵².

Inițial, literatura interdependenței avea intenția de a înlocui realismul care era un cadru dominant de analiză teoretică. Însă această perspectivă a fost de scurtă durată. Un șir de teoreticieni au criticat că această literatură conține interpretări simpliste ale realismului. Mai mult ca atât, literatura dată a șters distincția importantă între senzitivitate și vulnerabilitate. Pentru realiști, cea din urmă a fost mai importantă decât primul aspect. La urma urmei, „interdependența asimetrică” a fost doar o altă etapă a inegalității puterii între state. Pe când nu exista o legătură causală între modificarea sensibilității și vulnerabilității în sistemul internațional, era prematur de a prezice careva schimbări calitative în relațiile internaționale. În mod particular, Kenneth Waltz (1979) a susținut că mulți teoreticieni ai interdependenței au exagerat impactul acesteia asupra structurii sistemului internațional⁵³.

De asemenea aceste polemici nu au rămas înrădăcinate în istoria teoriei relațiilor internaționale deoarece ulterior a avut loc o proliferare dinamică a studiilor despre regimuri și instituții internaționale, care s-au coagulat într-un

⁴⁹ Keohane R. O., Nye J. S. Putere și Interdependență (Traducerea: Adriana Ștraub), Iași: Polirom, 2009, p. 68 - 69.

⁵⁰ Ibidem, p. 15.

⁵¹ Griffiths M., O'Callaghan T. *Op. cit.*, p. 160.

⁵² Todorean O. *Op. cit.*, p. 20.

⁵³ Griffiths M., O'Callaghan T. *Op. cit.*, p. 160.

nou curent, denumit ulterior instituționalism neoliberal și avându-l ca figură centrală pe același Robert Keohane⁵⁴. Acest nou curent a captat decisiv atenția autorilor de specialitate și a generat, prin reacțiile de inspirație realistă și ulterior, neorealistă, a treia dezbatere interparadigmatică a relațiilor internaționale⁵⁵.

În pofida acestor și altor critici, cercetările cu privire la dependență, interdependență și interdependență complexă la începutul anilor 1950 au avut un efect important asupra domeniului. Nu doar au ajutat la reînvierea succesului promițător al internaționalismului liberal, dar și au anticipat o mulțime de schimbări care vor fi asociate cercetărilor globalizării în anii 1980 și 1990⁵⁶.

Bibliografie:

1. Baldwin D. Neorealism and neoliberalism: the contemporary debate. New York: Columbia University Press, 1993. 375 p.
2. Che Guevara, Dezvoltarea (Discurs), Sesiunea Plenară a Națiunilor Unite, Conferința privind Comerț și Dezvoltarea, Geneva, Elveția, 25 martie, 1964. [On-line]: <http://www.marxists.org/archive/guevara/1964/03/25.htm>. (Vizitat la: 03.01.2012).
3. Cockcroft D., Frank A. Dependence and Underdevelopment. Garden City. New York: Anchor Books, 1972. 448 p.
4. Crane G.T., Amawi A. The Theoretical evolution of international political economy: a reader. New York: Oxford University Press, 1997, p. 107 - 109.
5. Deji O. Gender and Rural Development. LIT Verlag: Münster, 2012. 448 p.
6. Dependency theory. [On-line]: http://www.nethelper.com/article/Dependency_theory. (Vizitat la: 02.01.2012).
7. Ferraro V. Dependency Theory: An Introduction. In: The Development Economics Reader, ed. Giorgio Secondi. London: Routledge, 2008, p. 58 - 64.
8. Griffiths M., O'Callaghan T. International relations: the key concepts. Second edition. New York: Rutledge, 2008. 407 p.
9. Hoffmann S. Politica Internă și Interdependența: În: Ianus și Minerva. Eseuri asupra teoriei și practicii politicii internaționale. Chișinău: Știința, 1999. 420 p.
10. Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the world political economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. 290 p.
11. Keohane R. O., Nye J. S. Putere și Interdependență (Traducerea: Adriana Ștraub). Iași: Polirom, 2009. 416 p.
12. Keohane R. Neorealism and its critics. New York: Columbia University Press, 1986. 378 p.
13. Newschool. Biografia lui R. Prebisch. [On-line]: <http://homepage.newschool.edu/~het/profiles/prebisch.htm>. (Vizitat la: 02.01.2012).
14. Newschool, Economic Development. [On-line]: <http://homepage.newschool.edu/~het/schools/develop.htm>. (Vizitat la: 02.01.2012).
15. O'Donnell G. El Estado Burocrático Autoritario: Triunfos, Derrotas y Crisis, Buenos Aires, Universidad de Belgrano. In: Dependency theory. [On-line]: http://www.nethelper.com/article/Dependency_theory. (Vizitat 03.01.2012).
16. R. Cooper. Economic Policy in an Interdependent World. In: MIT Press Classic, 1985. 380 p.
17. Samir A. Ending the Crisis of Capitalism or Ending Capitalism? [On-line]: <http://www.amazon.com/Ending-Crisis-Capitalism/dp/190638780X>. (Vizitat la: 02.01.2012).
18. Tausch A. Social Cohesion, Sustainable Development and Turkey's Accession to the European Union: Implications from a Global Model. [On-line]: <http://www.alternativesjournal.net/volume2/number1/tausch.htm>. (Vizitat la: 04.01.2012).
19. Todorean O. Actualitatea inepuizabilă a clasicelelor. În: Putere și interdependență de R. O. Keohane, J. S. Nye (Traducerea: Adriana Ștraub). Iași: Polirom, 2009, p. 11 - 33.
20. Vernengo M. Technology, Finance and Dependency: Latin American Radical Political Economy in Retrospect. In: Review of Radical Political Economics. 2006, Vol. 38, No. 4, p. 551 - 568.

⁵⁴ Vezi: Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the world political economy, Princeton: Princeton University Press, 1984. 290 p.; Keohane R. Neorealism and its critics, New York: Columbia University Press, 1986. 378 p.

⁵⁵ Vezi: Baldwin D. Neorealism and neoliberalism: the contemporary debate. New York: Columbia University Press, 1993. 375 p.; Todorean O. *Op. cit.*, p. 28.

⁵⁶ Griffiths M., O'Callaghan T. *Op. cit.*, p. 160.

COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE

**БУХАРЕСТСКИЙ МИР 1812 Г. И ФОРМИРОВАНИЕ
НОВОЙ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ РОССИИ**

*Владислав ГРОСУЛ**

ABSTRACT:

**BUCHAREST WORLD OF 1812 AND FORMATION OF RUSSIA'S
NEW SOUTH - WESTERN BORDER**

The next Russian-Turkish war which has begun in 1806 was due not only to the aggravation of Russian-Turkish contradictions, but also due to the tensions between Russia and France. Napoleon showed his interest to the Ottoman Empire still during unsuccessful for it personally and for the French army of the Egyptian expedition of 1798-1801. Despite this failure the political activity of France within the Ottoman Empire continues to amplify, causing some concern in Russia.

At the beginning of the century Turkey didn't represent any significant threat for Russia. But she was a threat to her own provinces, conquered by her personally in time. Two main lines can be traced in Russian-Turkish relations at the turn of the century. One of them was the cooperation between the two states, it is observed during the Russian-Turkish alliance in 1799, in the agreement on the status of Moldavia and Wallachia in 1802, in the treaty of 1805. The other line was a reflection of constantly amplifying contradictions, largely due to the fact that the Port was trying to mend relations with Napoleonic France.

The Turkish-French relations of that time weren't accurate and certain. On the one hand, Port was afraid of Napoleon, remembering both his Egyptian expedition, and coquetting with representatives of the provinces subdued by Ottomans. On the other hand, Turkish tops, understanding escalating force of Napoleonic France and wishing to protect itself from its blows, were trying to find a common language with representatives of French diplomacy and, in general, with leading circles of France.

A Treatise on Peace between Russia and Turkey, signed in Bucharest on 16 (28) May 1812, consisted of 16 articles. Let's remind that some of them were devoted to issues related to the establishment of a new border down the Prut River and position of the Danube principalities. Article IV was the most important article. It defined the boundary of the Prut River, and contained the following provision: „This is the first article of the preliminary points, which beforehand have been already signed, it decides that the Prut River from its entrance to Moldova before its connection with Danube, and the left coast of Danube from this connection to the Kiliysky mouth and to the sea, will make the border of both empires for which this mouth will be the common”.

During the Congress of Vienna that was held from September of 1814 to June of 1815 the Turkish side tried to persuade the European powers to review the Bucharest peace and to return the adjoin lands to Russia according to this peace treaty. But great powers didn't support these Port's requirements and by that recognized the legitimacy of accession of Bessarabia to Russia.

Keywords: *Russian-Turkish War, Turkish-French Relations, accession of Bessarabia to Russia.*

REZUMAT:

**PACEA DE LA BUCUREȘTI DIN 1812
ȘI FORMAREA NOII FRONTIERE DE SUD-VEST A RUSIEI**

Războiul ruso-turc, care a început în 1806, s-a datorat nu numai faptului că au crescut contradicțiile Rusia-Turcia, dar și în baza conturării unor tensiuni pronunțate dintre Rusia și Franța. Napoleon și-a promovat interesul față de Imperiul Otoman încă în timpul expediției egiptene, în 1798-1801, nereușită pentru el personal și

** GROSUL Vladislav - Doctor habilitat în istorie, profesor universitar, cercetător științific principal, Institutul de Istorie a Rusiei al Academiei Ruse de Științe. (Moscova, Federația Rusă); GROSUL Vladislav - Doctor of History, Professor, Chief Scientific Fellow, Institute of Russian History of The Russian Academy of Science. (Moscow, Russian Federation); ГРОСУЛ Владислав Якимович - Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной Славянской Академии, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН. (Москва, Российская Федерация).*

pentru armata franceză în general. În pofida nereușitei expediției egiptene, poziția politică activă a Franței în cadrul Imperiului Otoman a continuat să crească, cauzând o oarecare îngrijorare în Rusia.

La începutul secolului, Turcia nu prezenta pentru Rusia o amenințare serioasă. Dar ea reprezenta o amenințare pentru propriile sale provincii, cucerite de ea în perioade respective. În relațiile ruso-turce la confluența celor două secole existau două direcții principale. Una din ele consta în cooperarea dintre cele două state, și poate fi confirmată prin Alianța ruso-turcă din 1799, Acordul privind statutul Moldovei și Valahiei din 1802, Tratatul din 1805. Altă direcție a relațiilor ruso-turce se reliefa prin reflexia controverselor tot mai accentuate, în mare parte datorită faptului că Poarta încerca să-și redreseze relațiile sale cu Franța napoleoniană.

Relațiile turco-franceze la acel moment nu erau clare și sufereau de lipsă de ambiguitate. Pe de o parte, Poarta se temea de Napoleon, bazându-se atât pe practica expediției egiptene cât și ținând cont de jocul francezilor cu reprezentanții provinciilor cucerite de către otomani. Pe de altă parte, recunoscând forța crescândă a Franței napoleoniene și dorind să se apere de posibilele atacuri din partea ei, turcii încearcă de a găsi o limbă comună cu reprezentanții diplomației franceze și, în general, cu conducerea Franței.

Tratatul de pace dintre Rusia și Turcia, semnat la București pe 16 (28) mai 1812, a constat din 16 articolele, dintre care câteva au fost dedicate problemei instalării noii frontiere pe râul Prut și statutul Principatelor Dunărene. Articolul cel mai important, care determina frontiera pe râul Prut a fost articolul IV, unde a fost scris: „textul din prezentul articol, bazat pe punctele preliminare de perspectivă, deja semnate, determină că râul Prut, de la intrarea sa în Moldova și până la revărsarea sa în Dunăre, și malul stâng al Dunării în acest sens până la Gura Chiliei și până la Mare, va fi frontiera a două imperii, iar delta va fi partajată de ambele părți.”

În timpul Congresului de la Viena din 1814-1815 partea turcă a încercat să convingă puterile europene de a revizui Pacea de la București și a reîntoarce teritoriile alipite la Rusia prin acest tratat. Dar marilor puteri nu o acceptă aceste cerințe ale Porții și astfel au recunoscut legitimă aliăirea Basarabiei la Rusia.

Cuvinte cheie: războiul ruso-turc, relații turco-franceze, aderarea Basarabiei la Rusia.

Ключевые слова: русско-турецкая война, турецко-французские отношения, присоединение Бессарабии к России.

Очередная русско-турецкая война, начавшаяся в 1806 г., объяснялась не только обострением российско-турецких противоречий, но и напряженными отношениями России с Францией. Наполеон проявил интерес к Османской империи еще во время неудачной для него лично и для французской армии Египетской экспедиции 1798 – 1801 гг. Несмотря на эту неудачу политическая активность Франции в пределах Османской империи продолжает усиливаться, что вызвало определенное беспокойство в России. В инструкции новому российскому послу в Стамбуле А.Я. Италинскому от 30 августа 1802 г. прямо предписывалось следить за поведением французской миссии в Турции и разрушать ее происки¹. Вскоре тревога российской дипломатии еще более усиливается, поскольку в Петербург в

ноябре 1802 г. из разных источников стали поступать тревожные известия о подготовке французских войск к высадке на Адриатическое побережье с целью занятия ряда пунктов, расположенных на границах Османской империи. Одновременно поступили сведения о связях французов с мятежными турецкими пашами Пазванд – оглу и Али – пашой Янинским², а затем о проникновении французских эмиссаров в Белград и Видин и о контактах черногорского митрополита Петра I Негоша с французами. Об активизации французских эмиссаров на Нижнем Дунае сообщал и российский консул в Яссах А.А. Жерве в январе 1803 г.³.

В то время, то – есть в самом начале правления Александра I, нет никаких

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века (В дальнейшем ВПР). Т. I. М: Госполитиздат, 1960, с. 283 – 287.

² Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1990, с. 123.

³ Там же, с. 124.

данных о том, что руководство России стремилось к каким – либо территориальным приращениям на своих западных границах. Известный историк С.М. Соловьев в своей работе «Восточный вопрос 50 лет назад», написанной еще в 1876 г., приводил слова одного из самых приближенных к императору российских государственных деятелей графа В.П. Кочубея, сказанные в 1802 г. по поводу усиления французского влияния в Турции и необходимости выработки необходимой линии поведения Россией. Он подчеркивал: «Поведение ее (т. е. России – В.Г.) не может быть иное, как или приступить к поделу Турции с Францией и Австриею, или стараться отвратить столь вредное положение вещей. Сомнения нет, чтоб последнее не было предпочтительнее, ибо независимо, чтоб Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении, нет соседей покойнее турков и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно впредь быть коренным правилом нашей политики»⁴.

То, что мнение В.П. Кочубея в то время поддерживалось самим императором Александром I не подлежит никакому сомнению. Оно подтверждается таким ценным источником как журнал заседаний Негласного комитета молодых друзей императора, на котором решались основные вопросы внутренней и внешней политики России начала XIX в. На одном из таких заседаний, состоявшемся в августе 1801 г., тот же Кочубей зачитал свою записку о взаимоотношениях с иностранными державами, в которой предусматривалась мирная внешняя политика. Эта записка была поддержана самим императором. Среди прочего в этой записке писалось: «Турки и шведы были нашими природными неприятелями, но по своей слабости не могли нам быть опасны, и потому надлежало, оставляя их в нынешнем положении, наблюдать только, чтобы, в случае раздела Турции, Молдавия

и Валахия не достались Австрии, а составили отдельное государство»⁵.

Через пять месяцев, на заседании 22 января вновь была обсуждена очередная записка Кочубея по вопросам внешней политики и опять в этом отношении «предлагал он оставаться в бездействии». Правда, далее следовала оговорка: «Но если бы Франция или Австрия задумали усилиться на счет Турции, то и нам не следовало бы оставаться, сложа руки, и мы могли бы сделать приобретения, которые поставили бы нас в выгодное положение (*dans une attitude respectable*)»⁶.

В начале века Турция, действительно, не представляла для России сколь-нибудь значительной угрозы. Но она представляла угрозу для своих собственных провинций, покоренных ею в свое время. Как раз в 1802 г. совершает дикий набег на Валахию видинский мятежный паша Пазванд – оглу. Этот набег столь сильно напугал жителей княжества, что они, по словам российского генерального консула В.Ф. Малиновского обратились к нему в июне 1802 г. с просьбой «или предаться в подданство России, или под непосредственную ее защитою управлять самим своею землею на прежних ее правах...»⁷. Именно в этих условиях Александр I предписал российскому послу в Стамбуле В.С. Тамаре довести до сведения султана, что, по его желанию, русские войска могли бы быть посланы за Дунай и изгнать из Валахии войска видинского пашы⁸.

Только под давлением русских властей и, в частности, личного послания Александра I турецкому султану Селиму III 15 августа 1802 г., Порта принимает решение о выводе турецких войск из Валахии. В результате в Валахию был назначен господарем К. Ипсиланти, а в Молдавию – А. Морузи. Таким образом, именно личное вмешательство российского

⁵ Богданович М.Н. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. I. СПб., 1869. Приложения. «Извлечения из заседаний неофициального комитета», с. 47.

⁶ Там же, с. 62.

⁷ ВПР. Т. I, с. 237 - 238

⁸ Там же, с. 232 – 233.

⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Книга XVI. Работы разных лет. М.: Голос, 1995, с. 637.

императора позволило улучшить ситуацию в Валахии, да и в Молдавии тоже, поскольку набег Пазванд – оглу породил опасения и в этом княжестве⁹, повлиявших, например, на перемещение населения за его пределы, в частности, в Россию. В русско-турецких отношениях на стыке двух веков прослеживаются две основные линии. Одна из них заключалась в сотрудничестве двух государств, и она прослеживается по русско-турецкому союзу 1799 г., соглашению о статусе Молдавии и Валахии 1802 г., договору 1805 г.¹⁰ Другая – стала отражением все усиливавшихся противоречий, во многом в связи с тем, что Порта пыталась наладить отношения с наполеоновской Францией.

Турецко-французские отношения того времени не были четкими и определенными. С одной стороны, Порта опасалась Наполеона, памятуя и его египетскую экспедицию, и заигрывание с представителями покоренных Османами провинций. С другой, понимая все возрастающую силу наполеоновской Франции и желая оградить себя от ее ударов, турецкие верхи пытаются найти общий язык с представителями французской дипломатии и, вообще, с руководящими кругами Франции.

Но в целом ситуация продолжала обостряться. Пресбургский мир заключенный Францией и Австрией в декабре 1805 г., приведший к распаду 3-ей антинаполеоновской коалиции, среди прочего способствовал захвату Наполеоном Истрии и Далмации, т. е. укреплению наполеоновской Франции на Западных Балканах. Было ясно, что этим Наполеон не ограничится и будет добиваться дальнейшего проникновения и в другие регионы Юго – Восточной Европы. Вскоре эти опасения России подтвердились. Еще в 1804 г. Наполеон заявил о необходимости

сближения с Турцией, которая на это предложение ответила согласием¹¹. Турецкий султан Селим III признает Наполеона императором и, более того, приветствует в его лице «самого давнего, самого верного и необходимого союзника» Турции¹². И это при том, как отмечалось, что существовал союзный договор России с Турцией от 1799 г., который сама Турция предложила в 1804 г. возобновить и гарантировать сохранение существующих границ. Далее члены Дивана ориентировавшиеся на Россию заменяются сторонниками Франции¹³. А затем прибывший в августе 1806 г. в Стамбул французский генерал Г.Ф.- Б. Себастиани, в соответствии с полученными предписаниями, составленными в июне 1806 г., повел политику, направленную на обострение русско-турецких отношений и создание союза Франции, Турции и Персии, прямо направленного против России¹⁴. С помощью Себастиани в турецкую армию были отправлены французские офицеры – инструктора¹⁵.

Эта политика дала свои плоды и вскоре Селим III заменяет пророссийских господарей. В августе 1806 г., вопреки семилетнему сроку правления господарей, лишаются престолов в Молдавии Александр Морузи, а в Валахии Константин Ипсиланти. Вместо первого назначается Скарлат Каллимахи, а второго – Александр Суцу, известные своими профранцузскими симпатиями¹⁶. Впрочем, эти последние владели престолами лишь до октября 1806 г. Протесты России не были приняты во внимание. Турция стала готовиться к введению своих войск в

¹¹ Germaine Lebel. *La France et les Principautés danubiennes: du XVIe siècle à la chute de Napoléon Ier*. Paris: P.U.F., 1955, p. 95.

¹² История дипломатии. 2-ое изд. Т. I. М., 1960, с. 469.

¹³ Germaine Lebel. *Op. cit.*, p. 114 – 115,

¹⁴ Gosu A. *Rusia la Dunarea de Jos. Pacea de la Bucuresti (mai 1812)*. În: *Studii și materiale de istorie modernă*. 1996, Vol. X, p. 28.

¹⁵ Богданович М.Н. Указ. соч. Т. II. СПб., с. 318.

¹⁶ Ciobotea D., Osiac V. *Politica imperiului țarist la Dunărea de Jos (1711 – 1878)*. Craiova: Aius Printed, 2008, p. 49.

⁹ Селях Г.Н. Русско-турецкое соглашение 1802 г. о Дунайских княжествах. В: *Вопросы истории*. 1961 № 12, с. 196.

¹⁰ Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. *Россия и Турция (проблема формирования границ)* / Отв. ред. М. Р. Арунова. М.: Институт востоковедения РАН, 1999, с. 47.

Молдавию и Валахию. Оживилась деятельность турецких эмиссаров на Кавказе. Был затруднен проход русских судов через проливы. Стремясь не допустить Турцию к захвату выгодных для нее стратегических позиций, Александр I приказал 16 (28) октября 1806 г. занять Молдавию и Валахию. Новая русско-турецкая война по – существу началась без официального объявления – вводом русских войск на территорию Дунайских княжеств, а также в райя Пруто-Днестровского междуречья и земли буджакских ногайцев¹⁷.

Уже к началу 1807 г. на левом берегу Дуная в руках турок осталось лишь три крепости – Измаильская, Джурджевская и Браиловская. И при всем этом русское командование всячески стремилось показать, что его войска прибыли сюда не для завоеваний. Такая линия поведения была намечена еще до войны и была вполне обоснована¹⁸. Один из видных русских дипломатов К.К. Родофиникин, который впоследствии возглавит Азиатский департамент российского МИДа, посетивший накануне войны княжества, писал командующему русской армией И.И. Михельсону: «...должно стараться повсюду доказать, что не для завоевания, но для отклонения Порты от пагубного союза с Францией и дабы принудить ее к выполнению существующих постановлений, вступили российские войска..., всякое завоевание с здешней стороны, доколе дела с Франциею не примут желаемого оборота, кажется, по слабым моим понятиям, вредным..., а впоследствии мог бы без дальнейшего труда принять те законы, кои Его Величеству угодны будут»¹⁹.

¹⁷ Гросул В.Я. Формирование русско-турецкой границы по Бухарестскому миру 1812 года. В: Формирование границ России с Турцией и Ираном XVIII – начало XX вв. II. М., 1979, с. 176.

¹⁸ О борьбе в российских верхах по вопросам внешней политики см.: История внешней политики России: Первая половина XIX века. М.: Международные отношения, 1995, с. 60 – 61.

¹⁹ Богишич В. Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872, с. 73.

Михельсон в воззвании, предназначенном населению придунайских районов, обещал возвратить русские войска в пределы России после того, как султан уволит тех своих министров, которые ориентировались на Францию, позволит свободный пропуск русских торговых и военных судов через Дарданеллы, пойдет на союз с Россией и Англией и примет энергичные меры для изгнания французов из Далмации и пр.²⁰ Однако султан не только не принял эти условия, но объявил 18 (30) декабря войну России.

Встреча русских войск в княжествах была доброжелательной и в некоторых местах даже восторженной. Так встречали русских солдат в столице Молдавии Яссах²¹, Килии, где греки и молдаване встречали русских с крестами, хоругвями, хлебом и солью²², и во многих других местах.²³ Это было отражением традиционных симпатий местного населения к России, отражением надежд на избавление от турецкого господства, фанариотского режима, от турецко-татарских набегов, и в начале XIX в. бывших вопросом дня. Это также было радостью по случаю того, что на территории княжеств, по-существу, удалось избежать военных действий, и желанием наладить добрые отношения с русскими войсками на будущее. Жители княжеств приняли активное участие в снабжении русской армии продовольствием и фуражом и более 20 тыс. выходцев из Молдавии и Валахии участвует в боевых действиях русской армии в качестве добровольцев²⁴. Что касается боярства, то оно, как и прежде, было разделено на

²⁰ Петров А.Н. Война России с Турцией 1806 – 1812. Т. I, СПб., 1885, с. 91; Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria Românilor. Vol. XIX. Part. 2, p. 352 – 353.

²¹ Петров А.Н. *Op. cit.*, p. 393.

²² Крупянский В.Ф. Воспоминания. Екатеринбург, 1912, с. 3.

²³ Bezviconi G. Contribuții la istoria relațiilor româno – ruse. București: Tritonic, 1962, p. 188.

²⁴ Гросул Г.С., Даниленко Р.В. К вопросу об участии волонтеров из Дунайских княжеств в русско-турецкой войне 1806 – 1812 гг. В: Известия АН МССР. № 2 (80). Кишинев, 1961, с. 11.

различные группировки. Некоторые из них ориентировались на Турцию, Австрию, Францию и были враждебны России. П.И. Багратион впоследствии усматривал значительное отличие между боярами молдавскими и валашскими: «первые всею душою преданы России, усердны и с крайнею попечительностию стараются, по мере сил, способов, возможности, исполнить все требования правительства для армии»²⁵. В то же время Багратион отмечает недоброжелательство валашских бояр, их преданность туркам и ненависть к русским. Одного из наиболее влиятельных валашских бояр - Филиппеску, которого поддерживал русский генерал М.И. Милорадович, не зная о его связях с турками, пришлось выселить из Валахии в Россию.

Вскоре после занятия Бухареста жители города приняли присягу Александру I, что, видимо, было сделано без ведома русского правительства, за что было выражено командующему войсками Михельсону неудовольствие со стороны нового министра иностранных дел России А.Я. Будберга, писавшего, что «княжества сии заняли мы временно, не в том намерении, чтоб присоединить оные к России и не с тем, чтоб отторгнуть их от Порты, но чтоб восстановить их права и доселе существовавший порядок, признавая их, как и прежде, в подданстве Порты...»²⁶.

Жители Бухареста были приведены к присяге Александру I господарем К.А. Ипсиланти (он вновь стал господарем в декабре 1806 г.), занимавшим прорусскую позицию и еще накануне войны предлагавшим объединить оба княжества под его руководством в то время, когда в них вступят русские войска²⁷. Как это ни встревожило русское министерство иностранных дел, присяга была принята и факт остается фактом. Так же, как и направленный молдавским митрополитом Вениамином Костаки 27 июня 1807 г. адрес «от имени бояр и народа» Александру I, где

писалось: «Присоедини, государь, правление земли сей с богохранимою державою твоею... Да будет одно стадо и один пастырь»²⁸.

Несмотря на неоднократные заверения русского правительства и русского командования о том, что Россия не собирается присоединить к себе княжества, как среди населения Молдавии и Валахии, так и среди отдельных русских чиновников проявились настроения в пользу этого акта. Оно отмечено среди болгар, обитавших в Южной Бессарабии и заявивших Михельсону, «что ежели Молдавия за ними (т. е. за Россией – В.Г.) не останется, то они готовы переселиться в Россию на вечное подданство»²⁹.

По-существу эти же настроения разделял С.Л. Лашкарев, ставший в марте 1807 г., председателем диванов Молдавии и Валахии³⁰. Говоря о желании молдавских и валашских бояр присоединиться к России³¹, Лашкарев доносил Александру I: «Если обстоятельства воспрепятствуют освободить эти два княжества от турецкого ига и всевышнему не угодно будет подвести их под благодетельный скипетр в.и. величества, то, по крайней мере, дерзаю предложить об избавлении сих бедных людей от вышесказанных господарей и назначить других»³². И далее Лашкарев добавлял, что если Молдавию и Валахию не удастся присоединить к России, то при мирных переговорах сравнительно легко можно будет включить в состав империи крепость Хотин и прилегающие к ней земли, то – есть Хотинскую райя³³.

В процессе войны представители княжеств неоднократно обращались к русским властям с предложением и просьбой о включении Молдавии и Валахии в состав России. Эти обращения посылались Александру I, командующим

²⁵ Петров А.Н. *Op. cit.*, Т. II, р. 415.

²⁶ Там же, с. 415 – 417, 468.

²⁷ ВПР. Т. 3. М., 1963, с. 497.

²⁸ Головки Л.В. Краткая история Бессарабии. Бельцы, 1912, с. 19.

²⁹ ВПР. Т. 3, с. 594.

³⁰ ВПР. Т. 4, с. 32.

³¹ Bezviconi G. *Op. cit.*, р. 194.

³² ВПР. Т. 4, с. 33.

³³ Там же.

русской армии в княжествах, часто сменявшим друг - друга, различным русским генералам и чиновникам. В одном из писем молдавских бояр, направленных на имя генерала С.С. Апраксина, и затем переданном Александром I новому министру иностранных дел России Н.П. Румянцеву отмечалось «всеобщее желание обоих княжеств о присоединении их к России. Бояре представляют, что, ежели княжества останутся на прежнем основании, то всегда разоряемы будут, с одной стороны, окружающими их турецкими начальниками, с другой же – государями, которые княжествами управлять будут и которые будучи в оных чужды, не об их благе, а о своем обогащении пешись станут и о том, чтоб поддержать себя в Диване»³⁴.

Сравнительная малочисленность русской армии в княжествах, связанная с тем, что основные силы пришлось бросить против Наполеона, а затем держать на центральном участке западной границы, военные действия с Ираном и Швецией не позволяли добиться решительных успехов в боях за Дунаем³⁵. Во время войны главная задача местной администрации заключалась в снабжении русской армии и сражавшихся на их стороне добровольцев продовольствием, фуражем и прочими материальными средствами³⁶. Администрация во главе с русскими чиновниками (Лашкарева сменил бригадир Шакалов, затем С.С. Кушников и В.И. Красно – Милашевич) должна была также регулировать отношения молдавско-валашского населения с армией, пресекать, с одной стороны, саботаж антирусских группировок бояр, и, с другой, не допускать злоупотреблений со стороны армейских частей.

³⁴ Там же, с. 78.

³⁵ Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М.: Наука, 1975, с. 56 – 58.

³⁶ О материальном снабжении русской армии в княжествах см. подробнее: Agachi A. Țara Moldovei și Țara Românească sub ocupația militară rusă (1806 – 1812). Chișinău: Ed. PONTOS, 2008; Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20 – 30 годы XIX века). М.: Наука, 1966, с. 159 – 160.

Что касается турецких райя в междуречье Прута и Днестра, а также земель буджакских ногайцев, то их передали под управление молдавского дивана. 8 мая 1807 г. А. Будберг довел до сведения И. Михельсона, что император Александр I одобрил представление Михельсона «относительно райя Бендерской, Аккерманской и Килийской; его величество соизволяет, чтобы оные, также как и Хотинская были в управлении Молдавского дивана, а равным образом и вся часть Бессарабии, которая войсками нашими занимается...»³⁷. Молдавский диван отдавал эти территории на откуп, но средства, получаемые от откупщиков и поступавшие поначалу в вистерию (казну княжества) затем передавались на нужды находившихся здесь российских войск. Этот откуп составлял в 1807 г. – 40.000 лей, в 1808 – 145.000, в 1809 – 240.000, в 1810 – 286.000 и в 1811 г. 310.000 левов³⁸.

В 1807 г. почти все буджакские ногайцы покинули Пруто – Днестровское междуречье. Часть из них, как и весь гарнизон Измаила, до 1809 г. находились в районе этой крепости или, точнее, за крепостными стенами, но вскоре и они покинули Буджак. К концу войны в междуречье практически не осталось мусульманского населения³⁹. Это было не первым выселением ногайцев из Буджака, но на сей раз, оно ускорилось попыткой организации их восстания против России⁴⁰.

Важнейшим вопросом войны постепенно становился вопрос о своевременном и почетном ее окончании. Составной частью его являлись территориальные проблемы, вырисовывавшиеся все более рельефно. Первоначально, как уже отмечалось, российское правительство открыто не ставило перед собой цели присоединения каких – либо новых территорий на Юго – Западе, хотя имелись довольно

³⁷ АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 188, л. 108 – 11; Энциклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Вол. I. Кишинэу, 1970, паж. 361.

³⁸ Кутузов в Дунайских княжествах (Сборник документов). Кишинев: Госиздат, 1948, с. 89.

³⁹ ВПР, Т. 4, с. 334.

⁴⁰ ВПР. Т. 3, с. 485.

значительные силы, настаивавшие на этом. В конце 1806 г. русское правительство всячески старалось успокоить общественное мнение и, прежде всего, европейские и турецкое правительства, опасавшиеся укрепления России на Балканах. В инструкции, которую А.Я. Будберг дал К.О. Поццо – ди – Борго, находившемуся на русской дипломатической службе, предписывалось заявить венскому двору, что у императора Александра I «нет ни малейшего намерения завоевывать, что бы то ни было у Турции, а военная оккупация Молдавии и Валахии имеет единственной целью принудить Порту восстановить отношения, ранее существовавшие между нею и Россией в силу договоров...»⁴¹.

Тот же Будберг писал великому визирю Турции Ибрагиму Хильми – паше 26 февраля (10 марта) 1807 г., что Александр I «глубоко убежден, что Россия прямо заинтересована в целостности и независимости Османской империи»⁴². О том, что Россия не стремится к территориальным приобретениям, а к дружбе с Портой И. Михельсон писал руцукскому паше Мустафе Байрактару 26 апреля 1807 г., а К. Родофиникин еще раньше – 9 апреля того же года⁴³. В это же самое время, 8 апреля А.Будберг доводил до сведения Михельсона результаты прохода английского флота в Стамбул, повлиявшие на предложение Портой мирных переговоров. Обрадованный таким исходом продвижения английского флота, английский посол предложил до заключения общего мира занять Дарданеллы англичанами, а Молдавию и Валахию русскими войсками. Александр I не пошел и на такой план, предпочитая восстановление союзного трактата с Портой⁴⁴. Это вполне естественно, ибо русскому правительству отнюдь не

импонировала перспектива укрепления англичан в районе проливов.

Тильзитский мир, заключенный между Россией и Францией 25 июня 1807 г., предусматривал и урегулирование русско-турецких отношений. 22 и 23 статьи Тильзитского мира предписывали вывод русских войск из княжеств, но таким образом, чтобы турки не могли в них вступить до подтверждения мира. Обе статьи предусматривали посредничество Франции для заключения мира. В них говорилось: «Франция обязывается действовать заодно с Россией против Османской Порты и обе договаривающиеся стороны условятся, чтобы изъять из – под Турецкого ига и притеснения все провинции европейской Турции за исключением Румелии и Константинополя»⁴⁵. Эта секретная часть договора по-существу означала план раздела Османской империи между Россией и Францией и наложила свой сильнейший отпечаток на последующие отношения России с Турцией в период войны и перемирий 1807 – 1812 гг.

Уже 28 июня 1807 г. Александр I предписывал Михельсону сообщить турецкому правительству о том, что вывод русских войск из Молдавии и Валахии будет осуществлен лишь при посредничестве Франции в русско-турецких переговорах и в том случае, если турки выведут на время этих переговоров свои войска из Валахии и не займут Молдавию. Турки должны были назначить уполномоченных для окончательного заключения мира, который Михельсон должен был подписать с великим визирем на указанных условиях⁴⁶. Мир однако подписан не был. 12 августа 1807 г. подписывается лишь Слободзейское перемирие, третья статья которого предусматривала вывод русских и турецких

⁴¹ ВПР. Т. 3, с. 380.

⁴² Там же, с. 517.

⁴³ Там же, с. 774.

⁴⁴ Там же, с. 549; Columbeanu S. Contribuții privind situația internațională a Țărilor Române între anii 1806 – 1812. În: Revista de istorie. 1976, № 5, p. 664.

⁴⁵ Кассо Л.А. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913, с. 41; Lebel G. *Op. cit.*, p. 136.

⁴⁶ РИО (Сборник императорского русского исторического общества). Т. 89. СПб., 1893, с. 137 – 139.

войск из Валахии и Молдавии в течение 35 дней⁴⁷.

Условия перемирия были неодобрительно встречены Александром I. Он был против статьи о возвращении захваченных во время войны турецких кораблей и статьи о прекращении перемирия не ранее весны следующего, 1808 г.⁴⁸, которые он считал выгодными для Порты. Вместе с тем, турки, нарушая договор, стали занимать оставленные русскими войсками места, вводить там свое управление, сопровождаемое грабежами и убийствами⁴⁹. В связи с этим, хотя перемирие было ратифицировано сменившим Михельсона Мейендорфом, уже в сентябре новому русскому главнокомандующему А.А. Прозоровскому дается рекомендация «под всеми предложениями медлить с выводом русских войск из Валахии и Молдавии»⁵⁰.

В русских правительственных кругах сложилось довольно четкое представление о том, что отвод русских войск за Днестр даст преимущества лишь одной Турции, поскольку при возобновлении военных действий Турция оказалась бы в более выгодном стратегическом положении, чем Россия⁵¹. Слободзейское перемирие, будучи порождением Тильзита, явно не устраивало Россию, где широкие слои общества прямо выражали свое недовольство Тильзитским миром и в том числе условием об очищении Молдавии и Валахии. Слободзейское перемирие Прозоровский назвал постыдным⁵² и делал все возможное, чтобы оно выполнено не было. 3 ноября Александр I доводит до сведения Наполеона о прекращении по его приказу эвакуации русских войск из Молдавии и Валахии ввиду того, что перемирие его не устраивает, а турецкая

сторона не намерена вносить в него приемлемые для России изменения⁵³.

После Тильзита стало совершенно ясно, что судьба Молдавии и Валахии будет решаться не на переговорах между Россией и Турцией, а в процессе дипломатических отношений России и Франции⁵⁴. Осенью 1807 г. император Александр I заявил о своих претензиях на Молдавию и Валахию. Первоначально, в середине сентября 1807 г., давая инструкцию своему послу в Париже П.А. Толстому о линии поведения в отношении турецких дел, Александр I предписывал ему на случай, если не удастся добиться от Наполеона больших уступок, требовать, по крайней мере, перехода к России одной Бессарабии с крепостями⁵⁵. Таким образом, в начале осени 1807 г. стремление к перенесению русской границы за Днестр выражал не какой – либо представитель России, не обладавший всей полнотой власти, будь – то министр иностранных дел Чарторыйский или главнокомандующий Молдавской армией Михельсон, а сам русский император, считавший Бессарабию лишь минимумом своих желаний. В действительности, в период после Тильзита в его планы входило включение в состав России также и Валахии и Молдавии⁵⁶. 9 октября 1807 г. представитель Наполеона в Петербурге генерал Савари доносил своему императору, что Румянцев доказывал ему желательность присоединения к России Молдавии и Валахии и ссылался при этом на благоприятную международную обстановку и необходимость оправдания Тильзитского мира «перед нацией»⁵⁷, т. е. перед русскими господствующими слоями. В подобном же духе должен был действовать и русский посол в Париже П.А. Толстой, которому были направлены 26 сентября соответствующие инструкции, а

⁴⁷ Петров А.Н. *Op. cit.*, Т. I, p. 405; Mehmet M. A. *Documente turcești privind istoria României*. Vol. III. 1791 – 1812. București, 1986, p. 221 – 223.

⁴⁸ РИО. Т. 89, с. 134 – 137.

⁴⁹ Петров А.Н. *Op. cit.*, Т. I, p. 283, 287; Hurmuzaki E. *Suppl.* 1 (2), p. 455 – 458, 463 – 465.

⁵⁰ РИО. Т. 89, с. 137.

⁵¹ Там же, с. 86, 134.

⁵² Петров А.Н. *Op. cit.*, Т. 2, p. 8.

⁵³ РИО. Т. 89, с. 726 – 727.

⁵⁴ Germaine Lebel. *Op. cit.*, p. 139.

⁵⁵ РИО. Т. 89, с. 107.

⁵⁶ Нарочницкий А.Л., Казаков Н.И. К истории восточного вопроса. В: Новая и новейшая история. 1969, № 6, с. 66; Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция. М.: Наука, 1966, с. 116.

⁵⁷ РИО. Т. 83, с. 115 – 128.

18 ноября Александр I официально потребовал у Наполеона сохранения за Россией княжеств⁵⁸.

В течение нескольких последующих лет между французскими и русскими представителями шел настоящий торг, в процессе которого должна была решиться судьба Молдавии и Валахии, а также ряда других европейских земель. 26 октября 1807 г. Толстой доносил Румянцеву о беседе с Наполеоном, выступившим против расчленения Турецкой империи, но заявившим, что он не против присоединения к России Молдавии и Валахии и даже Константинополя, но сам бы хотел получить вознаграждение не в Албании и Морею, а в Пруссии. При этом Наполеон предложил также ни что иное, как совместный поход русских, французских и персидских войск в Индию⁵⁹. В свою очередь Савари сообщает 6 декабря 1807 г. Наполеону о беседе с Александром I, напомнившим о том, что в Тильзите не говорилось о вознаграждении Франции за счет Пруссии, как компенсации за приобретение Россией княжеств, а разговор велся о видах Наполеона на Албанию, Морею, Кандию и Ионические острова. По словам Александра I, именно Наполеон первым затронул в Тильзите вопрос о Молдавии и Валахии, заметив, что «после длительной войны нужно предстать перед свои народом в выгодном свете, так чтобы это заставило забыть принесенные жертвы». Александр категорически выступил против расчленения Пруссии, заявив, что на этих условиях он не согласится даже на все турецкие владения⁶⁰.

Впоследствии, еще в течение нескольких месяцев, Наполеон увязывал решение молдавско – валашских дел с уступками России в Пруссии⁶¹, затем он предъявил претензии на Дарданеллы, на что Россия

также не могла согласиться⁶². Далее Наполеон выдвинул требования территориального удовлетворения Австрии и начался торг в новом направлении⁶³. Каждый раз появлялись новые комбинации, и посол России Толстой посылает донесения одно тревожнее другого. Еще 2 января 1808 г. в донесении Н.П. Румянцеву он пишет о невозможности договориться с французами, о нежелании их покинуть стратегически важные позиции в Пруссии, где французская армия содержалась за счет местного населения, и поскольку все это увязывалось с придунайскими делами, предлагал только ограничиться согласием Наполеона на присоединение к России Менгрии и Бессарабии⁶⁴. Ограничиться Бессарабией, о которой шла речь в Тильзите, Толстой предлагает и в следующем донесении Румянцеву, посланном 3 января 1808 г.⁶⁵ Но иной уже была точка зрения императора Александра I, вроде бы забывшего свои планы, которые он развивал в 1806 г.; теперь он категорически настаивал на проведении новой границы по Дунаю. Толстой между тем продолжал посылать тревожные донесения. 25 апреля 1808 г. он прямо предлагает заключить мир с Англией, развеять опасения Австрии на счет желаний России приобрести княжества и т.д., поскольку видел, что Наполеон после войны с Испанией приступит к осуществлению новых захватнических планов⁶⁶.

Менее чем через месяц тот же Толстой со всей настоятельностью пишет о бесперспективности союза с Наполеоном, обещания которого никогда не будут выполнены, настаивает на скорейшем заключении мира с Турцией и прямо отмечает, что приобретение Молдавии и

⁵⁸ Germaine Lebel. *Op. cit.*, p. 143.

⁵⁹ РИО. Т. 89, с. 177 – 180.

⁶⁰ РИО. Т. 83, с. 241 – 245.

⁶¹ РИО. Т. 89, с. 460 – 462.

⁶² Трачевский А.С. (ред.). Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. 1808 – 1812. Т. I. СПб., 1890 (РИО, т. 70), с. 195 – 202; 211 – 216.

⁶³ Трачевский А.С. *Op. cit.*, p. 195 – 202; ВПР, т. 4, с. 650.

⁶⁴ РИО. Т. 89, с. 352 – 354.

⁶⁵ Там же, с. 354 – 359.

⁶⁶ Там же, с. 519 – 525.

Валахии не окупит огромных жертв, ожидающих Россию в будущем⁶⁷. Позиция Александра I оставалась однако непреклонной, да и позиция других держав, казалось благоприятствовала его видам на княжества. 28 февраля Румянцев в письме А.А. Прозоровскому отмечал: «Из Парижа получили мы полное удостоверение, от императора Наполеона, о согласии его, чтобы с одной стороны шведская Финляндия, с другой же княжества Молдавии и Валахии на вечные времена были присоединены к России»⁶⁸. Более чем через полгода, 17 сентября 1808 г. тот же Румянцев доносил Александру I о своей беседе с французским министром иностранных дел Шампиньи, который «не оставил мне желать ничего лучшего, говоря о справедливости сохранения за в. в-ом Молдавии и Валахии, коими Вы уже овладели»⁶⁹.

Австрия внешне также не была против присоединения к России княжеств⁷⁰. В письме Н.П. Румянцева послу России в Вене А.Б. Куракину от 27 июня 1808 г. дается ссылка на венский двор, который «близок даже к мысли помочь нам получить Молдавию и Валахию, если мы согласимся владеть этими провинциями на условиях некоторой модальности»⁷¹. Не совсем, впрочем, было ясно, что следовало понимать под термином модальность, но была важна и такая расплывчатая оговорка. Что же касается Англии, то, по словам Н.П. Румянцева, сказанных им Шампиньи, английское правительство «благожелательно отнесется к приобретению нами Молдавии и Валахии»⁷².

Нам не удалось проверить истинность слов русского министра, но уже после Эрфурта новый французский посол в

Петербурге Коленкур сообщал 22 ноября 1808 г. Шампиньи о распространении в Петербурге копии письма Каннинга Новосильцеву, которое противники союза с Францией всячески использовали, чтобы показать его (союза) невыгодность для России и то, что Англия лучше, нежели Франция, сможет обеспечить присоединение Молдавии и Валахии к России⁷³. Думается, что Англия согласилась бы на подобное приобретение России при условии ее разрыва с Францией; условия выставлялись и Австрией, и Францией, но ни одно из правительств этих стран в то трудное время не высказалось категорически против перенесения русской границы в районах Нижнего Дуная. Оставалось уломать Порту, которую те же правительства тайно противопоставляли России. Но, казалось, что и с Портой удастся договориться, поскольку 30 сентября 1808 г. в Эрфурте подписывается новая франко – российская союзная конвенция.

В восьмой статье этой конвенции говорилось, что российский император «перенес уже границы своей империи с этой стороны до Дуная и присоединил к своей империи Молдавию и Валахию, не находя возможным признать целостность Оттоманской империи иначе, как под этим условием»⁷⁴. Далее говорилось о признании Францией этого приобретения, об отказе ее от посредничества в русско – турецких отношениях, о сохранении в целостности прочих владений Оттоманской империи и пр. Конвенция, однако, предусматривала сохранение в тайне восьмой статьи и последующее решение вопроса о княжествах непосредственно между Россией и Турцией – мирным или вооруженным путем⁷⁵.

Заручившись поддержкой Франции, хотя и сомнительной, ибо последняя продолжала тайно противопоставлять Турцию России, царское правительство решило первоначально пойти на переговоры с

⁶⁷ Там же, с. 564 – 567.

⁶⁸ Петров А. *Op. cit.*, Т. 2, р. 48.

⁶⁹ ВПР. Т. 4, с. 349.

⁷⁰ О тогдашних планах Австрии в районах Нижнего Дуная см.: Grosu A. *Op. cit.*, р. 65 - 70.

⁷¹ Там же, с. 290. О согласии Австрии на присоединение княжеств к России см.: ВПР. Т. 4, с. 390 – 391; Кассо Л.А. *Op. cit.*, р. 59.

⁷² ВПР. Т. 4, с. 350.

⁷³ Трачевский А.С. *Op. cit.*, Т. II, р. 368 – 373.

⁷⁴ ВПР. Т. 4, с. 362 – 363.

⁷⁵ Там же, с. 363.

Портой, но на условиях определения границы между империями по Дунаю⁷⁶. Турция согласилась на переговоры, но Александр I считал, что Порта лишь хотела выиграть время и подготовиться к летней кампании. Русский император предписывал Прозоровскому потребовать от великого визиря скорейшего начала переговоров на условиях границы по Дунаю, независимости Сербии под покровительством России и Турции и признании присоединения к России Грузии, Имеретии и Менгрелии. В случае непринятия этих условий предлагалось возобновить военные действия⁷⁷.

Русскими уполномоченными на переговорах, которые должны были начаться в Яссах, были назначены генералы М.А. Милорадович и И.М. Гартинг и сенатор С.С. Кушников, получившие инструкции от главнокомандующего А.А. Прозоровского. Непременным условием переговоров называлась граница по Дунаю, причем к России должны были перейти все острова, примыкающие к левому берегу реки и все его устье до середины Георгиевского гирла. Прозоровский даже составил проект разделения княжеств на четыре русские губернии, первую из которых должна была составить Бессарабия, вторую Молдавия, а третью и четвертую – Валахия⁷⁸.

Турецкая делегация, возглавлявшаяся реис – эфенди Галибом – видным турецким дипломатом, еще в 1801 г. выезжавшим в Париж и затем возглавлявшим переговоры с Россией в Слободзее⁷⁹, выехала из Стамбула 2 декабря и прибыла в Яссы почти через три месяца - 24 февраля 1809 г. Александр I, отмечая затяжку мирных переговоров Портой, предписывал Прозоровскому возобновить военные действия на Дунае, несмотря на трудности, которые может породить зима

кампания⁸⁰. 21 марта Прозоровский объявил о прекращении давно просроченного, затянувшегося на полтора года перемирия. Решение вопроса о новых границах было переведено на военные рельсы, и 1809 г. ознаменовался активными военными действиями русских войск. Преемнику Прозоровского на посту командующего Молдавской армией генералу П.И. Багратиону удалось добиться значительных успехов. Пали такие крупные турецкие крепости на левом берегу Дуная, как Измаил и Браилов, капитулировавшие перед русскими войсками соответственно в сентябре и ноябре 1809 г. Таким образом, к зиме 1809 – 1810 гг. вся Бессарабия была очищена от турецких войск и на левом берегу Дуная у турок не осталось ни одной крепости, что означало и полное овладение русскими войсками Молдавии и Валахии⁸¹.

Как и прежде, в 1809 г. Россия настаивала на присоединении к ней обоих княжеств, а также Бессарабии. Это подтверждается как предписаниями армейских властей, так и документами русского МИДа, в частности отражающих взаимоотношения России с Австрией и Францией⁸². Примечательно, что 8 декабря 1809 г. в речи перед Законодательным собранием Франции Наполеон громко заявил о присоединении к России Молдавии и Валахии следующими словами: «Мой союзник и друг, российский император, присоединил к своей обширной империи Финляндию, Молдавию, Валахию и один округ Галиции. Я не завидую ничему, что может послужить ко благу этой империи»⁸³. Подобные заверения французского императора были в то время довольно частыми. Он, например, подчеркнул в мае 1810 г., что дал французскому послу в Константинополе инструкции поддерживать права России на Молдавию и Валахию⁸⁴, и при всем этом,

⁷⁶ Там же, с. 368.

⁷⁷ Петров А.Н. *Op. cit.*, Т. 2, р. 544 – 546.

⁷⁸ Кассо Л.А. *Op. cit.*, р. 68.

⁷⁹ Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. М.: Изд АН СССР, 1946, с. 185.

⁸⁰ Петров А.Н. *Op. cit.*, Т. 2, р. 559 – 560.

⁸¹ Бескровный Л.Г. *Op. cit.*, р. 59 – 60.

⁸² Трачевский А.С. *Op. cit.*, Т. IV, р. 125 – 133; ВПР, Т. 5, с. 307, 311 и др.

⁸³ ВПР. Т. 5, с. 364.

⁸⁴ Русский архив. 1877. Кн. III, вып. 3, с. 237 – 240, 252 – 256.

французские агенты активно действовали как в княжествах, экономическое положение которых было крайне тяжелым, так и за Дунаем, и всячески распространяли и поддерживали антирусские настроения⁸⁵. Военные действия однако продолжались и конца им видно не было, а влияние Наполеона продолжало все укрепляться как в Европе в целом, так и в районах близких к княжествам. В конце 1809 г. посылают курьера к Мармону сербы, а в начале 1810 г. они отправляют через Валахию депутатов в Париж⁸⁶. Ощущается влияние французов среди греков и черногорцев. Еще раньше, как писал М.Н. Богданович, «французские агенты в Константинополе старались поселить в турках недоверие к России и поставить Диван в зависимость от Бонапарта»⁸⁷. Все больше чувствовалось приближение конфликта России с Францией. В этих условиях необходимо было уладить отношения с Турцией.

7 февраля 1810 г. новому, уже пятому по счету, русскому командующему Молдавской армией генералу Н.М. Каменскому пересылается Проект мирного трактата с Портой, четвертая статья которого предусматривала присоединение «на вечные времена к Российской империи» Молдавии, Большой и Малой Валахии и Бессарабии⁸⁸. Подробно оговаривалось даже какие острова на Дунае отойдут к России, какие к Турции⁸⁹. Но несмотря на установление контакта Каменского с лагерем великого визиря⁹⁰, несмотря на попытки посредничества Пруссии, благожелательно относившейся к России и желавшей скорейшего окончания русско – турецкой войны и переброски русских дивизий для последующего их использования против Наполеона, 1810 г. также не завершился ликвидацией русско-турецкого конфликта. Более того, в этом году по вопросу о княжествах усилились

австро-русские противоречия⁹¹, а Каменский по – прежнему настаивает на том, что непреложным условием всякого соглашения о перемирии с Турцией является граница по Дунаю, как и ряд других условий⁹². В октябре 1810 г. Н. Румянцев пишет послу России в Вене П.А. Шувалову, что «...при нынешнем состоянии турецких дел и поскольку Франция уже признала Дунай нашей границей с Турцией, е.в – во льстит себя надеждой, что мир будет заключен и даже с меньшей задержкой в результате прямых переговоров, которые начнутся между графом Каменским и великим визирем»⁹³.

В ответ Шувалов доносил Румянцеву о неблагоприятном отношении Австрии к установлению русско-турецкой границы по Дунаю и к включению Молдавии и Валахии в состав России, хотя на словах Меттерних вроде бы был не против подобного акта и соглашался на признание прав России, если Турция уступит их по договору. Шувалов при этом добавлял: «Я сильно сомневаюсь, чтобы Австрия искренне сблизилась с Россией, если не уступить ей безвозмездно Малую Валахию и, весьма возможно, Сербию, хотя этот двор и делает вид, что не желает увеличения Австрии за счет Турции»⁹⁴. Но и в самом начале 1811 г. Александр I не хотел идти ни на какие уступки. 5 января 1811 г. он указывал Н.М. Каменскому: «Мир же заключить, довольствуясь иною границею, нежели Дунай, я не нахожу ни нужды ни приличия»⁹⁵. Действительно, трудно сказать, что было важнее для Александра I в начале 1811 г. нужда или приличие, скорее может быть даже последнее, ибо в этот период успехи России и ее влияние на ход европейских дел были не большими или не намного большими, чем в момент начала русско-турецкой войны.

⁸⁵ Кассо Л.А. *Op. cit.*, p. 74 – 75.

⁸⁶ Богишич В. *Op. cit.*, p. 228.

⁸⁷ Богданович М.Н. *Op. cit.*, p. 329.

⁸⁸ ВГП. Т. 5, с. 364.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Кассо Л.А. *Op. cit.*, p. 76.

⁹¹ ВГП. Т. 5, с. 452, 498, 508, 511, 530.

⁹² ВГП. Т. 5, с. 539.

⁹³ Там же, с. 557 – 558.

⁹⁴ Там же, с. 575.

⁹⁵ ВГП. Т. 6, с. 10.

Сложилась довольно интересная картина. Если в 1806 г. многие из приближенных императора Александра I стояли на позициях присоединения княжеств, а сам он был другого мнения, то через пять лет положение изменилось. Александр I категорически требует границу по Дунаю, а многие из видных сановников начинают понимать невозможность подобной границы, ибо война с Наполеоном приближалась и часть русских войск была переброшена с Дунайского театра, заметно ослабив Молдавскую армию. П. Шувалов вновь, на сей раз 28 января 1811 г. пишет о желании Австрии сблизиться с Россией, но, подчеркивал он, на такое сближение она не пойдет, если Россия, по крайней мере, не откажется от Валахии⁹⁶. Но, несмотря на такие предостережения, ни Александр I, также считавший, что Россия должна значительно расширить свои владения⁹⁷, в начале 1811 г. не собирались идти ни на какие уступки. В инструкции, которые были даны А.Я. Италинскому Румянцевым 27 февраля 1811 г. на случай русско-турецких мирных переговоров, опять неременным основанием для мирного договора было согласие Порты на границу по Дунаю и иные условия не признавались, ибо, как писал Румянцев, «относительно границ высочайшая воля в. праву уже известна»⁹⁸.

Тем временем пришлось произвести новые перемены в русском командовании и на место заболевшего молодого Каменского 2-го, умершего в мае 1811 г., назначается М.И. Кутузов – шестой командующий Молдавской армией, прибывший в Бухарест 1 апреля⁹⁹. М.И. Кутузову, уже принимавшем участие в этой войне при Прозоровском, правой рукой которого он считался, было суждено завершить затянувшийся русско-турецкий конфликт и добиться долгожданного мира. Тогда (с 4 марта 1808 г.) Кутузов командовал в Молдавской армии Главным

корпусом. С Прозоровским у него поначалу были хорошие отношения, но затем они испортилось. Одной из причин был неудачный штурм Браиловской крепости¹⁰⁰. Но в литературе также отмечается, что Кутузов стал играть при престарелом Прозоровском большую роль, причем до такой степени, что офицеры стали обращаться за указаниями к Кутузову, а не к главнокомандующему. Это привело к отправке Кутузова генерал – губернатором в Вильно¹⁰¹. Сейчас он вернулся полноправным командующим и должен был добиться перелома в войне и заключить почетный мир.

Произошло это, однако, на иных основаниях, нежели те, которые выдвигались в начале 1811 г. У Кутузова остались силы почти в два раза меньшие, чем те, которыми располагал Каменский в 1810 г.¹⁰². Все более ухудшавшаяся международная обстановка требовала проведения новой, более гибкой чем прежде, линии. В начале июня впервые промелькнуло упоминание о возможности проведения границы по Сирету¹⁰³, представлявшему удобную в стратегическом отношении преграду. Несколько позднее, но в этом же месяце Кутузов довольно четко излагает тому же Румянцеву пожелание изменить позицию в вопросе о княжествах, считая, что Россия должна оставить за собой лишь Молдавию¹⁰⁴. Это было еще сравнительно оптимистическое предложение, поскольку посол в Париже А.Б. Куракин требовал «как можно скорее заключить, чего бы это нам не стоило, мир с Портой, чтобы получить возможность сосредоточить только на Франции все наше внимание и все усилия»¹⁰⁵. Предложения М.И. Кутузова, понятно, больше импонировали правительству, и в новых инструкциях на

⁹⁶ Там же, с. 47.

⁹⁷ Кассо Л.А. *Op. cit.*, p. 104.

⁹⁸ ВПР. Т. 6, с. 85.

⁹⁹ Петров А. *Op. cit.*, Т. 3, p. 250.

¹⁰⁰ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002, с. 120.

¹⁰¹ Брагин М. Кутузов. М., 1975, с. 99.

¹⁰² Бескровный Л.Г. *Op. cit.*, p. 60.

¹⁰³ ВПР. Т. 6, с. 129.

¹⁰⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов под редакцией Л.Г. Бескровного. Т. III, с. 452 – 454.

¹⁰⁵ ВПР. Т. 6, с. 145.

случай мирных переговоров, одобренных Александром I и подписанных Румянцевым, отмечалось: «Приобретения наши ограничить одною Молдавиею и Бессарабиею. Ежели турецкие министры будут крайне затрудняться уступкою всего княжества, то довольствоваться определением границы по реке Сирету, продолжа оную по Дунаю до впадения его в Черное море»¹⁰⁶. За уступку Турции Валахии требовалась денежная сумма, а также предусматривались внутренние преобразования в этом княжестве, с тем, чтобы облегчить его положение.

Но к мирным переговорам турок еще нужно было принудить, чего и добился М.И. Кутузов в результате блестящих побед под Рущуком и Слободзеей летом и осенью 1811 г. В начале октября этого года верховный визирь, покинувший армию, заманенную туда Кутузовым, окруженную на левом берегу Дуная, предложил русскому командованию пойти на переговоры. Первоначально он заявил, что имеет полномочия только на уступку России Хотина с округою или возмещение определенных издержек России на войну¹⁰⁷, но Кутузов категорически отказался пойти на подобные условия, сославшись на предписание Александра I: «Дунай положить границею своей империи»¹⁰⁸. Через несколько дней турецкие представители уже предложили уступить России не только хотинщину, но и Бендеры, Аккерман, Каушаны, то – есть Бессарабию до Прута¹⁰⁹. Это уже было существенной уступкой со стороны турок, ибо еще несколько месяцев тому назад, в июне Италинский, предпринявший попытку переговоров с великим визирем, выслушивал постоянные отказы турецкого представителя, заявившего, что Турция не уступит ни одной пяди земли¹¹⁰.

Таким образом, в октябре 1811 г. турки пошли на заметные уступки, но Кутузов

чувствовал возможность дальнейшего наращивания требований и оставался непреклонным. Сам он, руководствуясь инструкцией, настаивал на принятии в качестве основы для переговоров границу между Валахией и Молдавией, пытаясь добиться дальнейших уступок со стороны турок¹¹¹. 10 октября визирь послал новое предложение, заключавшее согласие на уступку России Молдавии до Сирета¹¹². Большого, по – видимому, ожидать не приходилось, ибо не только турецкое руководство, но и греки – фанариоты боялись полностью потерять для себя Молдавию, господарский престол которой был драгоценной кормушкой для фанариотов в течение многих десятилетий, и они шли на все, пытаясь сохранить эту золотую жилу. Но турецкая армия была окружена, силы ее таяли на глазах и визирь должен был делать одну уступку за другой. Граница по Сирету дозволялась и инструкциями, имевшимися у Кутузова, и он принял последнее предложение турок. Результатом был созыв 19 октября 1811 г. в маленьком городке – Журже (Джурджу) новой русско-турецкой конференции¹¹³.

Когда начались переговоры в Журже ничто, казалось, не предвещало осложнений и будущего оттягивания умиротворения на целых семь месяцев. И та, и другая делегация к моменту первой встречи сходились в главном, в установлении новой границы России по р. Сирет, но это была лишь кажущаяся согласованность. В первый же день русская сторона предложила включить в состав России Бессарабию, всю Молдавию и дельту Дуная, т. е. Килийское, Сулинское и левый берег Георгиевского гирла¹¹⁴, что встретило резкое противодействие турецких уполномоченных. Последние согласились уступить Бессарабию, Молдавию по Сирет и часть дельты на

¹⁰⁶ Там же, с. 172.

¹⁰⁷ М.И. Кутузов. *Op. cit.*, Т. III, p. 651.

¹⁰⁸ Там же, с. 658.

¹⁰⁹ Там же, с. 654 – 655, 750.

¹¹⁰ Кассо Л.А. *Op. cit.*, p. 104.

¹¹¹ Кутузов М.И. *Op. cit.*, Т. III, p. 750.

¹¹² Кассо Л.А. *Op. cit.*, p. 107.

¹¹³ Mehmet M. Documente turcești privind istoria României. Vol. III, p. 293.

¹¹⁴ Кутузов М.И. *Op. cit.*, Т. III, p. 684.

север от Сулинского гирла¹¹⁵. Требования русских делегатов носили характер чисто дипломатической разведки и не соответствовали реальным видам России. Это стало ясно уже 20 октября, когда Италинский сообщил о согласии Кутузова принять Сирет в качестве границы, и в результате обмена мнений участники конференции пришли к единому выводу о границе по Сирету и Сулинскому гирлу¹¹⁶. Казалось, что главные разногласия уже позади, ибо установление границы по Сирету, как писал Румянцев Кутузову 26 октября, являлось бы главной статьёй будущего мирного трактата¹¹⁷, тогда как границы в Азии, больше интересовавшие турок, не представляли для русского правительства столь значительного интереса.

Новые осложнения начались на заседании 31 октября, когда выявилось явное желание турецкой стороны затянуть продвижение переговоров, ради чего они пошли на усложнение самых простых вопросов¹¹⁸. Это было, однако, лишь началом трудностей. Через несколько дней выяснилось, что делегация не получила полномочий от султана Махмуда II и что он отказывается от установления русско-турецкой границы по р. Сирет. Более того, несмотря на уже сделанную визирем уступку части Молдавии до р. Сирет, султан выразил желание сохранить за собой не только Галац, но и Измаил с округами¹¹⁹. Когда, наконец, прибыли полномочия и 17 ноября они были оглашены, стало ясно, что до окончательного урегулирования вопроса о границах еще далеко. Руководитель турецкой делегации официально заявил о несогласии султана на установление границы по Сирету¹²⁰. Переговоры практически зашли в тупик.

В задачу настоящей работы не входит дальнейшее подробное описание хода

переговоров, поскольку они уже нашли достаточно полное отражение в литературе¹²¹. Нас интересуют лишь основные этапы этого длительного обмена мнениями, продолженного сначала в Джурдже, а затем в Бухаресте и сопровождавшегося упорной борьбой двух делегаций, ни одна из которых не хотела уступать свои позиции. Мира хотела не только Россия, война которой с Наполеоном приближалась, но и Турция, находившаяся в тяжелом экономическом положении и раздираемая острейшими внутренними противоречиями. Но за мир нужно было еще бороться не только за столом переговоров, но и на полях сражений. Пытаясь оказать давление на султана, Кутузов 25 ноября 1811 г. пленил 12 тыс. турок, окруженных на левом берегу Дуная, разоружил их и оставил на зимовку в Валахии¹²². Сам же он перебрался в Бухарест, где продолжились переговоры, но, опять-таки, без успеха.

Недовольный таким ходом конференции Александр I в рескрипте от 12 декабря предписывал разорвать перемирие в случае отказа верховного визиря принять требования русского правительства, восклицая: «Мир, неприличный достоинства России, будет для нее более вреден, нежели полезен»¹²³. Кутузову ничего не оставалось как прервать переговоры, о чем он сообщает Н.П. Румянцеву 3 января 1812 г.¹²⁴, и возобновить военные действия. Последнее, четырнадцатое заседание конференции в 1811 г. состоялось 31 декабря, причем на нем турки проявили еще меньшую уступчивость, чем раньше, требуя сохранения за султаном части Бессарабии, в частности, Измаила и Килии¹²⁵. Любопытно, что в это же самое время Наполеон, подстрекавший турок к

¹¹⁵ Там же, с. 685.

¹¹⁶ Кассо Л.А. *Op. cit.*, p. 112.

¹¹⁷ ВПР. Т. 6, с. 215.

¹¹⁸ Кассо Л.А. *Op. cit.*, p. 112.

¹¹⁹ Кутузов М.И. *Op. cit.*, Т. III, p. 698.

¹²⁰ Кассо Л.А. Указ. соч., с. 114.

¹²¹ Кассо Л.А. *Op. cit.*; Казаков Н.И. Из истории Бухарестского мирного договора 1812 г. В: История СССР. 1967, № 3; Jarcuțchi I., Mischeveca V. Pacea de la București. Chișinău, 1993; Grosu A. *Op.cit.*

¹²² Бескровный Л.Г. *Op. cit.*, p. 73.

¹²³ Кутузов М.И. *Op. cit.*, Т. III, p. 730 – 731.

¹²⁴ Там же, с. 764.

¹²⁵ Кассо Л.А. *Op. cit.*, p. 123.

несогласию с русскими предложениями, обещал австрийцам Молдавию, Валахию и устье Дуная¹²⁶, пытаясь тем самым перед походом на Россию привязать к себе Австрию. Вместе с тем, Наполеон стремился вовлечь в свой поход на Россию и Турцию¹²⁷.

Таким образом, начало 1812 г. было для России еще более тревожным, чем любой из прежних годов со времени войны с турками. Не было видно перспективы ее скорейшего завершения, но по – прежнему граница по Сирету являлась отправным пунктом русских требований к своему сопернику на Нижнем Дунае. В первый день нового, 1812 г. М.И. Кутузов писал визирю: «Действительно, Вашей светлости неизвестно, что уступка территории до р. Сирет являлась условием *sine qua non* перемирия и что условия капитуляции, обеспеченные Вашей армии, могли быть лишь ее следствием»¹²⁸.

Пришлось возобновить военные действия, имея в своем распоряжении значительно уменьшенную армию даже по сравнению с началом 1811 г. и, понятно, что в зимних условиях нельзя было рассчитывать на какие – либо значительные успехи. Даже военный министр России М.Б. Барклай – де – Толли в письме, относящемся к январю 1812 г., писал Александру I о крайней необходимости заключения мира с Турцией и что «мир с Турцией является, таким образом, первым шагом, который надлежит сделать, чтобы обеспечить себе успех в войне против Франции»¹²⁹. Барклай – де – Толли убеждает императора в том, что граница по Сирету выгоднее России, чем обладание Валахией и в плане стратегическом, и в плане возможного сближения с Австрией и Турцией¹³⁰. Но установить эту границу никак не удавалось.

Чтобы как – то воздействовать на турок решили начать подготовку к десанту

русских войск в Стамбул, о чем Александр I направил 16 февраля 1812 г. рескрипт Кутузову, где, среди прочего, писалось: «Желая кончить решительную войну с Портою, не нахожу лучшего средства для достижения сей цели, как произвести сильный удар под стенами Царьграда, совокупно морскими и сухопутными силами»¹³¹. Экспедицию армии и флота должен был возглавить генерал – губернатор Новороссии Э.И. Ришелье¹³². Трудно сказать, рассматривалась ли она как серьезное предприятие. Морская экспедиция да еще зимой или ранней весной, да к тому же тогда, когда Наполеон все больше стягивал свои силы к русским границам – была делом трудно осуществимым. Вероятно, подготовка к подобному десанту должна была больше оказать психологическое воздействие на турецкое правительство и заставить его скорее подписать мир. В апреле 1812 г. подготовка к экспедиции была прекращена в связи с начавшейся в Стамбуле чумой¹³³, но еще до этого была предпринята последняя попытка к возобновлению дипломатических переговоров.

22 марта Александр I направил Кутузову очередной рескрипт, в котором говорилось о необходимости скорейшего заключения мира и в случае крайней необходимости установить границу по р. Прут¹³⁴. Сразу же после получения этого документа Кутузов назначил частную встречу с турецким уполномоченным в Бухаресте. Организовать такую встречу было нетрудно, ибо, несмотря на состояние военных действий, Кутузов не удалил турецких уполномоченных из Бухареста; даже, наоборот, в течение трехмесячного перерыва в переговорах русские представители в личном плане их лучше узнали и, в какой – то степени, сблизились. Встреча Кутузова с турецким уполномоченным состоялась 3 апреля и на ней русский главнокомандующий вновь

¹²⁶ Там же, с. 130.

¹²⁷ Grosu A. *Op. cit.*, p. 94.

¹²⁸ ВПР. Т. 6, с. 257 – 258.

¹²⁹ Там же, с. 269.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Кутузов М.И. *Op. cit.*, Т. III, p. 850 – 852.

¹³² Бескровный Л.Г. *Op. cit.*, p. 74.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Кутузов М.И. *Op. cit.*, Т. III, p. 850 – 852.

выдвинул требование об установлении границы по Сирету¹³⁵. Несмотря на то, что это требование раньше категорически отвергалось турками и было причиной срыва переговоров, тем не менее, 19 апреля они возобновились и состоялось 15 – ое заседание делегаций.

Причин возобновления переговоров было несколько. Они объяснялись, по - видимому, и тем, что турецкие представители почувствовали согласие русских пойти на некоторые уступки, и тяжелым положением Османской империи, и слухами о франко – австрийском сближении, и боязнью Наполеона, и деятельностью английской дипломатии, в частности, английского посла С. Каннинга – впоследствии активно боровшегося против российских интересов на Балканах, а в 1812 г. все делавшего ради заключения мира Турции с Россией и освобождения последней для борьбы с грозным противником Англии – Наполеоном¹³⁶. В литературе отмечается и роль шведских дипломатов, которые сообщили турецкой стороне, что Наполеон после заключения мира с Россией намеревается захватить Константинополь и затем направить свои войска в Иран¹³⁷.

На заседании 19 апреля ничего не говорилось о секретном рескрипте русского императора, но как бы для проформы по-прежнему требовалась граница по Сирету и сохранение занятых территорий в Азии. Эта же граница требовалась еще и в инструкции, которую Кутузов дал русским представителям 18 (30) апреля¹³⁸, но 3 мая, в новой инструкции, предложенной тем же Кутузовым русским уполномоченным, было записано: «Границу между двумя империями будет составлять река Прут, начиная от его истоков в Молдавии до

впадения в него реки Прут до Килийского устья и до моря...»¹³⁹.

После этого дело пошло с молниеносной быстротой. Туркам, которые не хотели отдавать России крепости Измаил и Килию, обещали их срытие, и 5 мая они пошли на составление предварительного текста мирного договора, державшегося первое время в тайне, чтобы французские агенты не могли помешать дальнейшему его оформлению¹⁴⁰. Еще несколько дней были посвящены редакционным работам и 16 мая были подписаны турецкая и французская редакции мирного договора¹⁴¹. Трактат о мире между Россией и Турцией, заключенный в Бухаресте 16 (28) мая 1812 г., состоял из 16 статей, из которых несколько были посвящены вопросам, связанным с установлением новой границы по р. Прут и положением Дунайских княжеств. Наиболее важной статьей, определявшей границу по р. Прут, была статья IV, где было записано: «Первою статью предварительных пунктов, наперед уже подписанных, постановлено, что река Прут со входа ее в Молдавию до соединения ее с Дунаем, и левый берег Дуная с сего соединения до устья Килийского и до моря, будут составлять границу обеих империй, для коих устье сие будет общее»¹⁴².

Далее детализировалось положение о пограничных островах. В трактате четко указывалось, что небольшие острова, необитаемые до войны, и находящиеся напротив Измаила до устья Килийского гирла вблизи к его левому берегу, переходящему к России, не будут принадлежать ни Турции, ни России, на них поэтому нельзя возводить никаких укреплений и никаких других строений. Острова эти должны оставаться

¹³⁵ Там же, с. 877.

¹³⁶ Кассо Л.А. *Op. cit.*, p. 130 – 131, 134 – 136.

¹³⁷ Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2005, с. 98.

¹³⁸ Кутузов М.И. *Op. cit.*, Т. III, p. 869.

¹³⁹ Там же, с. 891; О роли братьев Морузи на этом этапе переговоров см: Кассо Л.А. *Op. cit.*, p. 137 – 139; Jarcuțchi J., Mischevca V. *Op. cit.*, p. 163 – 166; Draghici M. *Istoria Moldovei pe timp de 500 de ani. Vol. 2. București*, 1999, p. 235.

¹⁴⁰ Кассо Л.А. *Op. cit.*, p. 144.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Юзефович Т. Договоры России с Востоком. СПб., 1869, с. 51 – 52.

необитаемыми и подданные обоих государств могут на них приезжать только с целью рыбной ловли и рубки леса. Что касается больших островов, находящихся напротив Измаила и Килии, то они также должны оставаться незаселенными на час расстояния, начиная от самого ближайшего пункта, находящегося на левом берегу Георгиевского гирла. Все это пространство должно быть обозначено соответствующими знаками, а жилища, имевшиеся до войны, как и населенный пункт Старая Килия, должны остаться за этой порубежной чертой. Границей по реке Прут устанавливалась ее середина¹⁴³.

Эта статья также предусматривала то, что купеческие корабли обоих стран, как и прежде, могут плавать как по Георгиевскому, так и по другим гирлам Дуная, а военные русские суда получили право плавать по Килийскому гирлу до впадения р. Прут в Дунай¹⁴⁴. Следующая, V статья посвящалась Валахии и Молдавии, точнее той ее части, которая располагалась между Карпатами и Прутом и оставалась в вассальной зависимости от султана. Эта статья подтверждала предыдущие трактаты, заключенные между Россией и Турцией относительно княжеств, и предусматривала освобождение ее жителей от всяких налогов на два года и оговаривала особый срок для переселения ее жителей в другие места. Последующее налогообложение в Молдавии устанавливалось соответственно ее новому пространству¹⁴⁵, уменьшенному по Бухарестскому мирному договору примерно на третью ее часть.

К Молдавии и Валахии имели отношение еще несколько других статей договора. Статья VII устанавливала восемнадцатимесячный срок для взаимного переселения жителей территорий, присоединенных к России, в Турцию и, наоборот, из Турции в Россию. Это право переселения получили, например, татары, выселенные из Бессарабии в Россию, и в

том случае, если они этим правом желали воспользоваться, то издержки на переселение падали на Порту. Переселиться в области подчиненные султану могли не только мусульмане, но и христиане, жившие на землях, отходивших к России, а в Россию могли переехать христиане, уроженцы этих земель (или имеющие владения в этих местах) со своими семьями и имуществом, по тем или иным причинам очутившиеся вдали от своей родины¹⁴⁶. Статья XI предусматривала вывод русских войск из Молдавии и Валахии в течение трех месяцев со дня ратификации договора, а в статье XVI указывалось, что ратификация должна быть произведена русским императором и турецким султаном¹⁴⁷. Кроме того, были подписаны две секретные отдельные статьи, которые не были ратифицированы турецким правительством и потому не вошли в силу¹⁴⁸.

Таковы были основные статьи Бухарестского мирного договора, имевшего отношение к формированию новой границы Российской империи. В состав России вошла территория площадью в 45, 8 тыс. кв. км., все течение правого берега среднего и нижнего Днестра, Днестровский лиман, бессарабское побережье Черного моря от Днестровского лимана до Георгиевского гирла Дуная, левый берег Георгиевского гирла Дуная от впадения в него р. Прут и до Черного моря, левый берег р. Прут. Россия получила одни из самых плодородных, по словам В.Докучаева, земель в Европе, богатые солью озера Южной Бессарабии и т.д. В состав России вошли крупные крепости: Хотинская, Сорокская, Бендерская, Аккерманская, Килийская, Измаильская, бывшие ареной многочисленных сражений, которые приходилось вести в этих местах русской армии.

Вся эта территория, окаймленная Днестром, Прутом, Черным морем и Дунаем первое время не имела единого

¹⁴³ Там же, с. 52.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же, с. 53.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же, с. 56.

¹⁴⁸ ВПР. Т. 6, с. 416 – 317, 468, 751.

названия. Во второй половине 1812 г. ее начали называть Бессарабией, распространив название ее южной части на все междуречье. А в 1813 г. создается Бессарабская область – новая историческая общность в составе России. Она обладала автономией в ее составе, в начале в соответствии с «Правилами временного правления Бессарабии» 1813 г., а затем «Уставом образования Бессарабской области» 1818 г. – своеобразных конституций этого края. Жителям была гарантирована сохранность личности, был положен конец многочисленным татарским и турецким набегам. Бессарабия, прежде являвшаяся ареной бесчисленных войн, более чем на сто лет была освобождена от каких – либо вооруженных конфликтов и превратилась в один из самых спокойных уголков Европы. Освобождение Бессарабии от турецкого господства, уничтожение турецкой торговой монополии, создание внутреннего бессарабского рынка (с 1812 по 1830 гг. Бессарабия находилась между двумя таможенями) как части общероссийского, ликвидация внутренних таможен (в Молдавском княжестве они были отменены только с 1 января 1830 г.¹⁴⁹) дали сильнейший толчок для развития бессарабской экономики, Здесь совершается переход от преимущественного занятия животноводством к земледелию, и вскоре Бессарабия занимает первое место в России по производству винограда и вина, табака, одно из первых мест по сбору зерна и т.д. Южная Бессарабия с ее дунайскими портами, соляными озерами, выходом к морю, обширными пастбищами хорошо дополняла центральную и северную части Бессарабии, с более развитым зерновым хозяйством, виноградарством, животноводством, их лесами. Таким образом, в сравнительно короткий период времени Бессарабии удалось преодолеть и ряд тяжелых последствий, связанных с русско-турецкой войной и разрывом прежних экономических связей. Вскоре,

¹⁴⁹ Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и России (20 – 30 годы XIX века). М.: Наука, 1966, с. 221.

особенно после 1829 г. Бессарабия становится одним из крупных экспортеров сельскохозяйственной продукции в Европе.

Если турецкие райя Бессарабии и земли населенные буджакскими ногайцами находились на стадии восточного феодализма, а территория Молдавского княжества относилась к так называемому переходному феодализму от восточного к западному, то, включившись в состав России, Бессарабия оказалась в системе европейского феодализма, более развитого по сравнению с восточным и более способствовавшему переходу к буржуазным отношениям. Бессарабия оказалась в системе более развитой цивилизации, уже в значительной степени европеизировавшейся. Если произошло отделение центральной части Пруто – Днестровского междуречья от остальной части Молдавского княжества, а до этого еще в 1775 г. от молдаван Буковины, то, в свою очередь, происходит соединение их с Северной и Южной Бессарабией, а также с молдаванами Заднестровья, которых в 1812 г. было уже довольно значительное число (до 30 % молдаван России). Таким образом, происходит ликвидация Пруто-Днестровской чересполосицы, ее деление на турецкую, татаро-ногайскую и молдавскую зоны¹⁵⁰.

Подписание мирного договора в Бухаресте еще не означало, что трудностям в русско-турецких отношениях был положен конец. Впереди было еще много нерешенных проблем и одной из них должна была стать своевременная ратификация договора, поскольку уже в начале июня русские государственные деятели выражали глубокое беспокойство по случаю тех препятствий, которые чинил его ратификации султан¹⁵¹. Александр I ратифицировал договор 11 июня¹⁵², за день

¹⁵⁰ В литературе иногда пишется о потере Молдавским княжеством в 1812 г. 50 % ее территории (Никифоров А.А. Русско – румынские отношения и формирование границы. В: Военно – исторический журнал. 1990, № 12, с.5). В действительности княжество потеряло примерно 36 % своей территории.

¹⁵¹ ВПР. Т. 6, с. 437.

¹⁵² Петров А. *Op. cit.*, Т. III, р. 395.

до вторжения Наполеона в Россию, султан же продолжал проводить выжидательную политику и ратифицировал договор лишь в июле, о чем Александр объявил с радостью в Москве 8 июля и назвал Бухарестский мир «Богодарованным»¹⁵³. Мир был весьма желанным и заметно поднял дух русских войск, выступивших против наполеоновской армады. Самое же главное, это то, что была освобождена от войны с Турцией Молдавская армия, которая во главе со своим новым командующим адмиралом Чичаговым была направлена на Север для борьбы с Наполеоном. Интересно, что в самой Молдавии планы Наполеона в его походе на Россию видели в детронизации Александра I и разделе большой страны на ряд маленьких государств¹⁵⁴.

Чичагов был седьмым командующим Молдавской армии. Он прибыл в княжества в мае 1812 г., имея особые инструкции, и пытался изменить в лучшую сторону для России условия Бухарестского мира. Но все его попытки оказались тщетными. Следуя инструкциям, он строит планы десанта против Стамбула, а после начала войны с Наполеоном, предполагает направить имевшиеся в его распоряжении четыре дивизии в Далмацию, предпринимает меры для создания славянского ополчения и пр.¹⁵⁵, пока не получает единственно правильное в тех условиях распоряжение Александра I от 18 июля о переброске Молдавской армии на Север¹⁵⁶. Ни Чичагов, ни находившиеся при нем дипломаты – И. Каподистрия и А. Стурдза ничего уже поделать не могли, не могли они заключить союз с Турцией, о котором так радел Александр I. Но Турция хотела занять в период жесточайшей борьбы двух гигантов нейтральную позицию, желая, чтобы они как можно больше друг друга ослабили.

Ряд сложностей обнаружился и при управлении нового края, в котором

большую роль сыграли И. Каподистрия и А. Стурдза – выходец из омолодавившихся греков, переселившихся в Россию, отец которого стал первым гражданским губернатором Бессарабской области. Организация управления новых территорий, обычно, всегда связана с трудностями различного рода, но в условиях, когда России пришлось все свои силы бросить на борьбу с Наполеоном, эти трудности еще более увеличились. Не обошлось и без недовольных. 26 октября 1812 г. группа бояр Молдавского княжества составила протест против присоединения Бессарабии к России и требовала восстановления прежних границ. Этот протест был направлен султану новым господарем Скарлатом Каллимахи, отказавшимся, однако, послать его другим державам, в первую очередь, России¹⁵⁷.

Нет ничего удивительного в том, что молдавские бояре были недовольны разделом княжества, это было вполне естественно, ибо они потеряли власть над значительной частью территории страны, власть, которую им, кстати, раньше приходилось делить с фанариотами, не говоря уже о верховной власти султана. Другая причина протеста заключалась в том, что часть имений бояр находилась в Молдавии, часть в Бессарабии, и это порождало значительные трудности, и большинство из них решило переехать в княжество, поскольку их также интересовали высокооплачиваемые должности, приносившие в то время большой доход, нежели эксплуатация имений. Особо обращает внимание время составления протеста – 26 октября 1812 г., то – есть протест был составлен не в мае, когда были подписаны условия договора, не в начале июля, когда он был ратифицирован и царем, и султаном, а почти четыре месяца со времени ратификации и через два месяца после вывода русских войск из княжеств, когда стало известно о падении Москвы и

¹⁵³ Там же, с. 396.

¹⁵⁴ Draghici M. *Op. cit.*, p. 243.

¹⁵⁵ ВПР. Т. 6, с. 393, 443, 459, 460.

¹⁵⁶ Горяинов С. 1812, с. 89 – 90.

¹⁵⁷ Georgescu – Vrancea C. Boierimea basarabeană și pacea din București din anul 1812. În: Arhivele Basarabiei. Chișinău. 1934, № 2, p. 173 – 174.

трудностях, испытываемых Россией. Не исключено, что здесь не обошлось без подстрекательства турок, французов или австрийцев, которым молдавские бояре, не имея поддержки русского правительства, решились пойти навстречу. Ведь совсем недавно, узнав о заключении мира, молдавский диван выразил свою «невыразимую радость» по поводу увеличения границ России, как это подобает «настоящим и верным патриотам»¹⁵⁸. Не исключено, что в составлении обоих документов могли быть одни и те же бояре. Но необходимо иметь в виду, что все – таки часть молдавского боярства осталась в Бессарабии и участвовала в управлении областью, получив также значительные земельные массивы на территориях покинутых турками и ногайцами. Кстати уже в декабре 1813 г. последовало очередное прошение молдаван к России с просьбой о покровительстве¹⁵⁹.

Недовольные были не только среди господствующего класса, но и среди части крестьян. Опять – таки большую роль при этом сыграла нестабильность управления Бессарабией, а также слухи о возвращении турок, слухи, казавшиеся реальными после падения Москвы и того, что после предыдущих русско-турецких войн турки, как и татары, действительно возвращались в Бессарабию. Имела значение и агитация бояр, стремившихся привлечь в свои имения за Прутом как можно больше крестьян и распространявших слухи о скором введении крепостного права в Бессарабии. Случаи агитации среди местного населения, как турок, так и запрутских обитателей были зафиксированы русскими властями и отмечены в специальных нотах, направленных турецкому правительству¹⁶⁰.

Выселение части крестьян из Бессарабии чрезвычайно обеспокоило Александра I,

опасавшегося не только сокращения своих подданных, но и того, какой эффект это произведет на население Балканского полуострова. Дело в том, что молдаване стали первым православным народом Юго-Восточной Европы, значительная часть которого вошла в состав России. Его пример должен был повлиять на остальные народы этого региона, и российское правительство и в те годы, и позднее всячески стремилось показать плоды своего попечительства. 14 апреля 1815 г. Александр I предписывает командующему войсками в Бессарабии и новому ее гражданскому губернатору обратить максимум внимания на упорядочение дел в Бессарабии. Александр I писал: «Желая устроить участь и благоденствие сего края, основав оное на внутреннем благоустройстве и на местных обычаях и законах, повелеваю Вам обратить неусыпное попечение на прекращение злоупотреблений, отягощающих народ бессарабский, строго взыскивая за малейшее нарушение прав и преимуществ оному предоставленных»¹⁶¹.

В 1818 г. Александр посещает Бессарабию и в этом же году издается закон под названием «Устав образования Бессарабской области 1818 года», позволивший заметно упорядочить местные дела. Еще через два года, в связи с событиями Восточного кризиса 20 – гг., в Бессарабию началось массовое переселение из Молдавии и Валахии, как крестьян, так и бояр, воочию убедившихся в преимуществах, которые получила Бессарабия по сравнению с состоянием крайнего беззакония, охватившего Дунайские княжества после подавления восстаний этеристов и Тудора Владимиреску и сопровождавшихся грабежами и убийствами со стороны турецких войск. Население Бессарабии быстро увеличивалось и по темпам его роста, в том числе и молдавского, оно значительно опережает Молдавское княжество.

¹⁵⁸ История Бессарабии (От истоков до 1998 года). / Изд. 2-е, перераб. и доп. Координатор И.Скурту. Кишинэу: Онисифор и Октавиан Гибу, 2001, с. 36.

¹⁵⁹ Никифоров А.А. *Op. cit.*, p. 5.

¹⁶⁰ ВПР. Т. 9. М., 1974, с. 725.

¹⁶¹ ВПР. Т. 8, с. 281.

Если определенный порядок в Бессарабии удалось навести в течение нескольких лет, то значительно сложнее обстояло дело с урегулированием русско-турецких отношений и, в частности, с разграничением на Дунае. Время войны с Наполеоном было годами крайнего напряжения сил России. Тревожные слухи то и дело доносились с разных сторон и о нападениях, которым может она подвергнуться со стороны новой ее Юго-Западной границы. То, как вполне реальные, воспринимались слухи о желании французов и австрийцев нанести удар по частям Молдавской армии в Валахии и Молдавии¹⁶², то о стремлении турок вернуть потерянные ими в войнах территории, то уже не так, как отражение слухов, а реальных фактов – русский посол в Стамбуле доносит о конфискации русского хлеба в Турции. Поскольку Турцию действительно охватил голод и, не желая обострять отношения с ней, русское правительство согласилось уступить часть хлеба на льготных условиях¹⁶³. В районе же Дуная турки пошли на прямое нарушение Бухарестского договора. Не говоря уже об их ударах по сербам, турки начали возводить укрепления в тех местах дельты Дуная, в которых это строго запрещалось мирным договором. Турки требуют незаконных пошлин, а их подданные нарушают границу в районе Нижнего Дуная с Россией¹⁶⁴. Вместе с тем, достичь законного размежевания на Дунае никак не удавалось. Оно затянулось на несколько лет и прошло несколько этапов.

Для проведения точной границы между Россией и Османской империей была создана смешанная русско-турецкая комиссия, представителем в которой со стороны России был бессарабский гражданский губернатор И.М. Гартинг. 19 (31) мая 1813 г. он доносил властям о трудностях, встретившихся при выполнении IV статьи Бухарестского мирного договора, и отказе турок

установить границу там, где этого требовали условия договора¹⁶⁵. В связи с этим русский посланник в Стамбуле А.Я. Италинский посылает 20 августа 1813 г. ноту турецкому правительству, показывая необоснованность притязаний Порты на обладание всеми островами на Дунае, которые в соответствии с договором должны находиться в общем владении и оставаться незаселенными. Италинский также указал на необоснованность требований представителя Турции, добившегося проведения пограничной линии на расстоянии лишь одного часа пути от Измаила и Кили, тогда как договор устанавливал границу по большим островам¹⁶⁶. Имели место трехдневные переговоры бессарабского губернатора И.М. Гартинга с турецким комиссаром Мустафой Назир – эфенди в Измаиле, и новые их переговоры в Измаиле в феврале 1815 г.¹⁶⁷ Урегулирование затягивалось и в апреле 1815 г. Александр I в специальном рескрипте Гартингу предложил «отложить окончание сего дела впредь до благоприятнейшего времени»¹⁶⁸. Но время это наступило не сразу.

В период Венского конгресса 1814 – 1815 гг. турецкая сторона пыталась склонить европейские державы к пересмотру Бухарестского мира и возвратить присоединенные по этому миру к России земли. Но великие державы не поддержали эти требования Порты и тем самым признали правомерность присоединения Бессарабии к России¹⁶⁹. 23 июня 1815 г. Италинский посылает довольно резкую ноту турецкому правительству, где отмечает нарушение границы турецкими подданными в районе Вилкова и нежелание турок уладить

¹⁶² ВПР. Т. 6, с. 528.

¹⁶³ ВПР. Т. 6, с. 594; Т. 7, с. 52, 83.

¹⁶⁴ ВПР. Т. 7, с. 188; Т. 8, с. 79, 291; Т. 9, с. 334.

¹⁶⁵ ВПР. Т. 8, с. 89.

¹⁶⁶ ВПР. Т. 7, с. 363.

¹⁶⁷ Чертан Е.Е. Новые данные об установлении государственной границы России по Дунаю в 1813 – 1817 годах. В: Вековая дружба. Кишинев, 1961, с. 254 – 257.

¹⁶⁸ ВПР. Т. 8, с. 280.

¹⁶⁹ Федоров Г.К. Государственно – административное устройство и местное право Бессарабии (1812 - 1917 гг.). Кишинев: КГУ, 1974, с. 36.

отношения в этом районе. Русский посол также заявил, что деятельность по урегулированию с русской стороны прекращается и бессарабский губернатор прерывает всякие контакты с турецким представителем до тех пор, пока Порты не обяжет действовать его в соответствии с договором¹⁷⁰. По требованию Гартинга переговоры с турецким представителем шли в Кишиневе в октябре 1815 г. и опять без особых результатов¹⁷¹.

Вскоре Италинский покидает Стамбул и послом России в столице Турции становится Г.А. Строганов, в инструкциях которому, данных Министерством иностранных дел 20 мая 1816 г., предписывалось урегулировать русско-турецкие отношения и, среди прочего, положить конец противоречиям в районе Дуная¹⁷². В 1816 г. Строганов посылает ряд нот турецкому правительству о нарушении русско-турецкой границы турецкими подданными (преимущественно казаками – некрасовцами). В одной из них он пишет, что Россия «не может спокойно и равнодушно взирать на постоянное противодействие Блистательной Порты демаркации дунайской границы и на вытекающие из этого последствия, относящиеся к выполнению ст. 4 договора»¹⁷³.

Действительно, русское правительство всячески старалось покончить с неопределенностью, сохранявшейся со времени Бухарестского договора. В середине 1816 г. представителем России в русско-турецкой комиссии по установлению границы по Дунаю назначается инженер – полковник И.Ф. Богданович, который побывал в Турции и Молдавии и составил подробную карту дунайских гирл. Разграничительная линия, нанесенная на ней Строгановым, была предметом русско-турецкой конференции 5 (17) апреля 1817 г., где представителем России был Строганов, а представителем

Турции реис – эфенди, т.е. министр иностранных дел. Но обе стороны не смогли прийти к соглашению¹⁷⁴. Реис – эфенди и впоследствии заявлял о несогласии с предложенной русской делегацией разграничительной линией, которая, по его словам, «слишком расходится с постановлениями Бухарестского договора», более того, он даже намекал на пересмотр условий договора по вопросам о Старой Килии¹⁷⁵. Урегулирование могло затянуться на неопределенное время, но на заседании комиссии по разграничению, состоявшемся 21 августа 1817 г., представители Турции согласились, наконец, прийти к общему с Россией соглашению. На переговорах было признано, что разграничительная линия пройдет от места разделения Дунайского устья на два гирла по островам Четал и Лети в часе расстояния от левого берега Сулинского гирла и до Черного моря. После переселения жителей и перенесения строений, линия эта должна быть отмечена вехами турецкой стороней. Вся же территория между этой линией и Килийским гирлом, в соответствии с договором, оставалась владением Турции, но не должна была подлежать заселению и застройкам. Порты должна была также в течение года эвакуировать Старую Килию и строго следить за тем, чтобы ее подданные не нарушали границу¹⁷⁶.

Таким образом, удалось прийти к определенному соглашению, и в ноябре того же 1817 г. Александр I утвердил договоренность о разграничении по Дунаю и назначил российским комиссаром в комиссию по разграничению И.Ф. Богдановича¹⁷⁷. Следовательно, после заключения Бухарестского мира 1812 г. прошло более 5 лет, прежде чем по вопросу о границе на Дунае была достигнута определенная договоренность. Столь долгая неурегулированность объяснялась

¹⁷⁰ ВПР. Т. 8, с. 414 – 415.

¹⁷¹ Черган Е.Е. *Op. cit.*, p. 257 – 259.

¹⁷² ВПР. Т. 9, с. 172.

¹⁷³ ВПР. Т. 9, с. 334.

¹⁷⁴ Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 4. М., 1901, с. 8 – 18.

¹⁷⁵ ВПР. Т. 9, с. 542 – 543.

¹⁷⁶ ВПР. Т. 9, с. 760 – 761.

¹⁷⁷ Там же, с. 761.

не только некоторой расплывчатостью формулировок, отмеченных в статье IV Бухарестского договора, а прежде всего сложностью русско-турецких отношений того времени.

Таковы были последствия Бухарестского договора, которые привели к разграничительным работам лишь через пять с лишним лет после его заключения. Это, понятно, не привело к окончательной ликвидации русско-турецких противоречий, но к периоду Восточного кризиса 20 - х они были сравнительно незначительными. Их обострение в 20 – е гг. привело к тому, что Дельта Дуная по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. была передана России и стала составной частью Бессарабской областью¹⁷⁸. Кстати, в соответствии с этим договором, по настоянию России Валахии были переданы придунайские города – крепости Брэила, Джурджу и Турну с округами, а также 88 островов Дуная. Всего, таким образом, Валахия получила примерно 230 тыс. гектаров плодородных придунайских земель, а Брэила становится крупнейшим валашским портом. Часть этих земель была превращена в государственную собственность, которая приносила в самом своем начале валашской казне доход в 500 тыс. лей¹⁷⁹. Таким образом, территориальные приращения в районе Нижнего Дуная получила в то время не только Россия, но и Валахия.

Библиография:

1. Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М.: Наука, 1974. 360 с.
2. Богишич В. Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872.
3. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. I. М.: Госполитиздат, 1960. 800 с.

¹⁷⁸ См. подробнее: Гросул В.Я. Формирование русско – турецкой границы по Адрианопольскому миру 1829 г. и Парижскому трактату 1856 г. В: Формирование границ России с Турцией и Ираном XVIII – начало XX вв. II. М., 1979, с.226 – 235; Ciobotea D. , Osias V. *Op. cit.*, p. 65.

¹⁷⁹ Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия. *Op. cit.*, p. 277.

4. Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII – XIX вв.: (Внутр. положение, предпосылки нац. - освобод. движений) / В. П. Грачев; Отв. ред. Н. И. Хитрова; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1990. 194 с.

5. Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20 – 30 годы XIX века). М.: Наука, 1966. 406 с.

6. Гросул В.Я. Формирование русско-турецкой границы по Адрианопольскому миру 1829 г. и Парижскому трактату 1856 г. В: Формирование границ России с Турцией и Ираном XVIII – начало XX вв. II. М., 1979.

7. Гросул В.Я. Формирование русско-турецкой границы по Бухарестскому миру 1812 года. В: Формирование границ России с Турцией и Ираном XVIII – начало XX вв. II. М., 1979.

8. Гросул Г.С., Даниленко Р.В. К вопросу об участии волонтеров из Дунайских княжеств в русско-турецкой войне 1806 – 1812 гг. В: Известия АН МССР. № 2 (80). Кишинев, 1961.

9. Энциклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Вол. I. Кишинэу, 1970.

10. История Бессарабии (От истоков до 1998 года). / Изд. 2-е, перераб. и доп. Координатор И.Скурту. Кишинэу: Онисифор и Октавиан Гибу, 2001, 360 с.

11. История внешней политики России: Первая половина XIX века. М.: Междунар. отношения, 1995.

12. История дипломатии. 2-ое изд. Т. I. М., 1960.

13. Казаков Н.И. Из истории Бухарестского мирного договора 1812 г. В: История СССР. 1967, № 3.

14. Кассо Л.А. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М.: Печ. А. Снегиревой, 1913. 230 с.

15. Крупянский В. Ф. «Воспоминания помещика Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии капитана В. Ф. Крупянского об участии в войнах с Турцией и Францией в период 1807 - 1814 гг.». Екатеринослав, 1912, с. 40 - 68.

16. Кутузов в Дунайских княжествах (Сборник документов). / ЦГИА Молдавской ССР. Кишинев: Госиздат, 1948.

17. Кутузов М.И. Сборник документов под редакцией Л.Г. Бескровного. Т. III.

18. Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. М-Л: Академия наук СССР, 1946. 504 с.

19. Нарочницкий А.Л., Казаков Н.И. К истории восточного вопроса. В: Новая и новейшая история. 1969, № 6.

20. Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М.: ИВ РАН, 1999. 230 с.

21. Петров А.Н. Война России с Турцией 1806 – 1812. Т. I, СПб. М.: Военная Типография, 1885. 1504 с.

22. РИО (Сборник императорского русского исторического общества). Т. 89. СПб., 1893.

23. Селях Г.Н. Русско-турецкое соглашение 1892 г. о Дунайских княжествах. В: Вопросы истории. 1961, № 12, с. 195 – 202.

24. Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801-1812 гг. М.: Наука, 1966. 206 с.

25. Соловьев С.М. Сочинения. Книга XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. 733 с.
26. Трачевский А.С. (ред.). Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. 1808 – 1812. Т. I. СПб., 1890 (РИО, т. 70).
27. Федоров Г.К. Государственно – административное устройство и местное право Бессарабии (1812 – 1917 гг.). Кишинев: ГКУ, 1974. 140 с.
28. Чертан Е.Е. Новые данные об установлении государственной границы России по Дунаю в 1813 – 1817 годах. В: Вековая дружба. Кишинев, 1961, с. 254 – 257.
29. Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 4. М., 1901.
30. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. СПб., 1869, с. 51 – 52.
31. Agachi A. Țara Moldovei și Țara Românească sub ocupația militară rusă (1806 – 1812). Chișinău: Ed. PONTOS, 2008. 207 p.
32. Bezviconi G. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse. București: Tritonic, 1962. 390 p.
33. Ciobotea D., Osiac V. Politica imperiului țarist la Dunărea de Jos (1711 – 1878). Craiova: Aius Printed, 2008.
34. Columbeanu S. Contribuții privind situația internațională a Țărilor Române între anii 1806 – 1812. În: Revista de istorie. 1976, № 5, p. 657 – 676.
35. Draghici M. Istoria Moldovei pe timp de 500 de ani până în zilele noastre. București: Editura Semne, 1998-1999. 360 p.
36. Georgescu – Vrancea C. Boierimea basarabeană și pacea din București din anul 1812. În: Arhivele Basarabiei. Chișinău. 1934, № 2, p. 179 - 180.
37. Grosu A. Rusia la Dunărea de Jos. Pacea de la București (mai 1812). În: Studii și materiale de istorie moderna. Vol. X. București, 1996.
38. Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria Românilor. Vol. XIX. Part. 2.
39. Jarcuțchi I., Mischevca V. Pacea de la București. Chișinău: Editura „Știința”, 1993. 192 p.
40. Germaine Lebel. La France et les Principautés danubiennes: du XVIe siècle à la chute de Napoléon Ier. Paris: P.U.F., 1955. 462 p.
41. Mehmet M. A. Documente turcești privind istoria României. Vol. III. 1791 – 1812. București, 1986, p. 221 – 223.

Copyright©GROSUL Vladislav, 2012.

ВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ МЕЖДУВОЕННОЙ РУМЫНИИ (1918 – 1940 ГГ.): АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Владимир МАКАРЧУК*

Назарий РУДЫЙ**

ABSTRACT: EASTERN BORDERS OF INTERWAR ROMANIA (1918 – 1940): ASPECTS OF INTERNATIONAL LAW

The given article examines the historical background and facts of the territorial expansion of the Romanian Kingdom to the East that were realized by Bucharest at the end of World War I. Moreover the article analyzes a compliance of foreign policy activity of Romania of that time the existing norms of international law.

Modern international law provides for the possibility of rejection of the territory of the aggressor as the sanction of the State of the winner (the most famous example of this kind is the Potsdam Agreement of 1945 across Eastern Prussia). The acquisition of the territory of the defeated enemy in the so-called old international law was a legitimate way to increase the national territory. By the way, irrespectively, it was dealt with the aggressor or with victim of aggression. But also in this case it was required a conclusion of the post-war peace treaty: an increment of the occupied territory by the one-sided legal act of a State winner (the occupier) wasn't allowed.

De lege lata, in terms of operating International Law in 1918-1940 a Romanian occupation of Bessarabia could not be legitimized neither by Sfatul Tarii initiative nor by the decisions of the Versailles conference on transfer of the region to Romania.

Nemo ad alterum plus iuris transfere potest quam ipse habet (lat.) - No one can transfer to another any greater right than he himself has. Russia wasn't presented at Versailles and wasn't considered as a defeated state, whose territory the winner state would have the right to hack. And vice versa – the Romanian title to Bukovina, including its northern part, was quite legitimate, its acquisition answered norms of *ius cogens* of old international law of that time, though stayed in a contradiction with the right of the nations to self-determination (*ius cogens* norm of already so-called new international law).

Keywords: eastern borders, The Right of Nations to self-determination, The Aggressor State, State winner.

REZUMAT: FRONTIERA RĂSĂRITEANĂ A ROMÂNIEI ÎN PERIOADA INTERBELICĂ (1918-1940): ASPECTE DE DREPT INTERNAȚIONAL

Acest articol se la analiza contextului istoric și circumstanțelor concrete ale expansiunii teritoriale a Regatului României la Est, efectuată de București spre sfârșitul primului război mondial, precum și activitatea politică externă a României conform prevederilor normelor dreptului internațional de la acel timp.

Dreptul internațional contemporan prevede posibilitatea excluderii unei părți a teritoriului statului agresor ca o sancțiune a statului câștigător (cel mai faimos exemplu de acest fel este Acordul de la Potsdam din 1945 privitor la Prusia Orientală). Așa-numitul drept internațional vechi prevedea achiziția unei părți din teritoriul unui dușman înfrânt, ceia ce se considera ca modalitate destul de legitimă de a crește teritoriul statului, indiferent, dacă era vorba despre agresor sau victima de agresiune. Însă, și în acest caz era necesar să se încheie

* **MACARCIUC Vladimir** - Doctor habilitat în drept, profesor universitar. Universitatea Națională "Politehnica din Lvov". (Lvov, Ucraina); **МАКАРЧУК Владимир** - Doctor of Legal Sciences, Professor, Lviv Polytechnic National University. (Lviv, Ukraine); **МАКАРЧУК Владимир** - Доктор юридических наук, профессор, Национальный университет «Львовская политехника». (Львов, Украина).

** **RUDÎI Nazar** - Doctor în drept, Universitatea Națională a Afacerilor Interne din Lvov (Lvov, Ucraina); **RUDY Nazariy** - PhD of Legal Sciences, Lviv National University of Internal Affairs. (Lviv, Ukraine); **РУДЫЙ Назарий** - Кандидат юридических наук, Львовский государственный университет внутренних дел. (Львов, Украина).

Tratatul de pace postbelică, iar incrementarea unilaterală a teritoriul ocupat printr-un act juridic intern doar a câștigătorului (ocupația) nu era permisă.

De lege lata – din punct de vedere al dreptului internațional care acționa în perioada 1918-1940 ocupația română a Basarabiei nu putea fi legitimată, fie din inițiativa Sfatului Țării, fie prin deciziile Conferinței de la Versailles privitor la transferarea Basarabiei României.

Nemo ad alterum plus iuris transfere potest quam ipse habet (LAT.) – nimeni nu poate transmite mai multe drepturi decât le are el însuși. Rusia nu era reprezentată la Versailles și nu era considerată ca un stat învins, teritoriul căruia câștigătorii ar fi avut dreptul să-l împartă. Și, dimpotrivă, titlul de dobândire a Bucovinei de către România, inclusiv și partea ei de Nord, a fost destul de legitim, deoarece întrunește normele **jus cogens** conform prevederilor dreptului internațional vechi de atunci, deși era în contradicție cu dreptul națiunilor la autodeterminare (norma de **jus cogens** deja conform prevederilor noului drept internațional).

Cuvinte-cheie: frontierele răsăritene, dreptul națiunilor la autodeterminare, stat agresor, stat victorios

Ключевые слова: восточные границы, право наций на самоопределение, государство-агрессор, государство-победитель.

Рассматриваются исторические предпосылки и фактические обстоятельства территориального расширения Румынского Королевства на Восток, осуществленные Бухарестом на исходе Первой мировой войны, а также соответствие внешнеполитической активности Румынии того времени нормам действующего международного права.

Ключевые слова: Бессарабия, Буковина, Версальская конференция, система Версальских договоров, старое международное право, новое международное право, право наций на самоопределение.

Постановка проблемы: Территориальные противоречия между Украиной и Румынией окончательно сняты с подписанием базового двустороннего договора «Об отношениях добрососедства и сотрудничества между Украиной и Румынией» (1997 г.), а также после принятия в феврале 2009 г. Международным судом ООН в Гааге решения о разграничении территориального шельфа между двумя государствами.

Тем не менее, определенные трения остаются; часть румынской общественности считает, что в отношении их народа и государства в 1940–1948 гг. осуществлялся советский диктат, а территория Румынии подверглась необоснованному уменьшению. Не касаясь вопроса территориального урегулирования между СССР и Румынией, осуществленного в 40-х гг. прошлого века

(это – отдельная тема), рассмотрим юридическую обоснованность восточных границ Румынского Королевства состоянием на 1918 – 1940 гг.

Изложение основного материала: В итоге Первой мировой войны территория Румынии увеличилась более чем в два раза, – с 131, 3 до 295 тыс. кв. км., а население почти втрое – с 6,7 до 18 млн. чел.¹ Что характерно, особой доблестью румынская армия на полях сражений не блистала. Вступив в Первую мировую войну 14 (27 августа) 1916 г., Румыния была жестоко бита врагом. Уже в начале 1917 г. немецкие и австро-венгерские войска оккупировали 99 845 кв км (72,4 %) довоенной румынской территории. Румынский фронт держался лишь благодаря российской поддержке. На сентябрь 1917 г. в его составе насчитывалось 1 976 260 комбатантов и не комбатантов российской армии и лишь 458 тыс. собственно румынских военнослужащих.²

Еще 9 ноября 1918 г., то есть за три дня до формального окончания Первой мировой войны, Бухарест – по собственной инициативе – объявил о разрыве Бухарестского договора 1916 г. со странами Антанты, поскольку этот договор

¹ Яровий В. Новітня історія Центральноєвропейських та Балканських країн ХХ століття: [підручник для вищих навчальних закладів] / В. Яровий. К.: Генеза, 2005, с. 374.

² Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001, с. 170; Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1969, с. 216 – 217.

ограничивал права Румынии на буковинские земли лишь по р. Прут.³

Как известно, положения Договора от 4 (17) августа 1916 г. предусматривали присоединение к Румынии после окончательной победы стран Антанты южной части Буковины по р. Прут (северная, заселенная преимущественно украинцам, должна была отойти к России), всей Трансильвании по р. Тиса, всего Баната по р. Дунай и сохранение в собственном составе бывшей болгарской Южной Добруджи.⁴ Но «нельзя быть чуть-чуть беременной» – отказавшись в одностороннем порядке от Бухарестского договора 1916 г. в той его части, что касалась Северной Буковины, к тому времени оккупированной румынскими войсками, румынская сторона потеряла возможность требовать выполнения обещаний, данных ей Антантой, на послевоенной Версальской конференции. На что ей, кстати, и было указано английской делегацией.

Тем не менее, кажущиеся прежде невероятными приращения территории и населения Румынии стали реальностью уже в 1919 – 1920 гг. Щедрое вознаграждение состоялось даже без фарсовых плебисцитов (как, например, в Верхней Силезии, которую возрожденная Польша, по сути, отобрала у побежденной Германии, изгнав из спорных территорий более 200 тыс. немецкого населения, а затем грубо извратив итоги народного волеизъявления 20 марта 1921 г.). Вероятно, определенную роль в таком развитии событий сыграла роль регионального жандарма, взятая на себя Бухарестом в подавлении Венгерской Советской Республики (март – август 1919 г.), украинского освободительного движения в Северной Буковине и просоветских настроений в Бессарабии.

В конце 1917 г. в Петрограде состоялся Октябрьский переворот (революция – это более широкое понятие. – *Авт.*) и новое Советское правительство начало мирные переговоры с Четверным Союзом о

немедленном заключении «справедливого мира без аннексий и контрибуций». По сути, такая односторонняя инициатива революционного Петрограда стала предательством западных Союзников по Антанте, вступивших в Первую мировую войну в августе 1914 г. в защиту Сербии и России. В международном праве, по крайней мере для того исторического времени, смена правительства не могла служить достаточным основанием для отказа от внешних обязательств государства. Ссылка на оговорку *rebus sic stantibus* также выглядит малоубедительной.

Лондон и Париж стали лихорадочно искать возможность сохранения если не прежнего Восточного фронта, то хотя бы его подобия.

7 (20) января 1918 г. румынское военное командование с согласия представителей Антанты отдало приказ своим войскам перейти р. Прут и вступить в Бессарабию. При этом делалась попытка объяснить румынскую военную акцию как гуманитарную операцию в помощь местному населению и российской армии.

Но Кремль – вполне резонно и обоснованно – расценил этот шаг как агрессию против России. 13 (26) января 1918 г. Советское правительство постановило прервать дипломатические отношения с королевской Румынией. В его Заявлении в частности указывалось: «Покрытая преступлениями румынская олигархия открыла военные действия против Российской Республики».⁵ То есть констатировалось недружественное действие со стороны соседнего государства, хотя война формально не объявлялась.

18 (31) января 1918 г. в Кишиневе собрался III Бессарабский губернский съезд, который высказался за власть Советов и против отторжения области от революционной России. Председатель съезда В.М. Руднев был арестован и расстрелян на следующий день по распоряжению румынских оккупационных

³ Franța pentru unirea tuturor românelor. În: Glasul Bucovinei. 1918, 24 noiembrie (№ 10).

⁴ Мельтюхов М. Освободительный поход Сталина. М.: ООО «Издательство» Эксмо», 2006, с. 11.

⁵ ДВП СССР, т. 1, с. 89.

властей.⁶ Вместе с Рудьевым были расстреляны еще 45 депутатов⁷ – более чем показательный, урок для противников объединения с Румынией.

Тем временем ленинскому правительству удалось осуществить военное давление на оккупированную румынами Бессарабию силами российской Дунайской флотилии и местных повстанцев. На основании русско-румынского соглашения от 5 - 9 марта 1918 г., Румыния обязывалась отвести свои войска из Бессарабии в течение двух месяцев, отказывалась от каких-либо административных функций и согласилась не предпринимать «никаких военных, неприятельских или других действий против Советской республики».⁸

Но ситуация вновь переменилась. После заключения «похабного» Брестского мира Советская Россия потеряла реальную возможность оказывать поддержку просоветским (и пророссийским) силам в Бессарабии. Этим немедленно воспользовались власти Бухареста.

Решено было сделать ставку на якобы самоопределение населения Бессарабии. Поскольку с III губернским съездом у румынских властей отношения не сложились, решено было обратить внимание на Сфатул Цэрий (Совет страны). Этот исполнительный (а не законодательный) орган был сформирован после решения Всероссийского военно-молдавского съезда 21 октября 1917 г. Как предполагалось, он должен был состоять из 120 человек. Местным крестьянам выделили 30 мест, рабочим – ни одного. Вследствие разногласий между делегатами на самом съезде избрали всего несколько членов, дальнейшее формирование Сфатул Цэрий осуществляла комиссия, возглавляемая прапорщиком Теутой. В результате этой деятельности и был сформирован Сфатул Цэрий в составе 150

депутатов, 138 из которых были кооптированными, а не избранными.⁹

Готовя инсценировку «свободного волеизъявления народа», румынские оккупационные власти 27 марта 1918 г. расстреляли тех депутатов Сфатул Цэрий, которые выступали против присоединения Бессарабии к Румынии (все расстрелянные за исключением украинца Чумаченко были этническими молдаванами) и в тот же день провели открытое и поименное голосование в присутствии вооруженных румынских военных. Несмотря на протесты крестьянской фракции и некоторых других групп, удалось получить большинство, которое приняло Декларацию об объединении с Румынией.

Документ предполагал широкую автономию, уважение прав национальных меньшинств, конституционные гарантии прав и гражданских свобод и т.п.¹⁰

Ползучая аннексия Бессарабии происходила на фоне военных неудач Румынии в конфликте с Германией и Австро-Венгрией. 7 мая 1918 г. в Бухаресте был подписан мир с Центральными государствами, за которым Румыния теряла 6 тыс. кв. км. довоенной территории, из которых около 600 кв. км. предполагалось присоединить к австрийской Буковине. Но Четверной Союз одновременно признал за побежденной Румынией «права» на большую часть оккупированной ней Бессарабии.

В современном международном праве предусмотрена возможность отторжения части территории государства-агрессора как санкции государства-победителя (самый известный пример такого рода - Потсдамские соглашения 1945 г. по Восточной Пруссии). В т.н. старом международном праве приобретение территории побежденного врага было вполне легитимным способом увеличения государственной территории, безотносительно, шла речь об агрессоре

⁶ История Румынии. 1918 - 1970 / Ред коллегия: Н.И. Лебедев (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1970, с. 22.

⁷ Адамчук І.Г. Боротьба за державно-територіальний статус Північної Буковини, Акерманського, Ізмаїльського і Хотинського повітів Бессарабії, острова Зміїного та Закарпатської України у 1917 - 1947 рр. Історико-правове дослідження. К.: Атіка, 2007, с. 46.

⁸ ДВП, т. 1, с. 210.

⁹ Адамчук І.Г. Ук. соч., с. 45.

¹⁰ Дюкарев В. В. Приднестровье (прошлое, настоящее, будущее). Дубоссары 1989 - 1992 гг. За кулисами политики. Тирасполь: Упрполиграфиздат ПМР, 2000, с. 78 – 81.

или жертве агрессии. Но и в этом случае требовалось заключение послевоенного мирного договора, приращение оккупированной территории односторонним правовым актом государства-победителя (оккупанта) не допускалось. Принимая поддержку Четверного Союза в деле отторжения части территории побежденной России (с ней Германия и ее союзники в начале марта 1918 г. заключили известный Брестский мир), Румыния тем самым привязывала себя к Центральным державам, превращалась в их фактического военного союзника. Ее «права» на Бессарабию теперь юридически опирались на отказ Советской России от территорий, оккупированных австро-германскими Союзниками вследствие заключения Брестского мира. Государства-победители России согласились уступить часть территории побежденного ими враждебного государства своему новому фактическому союзнику. Сохранилось хрупкое статус-кво мая 1918 г. на будущее, победы Четверного Союза в мировой войне, и легитимизацию включения Бессарабии в состав Румынии можно было бы считать состоявшейся.

Но мировая война дала неожиданный поворот. Провал начатого в мае 1918 г. генерального германского наступления на Париж, усиление американской помощи Антанте, буржуазная революция в Германии 8 - 9 ноября 1918 г. разрушили и эту циничную сделку. В Бухаресте решили обратиться к праву наций на самоопределение, декларированном в известных «14 пунктах» президента США В.Вильсона

В конце ноября 1918 г. по инициативе т.н. Молдавского блока без предварительной публикации в прессе и рассылки повесток было созвано внеочередное заседание Сфатул Цэрий, в котором приняли участие 46 (или 48) депутатов из списочных 162, в основном члены Блока. В ночь с 25 на 26 ноября формально неправомерный съезд (поскольку для правомерности решений минимальный кворум должен составлять не меньше трети - 54 депутата - от всего

состава Сфатул Цэрий) принял решение о безусловном присоединении края к Румынии. В результате Бессарабия была лишена даже «провинциальной автономии». Сразу же после этого Сфатул Цэрий был распущен королевским декретом.

Против кулуарного решения остро протестовали те депутаты Сфатул Цэрий, которые не принимали участия в заседании. Однако их мнение уже никого не интересовало.

В Париже 28 октября 1920 г. между Великобританией, Францией, Италией, Японией и Румынией без участия России и Украины и проведения плебисцита (референдума) был подписан договор о передаче Бессарабии Румынии. Статья 9 этого договора провозглашала, что «Высокие договаривающиеся стороны пригласят Россию присоединиться к указанному договору, как только будет существовать признанное ими российское правительство».¹¹ Это обещание так никогда и не было выполнено.

Следует также указать, что Парижский протокол от 28 октября 1920 г. не был ратифицирован Японией (как стороной договора), поэтому он остался без международной правовой силы. Не признали его также США и ряд европейских государств.

Даже в благосклонной к Румынии западной историко-правовой науке высказываются сомнения относительно легитимности поглощения Бессарабии. Например, американский авторитет в сфере международного публичного права А. Коббан указывал, что в Версале румынская делегация протестовала против самой возможности проведения плебисцита в Бессарабии, ссылаясь на то обстоятельство, что автохтонное «румынское» население и так составляет абсолютное большинство.¹² Ученый считал, и как нам представляется, вполне обоснованно, подобные отговорки

¹¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. Выпуск 2. Акты дипломатии иностранных государств. М., 1929, с. 69.

¹² Cobban A. The National State and National Self-Determination. New-York: Thomas J. Crowell Co, 1969, p. 92.

(Франция, например, не желала плебисцита в Эльзас-Лотарингии) свидетельством определенной слабости позиции.

Россия и Украина 1 ноября 1920 г. высказали свое несогласие с этим решением. В Ноте Правительства РСФСР и УССР Правительствам Великобритании, Франции, Италии и Румынии указывалось: «Узнав о том, что между великими союзными державами и Румынией подписан договор о присоединении к последней Бессарабии, Правительства Советских Республик России и Украины объявляют, что они не могут признать имеющими какую-либо силу, соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами».¹³

Не могло румынское правительство в своих притязаниях на Бессарабию опираться на сколько-нибудь длительный период т.н. молчаливого признания со стороны советского правопреемника (континуатора) России. Москва постоянно напоминала о своих территориальных правах нотами протеста.¹⁴

Не приносили успеха попытки навязать советской стороне признание правовой силы аннексии Бессарабии на Варшавской (1921 г.) и Венской (1924 г.) румыно-советских конференциях, с помощью пакта Бриана-Келлога (1929 г.), при возобновлении румыно-советских отношений 9 июня 1934 г. и т.п. Во всех этих случаях советская сторона делала заявления, что ее позиция остается неизменной, а бессарабский вопрос – открытым.¹⁵

¹³ Документы внешней политики СССР. Том третий. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М.: Госполитздат, 1959, с. 312.

¹⁴ Документы внешней политики СССР. Том первый. М.: Госполитздат, 1957, с. 66 - 67, 90, 241 - 242, 248 - 249; Документы внешней политики СССР. Том второй. М.: Госполитздат, 1958, с. 66, 148 - 151, 171 - 172; Документы внешней политики СССР. Том третий. М.: Госполитздат, 1959, с. 312; Документы внешней политики СССР. Том четвертый. М.: Госполитздат, 1960, с. 488 - 492 и др.

¹⁵ Копанский Я. М., Левит И. Э. Советско-румынские отношения: 1929 – 1934 гг. От подписания Моск.

Москва и Киев также резко реагировали на каждую попытку Бухареста добиться международно-правового признания аннексии Бессарабии со стороны третьих государств. Так, после подписания франко-румынского «гарантийного» договора 10 июня 1926 г. (Франция, стараясь не допустить сближения Румынии с фашистской Италией, подписала с ней договор о предоставлении помощи, в котором признала ее существующие границы) союзное Советское правительство вначале потребовало разъяснений, а затем (2 октября 1926 г.) обратилось к Франции с нотой протеста. Оно заявило, что рассматривает франко-румынский договор, санкционирующий незаконный и насильственный захват Бессарабии Румынией, как недружественный акт французского правительства относительно СССР.

«Этим договором, - объявляла советская нота, - Франция становится на сторону правительства Румынии, которое, вопреки самым элементарным принципам международного права и собственным же формальным декларациям, а равно декларациям союзных дипломатических представителей, включая представителя Франции, в Яссах в 1917 г., вопреки повторным обязательствам в формальном договоре между генералом Авереску и Советским Правительством в 1918 г. и, наконец, вопреки желанию, многократно выраженному бессарабским народом, отказывается выполнить свои обязательства и эвакуировать территорию Советского Союза».

Далее Советское правительство предупреждало в своей ноте, что франко-румынский договор 10 июня 1926 г. «уменьшает шансы мирного решения бессарабского вопроса на базе права народов на самоопределение и усиливает угрозу, направленную против мира в Восточной Европе».¹⁶

протокола до установления дипломатических отношений. М.: Наука, 1970, с. 43.

¹⁶ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. От снятия блокады с Советской Россией до десятилетия

Подобный протест советское правительство высказало и в ноте 6 октября 1926 г., адресованной итальянскому премьер-министру Муссолини, в связи с подписанием итало-румынского договора от 16 сентября 1926 г.

Тем временем Бухарест проводил активную политику «румынизации» оккупированных территорий. По советским подсчетам, на протяжении между военного времени Румыния выселила из оккупированной Бессарабии более 300 тыс. чел. местного населения.¹⁷ Понятно, что масштабные депортации коренного, но «нерумынского» населения имели бы существенное влияние на результат эвентуального плебисцита, если бы таковой был проведен по требованию Союза ССР как правопреемника России.

В свою очередь Москва никоим образом не допускала смягчения своей первоначальной позиции в бессарабском вопросе. Даже установление двусторонних советско-румынских дипломатических отношений (1934 г.) не означало признания аннексии Бессарабии, что понималось и румынской стороной. На заседании румынского парламента министр иностранных дел Н. Титулеску был жестко раскритикован за то, что «подписал с Россией соглашение, в котором ничего не говорится о Бессарабии».¹⁸

В между военный период в состав Румынии входила и Буковина. После поражения в Первой мировой войне и распада Австро-Венгерской империи Вена по требованию Союзнических государств отказалась от суверенитета над теми частями бывшей империи, чье население не было германоязычным. Сюзереном этих земель де-юре стали государства-победители, которые предполагали осуществить будущее территориальное урегулирование на основе провозглашенных ими же принципов

уважения права наций на самоопределение. Именно с подачи Версальской конференции Северная Буковина была передана Румынии – без проведения плебисцита и вопреки воле большинства местного населения.

Еще 3 ноября 1918 г. в Черновцах состоялось краевое народное собрание (Буковинское народное вече), которое провозгласило воссоединение Северной Буковины с Украиной. В многолюдном форуме (более 40 тыс. участников) приняли участие представители почти всех городов и сел, всех сословий и национальностей, общественных организаций края. После оккупации Буковины румынскими войсками 28 ноября 1918 г. румынские власти созвали Генеральный конгресс Буковины, куда формально пригласили представителей всех национальностей. Согласие дали представители поляков и немцев, представители украинской и еврейской общин ответили отказом. Австрийская перепись 1910 г. зафиксировала в Буковине численное преобладание украинского населения над румынским, следовательно, на Конгрессе не было представлено большинство населения.

Основным решением стало провозглашение «воссоединение с Королевством Румыния Буковины, без кондиций (условий) и навсегда в своих прежних границах по Черемош, Колячин и Днестр».¹⁹ Несмотря на то, что легитимность этого конгресса более чем сомнительна, поскольку в его работе не принимали участия представители релятивного большинства населения (украинцы и евреи), официальный Бухарест поспешил принять 19 декабря 1918 г. декретозакон № 3344 о присоединении Буковины у Румынии. В документе в частности указывалось: «Буковина в общих границах, которые ждали своей исторической судьбы, есть и остается неотъемлемой частью Румынского

Октябрьской революции. Выпуск 1. Акты советской дипломатии. М., 1928, с. 354.

¹⁷ История дипломатии. Том третий. М. - Л.: Госполитиздат, 1945, с. 53.

¹⁸ Лебедев И. И. СССР в мировой политике, 1917–1982. 2-е изд., доп. М.: Междунар. отношения, 1982, с. 354.

¹⁹ Буковина, її минуле і сучасне / під ред. Д. Квітковського, Т. Бриндзана, А. Жуковського. Париж; Філадельфія; Дітройт: Зелена Буковина, 1956, с. 321; Micu S. Istoria Românilor / S. Micu. București: Editura Fundației România de Măine. 1995, Vol. 1, p. 29 – 30.

королевства».²⁰ 29 декабря 1919 новоизбранный румынский парламент в первую очередь, еще до начала своей работы принял закон о ратификации декретозакон о присоединении Буковины к Румынии.²¹ Король промульгировал этот закон 31 декабря 1919 г.

По ходу событий выяснилось, что суверенами Буковины, согласно будущему Договору с побежденной Австрией, выступают все государства-победители, которым и надлежит право определить ее государственно-правовой статус. На Версальской конференции Румынию в ее претензиях на Буковину рьяно поддержала Франция, менее активно – Великобритания, позиция США была неблагоприятной. Последняя была сформулирована в т.н. Черной и Красной книгах, представленных американской делегацией 21 января 1919 г. Вашингтон настаивал, что территориальное размежевание в Буковине должно осуществляться за этнографическим принципом, регион следует разделить на две части – украинскую и румынскую, оставляя город Черновицы под властью Румынии (граница должна была проходить в миле к северо-западу от города).²²

Франция, в меньшей мере Великобритания, в Версале были прежде всего озабочены угрозой германского реваншизма и уже в это время начали сколачивать будущую Малую Антанту. Соединенный Штаты, во главе которых стоял В. Вильсон со своей «сверхценной» идеей права наций на самоопределение, в меньшей мере были связаны этим фактором. В итоге верх взяли прагматические соображения европейских Великих Держав, и Румыния получила то, что ей по праву наций на самоопределение принадлежать не могло. Мы уже высказывали мысль, что в Версале Бухарест был вознагражден за взятую им на себя функцию регионального жандарма.

²⁰ Lupescu I. Monumentele unirii / I. Lupescu. București: Editura politica, 1985, p. 34.

²¹ История Румынии: пер. с рум. / [И. Болован, И.А. Поп (координаторы) и др.]. М.: Весь мир, 2005, с. 555.

²² Sapca F. Diplomația Americană și problema Bucovinei / F. Sapca. În: Țara Fagilor. 1996, p. 40.

Край формально был передан Румынии Союзническими Государствами Сен-Жерменским договором, подписанным с побежденной Австрией 10 сентября 1919 г. А 4 июня 1920 г. был подписан Трианонский мирный договор, который определял границы Венгрии и - соответственно - западные границы Румынии.

Кроме украинских и молдавских территорий Бессарабии и Северной Буковины (Сен-Жерменский договор), к Румынии отошли также Добруджа (договор в г. Нейи с побежденной Болгарией 27 ноября 1919 г.), Трансильвания и Банат (Трианонский мир с побежденной Венгрией 4 июня 1920 г.).

Советская сторона официально не признала не только аннексию Бессарабии, но и вхождение в состав Румынии Буковины. Так, правительство Украинской ССР 1 (2) мая 1919 г. обратилось к Румынии с ультимативной нотой, в которой ставило условие прекратить оккупацию Буковины румынскими войсками: «Освобожденные от ига Габсбургской династии рабочие и крестьяне Буковины были силой подчинены новому, отнюдь не лучшему гнету румынских помещиков и румынской династии Гогенцоллернов. Буковина, перед которой стояла определенная возможность освобождения, пала жертвой ненасытной румынской военной и гражданской олигархии. Украинская Социалистическая Советская Республика связана с Буковиной не только солидарностью, объединяющей массы рабочих всех стран, но и этнографическим сближением значительной части населения, самым решительным образом протестует против насилия румынского правительства над волей населения Буковины и доводит до сведения правительства Румынии, что правительство Украинской Социалистической Республики твердо решило всеми способами охранять право рабочих и крестьян Буковины на национальную независимость».²³

На советско-румынской конференции в Вене в 1923 г. советская делегация (Н.

²³ Канюк С. І. Буковина в румунській неволі. Харків: Державне видавництво України, 1930, с. 130.

Крестинский и Левицкий) добивалась для Буковины права на самоопределение. В 1924 г. Х. Раковский на последнем заседании советско-английской конференции провозгласил декларацию, в которой говорилось о том, что присоединение Буковины к Румынии стало грубым нарушением международного договора 1916 г., и добивался для Буковины права на самоопределение: «С помощью союзников и в частности британского правительства Румыния получила по Сен-Жерменскому соглашению еще и другие территории, заселенные украинцами, а именно северо-восточную часть Буковины. Этот акт насилия со стороны Румынии противоречит договору, подписанному между Румынией, Россией и другими союзниками 4 августа 1916 года. Именем советского правительства советская делегация решительно протестует против акта насилия Румынии с помощью союзников, среди них и Англии. Буковинскому населению нужно дать право самому определить свою судьбу».²⁴

Указанный документ интересен еще и тем, что в 20-х гг. прошлого столетия украинская советская сторона ставила вопрос только о северо-восточной части Края (в то время как западная историография пытается приписать советским требованиям их распространение на всю - и Северную, и Южную – Буковину).

Реальная возможность для советской стороны решить в свою пользу давнишний территориальный спор с Румынией (причем не обязательно военными способами) возникла лишь в самом начале Второй мировой войны. Эта возможность основывалась на сотрудничестве с другими Великими Державами, причем не только с нацистской Германией, но и, как увидим далее, буржуазно-демократической Великобританией и фашистской Италией.

Выводы: *De lege lata* – с точки зрения действующего в 1918–1940 гг. международного права румынская оккупация Бессарабии не могла быть легитимизирована ни инициативой Сфатул

Цэрий, ни решениями Версальской конференции о передаче региона Румынии.

Nemo ad alterum plus iuris transfere potest quam ipse habet (лат.) – Никто не может передать больше прав, чем имеет их сам. Россия в Версале представлена не была и не рассматривалась как побежденное государство, чью территорию государства-победители имели бы право кромсать. И наоборот – румынский титул на Буковину, включая и северную ее часть, был вполне легитимным, его приобретение отвечало нормам *ius cogens* тогдашнего старого международного права, хотя и пребывало в противоречии с правом наций на самоопределение (норма *ius cogens* уже т.н. нового международного права).

P.S. Интересно отметить, что румынские власти уже летом 1940 г. воспринимали утрату Бессарабии (но не Северной Буковины) как закономерную. Косвенным свидетельством этого может служить обращение румынского премьер-министра Джигурту, направленное Гитлеру накануне переговоров в Крайовой и Второго Венского арбитража. В этом документе румынский руководитель делал попытку разграничить уже свершившуюся потерю Бессарабии с возможностью новых уступок государственных территорий в пользу Болгарии и Венгрии: «Бессарабия объединилась с Румынией в конце Первой мировой войны (□) Мы не боролись за это объединение, и, между прочим, это объединение не было одной из целей, какие мы преследовали в великой войне (□) Поэтому (□) понятно, почему наш народ согласен с уступкой без всякой борьбы».²⁵

Библиография:

1. Cobban A. The National State and National Self-Determination. New-York: Thomas J. Crowell Co, 1969. 318 p.
2. Franța pentru unirea tuturor românelor. În: Glasul Bucovinei. 1918, 24 noiembrie (№ 10).
3. Lupescu I. Monumentele unirii / I. Lupescu. București: Editura politica, 1985. 228 p.

²⁵ Русско-румынские и советско-румынские отношения. Сб. статей и сообщений / Редкол.: В. Я. Гросул и др. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1969, с. 104 – 105.

²⁴ Канюк С. И. Ук. соч., с. 130.

4. Micu S. *Istoria Românilor* / S. Micu. București: Editura Fundației România de Măine. 1995, Vol. 1. 290 p.
5. Sărca F. *Diplomația Americană și problema Bucovinei* / F. Sărca. În: *Țara Fagilor*. 1996, p. 40 – 44.
6. Адамчук І.Г. Боротьба за державно-територіальний статус Північної Буковини, Акерманського, Ізмаїльського і Хотинського повітів Бессарабії, острова Зміїного та Закарпатської України у 1917 – 1947 рр. Історико-правове дослідження. К.: Атіка, 2007. 159 с.
7. Буковина, її минуле і сучасне / під ред. Д. Квітковського, Т. Бриндзана, А. Жуковського. Париж; Філядельфія; Дітройт: Зелена Буковина, 1956. 965 с.
8. Виноградов В.Н. Румунія в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1969. 272 с.
9. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 434 с.
10. ДВП СССР, т. 1.
11. Документы внешней политики СССР. Том второй. М.: Госполитздат, 1958. 723 с.
12. Документы внешней политики СССР. Том первый. М.: Госполитздат, 1957. 771 с.
13. Документы внешней политики СССР. Том третий. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М.: Госполитздат, 1959. 723 с.
14. Документы внешней политики СССР. Том третий. М.: Госполитздат, 1959. 723 с.
15. Документы внешней политики СССР. Том четвертый. М.: Госполитздат, 1960. 836 с.
16. Дюкарев В. В. Приднестровье (прошлое, настоящее, будущее). Дубоссары 1989-1992 гг. За кулисами политики. Тирасполь: Упрполиграфиздат ПМР, 2000. 416 с.
17. История дипломатии. Том третий. М. - Л.: Госполитиздат, 1945. 883 с.
18. История Румынии. 1918 - 1970 / Ред коллегия: Н.И. Лебедев (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1970. 742 с.
19. История Румынии: пер. с рум. / [И. Болован, И.А. Поп (координаторы) и др.]. М.: Весь мир, 2005. 680 с.
20. Канюк С. І. Буковина в румунській неволі. Харків: Державне видавництво України, 1930. 134 с.
21. Копанский Я. М., Левит И. Э. Советско-румынские отношения: 1929 – 1934 гг. От подписания Моск. протокола до установления дипломатических отношений. М.: Наука, 1970. 187 с.
22. Лебедев И. И. СССР в мировой политике, 1917 – 1982. 2-е изд., доп. М.: Междунар. отношения, 1982. 366 с.
23. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. Выпуск 2. Акты дипломатии иностранных государств. М., 1929. 367 с.
24. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. От снятия блокады с Советской Россией до десятилетия Октябрьской революции. Выпуск 1. Акты советской дипломатии. М., 1928. 430 с.
25. Мельтюхов М. Освободительный поход Сталина. М.: ООО «Издательство» Эксмо», 2006. 511 с.
26. Русско-румынские и советско-румынские отношения. Сб. статей и сообщений / Редкол.: В. Я. Гросул и др. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1969. 263 с.
27. Яровий В. Новітня історія Центральноєвропейських та Балканських країн ХХ століття: [підручник для вищих навчальних закладів] / В. Яровий. К.: Генеза, 2005. 816 с.

**Copyright©MAKARCHIUK Vladimir,
RUDÎI Nazarii, 2012.**

ФРАНЦУЗСКИЕ ДИПЛОМАТЫ И БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС ВО ВРЕМЯ ДИКТАТУРЫ КОРОЛЯ КАРОЛЯ II (1938-1940)

Винсен БУЛЕ*

РЕЗЮМЕ:

FRENCH DIPLOMATS AND THE BESSARABIAN QUESTION DURING THE DICTATORSHIP OF KING CAROL II (1938-1940)

The Bessarabian question was a part of the territorial system, created by the treaties signed in 1919 and 1920. France considered itself as a guarantor of the territorial system. For her, the accession of Bessarabia to Romania was the fact, in the legitimacy of which there were no doubts. Even France is the main guarantor of the treaty of 1920, according to which Bessarabia became a part of Romania.

The Bessarabian question for French diplomacy was not some unimportant subject of local importance, but a significant part of the French-Romanian relations. It is therefore important to examine opinions of representation of France about Romanian policy during the „royal dictatorship”.

France, being up to 1939 ally of Romania, noted that public opinion in Bessarabia about its accession to Romania wasn't unanimous.

Keywords: Bessarabian question, French-Romanian relations, royal dictatorship.

REZUMAT:

DIPLOMAȚII FRANCEZI ȘI PROBLEMA BASARABEANĂ ÎN TIMPUL DICTATURII REGELUI CAROL AL II-LEA (1938-1940)

Problema Basarabiei a fost parte integrantă din sistemul teritorial creat de tratatele semnate în 1919 și 1920. Franța se considera garant al acestui sistem teritorial. Pentru Franța unirea Basarabiei cu România era un fapt, legitimitatea căruia nu se punea la îndoială. Mai mult ca atât, Franța este garantul principal al Tratatului din 1920, în conformitate cu care Basarabia a devenit parte a României.

Problema Basarabeiană reprezenta pentru diplomația franceză nu ca o chestiune neimportantă, de plan local, ci ca o parte importantă a relațiilor franco-române. Prin urmare, este important să se examineze viziunile reprezentanților Franței privitor la politica României în timpul dictaturii regale.

Franța, fiind până în 1939 un aliat al României, sublinia că opinia publică din Basarabia privitor la problema aderării sale la România substanțial nu este unanimă.

Cuvinte-cheie: problema Basarabiei, relațiile franco-române, dictatura regală.

Ключевые слова: Бессарабский вопрос, французско-румынские отношения, королевская диктатура.

* **BOULET Vincent** - Doctor în istorie, lector universitar la Sorbona, membru al Consiliului Științific al Bibliotecii Naționale a Franței (Paris, Franța); **BOULET Vincent** - PhD in history, lecturer at the Sorbonne, Member of the Scientific Council of the National Library of France (Paris, France); **БУЛЕ Винсен** - Доктор истории, преподаватель Сорбонны, член научного совета Национальной библиотеки Франции (Париж, Франция).

Бессарабский вопрос был составной частью территориальной системы, сложившейся в результате договоров, подписанных в 1919 и 1920 годах. Франция считала себя гарантом этой территориальной системы. Для нее присоединение Бессарабии к Румынии было фактом, в легитимности которого не возникало сомнений. Франция даже является главным гарантом договора 1920 г., согласно которому Бессарабия стала частью Румынии.

Бессарабский вопрос являлся для французской дипломатии не каким-то мало важным сюжетом местного значения, а значительной частью франко-румынских отношений. Поэтому важно изучить воззрения представителей Франции о румынской политике во время «королевской диктатуры».

Французская дипломатия и королевская диктатура. Антисемитский характер правления и восхищение, которое фашистские режимы оказывали правительству Кароля II, были сразу замечены представительством Франции в Румынии. Ивон Дельбос, министр иностранных дел Франции, в отчете о своей поездке в Румынию в декабре 1937 г. приводит запись беседы с королем: «По поводу тоталитарных государств, [Кароль II] сожалеет, что г-н Муссолини, совершивший столько замечательных действий в области внутренней политики, пошел по такому пути во внешнеполитических вопросах. А г-н Геринг, как и г-н Гитлер, по его твёрдому убеждению, являются истинными и отважными борцами».¹

Представители МИДа Франции позитивно оценивали государственный переворот февраля 1938 г., а также политику репрессий по отношению к «Железной гвардии». Они считали, что установление диктатуры означало разрыв с германофильскими симпатиями «Железной гвардии» и правительства Октавиана Гоги. А тот факт, что внутренняя политика Кароля II на всем

протяжении королевской диктатуры, носившая националистический и антисемитский характер, повторяла основные направления правительства Гоги, вовсе не шокировал французских дипломатов. Они даже считали, что данная политика была справедлива. Все, что было, прежде всего, важно для французских представителей, так это помешать Румынии сблизиться с Германией в плане дипломатического или военного союза, какую бы внутреннюю политику эта страна не проводила. Первый секретарь дипломатической миссии Франции Анри Шпитцмюллер (Henri Spitzmuller) написал в телеграмме от 29 ноября 1938 г.: «Румынское правительство попыталось применять большое число пунктов политической программы сторонников Железной Гвардии, чтобы направить гвардейские симпатии в свою пользу». Эта же телеграмма содержит весьма странный фрагмент, в котором французский дипломат, кажется, оправдывал политику румынского правительства против евреев, приводя антисемитские аргументы: «Если бы можно было что-то сделать с чрезмерным превосходством израильтян среди представителей свободных профессий (70 % врачей в Бухаресте – евреи), так как немного осталось до такой ситуации, когда экономическая и финансовая жизнь страны может оказаться в руках евреев».² Министр-резидент, а затем и посол Франции в Бухаресте с 1936 по 1940 года Адриен Тьерри (Adrien Thierry) написал в сообщении от 15 февраля 1939 г.: «Думаю, что нам не стоит беспокоиться из-за роста румынского национализма, потому что, на деле, он направлен только на иностранное влияние, которое может нанести ущерб политической независимости или территориальной целостности страны. Если грамотно направить это течение, оно может, наоборот, повысить устойчивость Румынии против немецких целей».³

² Так же, p. 855 - 857.

³ Documents diplomatiques français. 1936 - 1939. Série II. Tome VIII, p. 325 - 327.

¹ Documents diplomatiques français. 1936 - 1939. Série II. Tome VII, p. 647 - 652.

Румыния и Германия летом 1939 г. По сути, Франция старалась воспрепятствовать попаданию Румынии под немецкое влияние. Её беспокоил экономический взлёт Германии. В ноябре 1939 г. французские дипломаты подозревали о существовании секретного военного соглашения между Румынией и Рейхом. О нём свидетельствуют два документа. Первый – это телеграмма посла Франции от 5 ноября 1939 г.⁴ с сообщением о визите полковника Герштенберга (Alfred Gerstenberg), военно-воздушного атташе Германии в Бухаресте и приближенного Геринга. В беседе с королем Герштенберг приводил следующие аргументы: во-первых, на данный момент Германия является единственной страной, способной защитить Румынию от СССР, поскольку франко-английские гарантии на Востоке не действительны. Во-вторых, Германия не заинтересована в том, чтобы русские напали на Румынию, потому что известно, что все готово для того, чтобы разрушить нефтяные колодцы в случае войны.

Результатом этой встречи, как явствует из телеграммы французского посла в Анкаре от 17 ноября 1939 г., должно было стать подписание военного договора между этими двумя странами, о чём сообщил турецкий министр иностранных дел, вернувшись из трёхнедельного визита в СССР: «Г-н Сараджоглу (Saradjoglu) только что подтвердил мне в качестве особо секретной информации, что из самых достоверных источников ему стало известно о недавнем заключении соглашения между Берлином и Бухарестом, по которому немецкое правительство, не желая захвата Румынии Советским Союзом, обязуется предоставить румынскому правительству любую военную помощь, которая потребуется. Министр иностранных дел сообщил о вышеизложенном моему английскому коллеге и добавил, что в Румынии только три человека были в курсе о существовании этого договора».⁵

⁴ Documents diplomatiques français. 1939. 3 septembre-31 décembre, p. 680.

⁵ Documents diplomatiques français. 1939. 3 septembre-31 décembre, p. 680.

Украинский фактор, а точнее – тот факт, что Румыния могла служить базой для немецких сил, брошенных на захват СССР, не остался без внимания французских дипломатов. В феврале 1939 г. Робер Кулондр (Robert Coulondre), посол Франции в Берлине, составил докладную записку по поводу действий, предпринимаемых Германией в Румынии: «Кажется, что руководство Третьего Рейха понимает, что создание Великой Украины – это мероприятие, направленное на долгоиграющий результат, и не нужно портить его поспешными решениями. Так, они создадут её с целью распространить своё влияние на весь дунайский бассейн, что создаст им превосходную отправную точку для будущих операций против СССР, а в будущем даст им возможности удовлетворять насущные потребности немецкой экономики». Он также отметил, что «в Берлине знают, что румыны, никогда не обращавшиеся за помощью к русским, держатся крайне недоверчиво по отношению к их восточным соседям; между этими странами стоит бессарабский вопрос. СССР никогда не хотел признавать потерю этой территории. Национал-социалисты прекрасно умеют пользоваться этим недоверием и представляют Францию как страну, занимающую русофильскую позицию, последствия которой могут быть очень серьёзными».⁶

Представления о румынской политике в Бессарабии. За все время интересующего нас периода Бессарабия стала интересовать французское представительство в Бухаресте лишь с сентября 1939 г. Тогда этот регион был упомянут в двух длинных телеграммах, направленных в Париж. 26 сентября 1939 г. посол Адриен Тьерри (Adrien Thierry) так понимал настроение жителей Бессарабии по поводу возможного советского присутствия на их территории: «Реакция была разнообразной, в зависимости от среды и социальной принадлежности людей[...]. Русское по происхождению население, например, настроено в целом враждебно по отношению в Польше, обвиняет поляков в

⁶ Documents diplomatiques français. 1936-1939. Série II. Tome XI, p. 13 - 19.

том, что те вторглись на русские земли, положительно оценивают действия советских в Польше. Но в том, что касается давления СССР на Бессарабию, их мнение не едино. Одни, как правило, крупные земельные собственники, боятся этих событий, так как их следствием будет изъятие собственности [...]. А масса же русского пролетариата и представителей среднего класса не противятся советскому походу. Среди израильтян ситуация примерно такая же. В то время, как владельцы недвижимости или капитала осторожны и кажутся обеспокоенными, большинство жителей гетто настроены очень дружелюбно к Советам. А развитие антисемитизма в современной Румынии только усиливает эти настроения. Более того, мне сообщили, что некоторые израильтяне из старого королевства переехали жить в Бессарабию, в надежде, что эта область перейдет вскоре в руки Советов. Причиной такой миграции стал, во многом, страх перед Германией. Так ведут себя, в основном, жители деревень и это, на данный момент, создает неблагоприятную обстановку. Что касается русской революции, то надо вспомнить, что большевизм уже имел место в Бессарабии и, возможно, крестьяне без особого сопротивления примут входящие советские войска».⁷

Кроме того, в докладе от 30 декабря 1939 г., была проанализирована политика румынизации Бессарабии, проводимой Бухарестом. Речь шла, главным образом, о дерусификации провинции: «До 1936-1937 годов правительство вело в Бессарабии политику румынизации, запрещая использование русского языка и преподавания на нём, запрещая созданию русских школ – словом, старались всячески задушить то, что могло напомнить населению о прежней власти». В докладе было отмечено, что генерал Николае Чуперкэ (Nicolae Ciurpercă) «был известен своим энтузиазмом в политике румынизации» вплоть до его назначения в Бухарест в 1938 г. По мнению французских дипломатов, с 1938 г. политика

румынизации ограничивалась, но такая умеренность была «не слишком глубокой». В докладе есть, например, такие слова: «касательно русских книг, большое количество которых содержится в крупных кишинёвских библиотеках, эти фонды закрыты для публики и никакую книгу из них не выдают людям. Также были ликвидированы частные библиотеки, где можно было получить русские книги на руки. В Кишинёве доступны лишь некоторые книги, изданные за границей и прибывшие из Бухареста, пройдя предварительную цензуру в румынской столице».⁸

Анализ присоединения Бессарабии к СССР. После присоединения Бессарабии к СССР, посол Адриен Тьерри отправил доклад, написанный 2 июля 1940 г. и адресованный новому министру иностранных дел правительства маршала Петена Полю Бодуэну (Paul Baudouin). По его словам, присоединение Бессарабии к СССР было ударом, направленным напрямую против Германии, а не против Румынии, которую мало интересовал этот регион:

«Румыны не заинтересованы в Бессарабии, прежде всего, потому, что у них нет с этой провинцией таких тесных связей, как, например, с Трансильванией. К тому же, они, видимо, боятся, что данный регион создаст экономическую конкуренцию другим районам страны, поскольку он обладает природными ресурсами, которые до сих пор мало использовались. Потребовалось вторжение Германии и применение ею колониальных методов развития масличных сельскохозяйственных культур, чтобы Бессарабия вновь стала объектом внимания. С такой стороны эта территория должна быть объектом серьезных интересов экономики Рейха. Те же экономисты должны быть обеспокоены присоединением к России Черновцов, так как через этот город осуществляется транзит бессарабских и молдавских товаров и в нем сосредотачивается половина железнодорожных путей, ведущих из

⁷ Documents diplomatiques français. 1939. 3 septembre-31 décembre, p. 248 - 249.

⁸ Documents diplomatiques français. 1939. 3 septembre-31 décembre, p. 904 - 910.

Румынии в Германию (кроме нефти). В качестве итога хочется сказать, что экономика Румынии не должна сильно пострадать от потери провинции, присоединенной к Советам, несмотря на размеры этой территории и находящихся там ресурсов. Однако действия русских наносят ущерб Германии, которая рассматривает Бессарабию и Буковину как территории, зарезервированные исключительно для немецкой экономической экспансии [...] и которая вложила туда значительные инвестиционные средства».⁹

Посол Франции Адриен Тьерри был снят с должности спустя несколько дней по приказу Петена, но Анри Шпицмюллер оставался первым секретарём посольства в Бухаресте вплоть до 1944 г., то есть – на всем протяжении существования режима Петена и диктатуры Антонеску.

Таким образом, мы видим, что Франция, будучи до 1939 г. союзником Румынии, отмечала, что общественное мнение в Бессарабии по поводу её присоединения к Румынии не является единодушным. Правда, дипломатические задачи взяли верх над необходимостью анализировать внутреннюю политику Румынии. Поэтому, к примеру, антисемитский и националистический характер правления Кароля II, также как и политика румынизации, проводимая в Бессарабии, не были для Франции причиной для отказа от дипломатического альянса. Она даже считала тот факт, что правительство Кароля II переняло ключевые направления «Железной гвардии» в области внутренней политики, являлось защитой от прихода к власти самой «Железной гвардии». Францию больше беспокоило германофильство «Железной гвардии», а не действия внутри страны. По её мнению, бессарабский вопрос вписывался в эту дипломатическую линию. Весной 1940 г., после майского про-немецкого поворота румынской политики, Франция оставила Румынию. Это изменение, к тому же, стало явно ещё до официального заявления, когда в ноябре 1939 г. между Румынией и

Германией был заключен секретный военный договор. В июне – начале июля 1940 г. французские дипломаты не высказались против присоединения Бессарабии к СССР. Конечно, Бессарабия тогда не была ключевой задачей французской политики, когда немецкие войска были на подступах к Парижу. Но вышеупомянутый документ от 2 июля 1940 г. также вписывается в общую тенденцию сближения Франции с СССР, которое наблюдалось во французской дипломатической среде в мае-июне 1940 г.

Библиография:

1. André Kaspi; France. Commission de publication des documents diplomatiques français. et al. Documents diplomatiques français. 1940. Tome I. 1er janvier-10 juillet. Bruxelles; Bern; Berlin [etc.]: PIE-P. Lang, 2004. 1 vol. LXXXII-1005 p.
2. Documents diplomatiques français 1939: (3 septembre-31 décembre). France. Ministère des affaires étrangères. France. Commission de publication des documents diplomatiques français. Bruxelles: PIE-Peter Lang, 2002. 943 p.
3. Documents diplomatiques français, 1932-1939. 2-me série, 1936-1939. France. Ministère des affaires étrangères. Tome VII. 29 septembre 1937-16 janvier 1938. Ministère des affaires étrangères.; Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre 1939-1945. Paris: Imprimerie nationale, 1972.
4. Documents diplomatiques français, 1932-1939. 2-me série, 1936-1939. France. Ministère des affaires étrangères. Tome VIII. 17 janvier-20 mars 1938. Ministère des affaires étrangères.; Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre 1939-1945. Paris: Imprimerie nationale, 1973.
5. Documents diplomatiques français, 1932-1939. 2-me série, 1936-1939. France. Ministère des affaires étrangères. Tome XI. 3 septembre-2 octobre 1938. Ministère des affaires étrangères.; Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre 1939-1945. Paris: Imprimerie nationale, 1977.
6. Documents Diplomatiques Français, 1932-1939. 2e Série (1936-1939). Tome III, 19 Juillet-19 Novembre 1936. Paris: Imprimerie Nationale, 1966.

Copyright©BOULET Vincent, 2012.

⁹ Documents diplomatiques français. 1940. Tome I. 1er janvier-10 juillet, p. 901 - 902.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛДАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ОТНОШЕНИЯ С НАЦИОНАЛЬНЫМИ МЕНЬШИНАМИ

Евгений БРИК*

ABSTRACT:

THE FORMATION OF MODERN MOLDOVAN STATEHOOD AND RELATIONS WITH NATIONAL MINORITIES

The Republic of Moldova is a young state, and therefore the problems of formation of the statehood are in many respects natural. Most of the young countries of Europe and of the world, during the first years and decades of their existence, have passed through many political and economic difficulties. Over time, they were able to develop that line of development, which enabled them to integrate effectively both into political and economic environment.

According to the author's opinion, both an integrated accounting and systematic approach to the peculiarities of the economic, geographic, political, and ethno-demographic situation of the country will enable Moldova to solve her problems and provide a decent citizen's standard of living.

Geographically, Moldova located in the south of Europe, always was a link between the East and the West. Though the political border passes only with two countries, Romania and Ukraine, actually the Republic can be a link between many economic partners of the region. An effective use of its geographical situation will facilitate the European integration of the country and to become a factor of development of the Moldavian statehood. Preservation of a neutral statehood will allow to use all pluses of this geopolitical situation.

Keywords: *Modern Moldovan Statehood, national minorities, geopolitical situation.*

REZUMAT:

EDIFICAREA STATALITĂȚII MOLDOVENEȘTI MODERNE ȘI RELAȚIILE CU MINORITĂȚILE NAȚIONALE

Republica Moldova este un stat tânăr și, prin urmare, problema edificării statalității este în mare măsură evidentă și absolut necesară. Majoritatea tinerelor țări din Europa și din lume, pe parcursul primilor ani și decenii de existență au trecut prin multe dificultăți politice și economice, aprobând, în cele din urmă, acea direcție de dezvoltare care a permis să se integreze eficient în mediul politic și economic.

În opinia autorului articolului, o evidență cuprinzătoare și o abordare sistematică a caracteristicilor situației economice, geografice, politice și etno-demografice a țării, va ajuta Moldova să soluționeze problemele sale și să ofere un nivel de trai decent pentru cetățenii săi.

Din punct de vedere geografic, Moldova, situată în sudul Europei, a fost întotdeauna o punte de legătură între Est și Vest. Deși frontiere politice există doar cu două țări, România și Ucraina, de facto Moldova ar putea fi de fapt o punte de legătură între mai mulți parteneri economici din regiune. Utilizarea eficientă a prezentei dispoziții ar putea să contribuie la integrarea europeană a țării și a ar deveni un factor în dezvoltarea statalității moldovenești. Conservarea și păstrarea statutului de neutralitate a statului va utiliza toate avantajele situației geopolitice.

Cuvinte cheie: *statalitatea moldovenească modernă, minoritățile naționale, situația geopolitică.*

Ключевые слова: *современная молдавская государственность, национальные меньшинства, геополитическая ситуация.*

* **BRİK Eugeniu** - Doctor în economie, cercetător științific, Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); **BRİK Evghenii** – PhD in economy, scientific fellow at the Institute of Cultural Heritage of Academy of Sciences of Moldova. (Kishinev, The Republic of Moldova); **БРИК Евгений** – Кандидат экономических наук, научный сотрудник центра Этнологии Института Культурного наследия АН Молдовы. (Кишинев, Республика Молдова).

Республика Молдова молодое государство и, поэтому, проблемы формирования государственности во многом естественны. Большинство молодых стран Европы и мира, на протяжении первых лет и десятилетий своего существования проходили через многие политические и экономические сложности, выработав со временем ту линию своего развития, которая позволила им эффективно интегрироваться в окружающую политическую и экономическую среду.

По нашему мнению, комплексный учёт и системный подход к особенностям экономического, географического, политического и этно-демографического положения страны, позволит Молдове решить свои проблемы и обеспечить достойный уровень жизни своим гражданам.

Экономическое положение Молдовы сегодня достаточно сложное, она самая бедная страна в Европе. Положение страны обостряется несколькими факторами.

Во-первых, Молдова почти полностью лишена собственных топливно-энергетических ресурсов. Таким образом, развитие страны зависит от поставки энергии из других стран. Разведанные или ожидаемые к открытию энергоресурсы не могут в ближайшее время решить необходимые потребности экономики. Разработки возможного использования альтернативных видов энергоносителей, начатые ещё в 50-е годы прошлого века, до сих пор не вышли из стадии эксперимента или точечного применения.

Во-вторых, экономические ошибки 90-х годов, привели к потере рынков сбыта традиционного сельскохозяйственного производства, табака и вина, во многих регионах бывшего советского пространства, и в первую очередь на обширном территориальном пространстве России. Достаточно отметить, что в 70-е годы прошлого века, Молдова поставляла более 30% необходимого табака в бывшие советские республики. После получения независимости этот рынок был потерян.

В последние годы резко стали падать и показатели продажи Молдавских вин, которые всегда считались и считаются

одними из лучших в мире. Нельзя исключить и политическую составляющую данного изменения.

Одним из основных экономических богатств страны были трудовые ресурсы. В настоящее время, не менее 700 тысяч граждан страны в качестве гастарбайтеров работает в других странах. Это составляет около половины трудовых ресурсов. Если не изменится экономическое положение страны, то большинство из этих людей сделает всё возможное, чтобы остаться в других странах. Это приведёт к столь резкому негативному изменению демографической структуры, которое будет очень сложно элиминировать. Уже в настоящее время ощущается недостаток квалифицированной рабочей силы. В случае дальнейшего развития уменьшения трудового потенциала страны, Молдова может столкнуться с ситуацией, когда данная лагуна начнёт заполняться трудовыми мигрантами из слаборазвитых либо перенаселённых стран Азии и Африки, как это произошло во многих странах Европы. Негативные последствия такого демографического искажения этнической структуры вполне очевидны, о чём говорит опыт Франции, Германии и других стран. Однако, пока до таких корреляций ещё достаточно далеко.

Деньги, присылаемые гастарбайтерами, являются серьёзной помощью для членов их семей. Однако данный денежный поток приводит к росту цен и инфляционного ожидания.

Географически, Молдова, расположенная на Юге Европы, всегда являлась связующим звеном между Востоком и Западом. Хотя политическая граница проходит только с двумя странами, Румынией и Украиной, фактически Республика может являться связующим звеном между многими экономическими партнёрами региона. Эффективное использование данного положения сможет способствовать европейской интеграции страны и стать фактором развития молдавской государственности. Сохранение нейтрального статуса государства позволит использовать

все плюсы данного геополитического положения.

Особой проблемой Молдовы, является наличие территориального образования, ПМР. Политическое решение данного вопроса будет способствовать европейской интеграции страны. Однако данный вопрос выходит за рамки нашей статьи.

Одной из этно-демографических особенностей региона является проживание в стране кроме представителей титульной нации многочисленных этносов национальных меньшинств. По данным переписи, национальные меньшинства (без учёта проживающих на территории ПМР) составляют около 25% жителей Молдовы. Отношение государства к национальным меньшинствам, по нашему мнению, имеет важное, если не основополагающее значение для формирования молдавской государственности на современном этапе.

В Молдове, как и во многих других государствах, национальные меньшинства являются неотъемлемой частью общества и обогащают его своей самобытной культурой. Считается, что проблему защиты прав национальных меньшинств, человечество пытается решить последние 350 лет, так как первые договора о гарантиях их прав относятся к середине 17-го века.¹

В 20-м веке, проблема защиты прав национальных меньшинств приобретает общепризнанное значение и рассматривается международными конвенциями, договорами и соглашениями. Последние годы пресса и неправительственные организации констатируют наличие этнической напряжённости в молдавском обществе. Дискуссии по проблемам правового обеспечения прав и свобод национальных меньшинств неоднократно обсуждались на различных научных форумах и международных конференциях.

Следует отметить, что Молдова ратифицировала большинство международных деклараций о правах национальных меньшинств, а молдавское законодательство декларирует высокий

уровень прав и свобод культурному и национальному развитию представителям не титульных наций.

Уже в 1990 году Парламент Республики Молдова принял решение о присоединении к Всеобщей декларации прав человека и ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах. В данном пакте отмечено, что в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, ... не может быть отказано в праве пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять её обряды, а также пользоваться родным языком.²

В сентябре 1991 года Республика Молдова присоединилась к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, которая вступила в силу в стране с июня 1993 года. В сентябре 1995 года, Молдова присоединилась к Конвенции относительно дискриминации в области труда и занятий, принятой Международной Организацией труда в 1958 году. В 1996 году Молдова присоединилась к Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, принятой Советом Европы в 1995 году. В феврале 1998 года она вступила в силу в Республике Молдова. В ноябре 2000 года, Молдова подписала Протокол № 12 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Протокол до настоящего времени в стране не ратифицирован. В июле 2002 года Молдова подписала Европейскую Хартию региональных языков и языков меньшинств, разработанную Советом Европы и Европейским Парламентом ещё в 90-е годы прошлого века. Хартия до сих пор не ратифицирована Парламентом страны.

Многие международные документы послужили основой и образцом для создания национальной законодательной базы по охране прав этнических меньшинств. В Конституции Молдовы сказано, что Республика Молдова – демократическое

¹ Боршевский А.П. Международное законодательство о правах этнических меньшинств. Кишинёв: Ин-т демократии, 2010. 191 с.

² Ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [On-line]: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactopol.shtml. (Дата посещения: 03.02.2012).

правовое государство.³ Статья 16 Конституции гарантирует права национальных меньшинств.

На основе вышеупомянутой Рамочной конвенции, в Молдове был принят Закон о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций.⁴

В законе содержится определение понятия «национальное меньшинство». Под лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, понимаются лица, постоянно проживающие на территории Республики Молдова, являющиеся её гражданами, обладающие этническими, культурными, языковыми и религиозными особенностями, отличающие их от большинства населения – молдаван, и осознающими себя лицами иного этнического происхождения. Интересно, что согласно ст. 2 закона, любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободно выбирать, считаться ему таковым или нет. Этот выбор ... не должен ставить это лицо в невыгодное положение.⁵ В целом, законодательство Республики Молдова в области прав национальных меньшинств соответствует международным нормам и во многом является более демократичным, чем у ряда других стран на бывшем советском пространстве. Но на практике оно нуждается в укреплении механизмов его реального обеспечения.

Многие общественные действия и выступления в СМИ вызывают, мягко говоря, недоумение и говорят о достаточно тревожных симптомах. Приведём несколько примеров высказываний в прессе по поводу национальных меньшинств.

Господин Анатол Цэрану в своей статье «К вопросу о молдавской гражданской нации» от 12 января 2011 году пишет: «...движение за

³ Art.1 din Constituția Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial Nr. 1 art. Nr: 1. Data intrării în vigoare: 27.08.1994.

⁴ Постановление Парламента РМ о ратификации рамочной Конвенции о защите закона национальных меньшинств № 1001 от 22.10.1996 г.

⁵ Закон РМ «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций». № 38- XV от 19.07. 2001. В: Мониторул Официал РМ № 107/819 от 04.09.2001.

национальное возрождение в республиках не нашло должного понимания у национальных меньшинств. На этой почве возникли условия для внутренних межнациональных конфликтов».⁶ На каком основании он обвиняет национальные меньшинства в возникновении внутренних межнациональных конфликтов, а также в их нежелании учить молдавский язык, участвовать в построение современного гражданского общества и т.д. Такие фразы, как и вся статья, вызывает более чем неприятные ассоциации. Естественно, что никакой статистики, подтверждающих правоту его слов он не приводит.

Ещё более резкие высказывания о национальных меньшинствах можно прочесть в статьях главного редактора газеты «*Timprul*» Константина Тэнасе. В статье «Нацменьы злоупотребляют гостеприимством» (уже название неприятно режет слух), он пишет: «Пользуясь добротой самого демократического законодательства и бесконечной терпимостью со стороны представителей титульной нации, нацменьшинства ведут себя неадекватно, злоупотребляя гостеприимством».

Таким образом, всех, кто не принадлежит к титульной нации, он считает гостями в Молдове. Может быть, по его мнению, гости находятся в этой стране слишком долго. Но у нас действительно одно из самых демократических законодательств и все представители национальных меньшинств, как было показано выше, считаются полноправными гражданами государства.

Может быть именно такие высказывания, которые были приведены выше, ведут, несмотря на широкое закрепление прав национальных меньшинств, к периодически наблюдаемым их нарушениям.

В декабре 2009 года несколько сот молодых людей приняли участие в антисемитской манифестации в центре города Кишинёва. Они требовали, чтобы евреи убирались из Молдовы и скандировали антисемитские лозунги.⁷ События

⁶ Анатол Цэрану. К вопросу о молдавской гражданской нации. Вторник, 12 января, 2011. [On-line]: <http://www.politicon.md>. (Дата посещения: 03.04.2012).

⁷ Независимая Молдова, 2009. 15 декабря.

происходили во время еврейского национального праздника Ханука и с разрешения городских властей в Европейском сквере центрального парка Кишинёва, была установлена Ханукия – девятисвечник с горящими свечами. Кстати, это практика многих европейских столиц – устанавливать в городе в одном из центральных мест Ханукию, это практиковалось в течение многих лет и в Кишинёве. Подсвечник был перевернут и разбит, затем его бросили к ногам памятника Штефана чел Маре. Погромщики явно не знали историю Молдовы, великий господарь которой относился очень хорошо к представителям еврейской общины. Евреями были его логофет, лечащий врач и один из телохранителей. Можно не сомневаться, что он поступил бы с такими погромщиками достаточно сурово.

Но если мы вернёмся к событиям нашего времени, то перед данной акцией, по данным информационного агентства Инфотаг, в столице появились надписи о том, что «евреи избивают христианских младенцев».⁸

Молдавские власти осудили действия погромщиков, но надписи антисемитского либо фашистского характера продолжают появляться в столице. На улице Диордице, рядом с еврейской библиотекой имени Мангера, до сих пор можно увидеть рисунок, на котором символика СС, две руны Зиг в виде 2-х молний, соединены знаком равенства с еврейским символом шестиконечной звездой Давида.

Не может не вызывать тревогу попытки оправдания Антонеску, под руководством которого, по данным комиссии Визеля, румынскими солдатами было уничтожено в годы II Мировой войны около 400 тысяч евреев Бессарабии, Буковины, Румынии и Украины.⁹ Более чем странно, что в Кишинёве существует улица Октавиана Гоги, главы профашистского румынского правительства в 1937-1938 годах, под руководством которого были приняты

антисемитские законы, а евреи лишены румынского гражданства. Одним из более чем странных парадоксов является то, что именем этого фашиста названа улица в бывшем еврейском районе Кишинёва. Ему, как поэту и драматургу поставлен бюст в аллее классиков в Кишинёве. Но разве может ультраправый националист и глава фашистского правительства считаться классиком и занимать место рядом с такими великими деятелями культуры как Михаил Эминеску, Василе Александри, Ион Крянгэ и т.д.

Развитие молдавской государственности и будущее Республики Молдова зависит от выбора молодёжи. Для того чтобы она сделала правильный выбор, необходима правдивая объективная информация и соблюдение на практике законодательной базы, которая позволит стране интегрироваться в европейское сообщество и решить все сложные вопросы становления демократии.

Библиография:

1. Constituția Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial Nr. 1 art. Nr : 1 Data intrării in vigoare: 27.08.1994 nr. 2.
2. Elie Wiesel, Tuvia Friling, Radu Ioanid, Mihail E Ionescu. Comisia internațională pentru studierea holocaustului în România. Raport final. Iași. POLIROM, 2005. 423 p.
3. Анатолий Цэрану. К вопросу о молдавской гражданской нации. Вторник, 12 января, 2011. [On-line]: <http://www.politicon.md>. (Дата посещения: 03.04.2012).
4. Боршевский А.П. Международное законодательство о правах этнических меньшинств. Кишинёв: Ин-т демократии, 2010. 191 с.
5. Закон РМ «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций». № 38- XV от 19.07. 2001. В: Мониторул Официал РМ № 107/819 от 04.09.2001.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах 1996 г. [On-line]: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pact_pol.shtml. (Дата посещения: 03.02.2012).
7. Молдавские ведомости. 2009. 15 декабря.
8. Независимая Молдова, 2009. 15 декабря.
9. Постановление Парламента РМ о ратификации рамочной Конвенции о защите закона национальных меньшинств № 1001 от 22.10.1996 г.

Copyright©BRIK Evghenii, 2012.

⁸ Молдавские ведомости. 2009. 15 декабря.

⁹ Elie Wiesel, Tuvia Friling, Radu Ioanid, Mihail E Ionescu. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. Raport final. Iași. POLIROM, 2005. 423 p.

РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ

Георгий ГЕОРГИЕВ*

RESUME:

THE DEVELOPMENT OF EASTERN EUROPE IN THE CONTEXT OF RELATIONSHIP BETWEEN GERMANY AND RUSSIA

The enlargement of the European Union to the East (1993 - 2007) is a major strategic success. Due to the expansion, a dangerous geopolitical vacuum created after the collapse of the Warsaw Pact and the Council for Mutual Economic Assistance was filled. The events in former Yugoslavia have shown what could happen in the context of that vacuum.

The process of expansion went very slowly, but the membership prospect itself stabilized the development of the most part of Eastern Europe. Here it is possible to note a settlement of relations between Romania and Hungary, „civilized” disintegration of Czechoslovakia. Now the success of expansion doesn't raise doubts. Not in every country that adhered to the EU successes of development are so unequivocal, but all are sure that the best decisions couldn't be.

The restoration of traditional economic relations between the West and the East is one of the most important consequences of enlargement of the Union to the East. Here we have thousands of years of tradition, which was not completely interrupted, even during the Cold War. (From the geoeconomic point of view it is possible to consider the cold war as a deviation from logic of geoeconomic development.) The end of the cold war has restored the thousand-year trade road „Novgorod – Santiago de Compostella”. Following this, now we are observing a remarkable growth of trade between Germany, Austria, Italy on the one hand, and between countries of Central and Eastern Europe, on the other hand. This tendency belongs, first of all, to new member countries of the Union. The united Germany is in the centre of this development. The country itself represents a real geographical and economic centre of Europe, which is slowly turning into a political centre of the unification.

Keywords: Eastern Europe, Warsaw Pact, Council for Mutual Economic Assistance.

REZUMAT:

DEZVOLTAREA EUROPEI DE EST ÎN CONTEXTUL RELAȚIILOR DINTRE GERMANIA ȘI RUSIA

Extinderea Uniunii Europene la Est (1993-2007) este un mare succes strategic. Mulțumită extinderii a fost evitat periculosul haos geopolitic apărut după dizolvarea Pactului de la Varșovia și Consiliul pentru Ajutor Economic Reciproc. Evenimentele din Iugoslavia au arătat ce se putea întâmpla în condițiile haosului.

Procesul de extindere a fost foarte lent, dar însăși perspectiva aderării a stabilizat procesele de dezvoltare în Europa de Est. Aici se poate menționa soluționarea relațiilor dintre România și Ungaria, precum și dizolvarea „civilizată” a Cehoslovaciei. La etapa actuală succesul extinderii nu mai este discutabil. Nu în fiecare țară care a aderat succesele dezvoltării sunt vizibile, însă toți sunt de acord cu faptul că soluții mai bune nu există.

Printre consecințele mai importante ale extinderii spre Est poate fi remarcată restabilirea legăturilor economice tradiționale dintre Vest și Est. Există o tradiție milenară care nu a fost complet întreruptă nici chiar și în timpul războiului rece. (Din punct de vedere geo-economic războiul rece poate fi văzut ca o abatere de la logica dezvoltării geo-economice.) Sfârșitul războiului rece a restaurat calea comercială milenară „Novgorod-Santiago de Compostella”. Ulterior, acum suntem martorii creșterii substanțiale a schimburilor de mărfuri între Germania, Austria, Italia, pe de o parte, și țările Europei Centrale și de Est, pe de altă parte. Această tendință se referă mai presus de toate la țările noi-membre ale Uniunii. În centrul acestei evoluții este, desigur, Germania

***GHEORGHIEV Gheorghe** – Doctor în științe politice, profesor universitar (Sofia, Bulgaria); **GHEORGHIEV Gheorghy** – PhD in political science, Professor. (Sofia, Bulgaria); **ГЕОРГИЕВ Георгий** - Доктор политологии, профессор. (София, Болгария).

unificată, care, cu adevărat, este centrul geografic și economic al Europei, și care, încet-încet, se transformă în centrul politic al Uniunii.

Cuvinte cheie: *Europa de Est, Pactul de la Varșovia, Consiliul pentru Ajutor Economic Reciproc.*

Ключевые слова: *Восточная Европа, Варшавский договор, Совет Экономической Взаимопомощи.*

Расширение Европейского союза на Восток (1993 – 2007) является крупным стратегическим успехом. Благодаря такому расширению был заполнен опасный геополитический вакуум, возникший после распада Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи. События в бывшей Югославии показали, что могло произойти в условиях того вакуума. Процесс расширения проходил очень медленно, но перспектива членства сама по себе стабилизировала развитие большей части Восточной Европы. Здесь можно отметить урегулирование отношений между Румынией и Венгрией, а также «цивилизованный» распад Чехословакии. Теперь успех расширения не вызывает сомнения. Не в каждой присоединившейся стране успехи развития так однозначны, но все уверены в том, что лучших решений не могло бы и быть.

Среди самых важных последствий расширения Союза на Восток, можно считать, восстановление традиционных экономических связей между Западом и Востоком. Здесь налицо тысячелетняя традиция, которая не была полностью прервана даже во время холодной войны. (С геоэкономической точки зрения можно рассматривать холодную войну как отклонение от логики геоэкономического развития.) Окончание холодной войны позволило восстановить тысячелетнюю торговую дорогу «Новгород – Сантьяго де Компостелла». Вслед за этим теперь мы наблюдаем замечательный рост торговли между Германией, Австрией, Италией с одной стороны, и странами Центральной и Восточной Европы, с другой. Эта тенденция относится, прежде всего, к новым странам-членам Союза. В центре такого развития, безусловно, находится объединённая Германия, являющаяся настоящим географическим и экономическим центром Европы, который медленно превращается в политический центр объединения.

Сразу после объединения страны появились опасения, что распад СССР и Варшавского договора позволит Германии восстановить свое прежнее влияние в Балтике, Центральной Европе и на Балканах. Чтобы не допустить хоть и не полной, но все же переориентации на Восток, атлантические партнёры (прежде всего Франция) навязали Германии дополнительные обязательства в связи с углублением интеграции – Маастрихтский договор, в том числе развитие Внутреннего рынка, Денежный и экономический союз. Эти попытки, наверное, замедлили нежелательное развитие, но вполне блокировать его было не возможно.

В итоге объединение Германии в 1990 г. положило начало продолжительному процессу медленного эмансипирования и захоронения статуса побеждённой страны – этот упорно поддерживаемый внешними факторами комплекс вины, чреват конкретными политическими и даже экономическими последствиями. Германская стратегия нацелена на восстановление полного суверенитета, применяя более эффективные способы защиты немецких национальных интересов в рамках евроатлантических структур. Политическая линия Германии относительно войн в бывшей Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии иногда входит в противоречие с позициями важнейших партнёров, таких как США, Великобритания. Стратегический союз с Францией иногда призван противодействовать американскому влиянию на европейские дела. Однако следует отметить, что иногда внутри этого самого союза возникают напряжения, прежде всего, по экономическим вопросам.

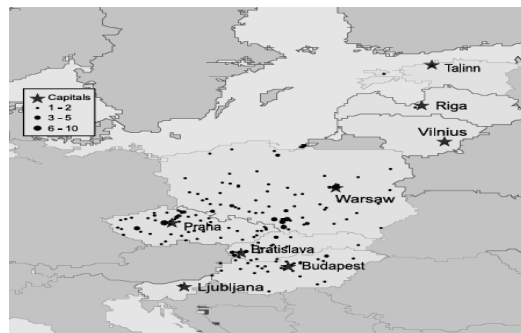
Конечно, процесс эмансипирования Германии ещё далек от своего завершения – страна продолжает оставаться важнейшим донором и кредитором Союза, вопреки попыткам канцлера Г. Шрёдера перестроить схему финансирования общего бюджета союза, согласно которой Германия обязана

выплачивать четверть всех поступлений. Германии приходится играть важнейшую роль в спасении Греции и всей еврозоны от банкротства, что вызывает рост политического напряжения внутри страны и наносит правящей коалиции большой политический ущерб. Напомним, что начиная с 10.05.2010, коалиция стала проигрывать несколько выборов в коммунах подряд.

Несмотря на это нет смысла ожидать, что процесс эмансипирования остановится на середине пути. Казавшееся невозможным объединение страны в 1990 г., сейчас является результатом неторопливого, но упорного следования страны десятилетней стратегии. После исчезновения последствий холодной войны, Германия постепенно расширяет свою зону влияния в Восточной Европе, не рискуя при этом экономическими и политическими связями с Западной Европой.

Свыше шестидесяти лет главным торговым партнером Германии была Франция. Однако в начале нового века все восточноевропейские страны вместе взятые, опередили Францию. Они уже являются самыми важными торговым партнером Германии. В 2009 году объем торговли только со странами Вышеградской четвёрки достиг 162 млрд. €, тогда как объем торговли с Францией - 132 млрд. €. (Стоит отметить, что ВВП Франции номинально в 7 раз выше продукта четвёрки.) Если до начала перемен доля Советского союза во внешней торговле бывших социалистических стран Восточной Европы достигла около 50%, то уже к концу 90-ых годов соответствующая доля Европейского союза превысила 70%, а доля одной Германии колеблется между 20% (Словакия) и 38% (Чехия). Следует добавить: чем ближе к Германии, тем успешнее произошли перемены в восточноевропейских странах. Геоэкономика есть геоэкономика и относительное отставание Болгарии и Румынии от Вышеградской четвёрки точно соответствует геоэкономической логике. В соответствии с этой логикой весь центр экономической деятельности Союза медленно двигается на Восток и сосредоточение производства автомобилей в Центральной Европе является одним из таких примеров.

Карта производителей автомашин и запчастей в Центральной Европе

Источник: United Nations, World Investment Report 2006, p. 123.

Западное направление немецкой политики пока остается стратегическим, но восточное направление становится все более важным, а немецкая политическая элита пользуется, накопленным за время холодной войны, опытом. Как правило, ещё со временем Вилли Брандта («Восточная полтика») немецкие социал-демократы чаще все были готовы к сотрудничеству, в том числе с Россией, жертвуя иногда «ценности» и союзнические обязательства на благо национальным интересам. Их идейные противники правого политического сектора реже готовы рисковать отношениями с партнёрами НАТО и ЕС, пользуясь новыми возможностями на Востоке. Эти различия, однако, не так велики, чтобы лишить немецкую внешнюю политику преемственности.

Внутри восточного направления немецкой политики самыми важными являются отношения с Россией. С одной стороны Россия является важнейшим фактором международного окружения Европейского союза. Она связана со странами Союза тысячелетними экономическими связями на основе географической и культурной близости. Россия - самый важный торговый партнер ЕС после США и Китая – в 2008 году на нее приходилось 6% общего импорта и 10% общего экспорта Союза. Так, доля ЕС в российской внешней торговле достигла 52,3%. Общий объем торговли 2009 г. составил 180,6 млрд. € (2005 г. - 166,2 млрд. €, 2003 г. - 85 млрд. €). Экспорт ЕС в Россию достиг 65,6 млрд. €, в основе роста торговли и большого дефицита Союзу находится импорт энергоносителей (77,3% всего импорта).

Экспорт ЕС в Россию включает транспортные средства (42,9%), химические товары (14%), другие промышленные товары (11%)¹. Структура обмена указывает на большую взаимную дополняемость двух соседних рынков.

Со своей стороны Германия является ключевым государством ЕС - в 2009 году ее доля в общем экспорте в Россию превысила 31% (20,5 млрд. €)². Более того, страна в состоянии формулировать и проводить собственную стратегию развития отношений с большим соседом, иногда несогласованную с атлантическими партнерами. Эту самостоятельность можно понять, имея в виду, исторические традиции. Со времен правления Петра Первого немецкие поселенцы, немецкая технология и немецкая организация, всегда являлись важным фактором успешного развития России и всей Восточной Европы.

Немецко-российские отношения отличаются рядом особенностей:

1. Несмотря на то, что были и периоды взаимной подозрительности и соперничества, всегда была на лицо большая взаимная дополняемость: Германия (германские государства до объединения страны) всегда являлась источником высоких технологий и организационных умений, а Россия являлась важнейшим источником сырья, энергоносителей и сельскохозяйственных товаров. (Даже в эпоху холодной войны, когда политическая напряженность достигала порой максимума, торговые взаимоотношения между двумя странами поддерживались и развивались.) Важнейшая торговая дорога в Европе («Новгород – Сантьяго де Компостелла»), по сути всегда обеспечивала доступ Западной Европы к большими ресурсами России, а Германия являлась не только потребителем таких ресурсов, но и важнейшим торговым посредником. Несмотря на нынешний уровень технологий, в центре внимания немецких деловых кругов (Восточный комитет немецкой экономики)

¹[On-line]: <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/russia/>. (Дата посещения: 04.02.2012).

² [On-line]: <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/russia/>. (Дата посещения: 04.02.2012).

продолжают оставаться те же самые ресурсы, в том числе 120 млн. гектара обрабатываемой земли, леса и воды.³

2. Большая взаимная дополняемость – постоянный источник опасений (см. Зб. Бжезинский⁴) в странах Западной Европы: сочетание больших ресурсов России с немецкой технологией и организацией иногда грозили появлением великой силы, способной установить гегемонию на всей Евразии. Во время совпадения интересов между Германией и Россией, страны часто диктовали общее развитие не только для Восточной, но и всей Европы. Поэтому западноевропейские и даже неевропейские государства (США) всегда были заинтересованы в наличии указанной взаимной подозрительности. В том смысле Первая и Вторая мировая войны - это крупные геополитические ошибки правящих элит обеих стран и в тоже время – крупные геополитические успехи геополитических соперников Германии и России. Но «несмотря на трагические события XX в., российские граждане до сих пор считают Германию основным союзником и партнером. Тех же взглядов придерживаются и немцы».⁵

Нынешние конъюнктурные особенности выглядят так: сегодня Германия ограничена обязанностями членства в ЕС и НАТО, тогда как Россия потеряла большую часть своей исторической зоны влияния в Европе. Свыше 20 лет «продолжается постепенный отход Москвы от позиций глобальной силы к региональным задачам».⁶ По окончанию расширения ЕС на Восток, 63% торговли Германии направлено на внутренний рынок ЕС.⁷ В тоже время Россия не всегда находится в списке десяти важнейших торговых

³ [On-line]: <http://www.ost-ausschuss.de/russland>. (Дата посещения: 04.02.2012).

⁴ Збигнев Бжезинский. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010. 256 с.

⁵ О.В. Ерохина, Г.Ф. Токунова. Германские инвестиции в российской экономике: вчера и сегодня. [On-line]: <http://ecsocman.hse.ru/data/691/632/1219/journal6.3-11.pdf>. (Дата посещения: 04.02.2012).

⁶ Лукьянов Ф. «Местечковый союз». [On-line]: <http://www.gazeta.ru/column/lukyanov/3791594.shtml>. (Дата посещения: 04.02.2012).

⁷ [On-line]: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-CV-08-001/EN/KS-CV-08-001-EN.PDF. (Дата посещения: 04.02.2012).

партнеров Германии. Ее доля колеблется между 2 и 4% из-за больших колебаний цен на нефть, газ, металл и древесины на мировых рынках. Германский экспорт в Россию включает те же самые технологичные товары, которые были указаны нами выше. Российские политики называют эту традиционную структуру торговли «колониальной», они опасаются уменьшения потенциала экономического развития между двумя странами. Конечно, это не так.

Происходят перемены, но динамика этих перемен зависит, прежде всего, от динамики «новой восточной политики» Германии⁸. После укрепления позиций в соседних странах немецкий капитал упорно передвигается на Восток – на Россию (на Украину и т.д.) Германия является самым крупным экспортным рынком для России, в то время как Россия также выступает наиболее быстрым растущим рынком Германии⁹, темпы развития, которой составляли до 20 % в год. За шесть лет (с 2001 г. по 2007 г.) товарооборот между Россией и Германией увеличился в три с половиной раза¹⁰. Россия с её еще ненасыщенным рынком представляет огромный интерес для германских компаний. В 1997 г. число таких предприятий составило около 2000, в основном в сфере торговли и услуг, в 2007 г. их насчитывалось 4500, а к концу 2010 года уже - 6100 предприятий с немецким капиталом.¹¹ В 2010 г. сумма накопленных инвестиций Германии в России составила 16,7 млрд. €, на 2,5 млрд. € больше чем в 2009 г. По накопленным инвестициям Германия в 2007 г. находилась на четвертом месте после

Кипра, Нидерландов, Люксембурга и Великобритании.¹² (Кстати, большая часть предприятий, зарегистрированных в Люксембурге из-за фискальных льгот – это, по сути, немецкие предприятия.) Прямые инвестиции уже преимущественно поступают в сферу транспорта и связи, в пищевую, химическую, электро-техническую, электронную и автомобильную промышленность, а также производство строительных материалов.

Volkswagen является самым крупным отраслевым инвестором в России, а компания Еоп - самым мощным инвестором в сфере энергетики. Несмотря на более равномерное распределение германских капиталов, главным направлением немецкой деятельности остаётся энергетика. Германия получает из России на долю своих нужд 45 % газа и 34 % нефти, а Газпром уже обсудил возможное увеличение поставок российского газа в Германию в связи с выводом атомной генерации в стране. Важнейший совместный проект - «Северный поток», подводный трубопровод по дну Балтийского моря, который должен перекачивать сибирский газ напрямую в Германию. Германия также заинтересована в осуществлении «Южного потока» (где доля Wintershall Holding GmbH составляет 15%), которая поможет обеспечить стране диверсификацию поставок российского природного газа в Европу и снизить зависимость поставщиков и покупателей от стран-транзитёров.

Государства Центральной и Восточной Европы, составляют важную группу внешнеэкономических партнеров России. Это объясняется их геополитическим положением, территориальной близостью, а также масштабами экономического сотрудничества в рамках СЭВ (в 1990 г. примерно 3/5 объема товарооборота СССР приходилось на СЭВ). После перемен торговля со странами Восточной Европы в первой половине 90-х гг. характеризовалась сокращением их доли во внешнеэкономическом обороте России. Тогда, когда влияние Германии в Восточной Европе росло непрерывно, России не хватало достаточной экономической и политической динамики,

⁸ The German EU Presidency: Russia, European Neighborhood Policy and Central Asia, 20

⁹ Александр Рар из Совета по внешней политике Германии отмечает: «Россия это один из последних оставшихся на нашем пороге рынков, где мы можем расширять свою деятельность». Новая восточная политика. [On-line]: <http://www.economica.com.ua/vlast/article/620832.html>.

(Дата посещения: 04.02.2012).

¹⁰ О. В. Ерохина, Г.Ф. Токунова. Германские инвестиции в российской экономике: вчера и сегодня. [On-line]: <http://ecsocman.hse.ru/data/691/632/1219/journal6.3-11.pdf>.

(Дата посещения: 04.02.2012).

¹¹ [On-line]: <http://www.ost-ausschuss.de/russland>, <http://ecsocman.hse.ru/data/691/632/1219/journal6.3-11.pdf>.

(Дата посещения: 04.02.2012).

¹² [On-line]: <http://www.ost-ausschuss.de/russland>. (Дата посещения: 04.02.2012).

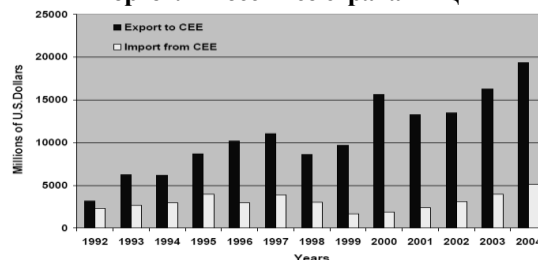
чтобы предоставить хорошие перспективы странам Восточной Европы, так что сейчас их удельный вес в российской торговле составляет 12 - 13 %. В импорте России основными статьями являются изделия машиностроения (около 35% совокупного импорта), а также продовольствие и сырьё для его производства (около 25%). Удельный вес импортируемых химических продуктов составляет около 15%, изделий легкой промышленности - около 5 %. Важнейшие партнеры России в этой группе - Польша, Венгрия, Чехия и Словакия.

В новых странах ЕС за последние годы прошла переориентация внешнеторгового оборота в сторону индустриально развитых стран. Наблюдатели отметили, что с присоединением 10 новых стран негативное отношение к России в штаб-квартире ЕС на первое время усилилось. В то же время попытки этих стран быстро переориентировать торговлю на Запад встретили активное противодействие, что определило «новое открытие» российского рынка¹³. С другой стороны, они активно включаются в экономические, политические и военные интеграционные процессы в Западной Европе, поэтому их можно рассматривать в качестве дополнительного связующего звена между Россией и Западной Европой.

Теперь происходит частичное перемещение экономического и политического центра Союза на Восток, восстанавливаются возможности реализации крупного потенциала стратегических связей между Германией и Россией. Геоэкономическая логика требует, чтобы восточноевропейские страны активно участвовали в этой реализации. Самое важное для всех - как воспользоваться стратегическими связями между Германией и Россией, потому что не всё что происходит, всем выгодно. Как уже отмечено, соединение немецкой технологии и организации с русскими (восточноевропейскими) ресурсами всегда обладало большим экономическим потенциалом, но сближение между Германией и Россией часто шло за счёт

соседей (напр. деления Польши) и часто угрожало большим геополитическим соперникам. Цели напр. современного проекта «Северный поток», в котором участвуют Россия, Германия, Голландия и Франция - увеличение поставок газа на европейский рынок и снижение зависимости от транзитных стран. Против его реализации выступают страны-транзитёры российского газа (Польша и страны Прибалтики), опасаясь экономических потерь¹⁴. Политическую поддержку они получили вначале не только со стороны Европейской комиссии (которая пытается расширить свой контроль в области энергетики), но и со стороны США¹⁵. Аналогичное происходит и в «Южном потоком». Понятно, что оба проекта вызывали и продолжают вызывать озабоченность и даже сопротивление у третьих стран по поводу последствий таких тесных связей Берлина и Москвы.

Торговля России со странами ЦВЕ

Source: Based on International Monetary Fund: *Direction of Trade Statistics Yearbook*, 1997, 2004, and 2005.

Однако остановить стратегическое немецко-российское сотрудничество, не только в области энергетики, вряд ли возможно. Страны Восточной Европы заинтересованы не столько в этом, сколько в улучшении их баланса в торговле с Россией (см. выше). Торговля с Германией и остальными странами ЕС уже

¹³ Структура внешней торговли. [On-line]: <http://globetrade.ru/section-1/1610/>. (Дата посещения: 04.02.2012).

¹⁴ Государства Балтии и Швеция выступили противниками «Северного потока» по экологическим мотивам.

¹⁵ См.: США и их сателиты в Европе выступают против проекта «Северный поток». [On-line]: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20089/1314.htm>. (Дата посещения: 04.02.2012); WikiLeaks: США удивляет позиция финнов по «Северному потоку». [On-line]: <http://www.baltinfo.ru/2011/02/16/WikiLeaks-SShA-udivlyaet-pozitsiya-finnov-po-Severnomu-potoku-188590>. (Дата посещения: 04.02.2012); «Государства Балтии и Швеция выступили противниками «Северного потока» по экологическим мотивам. [On-line]: <http://www.newsru.com/finance/12sep2008/nordsrt.html> и др. (Дата посещения: 04.02.2012).

сбалансирована, так что важнейший источник хозяйственного роста теперь является русский рынок, где немецкие предприятия в состоянии играть и роль «паровоза» для их восточноевропейских партнеров. Здесь нужны и конкретные политические действия - торговля между ЕС и Россией осуществляется на основе ныне действующего Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве (СПС) Евросоюза и России (1994). Подписать новое Соглашение до сих пор так и не удалось, в том числе из-за сопротивления некоторых восточноевропейских стран¹⁶. Польша отказалась от своей блокирующей позиции по переговорам о вступлении России в ВТО только в 2007 году, 14 лет после начала переговоров. В то же время не только Польша, но и остальные восточноевропейские страны заинтересованы в расширении их доступа к российскому рынку.

На российско-германско-французском саммите в Довиле 19 октября 2010 года лидеры стран Германии, России и Франции согласовали план действий, по которому, через 10 - 15 лет Россия и Евросоюз могут представлять собой единое экономическое пространство с общей системой безопасности. Этот экономический альянс должен способствовать экономическому освоению Сибирских и Дальневосточных территорий России. Логика требует, чтобы восточноевропейские страны активно участвовали в создании этого альянса, защищая свои интересы. 100 лет тому назад болгарская политическая элита выдумала формулу успешного развития страны: «Всегда с Германией - никогда против России». Эта формула была не проработанной, и страна пережила две национальные катастрофы. Сейчас, на первый взгляд, существуют все условия, которые позволили бы стране воспользоваться реализацией большого потенциала немецко-российских связей. По сути это касается не только Болгарии.

¹⁶ 10 октября 2004 г. проведена встреча глав МИД 11 стран - членов ЕС (Польша, Чехия, Венгрия, Словакия, Эстония, Латвия, Литва, Дания, Швеция, Финляндия и Австрия), на которой было выдвинуто требование поднять роль «малых стран» во внешней политике ЕС, а более конкретно - ужесточить политику ЕС в отношении России.

Библиография:

1. [On-line]: <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/russia/>. (Дата посещения: 04.02.2012).
2. [On-line]: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-CV-08-001/EN/KS-CV-08-001-EN.PDF. (Дата посещения: 04.02.2012).
3. [On-line]: <http://www.ost-ausschuss.de/russland,http://ecsocman.hse.ru/data/691/632/1219/journal6.3-11.pdf>. (Дата посещения: 04.02.2012).
4. [On-line]: <http://www.ost-ausschuss.de/russland>. (Дата посещения: 04.02.2012).
5. [On-line]: <http://www.ost-ausschuss.de/russland>. (Дата посещения: 04.02.2012).
6. «Государства Балтии и Швеция выступили противниками «Северного потока» по экологическим мотивам. [On-line]: <http://www.newsru.com/finance/12sep2008/nordsrt.html>. (Дата посещения: 04.02.2012).
7. The German EU Presidency: Russia, European Neighborhood Policy and Central Asia.
8. WikiLeaks: США удивляет позиция финнов по «Северному потоку». [On-line]: <http://www.baltinfo.ru/2011/02/16/WikiLeaks-SShA-udivlyaet-pozitsiya-finnov-po-Severnomu-potoku-188590>. (Дата посещения: 04.02.2012).
9. Збигнев Бжезинский. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010. 256 с.
10. Лукьянов Ф. «Местечковый союз». [On-line]: <http://www.gazeta.ru/column/lukyanov/3791594.shtml>. (Дата посещения: 04.02.2012).
11. Новая восточная политика. [On-line]: <http://www.economica.com.ua/vlast/article/620832.html>. (Дата посещения: 04.02.2012).
12. О. В. Ерохина, Г.Ф. Токунова. Германские инвестиции в российской экономике: вчера и сегодня. [On-line]: <http://ecsocman.hse.ru/data/691/632/1219/journal6.3-11.pdf>. (Дата посещения: 04.02.2012).
13. О.В. Ерохина, Г.Ф. Токунова. Германские инвестиции в российской экономике: вчера и сегодня. [On-line]: <http://ecsocman.hse.ru/data/691/632/1219/journal6.3-11.pdf>. (Дата посещения: 04.02.2012).
14. Структура внешней торговли. [On-line]: <http://globetrade.ru/section-1/1610/>. (Дата посещения: 04.02.2012).
15. США и их сателиты в Европе выступают против проекта «Северный поток». [On-line]: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20089/1314.htm>. (Дата посещения: 04.02.2012).

Copyright©GHEORGHIEV Gheorghe, 2012.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МОЛДАВСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УКРАИНЕ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛАСТИ)

Павел МОЛОЧКО*

ABSTRACT: CURRENT ISSUES OF MOLDOVAN IDENTITY IN UKRAINE (CASE OF CHERNIVTSI REGION)

The question of assertion of national identity is one of the crucial issues for the new states. Ukraine and Moldova aren't the exception in this context, because today, this problem concerns not only the identification of common aspects of culture, traditions, values, moral foundations, but also more global issues, such as the choice of alternatives for international cooperation, the prospects for political development, security, and economic success.

According to the 2001 census, the ethnic composition of the population of Ukraine is characterized by significant advantage - namely 77.8% of the titular nation of the population of Ukraine. However, the country is inhabited by over 100 nations and nationalities. Moldovan nation is one of the largest one, it makes up - 258.6 thousand persons or 0.5% of all population throughout the country, conceding only Russians - 17.3% and Belarusians - 0.6%.

From the point of view of territorial representation, the Odessa and Chernivtsi regions are regions with the greatest number of compact accommodation of Moldovans.

After analyzing the characteristics of the Moldovan community in Chernivtsi region, we can conclude that there are all preconditions for the further strengthening of Moldovan identity formation in Ukraine, but at the same time, there are several issues that may have a negative impact on the further development of these processes.

Keywords: national identity, ethnic composition, the Moldovan community.

REZUMAT: PROBLEME ACTUALE PRIVIND CONSOLIDAREA IDENTITĂȚII MOLDOVENEȘTI ÎN UCRAINA (CAZUL REGIUNII CERNĂUȚI)

Chestiunea aprobării identității naționale este o problemă-cheie pentru noile state. Nu este o excepție în acest sens și Ucraina și Moldova, pentru că astăzi această problemă se referă nu numai la aspectele comune de identificare a culturii, tradițiilor, valorilor, moralei, dar și la probleme mai globale, precum ar fi selectarea alternativelor privitor la cooperarea internațională, perspectivele de dezvoltare politică, de asigurare a securității, cât și a succesului economic.

Conform datelor recensământului din 2001, compoziția etnică a populației din Ucraina este caracterizat de avantajul considerabil al națiunii titulare, și anume 77,8% din populația Ucrainei. Cu toate acestea, pe teritoriul țării locuiesc mai mult de 100 națiuni și naționalități. Printre ele una dintre cele mai mari reprezentări o au moldovenii, constituind 258.6 mii de persoane, sau 0,5% din populația întregii țări, cedând doar rușilor – 17,3% și belarușilor – 0,6%.

Din punct de vedere al reprezentării teritoriale, regiunile cu cel mai mare număr de reședință compactă a moldovenilor sunt regiunea Odessa și Cernăuți.

* **МОЛОЧКО Павел** - Кандидат политических наук, доцент Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича. (Черновцы, Украина); **MOLOCICO Pavel** – Doctor în științe politice, conferențiar universitar, Universitatea Națională „Iurii Fedicovici” din Cernăuți. (Cernăuți, Ucraina); **MOLOCHKO Pavel** – PhD in political sciences, Associate Professor at Chernivtsi „Yuri Fedkovych” National University. (Chernivtsi, Ukraine).

Analizând caracteristicile comunitarii moldovenilor din regiunea Cernăuți, se poate concluziona că în Ucraina există toate condițiile prealabile pentru continuarea procesului de consolidarea a identității moldovenești, dar în același timp, există și unele probleme care ar putea avea un efect negativ asupra dezvoltării ulterioare a acestor procese.

Cuvinte-cheie: *identitatea națională, compoziția etnică, comunitatea moldovenilor.*

Ключевые слова: *национальная идентичность, этнический состав, сообщество молдаван.*

Вопрос утверждения национальной идентичности является одним из ключевых для новых государств. Не исключением в этом являются Украина и Молдова, поскольку сегодня эта проблема касается не только общепринятых аспектов идентификации культуры, традиций, ценностей, моральных устоев, но и более глобальных вопросов таких как выбор альтернатив международного сотрудничества, перспектив политического развития, безопасности, а также экономического успеха.

Согласно результатам переписи населения 2001 года, национальный состав населения Украины характеризуется значительным преимуществом титульной нации, а именно 77,8 % населения Украины. Вместе с тем на территории страны проживают представители более 100 наций и народностей. Среди них одно из самых больших представительство имеют молдаване, составляющие 258,6 тыс. человек или 0,5% от населения всей страны, уступая только русским – 17,3 % и белорусам – 0,6%.

С точки зрения территориального представительства, регионами с наибольшим количеством компактного проживания молдаван являются Одесская и Черновицкая области.

В Черновицкой области молдаване являются третьей по численности национальной группой, составляя 7,3% населения области или 67,2 тыс. человек.

Анализируя развитие молдавской идентичности в Черновицкой области, мы будем использовать следующие данные: анализ работы национально-культурных обществ, результаты мониторинга региональной прессы проводившегося в период с сентября 2010 года по апрель 2011 года, а также результаты социологического исследования проводившегося кафедрой политологии и государственного управления

Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича в июле 2011 года.

Молдавская община является традиционной для Черновицкой области и этим обуславливается ее прочное место в этнокультурной среде региона, но в тоже время есть основания утверждать о существовании определенной динамики (как положительной, так и негативной) в развитии современной молдавской идентичности. Развитию идентичности призваны служить национально-культурные общества, наличие которых позволяет не только сохранять собственную политическую идентификацию и национальное самосознание, но и развивать родную культуру, народные обычаи и традиции. Наиболее активную деятельность в вопросах развития молдавской идентичности в области проводит Межрайонное общество молдавской культуры Буковины. Но так ли активна их работа в сравнении с национально-культурными обществами других национальных меньшинств?

Проведя анализ календарных планов мероприятий организаций национальных меньшинств во второй половине 2010 года, а также в 2011 году, нами было установлено, что даже при государственном финансировании в рамках Программы поддержки национально-культурных обществ и украинской диаспоры, активность организаций представляющих интересы молдавской общины, является ниже активности остальных национальных обществ.

Так, во второй половине 2010 года в рамках указанной Программы финансировалось 18 мероприятий национально-культурных обществ, из которых только 2 были запланированы представителями молдавского национально-культурного общества. Не изменилась ситуация и в 2011 году, все те же 2

мероприятия, но уже при общем финансировании 22 мероприятий.

Безусловно, что на фоне других национально-культурных обществ деятельность молдавского национально-культурного общества выглядит мало представленной и неспособной в полной мере способствовать развитию молдавской идентичности в регионе. По нашему мнению, причиной такой низкой инициативности можно считать отсутствие с одной стороны надлежащего финансирования (как со стороны самих представителей общины, так и со стороны правительства Молдовы), а с другой стороны – активных участников национально-культурных обществ.

Важной проблемой в развитии молдавской идентичности в Черновицкой области можно считать сложные взаимоотношения между определенными представителями молдавской и румынской общин. Основной причиной сложности этих отношений можно считать дискриминацию молдавской идентичности со стороны представителей румынской общины с целью размывания элементов молдавской идентичности в пользу отождествления с румынской культурой. Эта проблема была выявлена нами при проведении упоминавшегося ранее мониторинга региональной прессы.

Необходимо обратить внимание на то, что некоторые публикации, при отсутствии прямых призывов к дискриминации по этническому признаку, содержали некоторые элементы сговора и давления, что в первую очередь касалось права на самоопределение. Эта проблема ярко проявляется в ряде публикаций, представляющих позицию Румынии и отдельных представителей румынской общины Черновицкой области, касательно вопроса независимости Молдовы и дискуссий о проблеме государственного языка в Молдове. К примеру, в статье «Обращение к членам национально-культурной Ассоциации молдаван Украины»¹ автор статьи с достаточно негативной тональностью при использовании научной аргументации продвигает идею об отсутствии молдавской этничности, равно как и

молдавского языка, который является диалектом румынского языка. Говоря о молдавской идентичности, автор утверждает, что это является всего лишь искусственным политическим явлением. Также автор отмечает, что со стороны лидеров молдавских культурных обществ проявляется враждебное отношение ко всему румынскому, а именно этничности, языку и обычаям.

Проблема негативного отношения к молдавской идентичности и молдавскому языку со стороны представителей румынской общины встречается и в ряде других публикаций. В статье Т. Николае «Конгресс межрегионального объединения Румынское сообщество Украины»² сквозь призму отрицания молдавской этничности, акцентируется внимание на принятии обращения к президенту Республики Молдова касательно поддержки в вопросе провозглашения румынского языка в качестве государственного языка, а также признание тождественности между румынской и молдавской идентичностями.

Частично проблема формирования мнения об отсутствии молдавской идентичности поднимается и на страницах румынской версии областной газеты «Свобода слова»³. Автор одной из статей анализируя стереотипы, доминирующие среди румынского национального меньшинства, отмечает полный отказ от румынского языка молодежной генерацией и использование смешения русского и румынского языков. Анализируя эти процессы, автор утверждает, что причиной этого является неприязнь в окружении «так называемой молдавской общины к людям, которые общаются литературным румынским языком», поскольку этим они выделяются из «общей массы». Отталкиваясь от этого тезиса автор развивает мысль не только о негативном влиянии молдавской общины, но и предает сомнению сам факт ее существования.

Проблема взаимоотношений между молдавской и румынской общинами раскрывается также и в ряде других

¹ Jernovei G. Adresare către membrii asociației național culturale a moldovenilor din Ucraina. În: *Zorile Bucovinei*. 2010, nr. 54 (01.09).

² Nicolae T. Congresul uniunii interregionale „Comunitatea românească din Ucraina. În: *Zorile Bucovinei*. 2010, nr. 55 (03.09).

³ Din pământ ai venit în țărână o să pleci. În: *Libertatea Cuvântului*. 2011, nr. 6 (10.02).

публикаций, характеризующихся описанием негативного влияния деятельности отдельных представителей на восприятие общины в целом.

Отдельно среди статей, попадающих под анализ проблемы формирования молдавской идентичности, следует выделить «Румынские социологи против украинских молдаван»⁴. В указанной статье обращается внимание на распространение информации о необходимости проведения представителями румынской общины разъяснительной работы с представителями молдавской общины, с целью дальнейшей идентификации молдаван региона, как румын. Данная информация имеет несколько факторов влияния, с одной стороны она используется против молдавской идентичности, а с другой имеет перед собой цель увеличение представительства румынской общины, что может быть использовано представителями румынской власти в международных отношениях.

Стоит отметить, что распространение подобной информации о проведении «соответствующей работы» с представителями молдавской общины служило своеобразным толчком для активизации работы молдавских национально-культурных обществ. Подобным образом национально-культурные общества молдавской общины реагировали на международные заявления, касающиеся возможного подрыва молдавской идентичности не только на территории Украины, но и Молдовы. Так, к примеру, после заявления президента Румынии Т. Бэеску о возможном скором вхождении Молдовы в состав Румынии, представителями молдавских национально-культурных обществ было принято обращение к Европейскому парламенту, в котором говорилось о необходимости сохранения суверенитета Республики Молдовы и недопустимости в дальнейшем подобных заявлений с чьей-либо стороны⁵.

⁴ Румунські соціологи проти українських молдаван. [On-line]: <http://bukinfo.com.ua/index.php?mcmd=shownews&lid=10196>. (Дата посещения: 30.09.2010).

⁵ Звернення представників молдавських національно-культурних товариств України до Європейського парламенту. [On-line]:

Интересными являются результаты проведенного социологического исследований в контексте изучения идентификации населения Черновицкой области. Отвечая на вопрос «Кем Вы себя считаете в первую очередь?» абсолютное большинство респондентов ответило – гражданином Украины (62,7 % опрошенных). Что свидетельствует о преимуществе гражданской идентичности перед этнической.

Говоря о представителях молдавской общины, то только 3,7 % опрошенных идентифицировали себя как представители своего этноса или нации, в то время как граждан Украины идентифицировали себя 55,56 % опрошенных. Также для представителей молдавской общины характерна идентификация себя в первую очередь как жителей района, города или села, в котором они проживают – 29,63%. К примеру, представители румынской общины менее склонны идентифицировать себя как жителей своего района, города или села – только 14,29 %, предпочитая этническую идентификацию – 22,86 %. Подобная идентификация себя с местностью своего проживания, свидетельствует о том, что территория Черновицкой области издавна является территорией компактного проживания представителей молдавской общины и именно собственно сохранение культуры, традиций и обычаев на этой территории позволяет чувствовать и сохранять свою идентичность вне зависимости от государственной идентификации. (См. Таблицу № 1).

Одним из факторов, по мнению исследователей, влияющих на процессы этнической идентификации, очень часто рассматривается возможность свободного использования родного языка представителями этнических групп. Несмотря на подавляющее преимущество гражданской идентификации над этнической, при ответе на вопрос о самоидентификации представителями молдавской общины, все же более 74 % принявших участие в опросе граждан, своим родным языком назвали молдавский. Украинский язык в качестве родного языка выбрало чуть более 11 %

<http://buktolerance.com.ua/?p=3311>. (Дата посещения: 14.04.2011).

опрошенных, еще по 7 % опрошенных своим родным языком назвали румынский и русский. В целом стоит отметить, что для представителей молдавской общины характерна высокая оценка развития своей культуры, традиций, обычаев в Черновицкой области (более 70 % опрошенных).

Отдельно стоит отметить межэтническую толерантность присущую представителям молдавской общины в сравнении с представителями других общин. Показательным в этом отношении является ответ на вопрос о наличии этнических конфликтов и недоброжелательного отношения к представителям других этнических групп. Более 81 % опрошенных представителей молдавской общины ответили, что такие конфликты отсутствуют и только 7 % заявили об их наличии. Представители других этнических групп при ответе на этот вопрос оказались менее лояльными (См. Таблицу № 2).

Говоря о чувстве недоброжелательного отношения к себе по национальному признаку, около 10% опрошенных утверждали, что им приходилось сталкиваться с такими явлениями (3,7 % из них сталкиваются с этим очень часто), 41 % – редко и более 48 % опрошенных никогда не сталкивались с такой проблемой.

Интересным представляется вопрос о поддержке идеи введения в Украине двойного гражданства. Несмотря на то, как уже упоминалось, что этническая идентификация уступает гражданской, более половины опрошенных представителей молдавской общины поддержали идею введения двойного гражданства в Украине, в то время как по результатам общей выборки эту идею поддерживают только 36 % опрошенных жителей Черновицкой области.

Следует отметить, что по результатам проведенного исследования, сложно определить какое именно «второе гражданство» поддерживается участниками опроса. Но в тоже время участникам опроса было предложено оценить интеграционные перспективы развития, ответив на вопросы «Как Вы относитесь к идеи присоединения Украины к союзу России, Белоруссии и Казахстана?», а так же «Как Вы относитесь к идеи присоединения к Европейскому

союзу?». Отвечая на эти вопросы, более 70 % респондентов из числа представителей молдавской общины, позитивно оценивают идею присоединения к Европейскому союзу, чуть менее 15 % оценивают негативно эту идею и еще 15 % отнеслись нейтрально к такой идее. Идея присоединения к союзу России, Белоруссии и Казахстана позитивно оценивается только 18,5 % опрошенных представителей молдавской общины, 33 % – нейтрально и 48 % опрошенных отрицательно относятся к такой идее.

Таким образом, проанализировав особенности молдавской общины на территории Черновицкой области, можно сделать вывод, что в Украине есть все предпосылки для дальнейшего усиления формирования молдавской идентичности, но в тоже время существует и ряд проблем, которые могут иметь негативное влияние на дальнейшее развитие этих процессов. Среди основных проблем дальнейшего развития молдавской идентичности можно выделить: стремления к размыванию молдавской идентичности путем ее отождествления с румынской; недостаточная активность со стороны представителей молдавских национально-культурных обществ. Анализируя позитивные тенденции развития молдавской идентичности, в первую очередь следует отметить, что среди основной части представителей молдавской общины отсутствуют противоречия касательно своей этнической принадлежности, а также не существует особых разногласий касательно молдавского языка, как основного языка общения. Следует отметить, что в последнее время в молдавской общине все более популярными становятся идеи европейской интеграции, а также повышается уровень межэтнической толерантности. Такие позитивные тенденции могут послужить не только основой для дальнейшего укрепления молдавской идентичности в Украине, но и в значительной мере стать примером или моделью развития идентичности в современной Молдове, которая пребывает под влиянием разнонаправленных тенденций.

Таблица 1

Сравнительная таблица самоидентификации
(Кем Вы себя считаете в первую очередь?)

	Молдаване %	Румыны %	Население области %
1. Житель района, города или села, в котором Вы проживаете	29,63	14,29	18,91
2. Житель региона (области или нескольких областей), в котором Вы проживаете	0	2,86	3,99
3. Гражданином Украины	55,56	52,86	62,85
4. Представителем своего этноса, нации	3,70	22,86	4,66
5. Гражданином бывшего СССР	4,00	2,86	3,73
6. Гражданином Европы	3,70	1,43	2,53
7. Гражданином мира	3,40	2,86	3,33

В таблице представлены результаты опроса представителей молдавской общины, ответы которой являются наиболее выделяющимися среди числа представителей общин области, а также результаты по области в целом.

Таблица 2

Сравнительная таблица конфликтности
(Сталкивались ли Вы с проявлениями недоброжелательного отношения к представителям национальных меньшинств или какими-либо конфликтами на этнической основе на территории местности где Вы проживаете?)

	Молдаване %	Румыны %	Население области %
1. Да	7.41	34.29	19.73
2. Нет	81.48	52.86	67.73
3. Не могу вспомнить	11.11	12.86	12.53

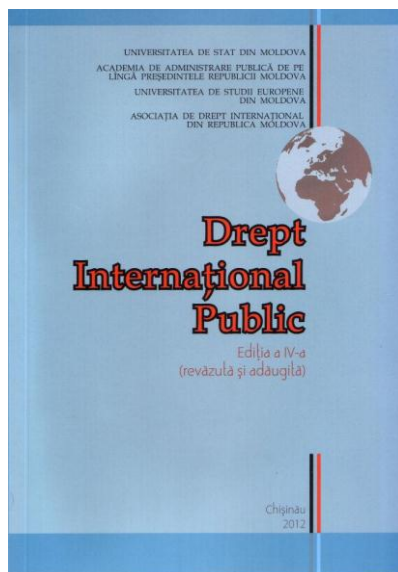
В таблице представлены результаты опроса представителей молдавской общины, ответы которой являются наиболее выделяющимися среди числа представителей общин области, а также результаты по области в целом.

Библиография:

1. Jernovei G. Adresare către membrii asociației național culturale a moldovenilor din Ucraina. În: Zorile Bucovinei. 2010, nr. 54 (01.09).
2. Nicolae T. Congresul uniunii interregionale „Comunitatea românească din Ucraina. În: Zorile Bucovinei. 2010, nr. 55 (03.09).
3. Din pământ ai venit în țărână o să pleci. În: Libertatea Cuvântului. 2011, nr. 6 (10.02).
4. Румунські соціологи проти українських молдован. [On-line]: <http://bukinfo.com.ua/index.php?mcmd=shownews&lid=10196>. (Дата посещения: 30.09.2010).
5. Звернення представників молдавських національно-культурних товариств України до Європейського парламенту. [On-line]: <http://buktolerance.com.ua/?p=3311>. (Дата посещения: 14.04.2011).

Copyright©MOLOCIKO Pavel, 2012.

DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC

Drept Internațional Public / Red.-coord.: Alexandru Burian. – Ed. A 4-a (revăz. și adăugită). - Ch.: S.n., 2012 (Tipogr. „Elena-V.I.”). - 636 p. ISBN 978-9975-106-99-3.

Lucrarea este rezultatul cercetărilor științifice efectuate de colaboratorii Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova, Universității de Stat din Moldova, Universității de Studii Europene din Moldova și Academiei de Administrare Publică de pe lângă Președintele Republicii Moldova.

Publicația poate servi în calitate de îndrumar în activitatea practică a specialiștilor în domeniul dreptului internațional și al relațiilor externe din instituțiile statale și nonguvernamentale. Ea poate servi și în calitate de material didactic pentru studenții, masteranzii și doctoranzii de la facultățile de drept și facultățile de relații internaționale a universităților din țară.

Международное публичное право / Отв. ред.: Александр Буриан. 4-е издание, исправленное и дополненное. - Кишинев: Типография ”Elena-V.I.”, 2012. - 636 с. ISBN 978-9975-106-99-3.

Работа является результатом научных исследований, осуществленных сотрудниками Молдавской Ассоциацией международного права, Молдавского государственного университета, Европейского университета Молдовы и Академии публичного управления при Президенте Республики Молдова.

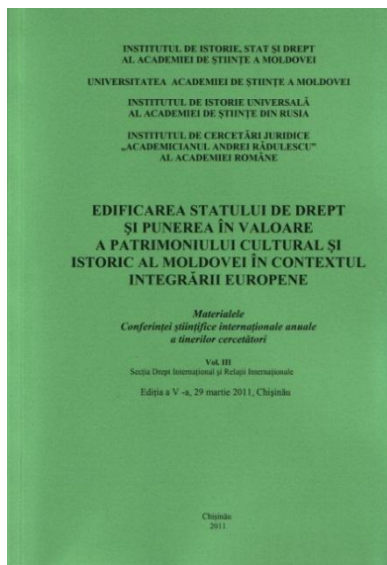
Публикация может служить в качестве практического руководства для специалистов в области международного права и международных отношений государственных институтов и неправительственных организаций. Она может также служить в качестве учебного материала для студентов, аспирантов и слушателей магистратуры факультетов права и международных отношений университетов.

International Public Law / Red. - Coord. Alexander Burian. – Fourth Edition (revised and updated). - Kishinev: Publishing House „Elena-V.I.”, 2012. – 636 P. ISBN 978-9975-106-99-3.

The work is the result of research carried out by members of the Moldovan Association of International Law, State University of Moldova, Moldova's European University and the Academy of Public Administration near the President of the Republic of Moldova.

The publication can serve as a practical guide for professionals in the field of international law and international relations of state institutions and NGOs. It can also serve as educational material for students, graduate students and graduate students of law faculties of universities and international relations.

MATERIALELE CONFERINȚEI ȘTIINȚIFICE INTERNAȚIONALE ANUALE A TINERILOR CERCETĂTORI

Edificarea statului de drept și punerea în valoare a patrimoniului cultural și istoric al Moldovei în contextul integrării europene / Materialele conferinței științifice internaționale anuale a tinerilor cercetători. Secția „Drept Internațional și Relații Internaționale”. Ediția a V -a, 29 martie 2011, Chișinău. / Red.-coord. Alexandru Burian. Red. - consult. Oleana Chindibialiuc. Ed. A 5-a. Ch.: Artpoligraf SRL, 2011. 192 p. ISBN 978-9975-4286-0-6. (Supliment la „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”, ISSN 1957-1999).

Materialele celei de-a 5-a Conferințe Internaționale organizate de Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei, Universitatea Academiei de Științe a Moldovei, Institutul de Istorie Universală al Academiei de Științe din Rusia, Institutul de Cercetări Juridice „Academicianul Andrei Rădulescu” al Academiei Române.

Publicația conține raporturile participanților, rezumate în limba engleză a articolelor și date bibliografice.

Lucrarea poate servi în calitate de material didactic pentru studenții, masteranzii și doctoranzii de la facultățile de drept și facultățile de relații internaționale a universităților din țară.

Строительство правового государства и ввод в оборот культурного и исторического наследия Молдовы в контексте европейской интеграции / Материалы ежегодной международной научной конференции молодых исследователей. Секция «Международное право и Международные отношения». 29 марта 2011. / Ред. коорд.: Буриан Александр. Ред. – консульт.: Киндыбалюк Оляна. - 5-е издание. Кишинев: Издательство Artpoligraf SRL., 2011. 192 с. ISBN 978-9975-4286-0-6. (Приложение к журналу «Молдавский журнал международного права и международных отношений, ISSN 1957-1999).

Материалы 5-й Международной конференции организованной Институтом истории, государства и права Академии наук Молдовы, Университетом Академии наук Молдовы, Институтом всеобщей истории Академии наук России, Институтом юридических исследований «Академик Андрей Рэдулеску» Румынской Академии наук.

Эта публикация содержит доклады участников, рефераты статей на английском языке и библиографические данные.

Работа может служить в качестве учебных материалов для студентов, аспирантов и слушателей магистратуры факультетов права и международных отношений университетов.

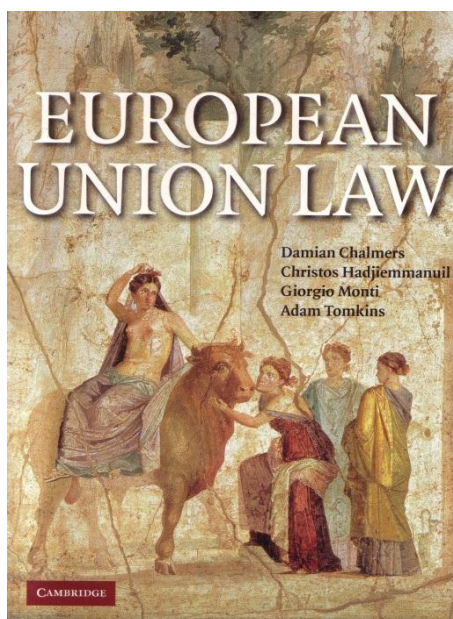
Building the rule of law and putting the value of the cultural heritage and history of Moldova in the context of the European Integration / Annual International Scientific Conference Materials to Young Researchers. Section: „International Law and International Relations”. March 29, 2011. / Editor-Coordinator: Alexander Burian, Editor consultant: Oleana Kindyaliuk. –5nd Edition. Kishinev: Publishing House „Artpoligraf” SRL., 2011. 192 P. ISBN 978-9975-4286-0-6. (Supplement to the „Moldavian Journal of International Law and International Relations, ISSN 1957-1999).

The proceedings of the 5th International Conference organized by the Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova, University of the Academy of Sciences Moldova, the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, the Legal Research Institute „Academician Andrei Radulescu” of the Romanian Academy of Sciences.

This publication contains the reports of participants, abstracts in English and bibliographic data.

The work can serve as training material for students and graduate students of law faculties of universities and international relations.

EUROPEAN UNION LAW

European Union Law. Text and Materials. / Damian Chalmers, Christos Hadjiemmanuil, Giorgio Monti, Adam Tomkins. - 2nd Edition. Cambridge University Press, Cambridge, 2010. 1235 p. ISBN:9780511910708 (ISBN-13: 9780521121514).

This eagerly awaited new edition has been significantly revised after extensive user feedback to meet current teaching requirements. In addition it has separate chapters on EU law in national courts, governance and external relations reflecting the new directions in which the field is moving.

The examination of the free movement of goods and competition law has been restructured. Chapter introductions clearly set out what will be covered in each section allowing students to approach complex material with confidence and detailed further reading sections encourage further study. Put simply, it is required reading for all serious students of EU law.

Dreptul Uniunii Europene. Text și materiale. / Damian Chalmers, Christos Hadjiemmanuil, Giorgio Monti, Adam Tomkins. – Ed. a 2-a. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 1235 p. ISBN:9780511910708 (ISBN-13: 9780521121514).

Această mult-așteptată nouă ediție semnificativ revizuită pentru a satisface nevoile curente de școlarizare. Tutorialul are capitole separate privind aplicarea legislației UE în instanțele naționale cât și administrarea relațiilor externe, reflectând noi direcții în dezvoltarea dreptului.

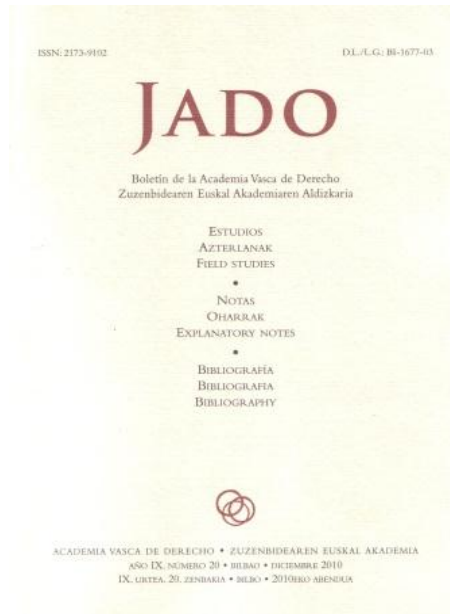
Capitolele privind libera circulație a mărfurilor și concurența au fost reorganizate. La general, acest manual este, pur și simplu, obligatoriu pentru toți studenții care se interesează de legislația UE.

Право Европейского союза. Текст и материалы / Дамиан Чальмерс, Кристос Хаджиэммануэль, Джорджо Монти, Адам Томкинс. 2-е издание. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2010. 1235 с. ISBN:9780511910708 (ISBN-13: 9780521121514).

Долгожданное новое издание, существенно обновленное, после проведения огромной работы, отвечает современным требованиям обучения. Учебник содержит отдельные главы по праву ЕС в национальных судах, управления и внешних сношений, отражающие новые направления в развитии права.

Главы по изучению свободного движения товаров и закон о конкуренции были изменены. Во введении четко указано, какие вопросы будут рассмотрены в каждом разделе, что позволяет студентам подойти к изучению сложного материала с уверенностью, в связи, с чем дальнейшие разделы чтения способствуют дальнейшему изучению. Иными словами, данная работа рассчитана на студентов, изучающих право Европейского союза.

BOLETÍN DE LA ACADEMIA VASCA DE DERECHO

Boletín de la Academia Vasca de Derecho. Año IX. Número 20. Bilbao, Diciembre, 2010. ISSN 2173-9102. – 300 P.

JADO es el Boletín de la Academia Vasca de Derecho. Se edita con carácter cuatrimestral, y recoge los trabajos y actividades de la Academia. Se incluye sistemáticamente en las bases de datos DIALNET y LATINDEX.

En el Número 20 de JADO fue publicado un artículo de Burian Alejandro: „Características del servicio diplomático de la República de Moldavia” (pp. 115-154).

El contenido del boletín se halla publicado en formato informático en www.avd-zea.com.

Buletinul Academiei Basce de Drept. Anul IX. Nr. 20. - Bilbao, Decembrie, 2010. ISSN 2173-9102. – 300 P.

JADO – este Buletinul Academiei Basce de Drept. Publicația apare trimestrial și publică rezultatele cercetărilor efectuate în cadrul Academiei. Sistematically se include în bazele de date DIALNET și LATINDEX.

În Nr. 20 al Buletinului a fost publicat un articol de Alexandru Burian: „Caracteristicile serviciului diplomatic al Republicii Moldova” (p. 115 - 154).

Conținutul Buletinului este publicat în format electronic: www.avd-zea.com.

Bulletin of the Basque Academy of Law. Year IX. Number 20. - Bilbao, December, 2010. ISSN 2173-9102. -300 P.

JADO is the newsletter of the Basque Academy of Law. Published on a quarterly basis, and picks up papers and activities of the Academy. It is systematically included in the databases DIALNET and LATINDEX.

The article of Alexander Burian: „Description of The Diplomatic Service of The Republic of Moldova” (pp. 115-154) was published in 20 issue of JADO.

The content of the bulletin is published at: www.avd-zea.com.

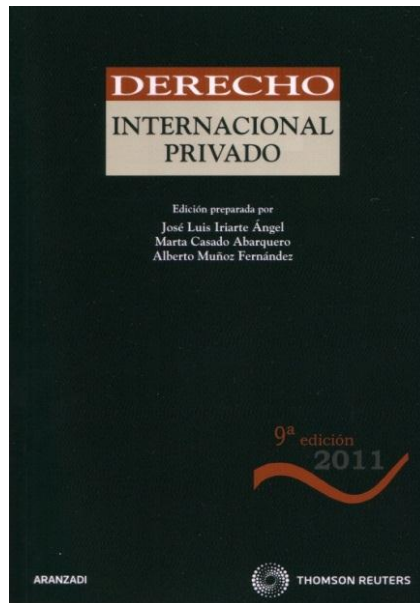
Бюллетень Баской Академии права. Год IX. № 20. - Бильбао, Декабрь, 2010. ISSN 2173-9102. - 300 с.

JADO - Бюллетень Баской Академии права. Выходит один раз в квартал и публикует результаты исследований проводимых Академией. Систематически включается в базу данных, DIALNET и LATINDEK.

В № 20 бюллетене JADO была опубликована статья Буриан Александра Дмитриевича: «Характеристика дипломатической службы Республики Молдова», (с. 115 - 154).

Содержание бюллетеня публикуется в электронном формате на сайте: www.avd-zea.com.

DERECHO INTERNACIONAL PRIVADO

Derecho Internacional Privado. Edición preparada por José Luis Iriarte Ángel, Marta Casado Abarquero, Alberto Muñoz Fernández. 9-a edición. Pamplona (Navarra): Thomson Reuters, Editorial Aranzadi, SA, 2011. 1089 p. ISBN 978-84-9903-861-2.

En la novena edición del libro „Derecho Internacional Privado”, los autores realizaron una reorganización del material basado en los principios de necesidad y pertinencia a las nuevas exigencias de calidad de enseñanza en la educación universitaria.

Publicación puede servir como material de capacitación para estudiantes, post-grados y estudiantes graduados facultades de derecho y relaciones internacionales de las universidades.

Drept Internațional Privat. Ediție pregătită de José Luis Iriarte Angel, Marta Casado Abarquero, Alberto Muñoz Fernández. Ediția a 9-a. Pamplona (Navarra): Thomson Reuters, Editura Aranzadi, SA, 2011. 1089 p. ISBN 978-84-9903-861-2.

În ediția a 9-a a manualului de Drept Internațional Privat autorii au efectuat o reorganizare a materialului studiat, bazându-se pe principiul necesității și relevanței din punctul de vedere al cerințelor de predare calitativă a cursurilor universitare.

Publicația poate servi și în calitate de material didactic pentru studenții, masteranzii și doctoranzii de la facultățile de drept și facultățile de relații internaționale a universităților.

Private International Law. Edition prepared by José Luis Iriarte Angel, Marta Casado Abarquero, Alberto Muñoz Fernández. 9nd Edition. Pamplona (Navarra): Thomson Reuters, Publishing House "Aranzadi", SA, 2011. 1089 p. ISBN 978-84-9903-861-2.

9th edition of the textbook on Private International Law includes works of authors who have recast the proceedings, guided by the principles of necessity and relevance and also new requirements to the quality of teaching a course in university institutions.

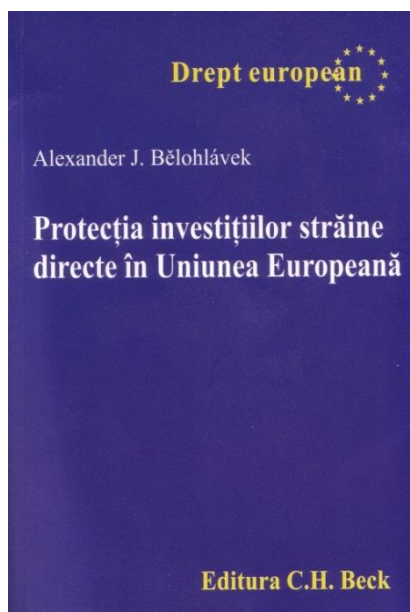
The publication can serve as educational material for students and graduate students of law faculties of universities and international relations.

Международное частное право. Выпуск подготовили Хосе Луис Анхель Ириарте, Марта Касадо Абаркери, Альберто Муньос Фернандес. 9-е издание. Памплона (Наварра): Thomson Reuters, Издательство Aranzadi, SA, 2011. 1089 с. — ISBN 978-84-9903-861-2.

9-oe издание учебника по Международному частному праву содержит работы авторов, которые провели реорганизацию материала, руководствуясь принципами необходимости и актуальности с точки зрения новых требований, предъявляемых к качеству преподавания курса в университетских заведениях.

Публикация может служить учебным материалом для студентов, аспирантов и слушателей магистратуры факультетов права и международных отношений университетов.

PROTECȚIA INVESTIȚIILOR STRĂINE DIRECTE ÎN UNIUNEA EUROPEANĂ

Protecția investițiilor străine directe în Uniunea Europeană / Alexander J. Belohlavek; trad.: Ludovic Mleziva. București: Editura C.H. Beck, 2011. 377 p. ISBN 978-973-115-972-0.

Această carte, traducere din limba cehă, abordează problematica investițiilor străine directe în UE atât din perspectiva dreptului internațional, căruia protecția investițiilor îi aparține de drept prin rădăcinile sale, cât și prin prisma instituțiilor de drept privat care se promovează în mod necesar în acest sistem al protecției investițiilor.

Se adresează, înainte de toate, practicienilor dreptului și economiștilor, oriunde este vorba despre investiții care depășesc frontierele unui stat. Lucrarea își va găsi cititori și în domeniul financiar, bancar, asigurări, dar și în sectorul de stat, pentru care prezintă, ca element indispensabil, riscul litigiilor îndreptate împotriva statului. De asemenea, cartea va avea căutare și în rândul studenților facultăților de drept, institutelor de studii economice și economico-administrative.

Protection of foreign direct investment in the European Union / Belohlavek, Alexander j. trad.: Louis Mleziva. Bucharest: Publishing House C.H. Beck, 2011. 377 p. ISBN 978-973-972-0-115.

This book, translated from the Czech language, explores issues of foreign direct investment in the EU, both from the point of view of international law as a main branch of law which regulates the protection of investments, and private institutions that contribute to the system of investment protection.

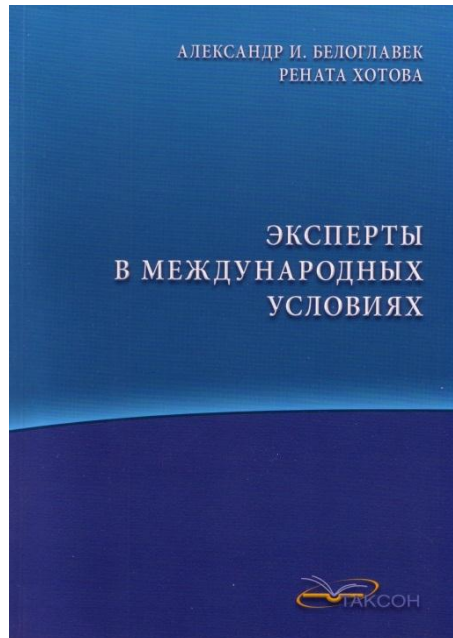
The work is intended primarily for practicing lawyers and economists. The book will have a big success among students of law faculties and institutes of economy and administrative service.

Защита иностранных прямых инвестиций в Европейском союзе / Белоглавец Александр И. Перевод с чешского языка: Лудовик Млезива. Бухарест: Издательство: С.Н. Beck, 2011. 377 с. ISBN 978-973-972-0-115.

Эта книга, перевод с чешского языка, анализирует проблематику прямых иностранных инвестиций в ЕС, как с точки зрения международного права, основная отрасль права которая регламентирует защиту инвестиций, а также через частные учреждения, которые способствуют этой системе защиты инвестиций.

Работа предназначена, прежде всего, для практикующих юристов и экономистов. Книга также будет иметь успех среди студентов юридических факультетов и институтов экономики и административной службы.

ЭКСПЕРТЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ УСЛОВИЯХ

Эксперты в международных условиях (в гражданских и уголовных судебных процессах, арбитражных и инвестиционных разбирательствах). / Белоглавец Александр И., Хотова Рената. Киев: Издательство «Таксон», 2011. 504 с. ISBN 978-966-7128-80-7.

Книга была впервые опубликована в 2011 году в Чешской Республике (на чешском языке) издательством С.Н. Веck, г. Прага. В ней анализируется институт экспертов в национальных и международных правовых условиях.

Работа предназначена, прежде всего, для практикующих юристов и адвокатов. Книга также будет иметь успех среди студентов юридических факультетов и институтов международных отношений и административной службы.

Experții în context internațional (în litigiile civile și penale, arbitraj și litigii investiționale). / Alexandru I. Bělohlávek; Hotowa Renata. Kiev: Editură „Taxon”, 2011. 504 p. ISBN 978-966-7128-80-7.

Cartea a fost publicat pentru prima dată în 2011, în Republica Cehă (în limba cehă) de Editura C.H. Beck, Praga. În ea se analizează instituția experților în condițiile legale naționale și internaționale.

Lucrarea este destinată în primul rând pentru avocați. Cartea, de asemenea, va avea succes printre studenții facultăților de drept, de relații internaționale și administrarea afacerilor.

Experts in international context (in civil and criminal litigation, arbitration and investment disputes). Alexander I. Bělohlávek; Renata Hotowa. Kiev: Publishing House „Taxon”, 2011. 504 p. ISBN 978-966-7128-80-7.

The book was first published in 2011 in the Czech Republic (in Czech) by CH Beck, Prague. It examines the institution of experts in national and international legal environment.

The work is intended primarily for practicing lawyers and advocates. The book will have a great success among students of law faculties and institutes of international relations and administrative services.

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

В.О. Печатнов, А.С. Манькин История внешней политики США. -М.: Междунар. отношения, 2012. - 672 с. , ISBN ISBN 978-5-7133-1414-9.

Данная работа представляет собой первый в российской историографии опыт издания учебника, в котором излагается эволюция внешней политики США с момента их возникновения в конце XVIII в. и до наших дней, выделяются ее основные этапы и события.

Важное место в работе занимают сюжеты, связанные с анализом основных направлений региональной политики США. Особое внимание уделяется отношениям между США и Россией, выявлению как круга конфликтных проблем, так и сферы их совпадающих интересов.

Работа основана на изучении широкого круга источников и литературы как российских, так и американских источников. Она является результатом многолетней преподавательской деятельности авторов, которые в течение длительного времени читали соответствующие лекционные курсы в МГИМО и на историческом факультете МГУ.

Peciatnov O., Manykin A.. Istoria politicii externe a Statelor Unite. M.: "Relații Internaționale", 2012. 672 p. ISBN ISBN 978-5-7133-1414-9.

Această lucrare este prima experiență în istoriografia rusă de a edita un manual, în care se schițează evoluția politicii externe a SUA din momentul apariției acestora, la sfârșitul secolului al XVIII-lea, până în prezent, se evidențiază repere și evenimente.

Un loc important în lucrare revine subiectelor legate de analiza direcțiilor principale ale politicii regionale ale Statelor Unite. O atenție specială se acordă relațiilor dintre Statele Unite și Rusia, pentru a identifica atât cercul de conflict și provocări, cât și domeniile de interes comun.

Publicația se bazează pe examinarea a unei game largi de surse și literatura rusă și americană. Lucrarea este rezultatul a mai mulți ani de activitate a autorilor, care pentru o lungă perioadă de timp au citit relevante prelegeri și cursuri de lecții în relații internaționale și istorie la Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moscova și Facultatea de Istorie a Universității de Stat din Moscova.

Pechatnov O., Manykin A. The History of Foreign Policy of The United States. M.: Publishing House „International relationships”, 2012. 672 p. ISBN 978-5-7133-1414-9.

This work represents a first experience in Russian historiography edition textbook that describes the evolution of U.S. foreign policy since its inception in the late XVIII century till the present day, it highlighted the major milestones and events.

Subjects dealing with the analysis of the basic directions of the regional policy of the USA play an important role in this work. Particular attention is paid to the relations between the U.S. and Russia, identification of a range of conflicts, and scope of their shared interests.

The work is based on a study of a wide range of sources and literature, both Russian and U.S. sources. It is the result of years of teaching of authors who for a long time were teaching the relevant lecture courses at MGIMO and the History Department of Moscow State University.

СВЕРХДЕРЖАВНЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Джек Мэтлок, мл. Сверхдержавные иллюзии. Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону - и как вернуться в реальность. Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 2011. 384 с. ISBN 978-5-7133-1406-4.

Джек Мэтлок, мл. - видный американский дипломат, был послом США в России в 1987-1991 годах. Его новая книга посвящена ключевым проблемам внешней политики США после холодной войны, а точнее, глубокому и острокритичному анализу принципиально ошибочного курса США в основных вопросах мировой политики.

Книга заслуживает безусловного внимания и специалистов, и всех, кого волнуют судьбы мира.

Jack Matlock, Jr. Puziile unei superputeri. Cum miturile și ideile false au adus în mod greșit America la intersecția „cu ghinion”- și cum să obținem reîntoarcerea la realitate. Traducere din limba engleză. M.: Editura „Relații Internaționale”, 2011. 384 p. ISBN 978-5-7133-1406-4.

Proeminentul diplomat american Jack Matlock, Jr. a fost Ambasador al Statelor Unite în Rusia în anii 1987-1991. Noua sa carte este dedicată aspectelor cheie în politica externă a Statelor Unite ale Americii după războiul rece. Mai precis, în lucrare se efectuează o profundă și fundamentală critică a politicii eronate a SUA în aspectele cheie ale politicii mondiale.

Cartea merită atenția necondiționată a specialiștilor din domeniile respective, precum și pentru toți cei pe care-i interesează destinul Terrei.

Jack Matlock, Jr. The superpower illusions. As myths and false ideas have brought US the wrong way – and getting back into reality. Translation from English. - M.: Publishing House "International relationships", 2011. - 384 P. ISBN 978-5-7133-1406-4.

Jack Matlock, Jr. is a prominent American diplomat; he was the United States Ambassador in Russia in 1987 - 1991 years. His new book is devoted to key problems of foreign policy of the USA after the Cold War, or rather to a deep and very critical analysis of essentially erroneous course of the USA in the basic questions of world politics.

The book deserves an unconditional attention of experts, and anyone who cares about the fate of the world.

ЕВРОПЕЙСКАЯ АРМИЯ: ПОРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ. ОБЩАЯ ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Журкин В. Европейская армия: поражения и победы. Общая политика безопасности и обороны Европейского Союза. М.: Междунар. отношения, 2012. 192 с. ISBN 978-5-7133-1403-3.

Книга посвящена новому направлению в деятельности Европейского Союза, которое развивается в XXI веке, – Общей политике безопасности и обороны (ОПБО). Анализируются предыстория и основные факторы, приведшие к ее созданию, формирование Европейской стратегии безопасности, эволюция структур. Детально охарактеризованы военные операции и гражданские миссии, проводимые Евросоюзом в рамках ОПБО.

Рассмотрены достижения и трудности в ее реализации, проблемы и поиски их решения, в том числе и в системе взаимодействия ЕС–НАТО. Особое внимание уделено отношениям и сотрудничеству между Россией и Европейским Союзом в сфере внешней безопасности.

Jurkin V. Armata Europeană: înfrângeri și victorii. Politica de securitate și apărare comună a Uniunii Europene. M.: Editura „Relații Internaționale”, 2012. 192 p. ISBN 978-5-7133-1403-3.

Cartea este dedicată unei noi direcții în activitatea Uniunii Europene, care se evidențiază pe parcursul secolului XXI, Politica Comună de Securitate și Apărare (PCSA). Se examinează preistoria și principalii factori care au dus la crearea sa, formarea de strategia europeană de securitate, evoluția structurilor. Descrierea detaliată a operațiunilor militare și civile - misiuni efectuate de către Uniunea Europeană în cadrul PCSA.

În lucrare se analizează realizările și dificultățile privind punerea ei în aplicare, probleme și soluții, inclusiv sistemul de interacțiune UE-NATO. O atenție deosebită se acordă relațiilor și cooperării între Rusia și Uniunea Europeană în domeniul securității externe.

Jurkin V. European Army: Defeats and Victories. Security and Defence Policy of the European Union. Publisher: M.: Publishing House „International relationships”, 2012. 192 p. ISBN 978-5-7133-1403-3.

The book is devoted to a new direction in the activities of the European Union, which develops in the XXI century, namely to the Common Security and Defense Policy (CSDP). It analyzes the background and the main factors that led to its creation, considers the formation of the European Security Strategy and the evolution of structures. The work describes in detail the military operations and civilian missions undertaken by the EU within the CSDP.

This publication examines the achievements and difficulties in its implementation, problems and searches of their solutions, including the EU – NATO's relationship. Particular attention is paid to the relations and cooperation between Russia and the European Union in the field of external security.

RUBRICA REVISTEI

**CONSILIUL REDACȚIONAL AL REVISTEI
„REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE”**

**EDITORIAL BOARD OF THE
„MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS”**

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
„МОЛДАВСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ”**

BURIAN Alexandru,

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Președinte al Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova (Moldova) – *Redactor-șef.*

BURIAN Alexander,

Doctor Habilitat of Law, Full Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), President of the Moldavian Association of International Law (The Republic of Moldova) – *Editor in chief.*

БУРИАН Александр Дмитриевич,

Доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Президент Молдавской Ассоциации международного права (Республика Молдова) – *Главный редактор.*

CHIRTOACĂ Natalia,

Doctor în drept, conferențiar universitar, Secretar științific al Institutului de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Moldova) – *Secretar științific.*

CHIRTOACA Natalia,

Doctor of Law, Associate Professor, Scientific secretary, The Institute of History, State and Law of The Academy of Science of Moldova (The Republic of Moldova) – *Scientific secretary.*

КИРТОАКЭ Наталия Михайловна,

Кандидат юридических наук, доцент, Ученый секретарь Института истории, государства и права АН Молдовы (Республика Молдова) – *Ученый секретарь.*

CHINDÎBALIUC Oleana,

Magistru în relații internaționale, cercetător științific, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Moldova) – *Redactor.*

KINDIBALYK Olyana,

Master of international relations, Scientific Fellow, The Institute of History, State and Law of The Academy of Science of Moldova (The Republic of Moldova) – *Editor.*

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна,

Магистр международных отношений, научный сотрудник Института истории, государства и права АН Молдовы (Республика Молдова) – *Редактор.*

ANGEL Jose Luis IRIARTE,
Doctor în drept, profesor universitar, Vicerector al Universității Publice din Navarra (Spania) - *Membru al consiliului redacțional.*

ANGEL Jose Luis IRIARTE,
Doctor of Law, Full Professor, Vicerector of The Navarra Public University (Spain) – *Member of editorial board.*

АНХЕЛ Хосе Луис ПРИАРТИ,
Доктор права, профессор, проректор Наваррского публичного университета (Испания) - *Член редакционного совета.*

ARHILIUC Victoria,
Doctor habilitat în drept, profesor cercetător, Universitatea din Parma (Italia) – *Membru al consiliului redacțional.*

ARHILIUC Victoria,
Doctor Habilitat of Law, Full Professor, The University of Parma (Italy) – *Member of editorial board.*

АРХИЛЮК Виктория Нестеровна,
Доктор юридических наук, профессор, Пармский университет (Италия) - *Член редакционного совета.*

ABASHIDZE Aslan,
Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Șef catedră Drept Internațional, Universitatea Rusă de Prietenie a Popoarelor, membru al Comisiei ONU pentru drepturile economice, sociale și culturale (Rusia) - *Membru al consiliului redacțional.*

ABASHIDZE Aslan,
Doctor Habilitat of Law, Full Professor, The Russian Friendship University, Head of the Department of International Law, Peoples' Friendship University of Russia, Member of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) - (Russia) - *Member of editorial board.*

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович,
Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (Россия) - *Член редакционного совета.*

BALAN Oleg,
Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Vicerector al Academiei de Administrare Publică pe lângă Președintele Republicii Moldova (Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

BALAN Oleg,
Doctor Habilitat of Law, Professor, Vicerector of The Academy of Public Administration of the Office of The President of The Republic of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

БАЛАН Олег Иванович,
Доктор юридических наук, профессор, Проректор Академии публичного управления при Президенте Республики Молдова (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

BENIUC Valentin,
Doctor habilitat în științe politice, Rector al Institutului de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

BENIUC Valentin,
Doctor Habilitat of Political Science, Associate Professor, Rector of The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) - *Member of editorial board.*

БЕНИУК Валентин Анастасьевич,
Доктор политических наук, Рector Молдавского государственного института международных отношений (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

BOSHITSKY Iury,

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

BOSHITSKY Iury,

Doctor of Law, Full Professor, Rector of The Kiev University of Law of The National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine) - *Member of editorial board.*

БОШИЦКИЙ Юрий Ладиславович,

Доктор права, профессор, Ректор Киевского университета права НАН Украины (Украина) – *Член редакционного совета.*

FUEREA Augustin,

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din București (România) – *Membru al consiliului redacțional.*

FUEREA Augustin,

Doctor of Law, Professor, The University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

ФУЕРЕА Августин,

Доктор права, профессор, Бухарестский государственный университет (Румыния) – *Член редакционного совета.*

HEINRICH Hans-Georg,

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din Viena (Austria) – *Membru al consiliului redacțional.*

HEINRICH Hans-Georg,

Doctor of Law, Full Professor, The University of Viena (Austria) – *Member of editorial board.*

ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг,

Доктор права, профессор, Венский университет (Австрия) – *Член редакционного совета.*

KAPUSTIN Anatoli,

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Președinte al Asociației de Drept Internațional din Federația Rusă (Rusia) – *Membru al consiliului redacțional.*

KAPUSTN Anatoly,

Doctor Habilitat of Law, Full Professor, President of The Russian Association of International Law (Russia) - *Member of editorial board.*

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич,

Доктор юридических наук, профессор, Президент Российской ассоциации международного права (Россия) – *Член редакционного совета.*

MAZILU Dumitru,

Doctor în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Universitatea „Spiru Haret” din București (România) – *Membru al consiliului redacțional.*

MAZILU Dumitru,

Doctor of Law, Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), The „Spiru Haret” University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

МАЗИЛУ Думитру,

Доктор права, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Университет им. Спиру Харета, Бухарест (Румыния) – *Член редакционного совета.*

NAZARIA Sergiu,

Doctor habilitat în științe politice, conferențiar universitar, Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

NAZARIA Sergei,

Doctor Habilitat of Political Science, Associate professor, The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) - *Member of editorial board.*

НАЗАРИЯ Сергей Михайлович,

Доктор политических наук, доцент, Молдавский государственный институт международных отношений (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

POPESCU Dumitra,

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea „Titu Maiorescu” din București (România) - *Membru al consiliului redacțional.*

POPESCU Dumitra,

Doctor of Law, Full Professor, The „Titu Maiorescu” University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

ПОПЕСКУ Думитра,

Доктор права, профессор, Бухарестский университет им. Титу Майореску (Румыния) – *Член редакционного совета.*

ROȘCA Alla,

Doctor habilitat în științe politice; profesor universitar, Universitatea din Tulan, New Orleans, Louisiana (SUA) - *Membru al consiliului redacțional.*

ROSCA Alla,

Doctor Habilitat of Political Science, Full Professor, The Tulane University of Louisiana, New Orleans, Louisiana (USA) – *Member of editorial board.*

РОШКА Алла,

Доктор политических наук, профессор, Туланский университет, Луизана, Нью Орлеан (США) – *Член редакционного совета.*

SEDLEȚCHI Iurie,

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Studii Europene din Moldova (Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

SEDLITSCHI Yuri,

Doctor of Law, Full Professor, Rector of The European University of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

СЕДЛЕЦКИЙ Юрий Николаевич,

Кандидат юрид. наук, профессор, Ректор Европейского университета Молдовы (Республика Молдова) - *Член редакционного совета.*

TIMCENCO Leonid,

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Universitatea Națională a Serviciului Fiscal de Stat al Ucrainei (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

TIMCHENKO Leonid,

Doctor Habilitat of Law, Full Professor, The National University of The State Tax Service of Ukraine (Ukraine) – *Member of editorial board.*

ТИМЧЕНКО Леонид Дмитриевич,

Доктор юридических наук, профессор, Национальный университет Государственной налоговой службы Украины (Украина) – *Член редакционного совета.*

DATE DESPRE AUTORI DATES OF AUTHORS СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

BIDENCO Julia. Doctor în științe politice, profesor la Departamentul de Științe Politice al Universității Naționale din Harkov. „V. N. Karazin”; Șef al Departamentului de Administrare Socială și Drept a Institutului de Studii Sociale și Economice din Harkov. (Harkov, Ucraina).

BIDENKO Julia. PhD (political science), Professor in the Department of Political Science of Kharkov National University. „V. N. Karazin”; Head of the Department of Social Administration and Law of Kharkiv Social and Economic Institute. (Harkov, Ukraine).

БИДЕНКО Юлия Михайловна. Кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина; Заведующая кафедрой социального управления и права Харьковского социально-экономического института. (Харьков, Украина).

BOCA SERGIU. Magistru în drept, doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); Lector universitar, Facultatea de Drept, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți. (Bălți, Republica Moldova).

BOCA SERGIU. MA in Law, PhD student at Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); University lecturer, Faculty of Law, „Alec Russo” State University from Balti. (Balti, The Republic of Moldova).

БОКА Сергей. Магистр права, аспирант, Институт Истории, Государства и Права Академии Наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова); Преподаватель, Факультета Права, Бельцкий Государственный Университет им. «Алеку Руссо». (Бэлць, Республика Молдова).

BOULET Vincent. Doctor în istorie, lector universitar la Sorbona, membru al Consiliului Științific al Bibliotecii Naționale a Franței. (Paris, Franța).

BOULET Vincent. Doctor of history, lecturer at the Sorbonne, Member of the Scientific Council of the National Library of France. (Paris, France).

БУЛЕ Винсен. Доктор истории, преподаватель Сорбонны, член научного совета Национальной библиотеки Франции. (Париж, Франция).

BRIK Eugeniu. Doctor în economie, cercetător științific, Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei. (Chișinău, Republica Moldova).

BRIK Evghenii. PhD in economy, scientific fellow at the Institute of Cultural Heritage of Academy of Sciences of Moldova. (Kishinev, The Republic of Moldova).

БРИК Евгений. Кандидат экономических наук, научный сотрудник центра Этнологии Института Культурного наследия АН Молдовы. (Кишинев, Республика Молдова).

GHEORGHIEV Gheorghe. Doctor în științe politice, profesor universitar. (Sofia, Bulgaria).

GHEORGHIEV Gheorgy. Doctor of Political Science, Professor. (Sofia, Bulgaria).

ГЕОРГИЕВ Георгий. Доктор политологии, профессор. (София, Болгария).

COJOCARU Violeta. Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Universitatea de Stat din Moldova. (Chișinău, Republica Moldova).

COJOCARU Violeta. Doctor of Law, professor, The Moldova State University. (Кишинев, Республика Молдова).

КОЖОКАРУ Виолета. Доктор юридических наук, профессор, Молдавский государственный университет. (Kishinev, The Republic of Moldova).

GAMURARI Vitalie. Doctor în drept, conferențiar universitar, Director Departament Drept, Universitatea Liberă Internațională din Moldova. (Chișinău, Republica Moldova).

GAMURARI Vitalie. Ph.D. in Law, Associate Professor, Faculty of Law of the Free International University of Moldova. (Kishinev, The Republic of Moldova).

ГАМУРАРЬ Виталие. Кандидат юридических наук, доцент, директор Департамента права Международного независимого университета Молдовы. (Кишинев, Республика Молдова).

MACARCIUC Vladimir. Doctor habilitat în drept, profesor universitar. Universitatea Națională „Politehnica din Lvov”. (Lvov, Ucraina).

МАКАРЧУК Vladimir. Doctor of Law, Professor. The Lviv State University „Livivsky Politehnika”. (Lviv, Ukraine).

МАКАРЧУК Владимир. Доктор юридических наук, профессор, Национальный университет «Львовская политехника». (Львов, Украина).

MĂTĂȘEL Adrian. Doctorand la Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei. (Chișinău, Republica Moldova); Avocat (Iași, România).

MATASEL Adrian. PhD student at the Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); Attorney. (Iasi, Roumania).

МЭТЭШЕЛ Адриан. Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова); Адвокат. (Яссы, Румыния).

MĂTĂȘEL Alina. Doctorand la Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei. (Chișinău, Republica Moldova); Avocat. (Iași, România).

MATASEL Alina. PhD student at the Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova. (Kishinev, The Republic of Moldova); Attorney (Iasi, Roumania).

МЭТЭШЕЛ Алина. Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова); Адвокат (Яссы, Румыния).

MOLOCICO Pavel. Doctor în științe politice, conferențiar universitar, Universitatea Națională „Jurie Fedkovič”. (Cernăuți, Ucraina).

МОЛОЧКО Pavel. PhD in political sciences, associate professor at Chernivtsi „Yuri Fedkovych” National University. (Chernivtsi, Ukraine).

МОЛОЧКО Павел. Кандидат политических наук, доцент Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича. (Черновцы, Украина).

PLOTNIC Olesea. Doctor în drept, lector universitar, Universitatea de Stat din Moldova. (Chișinău, Republica Moldova).

PLOTNIC Olesea. PhD in legal sciences, lecturer, The Moldova State University. (Kishinev, The Republic of Moldova).

ПЛОТНИК Олеся. Кандидат юридических наук, преподаватель, Молдавский государственный университет. (Кишинев, Республика Молдова).

RUDÎ Nazar. Doctor în drept. Universitatea Națională a Afacerilor Interne din Lvov. (Lvov, Ucraina).

RUDY Nazariy. PhD of Legal Sciences, Lviv National University of Internal Affairs. (Lviv, Ukraine).

РУДЫЙ Назарий. Кандидат юридических наук, Львовский государственный университет внутренних дел. (Львов, Украина).

SPIRLICENCO Vladislav. Doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept, Academia de Științe a Moldovei. (Chișinău, Republica Moldova).

SPIRLICENCO Vladislav. PhD student at the Institute of History, State and Law, Academy of Sciences of Moldova. (Kishinev, The Republic of Moldova).

СПИРЛИЧЕНКО Владислав. Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы. (Кишинев, Республика Молдова).

CONDIȚIILE DE PREZENTARE A MANUSCRISELOR PENTRU PUBLICARE ÎN „REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE”

Revista teoretico-științifică „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale” acceptă pentru publicare articole în limbile moldovenească (română), rusă, engleză, spaniolă, franceză (la discreția autorului), care conțin rezultate inedite ale cercetărilor efectuate și care sunt ajustate la „Cerințele privind conținutul manuscriselor articolelor”.

În revistă vor fi publicate doar articolele cu conținut original și inedit. Materialele publicate anterior în alte reviste nu se acceptă, indiferent de formatul lor, atât tradițional, cât și electronic.

Articolul prezentat pentru publicare trebuie să conțină rezultatele unei cercetări științifice individuale efectuată de autor (autori) sau cu ajutorul autorului. Inovația științifică a cercetării și propria contribuție a autorului trebuie să derive din conținutul articolului (trebuie clar să rezulte).

Colegiul de redacție al revistei roagă insistent autorii să se ghideze în procesul pregătirii articolelor pentru publicare de regulile inserate mai jos. Recomandările propuse vor servi drept suport pentru ajustarea conținutului la cerințele privind publicarea articolelor în revista respectivă:

1. Manuscrisul, care urmează a fi publicat, trebuie să fie însoțit de o scrisoare de motivare.
2. Manuscrisul se prezintă în două exemplare, împreună cu o copie (variantă în format electronic Win Word).

3. Numărul autorilor să nu depășească 2 persoane.

4. Manuscrisele sunt publicate gratis. Atenționăm, că pentru autori nu este prevăzut onorariu.

5. Autorul poartă răspunderea deplină pentru conținutul articolului și publicarea sa. În cazul încălcării dreptului de autor sau a eticii științifice general-acceptate, redacția revistei nu poartă răspundere.

6. Ordinea cu privire la publicarea materialelor în revistă stipulează procedura obligatorie de recenzare. În calitate de recenzent poate fi, cel puțin, un specialist care deține grad științific în domeniul ce corespunde direcției de cercetare a articolului. Publicarea articolului poate fi refuzată în baza următoarelor obiecții: necorespunderea conținutului articolului la tematica revistei, lipsa de concordanță a materialului cu cerințele prevăzute; recenzia negativă la materialul prezentat; încălcarea de către autor a legislației în vigoare cu privire la drepturile de autor și drepturile conexe.

7. Datele despre autor se plasează pe o pagină aparte (variantă în format electronic): Numele, Prenumele, Patronimicul, titlul științific și gradul științifico-didactic, locul de muncă (culese în limba în care a fost prezentat articolul pentru a fi expuse în rubrica/secțiunea „Date despre autori”); adresa poștală completă, numerele telefoanelor de la serviciu și domiciliu, e-mail-ul (adresa electronică) cele expuse sunt necesare redacției pentru relații cu autorii și nu se vor publica. Lista cu numele autorilor manuscriselor se inseră mai jos de titlul articolului peste un alineat și se aliniază pe dreapta paginii. După indicarea numelor autorului/autorilor, mai jos, în următorul rând, se inseră gradul științific cu *font cursiv*.

Regulile cu privire la redactarea manuscriselor:

- 1) Volumul recomandat pentru manuscris – ≈ o coală de autor (40 000 semne sau 16-20 pagini de text). Textul se culege cu respectarea intervalului 1,5 în editorul de texte Word/Windows cu extensia DOC. Garnitura de font – Times New Roman, mărimea - 12 în textul de bază, pentru trimiteri – mărimea 10. Mărimea caracterelor pentru titlul articolului – 16, garnitura de font – Times New Roman. Titlul articolului se inseră pe centrul paginii și se culege cu majuscule, iar subtitlurile și numele autorilor se evidențiază cu **bold**.

- 2) Formatul paginii – A4. Câmpul paginii: pe stânga și dreapta – 2,5 cm, de sus și jos – 3 cm. Alineatele vor începe de la distanța de un Tab (1,27 cm) față de setarea din stânga paginii.

3) Numerotarea trimiterilor se inseră la sfârșitul fiecărei pagini. Numele și inițialele autorilor, denumirea articolului, revistei, volumului, paginii, anul ediției trebuie indicate în fiecare trimitere. Numele și inițialele autorilor se culeg cu font obișnuit, iar denumirea lucrării – cu *font cursiv*. Abrevierile și prescurtările trebuie să fie descifrate la prima utilizare în textul articolului.

4) Fiecare articol trebuie să include adnotare, introducere (actualitatea problemei, scopul cercetării), cuprins (metodele și rezultatele cercetării, tratarea și examinarea lor), încheiere (concluzii).

5) Adnotarea la fiecare articol necesită a fi prezentată în trei limbi: moldovenească (română), rusă și engleză. Ea trebuie să fie adresată unui auditoriu destul de larg și, în același timp, să reflecte esența studiului.

6) Sursele bibliografice utilizate trebuie indicate sub formă de listă comună la sfârșitul articolului. Lista bibliografică se plasează în ordine alfabetică cu indicarea numelor primilor autori. Trimiterile la lucrările indicate în lista bibliografică se efectuează și se cer în mod obligatoriu. Nu se permite indicarea trimiterilor la lucrările care încă nu au fost publicate. Sursele necesită a fi enumerate în mod consecvent, în conformitate cu utilizarea lor în text.

7) Manuscrisul trebuie să fie însoțit de 2 recenzii (în original), semnate de un doctor habilitat sau doctor pentru autorii care nu au titlu științific, în caz contrar, articolul nu va fi publicat.

8) Redactarea manuscriselor se efectuează în conformitate cu planul de editare. După procedura de redactare, redactorul tehnic expediază autorului manuscrisul pentru a introduce corectările. În procesul redactării tehnice se elaborează machetul original al publicației/revistei. Varianta finală a machetării originale se verifică și ajustează de autor.

9) Manuscrisele redactate cu încălcarea cerințelor despre publicare nu se acceptă, nu se recenzează și nu se restituie autorilor.

10) Articolele se expediază prin poștă (nu prin poșta rapidă) pe adresa redacției: str. 31 August 1989, nr. 82, mun. Chișinău, Republica Moldova, MD 2012 sau la următoarele adrese electronice: alexandruburian@mail.ru; alexandruburian@yahoo.com; buriana@km.ru. Tema: pentru Domnul profesor Alexandru Burian. Relații la telefon: + 373 22 23 44 17, Fax: + 373 22 23 44 17

CONDITIONS AND REQUIREMENTS FOR PUBLICATION MATERIALS AND THEIR DESIGN SUBMITTED TO THE „MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS”

The scientific-theoretical journal „Moldavian Journal of International Law and International Relations” welcomes to public original research papers in Moldavian (Romanian), Russian, English, Spanish, French (for author's choice) languages, containing the results of original researches issued according to the „Conditions and requirements for publication materials”.

Merely original articles are published. Published materials (both in traditional and electronic editions), also the materials presented for the publication in other journals, are not accepted for the publication.

Article presented for publication should describe the results of separate scientific research carried out by the corresponding author (authors) or with author participation. Scientific novelty of work and own author's contribution should be clearly visible from article content.

Journal editorial board members ask authors, preparing articles for publication being guided by the rules resulted more low. Underwritten recommendations will help you to prepare the manuscript for publication in the given journal:

1. The Manuscript submitted to the publication, should be accompanied by a cover letter.
2. The Manuscript is represented in duplicate together with its electronic copy (program editor WinWord).

3. The number of authors is limit of two.
4. Manuscripts are published free of charge. The fees are not paid.
5. The author bears complete and sole responsibility for article content and for the fact of its publication. In case involving infringement copyrights or standard norms of journal scientific ethics by the author, edition does not bear any responsibility.

6. The article reviewing is obligatory. The reviewer can be, at least, one expert having scientific degree in the field of corresponding article. Reasons in refusing article publication are following: discrepancy of represented material specific to journal's subject; discrepancy of represented material to the requirements presented in materials represented for publication; the negative review of represented material; non-observance by corresponding author norms of the current legislation about the copyright and adjacent rights.

7. Author's data (in electronic version) are placed on the separate page of the manuscript, including: author(s) last name(s), first name(s) and patronymic(s) (middle) name(s) (no abbreviations), scientific degree and academic status, name of the company/organization of his/their employment, strongly typed in language of the article (for the publication in section „Data of authors”); the postal and E-mail address(es), phone and fax numbers (namely for Journal editorial board members in order to communicate with author(s); they are not published in the Journal). The list of authors' surnames of the manuscript is put after the title of the article (one line of space) and is levelled at the right hand edge of the text. The author's scientific degree is included (meaning to be printed in italics) below the list of authors' surnames.

Manuscript formatting rules:

1) The maximum manuscript length is no more than one typographical units (40 thousand signs, or 16-20 pages of the text). All line spacing should be 1, 5 MS Word (.doc) text editor. **Font set** – Times New Roman a font 12 pts of the body text, 10 pts for footnotes. Title should be 16 pts/ Times New Roman. Article title is aligned and typed in uppercase letters (capitals). Subtitles and surnames of authors are typed using bold.

2) The volume should be published on A4-size stock. The left and right margins should be 2.5 cm, with top and bottom margins at 3 cm. Paragraphs should begin with indented line, available space is normally 1,27 cm.

3) Raised footnote numbers should be placed after the last work of the passage. Surname(s) and author(s) initials, the title of the article, journal, volume, pages, and year should be given to each footnote. The initials and surnames of authors are printed by a font in the usual italics, the name of work in the italics. The abridgments and abbreviations should be deciphered by the first their mentioning (occurrence) in the text of the article.

4) Each article should include an abstract, introduction (reflecting the research problem, main scopes), the basic part (methods and results of research, their discussion), and the conclusion (inferences).

5) The abstract to each article should be presented in three languages: Moldavian (Romanian), Russian and English. It should be aimed at a wide range of readers and, at the same time, precisely reflect article essence.

6) The References used in article, should be presented in general list at the end of the article. The literature list is given in the alphabetic order on surnames of original authors. References to the mentioned literature in the article are obligatory. References to the non-published works are not supposed. References in the text should be numbered consecutively in the order they appear in the text.

7) The Manuscripts should be accompanied by two reviews (**originals**), reviewed by Doctor or the PhD candidate of science for the authors who do not have scientific degree; otherwise, they will not be published.

8) Manuscripts editing is carried out according to the edition plan. After editing, the author receives the manuscript for entering corrections from the literary editor. In the course of technical editing the edition dummy is created. The author verifies the definitive variant of dummy.

9) The Manuscripts formatting with infringement of requirements, are not accepted for publication, are not reviewed and are not sent back to authors.

10) Articles should be sent by **post letter** (not custom-made) to the address: MD-2012, Republic of Moldova, Chisinau, nr. 82, 31 August 1989 str., or via e-mail: alexandrururian@mail.ru; alexandrururian@yahoo.com; buriana@km.ru.

By including following **letter subject**: for Alexander Burian.
Phone: (+37322) 23-44-17; Fax: (+37322) 23-44-17.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ В «МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Научно-теоретический журнал «Молдавский журнал Международного права и международных отношений» принимает к публикации статьи на молдавском (румынском), русском, английском, испанском, французском (по выбору автора) языках, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в соответствии с «Требованиями к оформлению рукописей статей».

Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи. Опубликованные материалы (ровно как в традиционных, так и в электронных изданиях), а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к публикации не принимаются.

Представляемая для публикации статья должна описывать результаты самостоятельного научного исследования, проведенного автором (авторами) или с участием автора. Научная новизна работы и собственный авторский вклад должны быть ясно видны из содержания статьи.

Редколлегия журнала просит авторов при подготовке статей к публикации руководствоваться приведенными ниже правилами. Нижеизложенные рекомендации помогут Вам подготовить рукопись к публикации в данном журнале:

1. Рукопись, направляемую на публикацию, необходимо сопроводить пояснительным письмом.

2. Рукопись представляется в двух экземплярах вместе с ее электронной копией (программный редактор WinWord).

3. Число авторов статьи не должно быть более двух человек.

4. Рукописи публикуются бесплатно. Авторский гонорар не выплачивается.

5. Автор статьи несёт всю полноту ответственности за содержание статьи и за сам факт ее публикации. В случае нарушения автором авторских прав или общепринятых норм научной этики редакция журнала не несет никакой ответственности.

6. Порядок публикации в журнале предусматривает обязательное рецензирование. В качестве рецензента может выступать, как минимум, один специалист, имеющий ученую степень по специальности соответствующей статьи. Основаниями к отказу в опубликовании статьи могут служить: несоответствие представляемого материала тематике журнала; несоответствие представляемого материала требованиям, предъявляемым к публикуемым материалам; отрицательная рецензия на представляемый материал; несоблюдение автором материала действующего законодательства об авторском праве и смежных правах.

7. На отдельной странице (в электронном варианте) приводятся сведения об авторе: Ф.И.О. автора (авторов) полностью, ученая степень и ученое звание, место работы, набранные на языке статьи (для публикации в разделе «Сведения об авторах»); полные почтовые адреса, номера служебного и домашнего телефонов, E-mail (для связи редакции с авторами, не публикуются). Перечень фамилий авторов рукописи ставится после заголовка (через пробел) и

выравнивается по правому краю. После перечня фамилий авторов в следующей строке *курсивом* указывается научная степень.

Правила оформления рукописей:

1) Рекомендуемый объем рукописи – не более одного авторского листа (40 тыс. знаков, или 16-20 страниц текста). Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением DOC. **Гарнитура** шрифта – Times New Roman шрифт 12 в основном тексте, для сносок - 10 шрифт. Шрифт заголовка 16 Times New Roman. Заголовок статьи центрируется и набирается строчными (заглавными) буквами. Подзаголовки и фамилии авторов - жирный.

2) Формат листа: А 4. Поля страниц: слева, справа - по 2,5 см, сверху и снизу - 3 см. Абзацы разделяются красной строкой, отступ - 1,27 см.

3) Нумерация сносок постраничная, сквозная. Фамилии и инициалы авторов, название статьи, журнала, тома, страниц, года должны быть даны к каждой сноске. Фамилии и инициалы авторов набираются обычным шрифтом, название работы курсивом. Сокращения и аббревиатуры должны расшифровываться по месту первого упоминания (вхождения) в тексте статьи.

4) Каждая статья должна включать аннотацию, введение (состояние проблемы, задачи исследования), основную часть (методы и результаты исследования, их обсуждение), заключение (выводы).

5) Аннотация к каждой статье должна быть представлена на трех языках: молдавском (румунском), русском и английском. Она должна быть рассчитана на самый широкий круг читателей и, вместе с тем, точно отражать существо статьи.

6) Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в конце. Список литературы дается в алфавитном порядке по фамилиям первых авторов. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.

7) Рукописи должны сопровождаться 2-мя рецензиями (**подлинниками**), доктора или кандидата наук для авторов, не имеющих ученой степени, в противном случае, они не будут опубликованы.

8) Редактирование рукописей осуществляется в соответствии с планом издания. После редактирования автор получает от литературного редактора рукопись для внесения исправлений. В процессе технического редактирования создается оригинал-макет издания. Окончательный вариант оригинал-макета выверяется автором.

9) Рукописи, оформленные с нарушением требований, к публикации не принимаются, не рецензируются и не возвращаются авторам.

10) Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес: МД 2012, Республика Молдова, Кишинев, ул. 31 августа 1989 года, № 82 или по электронной почте: alexandrurburian@mail.ru; alexandrurburian@yahoo.com; buriana@km.ru. **В теме письма:** для Буриана Александра Дмитриевича. Телефон: (+37322) 23-44-17; Fax: (+37322) 23-44-17.

**„REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE”**

„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale,” a fost lansată în anul 2006 ca proiecție a unui forum ce promovează valorificarea diferitelor opinii, uneori diametral opuse, cu privire la starea actuală a dreptului internațional și a relațiilor internaționale. Într-o perioadă relativ scurtă, grație revistei, arta dezbaterilor axate pe diverse probleme științifico-practice, purtate pe paginile sale, a cunoscut o ascensiune substanțială. De asemenea, publicația a reușit să creeze și să dezvolte un profil propriu, să devină mai bogată și variată, abordând o arie tematică științifico-analitică complexă.

Aceste calificative reflectă un grad înalt de profesionalism și erudiție, diferite abordări inovaționale în elucidarea temelor dificile, prin care atrage atenția practicienilor cu experiență, precum și a tinerilor cercetători.

Actualmente, publicația este o revistă de concept despre diferite domenii ale dreptului internațional, ultimul devenind un centru de atracție pentru forțele de creație, care a obținut recunoașterea publicului și a creat un colectiv larg de autori. Unul din avantajele importante ale revistei îl constituie faptul că oferă tinerilor cercetători oportunitatea de a se manifesta. Doctoranzii și magiștrii, care abia acumulează experiență în domeniul cercetărilor științifice, dar care doresc să se afirme, își pot face publice opiniile cu privire la diferite probleme actuale din domeniul relațiilor internaționale contemporane și al dreptului internațional.

Publicația conține articole ale specialiștilor de vază din republică și de peste hotare, doctori habilitați și doctori – adepți ai diferitelor viziuni, care tratează și se expun activ pe marginea proceselor ce au loc în viața politică, economică și socială a țării. Spectrul problemelor examinate a devenit extrem de larg. O atenție sporită este acordată elucidării problemelor teoretico-practice din domeniul dreptului internațional și a relațiilor internaționale.

**„MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS”**

The edition of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations” was launched in 2006 as an open forum for different, sometimes diametrically opposite points of view on the current state of international law and international relations. The journal has lifted an art of scientifically-practical discussions on a big height, has developed its profile has become more intense and diverse, has designed its scientifico-analytical thematic in a relatively short period of life. In this regard, it is characterized by a high professionalism, erudition and innovative approaches to disclosing complex topics. It attracts both experienced practitioners and young researchers.

Today it is a conceptual journal about various fields of international law, which became the centre of attraction of creative forces and managed to find its readers, forming around a wide group of authors. One of the important advantages of the publication is that it provides an opportunity for young authors as – post-graduate students and master’s students, yet not possessing a wide experience of researching, but willing to assert themselves, express their views on topical issues about contemporary international relations and international law.

The journal contains articles of known Moldavian and foreign experts, doctors and candidates of sciences – advocates of different views, who actively illuminate the processes occurring in the political, economic and social life. Spectrum of the issues was as broad as possible. Particular attention is given to coverage of theoretical and practical issues of international law and international relations.

**«МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»**

Издание «Молдавского журнала международного права и международных отношений» стартовало в 2006 г. как открытая трибуна для различных, подчас диаметрально противоположных точек зрения на современное состояние международного права и международных отношений. За относительно короткий срок своей жизни журнал поднял на большую высоту искусство научно-практических дискуссий, выработал свой профиль, стал более насыщенным и разнообразным, оформил научно-аналитическую тематику, в связи с чем и отличается высоким профессионализмом, эрудицией, инновационными подходами к раскрытию сложных тем, чем привлекает к себе как опытных практиков, так и молодых исследователей.

Сегодня это концептуальный журнал о самых различных сферах международного права, который стал центром притяжения творческих сил и сумел найти своего читателя, сформировав вокруг себя широкий авторский коллектив. Одним из важных достоинств издания является то, что он предоставляет возможность молодым авторам – аспирантам и магистрантам, пока не обладающим большим опытом исследовательской работы, но желающих заявить о себе, высказать свою точку зрения по актуальным вопросам современных международных отношений и международного права.

На страницах нашего журнала публикуются статьи известных молдавских и иностранных специалистов, докторов и кандидатов наук – сторонников разных взглядов, которые активно освещают процессы, происходящие в политической, экономической и социальной жизни страны. Спектр рассматриваемых проблем стал максимально широким. Особое внимание уделяется освещению теоретических и практических вопросов международного права и международных отношений.

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

Publicație periodică științifico-teoretică și informațional-practică
fondată de Asociația de Drept Internațional din Republica Moldova

Asociați:

Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei,
Universitatea de Studii Europene din Moldova,
Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova și
Asociația pentru Politică Externă și Cooperare Internațională din Republica Moldova

Acreditată prin Hotărârea CSSDT al AȘM și C.N.A.A.
în calitate de publicație științifică de profil la specialitățile:
12.00.10 – drept internațional public (*profilul drept*)
și 23.00.04 – teoria și istoria relațiilor internaționale
și dezvoltării globale (*profilul științe politice*)

ISSN 1857-1999

Indexul: RM 32028

Apare de 4 ori pe an

Nr. 2 (24), 2012

© „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”, 2012.

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**
www.rmdiri.md

Bun de tipar 25.06.2012.

Format A4

Coli de tipar 15,30. Coli editoriale 15,40.

Tipar *Riso*. Hârtie ofset. Garnitura *Times New Roman*

Comanda _____. Tirajul 200 ex.

ELAN POLIGRAF S.R.L., S.C.

str. Mesager, 7 MD-2069 mun. Chisinau
(+373-22) fax: 746500; tel: 746503; 745800

info@elan.md

www.elan.md